

84.2/2Рос=коми)
Д 69

ПАВЕЛ ДОРОНИН

КНИГА СКАЗОК

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 2004

Мойг небӧг

П.Г.Доронинлӧн
чужан лунсянь 100 во
тыригкежлӧ

Книга сказок

К 100-летию
со дня рождения
П.Г.Доронина

ПАВЕЛ ДОРОНИН

МОЙД НЕБӖГ КНИГА СКАЗОК

Сыктывкар

Коми книжное издательство

2004

OK 382874

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РЕСПУБЛИКИ КОМИ

ПАВЕЛ ДОРОНИНӨН ЧУКӨРТӨМ МОЙДЬЯС
СКАЗКИ, СОБРАННЫЕ ПАВЛОМ ДОРОНИНЫМ

К 100-летию со дня рождения П.Г.Доронина,
учёного-историка, писателя, литературного критика,
фольклориста

Составители: **О.И.Уляшев, В.М.Кудряшова, И.А.Плосков**

Комментарии к фольклорным текстам: **И.А.Плосков**

Биография, основные даты жизни, список научных, научно-
популярных и художественных публикаций П.Г.Доронина и
литература о нём: **В.М.Кудряшова**

Научное редактирование сборника, предисловие, перевод и
редактура текстов: **О.И.Уляшев**

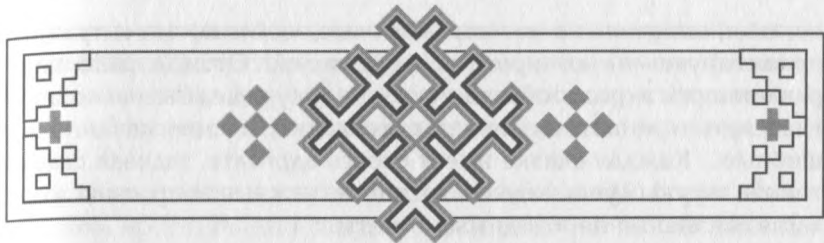
Художник **В.Б.Осипов**

Доронин П.Г.

М63 Мойд небөг. Книга сказок / Составители О.И.Уляшев,
В.М.Кудряшова, И.А.Плосков. — Сыктывкар: Коми книж-
ное издательство, 2004. — 464 с.

ISBN 5—7555—0797—X

82.3 (2Рос-Коми)

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Сказки — игра фантазии, своеобразные игрушки жизни, в которых и с помощью которых художественно-поэтически проигрываются жизненные ситуации, душевные и духовные переживания, человеческие отношения. В сказке, как в шахматной партии, пешка (дурачок, седун, буйныр) может дойти до другой стороны поля и стать ферзём (в сказке — царём), самой сильной фигурой в игре. Сказки, обладая собственным пространством-временем (своим полем), через СОПЕРЕЖИВАНИЕ открывают нравственные правила человеческого ОБЩЕЖИТИЯ. На них учились ЖИТЬ (да и БЫТЬ тоже) многие поколения людей, потому что они СТАНОВИЛИСЬ людьми, пройдя через фильтры сказочной мудрости и фантазии. Сказки рассказывали не только бабушки и дедушки своим малолетним внукам, как теперь принято говорить, «для развлечения». Их с удовольствием слушали взрослые, которых умелые сказочники-лицедеи также вовлекали в сказочный мир, очень и очень своеобразный, связанный с бытом и нравами прежних эпох, а также со «смеховой культурой», с сатирой. Умение сказывать, владеть искусством не только слова, но и театрального действия, жеста, интонации, мимики, всегда было в цене. Ведь каждый опытный сказитель был просто обязан быть и актёром. Он оказывал влияние на слушателей богатым арсеналом художественно-выразительных средств, умело использовал образное слово, стилистические обороты, традиционные формулы, песенные

тематические особенности, подчеркивал идейную направленность прозаических произведений. Он заложил научную основу теоретического исследования коми сказок, создал условия для дальнейшей публикации научных и научно-популярных сборников коми фольклора, накопив огромный фактический материал. В своих исследованиях П.Г.Доронин, касаясь вопросов истории Коми края, этнографии, археологии, не раз возвращался к коми фольклору. В таких крупных работах, как «Первобытно-общинный строй на территории Коми», «Разложение первобытно-общинного строя и присоединение территории Коми в состав Московского государства», «Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР» он показал глубокие знания народных традиций, обрядов, верований, умело использовал этот материал при анализе исторических проблем. В 1950 году он издал еще два сборника. Один — совместно с Н.Уляшовым на русском языке, другой — «Важ коми мойдъяс» — на коми. Последний сборник содержал 39 сказок. В нём впервые была предпринята попытка дать жанровую классификацию коми сказок. Однако отсутствие вступительной авторской статьи, комментария, паспортизации несколько снижают ценность сборника.

В 1955 г. Павла Григорьевича избрали народным заседателем 3-го участка Сыктывкарского народного суда. С 3 декабря 1955 г. П.Г.Доронин являлся уполномоченным Литературного фонда СССР при Коми АССР (оставаясь до 12 июля 1956 г. одновременно литсотрудником журнала). В сентябре 1962 г. он вновь поступил на работу в Коми филиал АН СССР, став младшим научным сотрудником отдела языка и литературы, успешно работал, но личные обстоятельства помешали ему полностью посвятить себя науке. Жена Павла Григорьевича тяжело заболела, он ухаживал за ней, а для этого приходилось почти всё время проводить дома. В связи с этим П.Г.Доронин решил уйти с работы, сообщив: «Приступить к новой теме, которая потребует систематической работы в архивах, музеях, библиотеках, не представляется мне возможным». 1 июня 1966 г. он уволился. В конце того же года П.Г.Доронина вновь приняли на работу младшим научным сотрудником, но 12 января 1967 г. Доронин скоропостижно скончался.

ВОЛШЕБНОЙ
МОЙДЪЯС

ВОЛШЕБНЫЕ
СКАЗКИ

Лёк сар

Олісны-вылісны гозъя. Найо вёліны зэв гольоць. Налён чужис Иван нима пи. Кутісны гозъя ас костын тёлкуйтны, мый керны вель чужом кагакөд, кор няньыс аслыныс сёйны абу. Сэсся локтіс на ордө кутшөмкө странник дай шуө:

— Некытчө жө пинытө эн вузалө. Быдмас да сарөн лоө. Сөмын та йылысь некодлы эн висьталөй.

Коркө-некоркө баба петіс да суседын и ошйысис странник висьталөм йылысь. Тайо кывсис сар пельөдз. Сар төдмаліс, кодлөн сэтшөм детинкаыс чужөма, сэсся локтіс мужик ордө дай шуө:

— Вай жө вузав питө.

Ай-мам босьтісны дай вузалісны сійөс. Сар босьтіс кагатө, пуктіс сумкаө да шыбитіс сійөс ваө:

— Вот, — шуө, — тэныд и сарпу, — сэсся ачыс муніс гортас.

Кага тыра сумка кывтіс, кывтіс дай мельнича пруд дорё воис.>Addзис мельник кагатё да босьтіс аслыс пи туйё. Челядыс аслас эз жё вёв. Тадзи быдмис Иван мельник ордын дас вит арёдз. Вот мельник ордё отчыд сар сувтіс. Сылы пёслук детинкаыд зэв сьёлём вылас воис. Думайтё нин вёлі сійёс аслыс свитаас босьтны. Сэсся мельниклысь и юалё:

— Гётырыд абу, а кысь нё тэн тайё детинкаыс?

Мельник сарлы висьталіс, мый сідзи и сідз: кагаёс кутіс ваысь да пи пыдди и быдтіс. Сар ставсё гөгөрвоис. Сійё сэсся гижис письмё да шуё мельниклы:

— Меным колё гётырлы ыстыны письмё. Ыстыв питё.

Сарлён эштіс письмё да сетіс Иванлы. Иван котөрөн мөдөдчис саритса ордё... Муніс, муніс, сьёд вөр шөрө ылаліс да воймис. Ветлөдліс, ветлөдліс дай би югөр аддзис. Би югөр вылё муніс, да вөр керка сулалё, а сэні рёзбойникъяс олёны. Рёзбойникъяс сійёс вердісны, юкталісны дай юалёны:

— Кытчё нё тэ, Иван, мунан?

Иван налы висьталіс, мый сідзи и сідз, сар сійёс ыстіс письмёөн саритса дінё.

— Вайлы жё петкөдлы письмөсө.

Лыддисны сарлысь письмөсө, а сэтчө зэв лектор гижёма. Сарлён гижёма: «Мыйён пö сэтшөм зон письмө ваяс, пырысь-пыр жö юрсö керыштöй». Рёзбойник косявліс сійё письмөсө да гижис сар нимсянь мөд письмө: «Мыйён пö воас письмө вайысь зонмыс, пырысь-пыр жö гөтралё мө ныв вылё». Сэсся бөр канвертё сюйисны да сетісны Иванлы. Мөд асывнас рёзбойникъяс чуксалісны Иванөс, зэв бура вердісны да индісны туй. Воис сійё сар двореч дорё, а салдатъяс дворечö пырны сійёс оз лэдзны. Иван сетіс сійё письмөсө дай шуис:

— Сетö тайёс саритсалы.

Лыддис саритса письмөсө да пырысь-пыр жö тшөктіс

чукостны Иванос. Сэсся вочисны свадьба: готралісны Иванос сар ныв выло. Коркө воис сар гортас, скормис сійо, муртса саритсаос оз нөйт:

— Кыдзи нө лысьтін менсьым нылос та сайо сетны? Ме тэныд вины тшөкті, а тэ сійос ас ныв выло готралөмыд.

Вочны нинөм, делө вөчөма. Но сар ассъыс думсө эз веж. Сійо пыр на көсйис кызкө изведитны Иванос. Вот сійо и шуө Иванлы:

— Эстөні вөр шөрын оло морт сөйысь багатыр, сълөн тошкас зарни сияс быдмөны. Ветлы да нетшышт куим зарни си, вай меным.

Иван мөдөдчис туйө. Муніс, муніс да аддзис: мужик труба кодйө.

— Висьтав, — шуө, — бур мортөй, дасөд во труба кодъя, а век на ваыс абу. Оз кө ваыс во, сар юрөс керыштас.

— Бөр локтігөн висьтала, — шуис Иван.

Муніс да муніс, льөм пу куст дорө воис. Льөм пу сылысь и юалө:

— Висьтав, бур мортөй, мый вөсна ме кок йылын косьма: тусь ни дзоридз ог аддзывлы?

— Бөр локтігөн висьтала, — шуис Иван льөм пулы.

Муніс, муніс да ва вуджасө воис, а сэні вуджөдчысь пөрысь дядьө.

— Висьтав, бур мортөй, мый вөсна ме тані страдайта: нэм чөж лоө вуджөдчыны?

— Бөр локтігөн ставсө висьтала, — шуис Иван вуджөдчысьлы да водзлань мөдөдчис.

Сэсся воис медбөрын багатыр керка дінө. Пырис керкаас, а багатырыс абу гортас, сөмын сълөн бабаыс гортас пукалө. Багатыр гөтырыс сылы и шуө:

— Ок, ок, ок, мыйла нө, зонмө, тэ локтін? Воас өд багатырыд да тэнө сөяс.

Детинкаос и шог босьтис. Сэсся багатыр гөтыр и шуо:

— Эн, Иван, шогсы. Ме тэнö дзеба и став могтö тэнсьыд могмöда.

Сэсся багатыр гөтыр дзебис сійöс, ас ящикас томлаліс. Коркö грыма-йиркакылö локтис багатыр. Пырис керкаö да шуо:

— Уп! Кыскö роч дук кылö. Коді нö миянын эм. Вай ме сійöс сёя.

— Ылі муясті ветлін-мунін да сьöрсьыд, буракö, роч дуксö вайин, — шуö сылы гөтырыс.

Сэсся багатыр водіс узыны. Мыйöн унмовсис, гөтырыс сылысь тошсьыс öти зарни си нетшыштис. Сійö чепöсйис унийвтис да мöдіс пинясьны. А бабаыс сылы и шуо:

— Ме зэв омöль вöt вöталі. Дерт, унийвті тошкöдыд нетшыштсис. Вöтася, быттö мужик струба кодйö, зэв джуджыда кодйис, а ваыс век вочасөн косьмö. Ваыс кө оз во, сар сылысь юрсö керыштас.

— Тайö öд збыльтор, а абу вöt.

— А мыйла нö эськö ваыс оз во?

— Струбаас эм лягуша, сійöс кө виас, ваыс пондас воны.

Унмовсис багатыр, а бабаыс сылысь мöдысь тош си нетшыштис. Бара багатыр садьмис да мöдіс гөтырыс выlö пинясьны. А гөтырыс сылы и шуо:

— Öні ме вöt вöталі. Эстöні ю дорын льöм пу быдмö и вочасөн косьмö. Мый вöсна сійö косьмö?

— Вуж улас поп амбарысь шыръяс овмöдчöмаöсь. Найöс кө виан, и льöм пуыс оз мöд косьмыны.

Унмовсис багатыр, а гөтырыс сылысь коймöд тош си нетшыштис. Бара садьмис багатыр да мöдіс шумитны. А гөтырыс сылы и шуо:

— Ме öні вötаси да быттöкö эстöні, ю дорын, öти дядьö нэмсö вуджöдчö и нэм чöжыс көсийö берегö петны да оз вермы. Мыйла нö оз вермы?

А багатыр сылы и шуо:

— Мед мод мортлы кодлыкө сетас руб деньга да пелыссö, а сэсся ачыс берегö и чеччыштас. Сэк сійö и дзикöдз мынас.

Мод луннас багатыр муніс кытчöкö, а багатыр гöтыр сетіс детинкалы куим зарни си да ставсö сылы висьталіс, мый сылы вöлі колö. Бөр локтігас сійö воис перевоз дорö. Вуджöдчысь буретш вöлі купечöс вуджöдö. Детинка вуджöдчысьлы и шöпнитіс:

— Мöдар берегас воан, сет тайö купечыслы руб деньга да кисьыд пелыстö, а ачыд сэсся öдйöджык пет берегö, сэки вуджöдчöмсьыд дзикöдз мынан.

Вуджöдчысь тадзи и вöчис. Купеч колис сы местаö вуджöдчыны. Сэсся муніс да льöм пу куст дінö воис. Льöм пу сылысь и юалö:

— Тöдмалін-ö, мый вöсна ме косьма?

Иван қорсис льöм пу куст улысь шыр поз да виис шыръяссö. А льöм пулы и шуо:

— Öні он нин мод косьмыны, а модан дзоридзавны.

Тадз жö сійö мездіс струба кодйысь мужикöс. Сэсся муніс, муніс да öти керка воис, а сэні старука олö.

— Кытчö тэ, Иван, ветлін?

— Менö сар ыстыліс куим зарни юрсила вöрса багатыр ордö.

А старука сылы и шуо:

— Ок, ок, ок, Иван! Сарыд öд тэнад юр вылö бара выль пакöсьт лöсьöдö. Сійö лöсьöдчö тэнсьыд юртö керавны. Но тэ эн маитчы, ме тэныд отсала, сы вöсна мый тэ мездін вокъясöс. Вуджöдчöмысь мездін менсьым ыджыд вокöс, струба кодйысь дядьöсö мездін, менсьым ичöт вокöс.

Сэсся старука сылы сетіс чунькытш:

— Кор пöгибö воан, суй тайö чунькытштö шуйга нимтöм чуняд да кор, мый тэныд колö.

Иван прöститчис старукакöд да мöдöдчис водзö. Коркö сийö воис сар ордö. Сетис сылы куим зарни юрси. А сар нöшта ёнджыка скöрмис, мый Иванöс некыдзи оз вермы изведитны. Пырысь-пыр жö тшöктис кутны да сылысь юрсö керыштны. Чукöртис сар ассъыс вельможаяссö, став слугаяссö видзöдны, кыдзи кутасны Иванлысь юрсö керавны. Иван шуö:

— Сетлöй меным медбöръя кыв шуны.

— Висьтав, колöкö, — шуö сар. — Юртö керыштны öд вевъялам на.

Иван кыскис зепсыс старукалысь сетöм чунькытшсö, суюис шуйга нимтöм чуняс дай шуö:

— Черöй, черанöй! Керышт юрсö сийö мортыслысь, кодi тани мыжаыс. Ме кö мыжа, менсым керышт, а кодкö кö мöд мыжа, сийö мортсö корсь да сылысь юрсö керышт.

Друг палач кийсь черыс чеччыштис да лэбовтис йöз юр вывтi, куимысь кытшовтис йöз весьттi да кыдз тай сапнитис сарлы. Сарлөн юрыс джодж кузя гöгыльтчис.

Сэсся Иван ачыс пуксис сарö да зэв бура кутис сарствуйтны.

Злой царь

Жили-были муж с женой. Они были очень бедны. У них родился сын, которого назвали Иваном. Стали супруги между собой толковать, что делать с новорождённым, когда и себе-то на прокорм хлеба нет. Тогда пришёл к ним странник и говорит:

— Никуда сына не продавайте. Вырастет, царём будет. Только никому об этом не говорите.

Как-то жена вышла к соседям и похвасталась тем, что странник сказал. Дошло это до ушей царя. Царь узнал, у кого такой ребёнок родился, затем пришёл к мужику и говорит:

— Давай, мол, продай сына.

Родители взяли и продали его. Царь взял ребёнка, положил в сумку и бросил его в воду:

— Вот, — говорит, — тебе и будущий царь, — и домой пошёл.

Сумка с ребёнком плыла-плыла и доплыла до мельничного пруда. Нашёл мельник ребёнка и взял к себе вместо сына. Детей у него всё равно не было. Так и рос Иван у мельника до пятнадцати лет.

Вот у мельника как-то царь остановился. Очень ему послушный паренёк понравился. Хотел уж было в свою свиту взять. У мельника и спрашивает:

— Жены у тебя нет, а откуда этот парень?

Мельник царю и рассказал, что так и так: ребёнка из воды выловил и вместо сына вырастил. Царь всё понял. Написал он письмо и говорит мельнику:

— Мне нужно жене отправить письмо. Пошли сына.

Дописал царь письмо и отдал Ивану. Иван бегом отправился к царице... Шёл, шёл, в тёмном лесу заблудился, здесь ночь настигла. Ходил, ходил и свет от огонька увидел. Пошёл на огонёк, видит — лесная избушка стоит, а в ней разбойники живут. Разбойники его накормили, напоили и спрашивают:

— Куда ты, Иван, идёшь?

Иван им и рассказал, мол, так и так, царь послал его с письмом к царице.

— Покажи-ка письмо.

Прочитали царское письмо, а там вот что написано: «Как только парень письмо принесёт, немедленно голову ему отрубите». Разбойник порвал это письмо и от царского имени написал другое: «Как только придёт парень с письмом, немедленно жените его на моей дочери». Затем обратно в конверт вложил и отдал Ивану. На другой день с утра разбойники разбудили Ивана, очень хорошо на-

кормили и указали дорогу. Дошёл он до царского дворца, а солдаты во дворец его не впускают. Иван дал им письмо и говорит:

— Отдайте это письмо царице.

Прочитала царица письмо и велела немедленно позвать Ивана. Затем и свадьбу сыграли: женили Ивана на царской дочери. Царь приехал домой, разозлился он, чуть царицу не побил:

— Как ты посмела мою дочь за этого замуж выдать? Я тебе убить его приказал, а ты на нашей дочери женила.

Но дело-то сделано. Царь, однако, свои мысли не изменил. Он всё ещё хочет Ивана извести. Вот он и говорит Ивану:

— Посреди леса живёт богатырь-людоед, у него в бороде золотые волосы растут. Сходи и вырви три волосинки, принеси мне.

Иван отправился в путь. Шёл, шёл и видит: мужик колодец копает.

— Скажи, — говорит, — добрый человек, что мне делать: десятый год колодец копаю, а воды всё нет. Если вода не появится, царь голову срубит.

— На обратном пути скажу, — ответил Иван.

Шёл, шёл, пришёл к черёмуховому кусту. Черёмуха и спрашивает:

— Скажи, добрый человек, почему у меня корни сохнут: ни ягод, ни цветов не вижу?

— На обратном пути скажу, — ответил Иван черёмухе.

Шёл, шёл и дошёл до перевоза, а там перевозчиком старый дядька:

— Скажи, добрый человек, за что я здесь страдаю: всю жизнь приходится перевозить?

— На обратном пути всё расскажу, — ответил Иван перевозчику и дальше отправился.

Дошёл, наконец, до дома богатыря. Вошёл в дом, а богатыря нет, только его жена сидит. Жена богатыря и говорит ему:

— Ох, ох, ох, зачем ты, парень, пришёл? Придёт богатырь и съест тебя.

Парень и закручинился. А жена богатыря говорит:

— Не горюй, Иван. Я тебя спрячу и все твои дела решу.

Жена богатыря его спрятала, в своём сундуке заперла. Вот и богатырь с грохотом явился. Зашёл в дом и говорит:

— Уф! Откуда-то русским духом пахнет. Кто у нас есть? Я его съем.

— В дальних землях ходил и с собой, наверно, русский дух принёс, — говорит ему жена.

Потом богатырь лёг спать. Как только уснул, жена из его бороды один золотой волос вырвала. Он со сна вскочил и ругаться стал. А жена ему и говорит:

— Мне очень плохой сон приснился. Вот со сна за бороду и дёрнула. Снилось, будто мужик колодец копает, очень глубоко уже выкопал, а вода всё уходит. Если вода не придёт, царь ему голову отрубит.

— Это явь, а не сон.

— А почему тогда вода не приходит?

— В колодце лягушка есть, если её убьёт, будет вода приходить.

Заснул богатырь, а жена у него второй волос выдернула. Богатырь опять проснулся и стал жену ругать. А жена ему и говорит:

— Мне теперь другой сон приснился. Там, возле реки, черёмуха засыхает. Почему она сохнет?

— Под корнями мыши из поповского амбара поселились. Если их убить, черёмуха не будет сохнуть.

Заснул богатырь, а жена у него третий волос выдер-

нула. Опять проснулся богатырь и стал шуметь. А жена ему и говорит:

— Мне теперь приснилось, будто там, возле реки, мужик целый век перевозчиком и всю жизнь хочет на берег выйти, но не может. Почему?

А богатырь ей говорит:

— Пусть кому-то другому отдаст целковый и весло, а сам на берег и выскочит. Тогда он навсегда от добуки избавится.

На другой день богатырь ушёл по своим делам, а жена отдала парню три золотых волоса и всё ему рассказала, что нужно было. На обратном пути он дошёл до перевоза. Перевозчик как раз купца перевозил. Парень перевозчику и шепнул:

— К другому берегу подплывёшь, дай этому купцу целковый и весло из своих рук, а сам быстрее на берег выходи, тогда от этой работы навсегда избавишься.

Перевозчик так и сделал. Купец остался вместо него. Пошёл дальше Иван и дошёл до черёмухи. Черёмуха у него и спрашивает:

— Узнал, почему я сохну?

Иван нашёл под черёмухой мышинное гнездо и убил мышей. А черёмухе говорит:

— Теперь не будешь сохнуть, а будешь цвести.

Так же он помог мужику, копающему колодезь. Дальше шёл, шёл и вышел к дому, а там старуха одна живёт.

— Куда ты ходил, Иван?

— Меня царь посылал за тремя золотыми волосами к лесному богатырю.

А старуха ему и говорит:

— Ох, ох, ох, Иван! На твою голову новая напасть готовится. Царь хочет тебе голову отрубить. Но ты не

бойся, я тебе помогу, потому что ты моих братьев освободил. От перевоза освободил старшего брата, а младшему с колодцем помог.

И старуха дала ему колечко:

— Когда в беду попадёшь, надень это колечко на безымянный палец левой руки и попроси, что тебе нужно.

Иван попрощался со старухой и отправился дальше. Наконец к царю пришёл. Отдал ему три золотых волоса. А царь ещё больше разозлился, что никак не может Ивана извести. Немедленно приказал схватить и отрубить ему голову. Собрал царь своих вельмож, всех слуг посмотреть, как будут Ивану голову рубить. Иван и говорит:

— Дайте мне последнее слово сказать.

— Скажи, если хочешь, — говорит царь. — Голову отрубить всегда успеем.

Иван вытащил из кармана подаренное старухой кольцо, надел на безымянный палец левой руки и говорит:

— Топор-топорок! Отруби голову тому, кто здесь виноватый. Если я виноват, мне отруби, а если кто-то другой виноват, того человека найди и ему отруби.

Вдруг из рук палача топор выскочил и пролетел над головами людей, трижды облетел всех и как рубанёт царя. Голова царская по полу покатилась.

Потом Иван сам сел царём и очень хорошо стал править.

Буйныр

Олісны-вылісны гозъя. Ётчыд мужикыс муніс вёравны, гётырыс — вотчыны, и вошис. Вёрын сы дорё матыстчис ош да нуис гуас. Оліс сійё ошкёд куим во, и чужис сёлён Микайлё нима пи. Дырён ли, регыдён ли, быдмис Микайлёйд, петіс гусьыд и пышійс.

Мунö вөрөд, а туй шөрас гөра. Чужйис сійö гөратö. Бокö тутіс сійö, и петіс гөра улысь морт.

— Менö, — шуö, — шуöны Горыньöн, лоа тэныд ичöt вок пыдди.

Мунöны öтлаын Горынькөд перевоз дорті, а берег улысь петö морт да шуö Михайлöлы:

— Менö шуöны Усыньöн, лоа тэныд ичöt вок пыдди.

Мунісны водзö куимön и воисны коркö куим сода керка дорö. Пырисны керкаас, а сэн некод абу. Сöмын гидас куим öш сулалö. На пиысь öти öшкös начкисны, жаритісны да сёйисны.

Обед бöрын Михайлöа-Горыня мунісны вөрö, а горт овны колисны Усыньös. Недыр мысти налön мунöm бöрын петö друг гөбöчысь старик, кык весьта тошка, ачыс весът кузя. Шуисны сійö стариксö Буйныр. Уськөдчис сійö Усынь вылö, нöйтіс да нöйтіс, таяліс да таяліс, кундіс джодж костö. А ачыс патурликасис, турун нөбйö пöрис да уси гөбöч розьö.

Локтісны гортас Михайлöа-Горыня, сёйны корöны.

— Ме, вокъяс, — Усынь налы вочавидзö, — зэв ёна кольми да нинöm тiянлы эг пу.

Асьныс обед пуисны и сёйисны.

Мöд лун мөдөдчöны вöравны Михайлöа-Усыня. Горт овны кольöны Горыньös. Мыйön мунісны, бара петіс гөбöчысь скөр старик Буйныр:

— Мöд, — шуö, — öшкös менсьым төкаритöмныд! Вай бертчам, коді ёнджык.

Да кыз уськөдчас Горынь вылö, нöйтіс да нöйтіс, таяліс да таяліс, кундіс джодж костö, а ачыс турун нөбйö пöртчис да гөбöч розьö воши.

Локтісны вокъяс гортас öбедайтны, Горынь налы шуö:

— Эг вермы тiянлы пусьынытö, кольми ёна.

Пуисны асьныс öбетö, сёйисны.

Коймод луннас вöравны мөдөдчисны Горыня-Усыня, а горт овны кольччис Михайлө. Вокъяс ас костас сералöны:

— Тайөс Буйныр виас нин да!

Горт олө Михайлө ньöжйөнник, друг гөбөчысь петө весът кузя старик, а тошкыс кык весът кузя, и шуө Михайлөлы:

— Коймод өшкөс менсьым төкаритөмныд. Талун асьтө сёя. А первой бертчам, кодным ёнджык.

Босьтчисны найö вермасьны. Вермасисны, вермасисны, некоднанныс мөдсө оз вермыны. А тышкасигад Буйныр пызан вывсьыс пань уськөдіс и шуө Михайлөлы:

— Лэпты паньсö!

Копыртчис Михайлө пань лэптыны, а Буйныр мыш вылас чечыштіс сылы да давай дубаситны. Михайлө кызд бергөдчас, кызд өвтыштас Буйнырөс мыш вывсьыс, — эз вермы Буйныр кутчысьнысö, уси дзик гөбөч розь дорө да муртса сэтчө эз дзевсьы, удитіс Михайлө тошкөдыс тшапкыны. Тшапкис тошкөдыс, кыскис сарайө, нөйтіс первой кызд колө, сэсся тош бердас гез көрталіс да тошкөдыс стрөпила бердө өшөдіс.

Локтісны вокъяс вөраланінысь, юасьöны:

— Эн кольмы?

— Эг, вокъяс, а кольмөдан сэрапомтө ме кыски. Ветлам, петкөдла.

Локтісны сарайө, а стрөпила вылад сөмын Буйнырлөн тошкыс өшалө, ачыс пышйөма.

— Но мый, вокъяс, — шуө Михайлө, — ковмас мияны кучикысь тасма шöравны.

Шöралісны найö кучикысь тасма, и лэччис сійö тасма кузяыд Михайлө гөбөчө Буйнырөс корсьны. Лэччис Михайлө гөбөчө, аддзö веж луд и муніс веж луд вывтйыд, кытчөдз керка дорө эз во. Пырис сэтчө, а сэн старик да старука пукалöны, пажнайтöны, кыкнанныс дзорөсь да синтөмось. Матыстчис на дорө Михайлө, босьтіс пань,

тшотш тасьтйыс панясыны кутіс. Сёйисны-сёйисны старикъяс, эз пөтны. Со и сёрнитёны ас костаныс:

— Век тайё тасьтйыс тырмывліс, а талун эз тырмы. Кодкё крештшенной миянкөд пажнайтё. Пёрысь морт кө — миянлы бать пыдди мед лоё, том морт кө — мед пи пыдди лоё.

— Ме том, — вочавидзё Михайлө, — ме муна скөр Буйнырөс корсыны.

— Сійё Буйнырыс, — вочавидзёны старикъяс, — ёна миянөс дзескөдө. Неямын өш миянлысь сёйис. Кольччы миянө пи пыдди да скөтнымөс видз...

Кольччис Михайлө старикъяс дорё да кутіс налысь скөт видзны. Муніс мөс видзны, и медводдза луннас жё Буйныр ошкё пөртчис да выль мөс видзысьлөн мөсьяс дорё матыстчис. А старикъяс Михайлөлөн Буйныркөд паныдасигкежлө кыисны зі поз. Лэдзис Михайлө зйастё ош вылад, уськөдчисны зйасыд сы вылө, чушйөддыны кутісны. А Михайлө гусьонник матыстчис, пельөдыс тшапкис, швачкис муас да сэтчө и виис. Сэсса бергөдчис сійё, аддзё — куим чой, куим рочакань томан сайын пукалоны. Мездіс найөс томан сайысь, нүөдіс аскөдыс гөбөч розь дорё, кыті лэччывліс, кыскыштіс тасматё, и вокъяс лэптисны найөс нельнансө веркөсө.

Куим вок гөтрасисны куим чой вылө и өні олөны да вылөны.

Буйныр

Жили-были муж с женой. Однажды муж пошёл охотиться, а жена — собирать ягоды да и заблудилась. В лесу подошёл к ней медведь и увёл в свою берлогу. Жила она с медведем в берлоге три года, и родился у неё сын, Михайло. Долго ли коротко ли, вырос Михайло, вылез из берлоги и убежал.

Идёт по лесу, а на пути — гора. Пнул он ту гору ногой. Отлетела она в сторону, и вышел из-под горы человек.

— Меня, — говорит, — зовут Горынем, буду тебе за младшего брата.

Идут они вместе с Горынем около перевоза, а из-под берега выходит навстречу человек и говорит Михайле:

— Меня зовут Усынем, буду тебе за младшего брата.

Пошли они дальше втроём и пришли к трёхэтажному дому. Зашли в дом, а в нём никого нет. Только в хлеву три быка стоят. Одного из тех быков они зарезали, изжарили и съели.

После обеда Михайло с Горынем пошли в лес, а домовничать оставили Усыня. Спустя некоторое время после того, как они ушли, вылезает вдруг из голбца старик с бородой в две пяди, а ростом в пядь. Звали того старика Буйныр. Кинулся он на Усыня, бил его, бил, топтал его, топтал, забил в щель в полу. А сам перекувыркнулся, превратился в охапку сена и упал в голбец.

Возвратились домой Михайло с Горынем, просят обедать.

— Я, братушки, — отвечает им Усынь, — сильно угорел и ничего вам не сварил.

Сварили они обед себе сами и поели.

На другой день отправляются на охоту Михайло с Усынем. Домовничать оставляют Горыня. Как только ушли, опять выскочил из голбца злой старик Буйныр:

— Второго, — говорит, — быка моего сожрали! Давай состязаться, кто сильнее.

Да как кинется на Горыня, бил его, бил, топтал его, топтал, втоптал в щель в полу, а сам превратился в охапку сена и пропал в голбце.

Вернулись братья домой обедать, говорит им Горынь:

— Не мог я, братушки, вам сварить, угорел сильно.

##

##

#

#

##

##

Сварили они обед сами и поели.

На третий день отправляются на охоту Горынь с Усынем, а домовничать остался Михайло. Братья меж собой и посмеиваются:

— Этого Буйныр непременно убьёт!

Домовничает себе Михайло потихоньку, вдруг выходит из голбца старик ростом в пядь, а борода в две пяди, и говорит Михайлу:

— Третьего моего быка сожрали. Сегодня я тебя самого съем. А сначала давай померяемся, кто сильнее.

Схватились они биться, бились-бились, никто дружку осилить не может. А во время драки уронил Буйныр ложку со стола и говорит Михайлу:

— Подними ложку-то!

Нагнулся Михайло ложку поднимать, а Буйныр вскочил ему на спину и принялся колотить. Михайло как раз вернётся, как стряхнёт Буйныра со спины, — не удержался Буйныр, свалился к самой дыре голбца и чуть было в ней не скрылся, да Михайло успел схватить его за бороду. Ухватил за бороду, потащил в сарай, сначала избил как следует, а потом привязал к бороде верёвку и повесил за бороду на стропила.

Возвратились братья с охоты, спрашивают:

— Не угорел, браток?

— Нет, братушки, я угарную-то головню вытащил. Пойдёмте, покажу.

Пришли в сарай, а на стропилах только Буйнырова борода висит, сам он убежал.

— Ну что ж, братушки, — говорит Михайло, — придётся нам из кожи ремень кроить.

Выкроили они из кожи ремень, и спустился на том ремне Михайло в голбец искать Буйныра. Видит зелёный луг и пошёл по тому зелёному лугу, пока не пришёл к избушке. Заходит в неё, а там старик со старухой си-

дят, обедают, оба седые и слепые. Подошёл к ним Михайло, взял ложку, тоже принялся хлебать из чашки. Ели старики, не наелись. Вот и говорят между собой:

— Всегда этой чашки нам хватало, а сегодня не хватило. Кто-то крещеный с нами обедает. Если старый человек — пусть заместо отца нам будет, если молодой — пусть будет вместо сына.

— Я молодой, — отвечает Михайло, — а иду я искать злого Буйныра.

— Этот Буйныр, — отвечают ему старики, — сильно нас обижает. Сорок быков у нас сожрал. Оставайся у нас вместо сына и стереги наш скот...

Остался Михайло у стариков и принялся пасти их скот. Пошел он стеречь коров, но в первый же день превратился Буйныр в медведя и подкрался к стаду. А старики на случай встречи Михайла с Буйныром свили осиное гнездо. Выпустил Михайло ос на медведя, накинулись осы на него, принялись жалить. А Михайло подкрался к медведю, ухватил его за уши, ударил о землю и убил на месте. Потом повернулся он, видит — три сестры, три красавицы под замком сидят. Освободил он их из-под замка, повёл с собой к голбцу, через который спускался, встряхнул ремень, и братья подняли всех четверых наверх.

Три брата женились на тех трёх сёстрах и теперь живут-поживают.

Ёма да кык чой

Олісны-вылісны гозъя, и чужис налён ныв. Та бёрын гётырыс куліс, и сійё гётрасис мёд вылө. Мёдыс ныв жё сылы вайис. Эз кут радейтны ичинь ичиньводзсё, лөгавны кутіс, нөйтіс, мыйён веськалө. А өтчыд сідз и шуис мужикыслы:

— Кытчö кöсьян син водзысь вошты нывтö. Вай, юкмöсö шыбитам.

Нуисны найö нывтö да юкмöсö шыбитісны. Усис сійö юкмöсад — веськаліс кутшöмкö веж луд вылö. Мөдöдчис сійö луд вывтійд, аддзö: вöв табун ийрсьö. Матыстчис сійö вöвъяс дорад, весаліс найöс, сыналіс, и вöвъясыд шуисны сылы:

— Мунан водзö, воан Ёма керкаö. Сійö тшöктас пывсян ломтыны, ваяс гөрда да лöz чуманъяс, босьт гөрдсö.

Мөдöдчис нылыд водзö, паныдаліс мөс чукөр. Весаліс сійö мөсьястö, сыналіс, и мөсьясыд тшöтш висьталісны, кызд Ёма дорад овны. Воис коркö Ёма керка дорад. Пырö керкаад, Ёма сылы и шуö:

— Тыдалö, слуга менам лои. Мун öдйöджык пывсян ломты, пес поткöдды, да сідз, мед шы эз кывлы.

Ломтіс нылыд пывсян, а Ёма вайис сэтчö чуман тыр лягуша, дзодзув да ва гагъясöс:

— Мыськы, — шуö, — пывсьöд менсьым челядьöс.

Мыськис нылыд Ёмалысь став челядьсö. Пывсян бöрын вайис Ёма лöz да гөрда чуманъяс и шуö нывлы:

— Бөрйы тайö кык чумансьыс кодсöкö да мун гортад.

Босьтіс нылыд гөрда чумансö, мөдöдчис гортас. Муніс-муніс, воис юкмöсöдзыд, кытчö сійöс шыбитлісны, и горзыны кутіс. Батыс босьтіс дай лэптіс сійöс. А кор чумантö восьтісны, аддзисны зэв мича платтьöяс, уна сьöм, и мыйыс сöмын эз вöв. Аддзис ичиньыс, шуö мужикикысы:

— Ну öдйöджык менсьым нылöс юкмöсö.

Нуис старик нывсö и шыбитіс юкмöсö. Уси, уси пыдöсас сійö, петіс веж луд вылö. Паныдаліс табун, пиняліс да нöйтіс вöвъястö, а найö воча шуöны:

— Паныдасяс тэныд Ёмалөн керка, сетас сійö тэныд кык чуман бөрйыны, тэ босьт лözсö.

Паныдаліс туй вылас нылыд мөс чукөр да ыж чукөр,

найӧс нӧйтӓс да пинялис, и найӧ сӓдз жӧ велӧдисны. Коркӧ воис сӓйӧ Ёма керка дорад.

— Уф, — шуӧ Ёмаыд, сӓйӧс аддзис да, — кыскӧ при-
слуга ме дорӧ воис.

И тшӧктӧ Ёмаыд пыр жӧ пывсян ломтыны, пес поткӧдлы-
ны шытӧг, мед тшын ни би эз тыдав. Кутӓс ныв поткӧдчы-
ны — сӧмын йӧла ковгӧ: кутш! катш! Пывсян ломтӓс —
ру да тшын сӧмын. Вайис Ёма пывсянӧ сямӧд чуманын
лягуша, дзодзув да быдсяма ва гагъясӧс и шуӧ:

— Пывсьӧд, мысьсьӧд менсьым челядьӧс бура! —
А ачыс мунӓс. Нӧйтӓс найӧс ичиньлӧн нылыс, пинялис,
мыськис-швачйӧддӓс. Пывсян бӧрын Ёма юалӧ челядьыс-
лысь:

— Но, кыдз тӓянӧс вель слуга пывсьӧдӓс-мысьсьӧдӓс?

— Ой, — няргӧны Ёма челядь, — сӓйӧ миянӧс нӧйтӓс,
сӓйӧ миянӧс пинялис!

Вайис сӓки Ёма кык чуман нывлы, лӧзӧс да гӧрдӧс:

— Бӧрйы аслыд, кутшӧм кажитчӧ, да мун гортад!

Босьтӓс сӓйӧ лӧз чумантӧ и мӧдӧдчис гортас. Зӧв ним-
кодъ лои мамыс ныв локтӧмыдлы, и мед некодлы не пет-
кӧдлыны, мый нылыс вайис чуманас, пырисны кыкӧн
гӧбӧчӧ и сэн восьтӓсны Ёмалысь козинсӧ. Муртса
кыпӧдыштӓсны вевтсӧ, сӓтысь би чепӧсйис, и сотӓс кык-
нансӧ, мамсӧ и нывсӧ.

Ёма и две сестры

Жили-были муж с женой, и родилась у них дочь. После
этого жена умерла, и он женился на другой. Вторая жена
тоже родила ему дочь. Невзлюбила мачеха свою падчери-
цу, возненавидела её, была чем попало. А однажды прямо
сказала мужу:

— Куда хочешь убирай свою дочь с моих глаз. Давай бросим её в колодец.

Увели они девушку и бросили в колодец. Упала она в колодец — попала на какой-то зелёный луг. Пошла она по тому лугу, видит: пасётся табун лошадей. Подошла к тем коням, почистила их, расчесала гривы, и кони сказали ей:

— Пойдёшь дальше, придёшь в избу Ёмы. Она прикажет тебе затопить баню, принесёт два лукошка — красное и синее — ты возьми себе красное.

Пошла девушка дальше, повстречала стадо коров. Почистила она тех коров, обиходила, и коровы ей так же рассказали, как держать себя у Ёмы. Пришла наконец к дому Ёмы. Входит в дом, Ёма ей и говорит:

— Кажется, у меня служанка появилась. Поди-ка поскорее, затопи баню, наколи дров, да так, чтобы ни звука не было слышно.

Затопила девушка баню, а Ёма принесла туда полное лукошко лягушек, ящериц да водяных жуков:

— Вымой, — говорит, — попарь моих деток.

Вымыла девушка всех Ёминых детей. После бани принесла Ёма синее и красное лукошки и говорит девушке:

— Выбери из них какое-нибудь и отправляйся домой.

Взяла девушка красное лукошко, пошла домой. Шла-шла, пришла к колодцу, в который её бросили, и стала кричать. Отец взял да и поднял её наверх. А когда открыли лукошко, нашли в нём красивые платья, много денег, да чего в нём только не было! Увидала мачеха, говорит мужу:

— Неси скорее мою дочь в колодец.

Отнёс старик дочь и бросил в колодец. Шла она, шла ко дну, вышла на зелёный луг. Встретила табун, обругала и избила коней, а те ей сказали в ответ:

— Встретится тебе на пути дом Ёмы, и даст она тебе два лукошка на выбор, так ты бери синее.

Встретила по пути девушка стадо коров и стадо овец, их тоже избил, обругала — они посоветовали ей синее лукошко взять. Наконец она подошла к дому Ёмы.

— Уф, — сказала Ёма, как её увидела, — служанка ко мне пришла.

И велит ей Ёма тотчас же баню затопить, дров наколоть без звука, да чтоб ни дыма, ни огня не было видно. Стала девушка колоть — только эхо заливается: кущ-кащ! Затопила баню — пару и дыму полно. Принесла Ёма в баню в берестяном лукошке лягушек, ящериц, разных водяных жуков и говорит:

— Попарь, вымой моих деток хорошенько! — А сама ушла. Избила их мачехина дочка, изругала, оплеух надала. После бани спрашивает Ёма своих детей:

— Ну, как вас новая служанка попарила-помыла?

— Ой, — жалуются Ёмины дети, — она нас била, она нас ругала!

Тогда принесла Ёма девушке два лукошка, синее и красное:

— Выбирай себе, какое понравится, и иди домой!

Взяла та синее лукошко и пошла домой. Очень обрадовалась мать возвращению дочери, и, чтоб никому не показывать, что принесла в лукошке девушка, зашли они вдвоём в голбец и там открыли Ёмин подарок. Чуть подняли крышку, вырвался оттуда огонь и спалил их обеих, и мать, и дочь.

Чёрс кузя ныв

Олісны-вылісны пёрысь гозъя, и вёлі налён ныв, верстыё нин, а тушанас чёрс кузя. Локтіс пёрысь гозъя дорё Ёма да шуё:

— Тiян ныв чöрс кузя, менам пи — чунь кузя. Сетöй нывтö менам пи сайö верöс сайö. Он кö сетöй, ме тшын петан розынытö тупка, а öдзöснытö ортсысянныс пыка.

— Мый тэкöд вöчан, — шуöны сылы пöрысь гозъя, — сетам нывнымöс пи саяд.

И нуис старик нывтö Ёмаыд сьöрсыйс. А некутшöм пи абу и вöлöма. Вайöдис гортас ичмоньсö и шуö:

— Ветлы, моньöй, видзöдлы ыжъясöс да шыр найöс!

Мунис нылыд Ёмалысь ыжъяссö шырны да мунiгмозыс пырис öти тöдса тьöt ордö, а сiйö сылы и шуö:

— Ёмалөн ыжъясыс öд кöинъяс. Кыдз вöрас пыран, кай пу вылö да горöd гораджыка:

*Ыжъясöй, ыжъясöй менам,
Чукöртчöй öдйöджык,
Асьныг асьнытö шырöй,
Меным вурунтö кольöй...*

Чöрс кузя ныв сiдз и вöчис. Сылөн горзöм вылö локтисны ыжъяс, асьныс асьнысö шырисны, чукөрö вурунсö тэчисны. Вайис нылыд вурунтö Ёмалы, мöдыс чуймалö:

— Аттö дивö! Кыдз нö тэнö менам ыжъясöй эз сёйны? Ноко, котöрт öдйöджык менам мöсьяс дорö, лысьты найöс да вай меным йöвсö...

Мунис нылыд корсьны Ёма мöсьясöс, а мунiгмозыс бара на пыравлiс тöдса тьöтыд дорö, и сiйö восьтiс, мый Ёма мöсьясыд — ошъяс, да велöдис, мый колö накöд вöчны — пу вылö кайны да горöдны:

*Мöсьясöй, мöсьясöй,
Чукöртчöй öдйöджык,
Лысьтöй асьныг асьнытö,
А меным йöвнытö кольöй...*

Ныв чукöстчöм вылö локтисны Ёма мöсьяс, асьныс асьнысö лысьтисны, йöвсö колисны нывлы, а асьныс разöдчисны вөр пасьта. Вайис нылыд йöвтö, Ёма синмыслы оз верит:

— Кыдз нӧ менам мӧсъяс тӕнӧ эз сӕйны? Ноко, котӧрт менам чой дорӧ да кор сылысь сямӧд чуман...

Котӧртис нылыд тьӧт ордад, сийӧ сетис сир падъян, зу да зуд и велӧдис, мый наӧн вӧчны.

— А чой дорас воан, — шуис тьӧтыс нылыдлы, — да тэ сидз и шу: «Ёма-тьӧтӧ, Ёма-тьӧтӧ, чойыд корӧ сямӧд чуман».

Локтис нылыд Ёма чой дорӧ, а сийӧ и шуӧ:

— Тэ вод да шойччышт, а ме пыравла гӧбӧчӧ.

Пырис Ёма чой, ачыс Ёма жӧ вӧлі, гӧбӧчӧ да пиньсӧ кеслыны кутис. Кыліс тайӧс нылыд да уськӧдчис пышйыны. Пышйыны-тӧ пышйыны, да ӧдзӧсъяс оз воссыйны. Выялыштис сийӧ дзиръяссӧ, ӧдзӧсъяс асьныс воссисны. Петис ывлаӧ, а сы вылӧ быд боксянь уськӧдчисны кайяс и давай синсӧ кокавны. Шыбитис сийӧ кайясыдлы нянышом, лӕбисны найӧ. Сэки нылыд и котӧртны кутис. Пиньтӧ кесліс да Ёма петис гӧбӧчсыд, нылыд и абу! Уськӧдчис ӧдзӧсъяс вылӧ, пинялӧ ӧдзӧсъяссӧ:

— Мыйла лӕдзинныд?

А ӧдзӧсъяс воча:

— Ми тӕныд нелямын во служитам, а тэ ньӧтчыд на нинӧмӧн эн мавтлы дзиръяснымӧс.

Уськӧдчис Ёма ывлаӧ, кайяссӧ пинялӧ:

— Мыйла лӕдзинныд?

А кайяс воча:

— Ми тэ дорын нелямын во нин олам, ньӧтчыд весиг нянышомтӧ курыштны эн сетлы.

Доддяліс Ёма сямӧд чуман гырийӧ, тоинӧн вӧтлӧ, gryма-йиркакылӧ вӧрӧд, ныв бӧрся вӧтчӧ. Дзик нин суны кутис. Шыбитис нылыд бӧрас зусӧ кигуг, шуис:

Зуӧй менам,

Ме мышкын,

Ёма водзын

Быдмы тшем вӧрӧн!

Тшөть кодь вөр быдмис ныв мышкын, Ёма водзын.
Пессис-пессис Ёма, ордым корсис, вөчны нинөм, косис
гортас черла. Бөр черөн локтіс, ордым кераліс. А черсө
кытчö воштыны? Дзебö черсö кустьясö, а лэбачьяс сылы
горзöны:

*Тэ дзебан,
Ми агдзам,
Öксы пилы висьталам,
Баяр пилы копыртчам...*

Ёрчыштіс Ёма:

— У, көрт тув синъяс!

А кытчö збыль лэбач синмысь чертö дзебан? Шуис
гортас шыбитны. Шыбитіс, усис черыд дзик Ёма керка
дорö. Бара уськөдчис ныв бөрся, бара сүөдны кутіс. Сэки
нылыд кигут зудсö шыбитіс да горөдіс:

*Зудйöй, зудйöй,
Ме мышкын,
Ёма водзын
Из гөраö бергөдчы...*

Быдмис зэв ыджыд зуд гөра ныв мышкын, Ёма водзын.
Бара ковмис Ёмалы мунны гортас черла, бөр воис черөн
зуд гөра дорö, розь вөчны кутіс, вөчис, а кытчö черсö дзеб-
ны? Лэбачьяс танöсь нин, важ сьылансö сьылöны:

*Тэ дзебан,
Ми агдзам,
Öксы пилы висьталам,
Баяр пилы копыртчам...*

Бара шыбитіс Ёмаыд черсö горт дорас, уськөдчис нывтö
сүөдны, со нин сүөдö, вот-вот суас. Сэки нылыд сир падь-
янтö шыбитіс кигут да горөдіс:

*Сир падъян,
Ме водзын,
Ёма бöрын
Сир юөн паськав!*

А кывъястө и дзугис. Кыкнанныс, ныв и Ёма, сибдісны сир юад. А сэки ныв юр весьттыд рака лэбис:

— Ракай, ракай, — нылыд сы дорө шыёдчис, — тэ лэб менам бать-мам дорө, висьтав, мый нывныс сир пиө сибдөма Ёмакөд. Мед съорсьыс босьтасны куим пудья көрт палич да би да татчө котөртасны.

Лэбзис ракаыд пөрысь гозьялөн өшинь вылө, висьталіс нывныслысь кывъяссө, но пөрысьясыд пөрысьысла съөкыд пеляөсь нин, эз кывны ракаыдлысь кывъястө. Виччысис, виччысис нылыд бать-мамсянь отсөг, эз вермы виччысь-ны. А сэки сылөн юр весьтти кырныш лэбис.

— Кырныш, кырныш, — шыёдчис сы дорө нылыд, — висьтав бать-мамойлы, мый ме сибді сир юө.

Лэбзис кырныш пөрысьяслөн өшинь вылө, курксө:

— Курк-курк, нывныд сир юө усьөма, сы бөрся Ёма вөтчө, тшөтш усьөма сир юө, нывныд корө көрт палич да би!

Кырнышыдлөн гөлөсыс ёнджык, съөкыд пеля гозья кылісны, босьтісны куим пудья майөг, би да мунісны нывнысө мездыны. Аддзис старикөс да старукаөс Ёма, ылісянь на горзө:

— Сват-сваття, кыскөй миянөс татысь... мөдөдчим тиянө гөсти да кыкнанным усим сир юө...

Көрт паличөн тувкийс старик лөк Ёмаөс сир юө, а нывсө кыскис да шонтіс. Ёні на найө олөны, бура олөны.

Девушка ростом с веретено

Жили-были старик со старухой, и была у них дочь, уже взрослая девушка, а ростом с веретено. Пришла к старикам Ёма и говорит:

— У вас дочь ростом с веретено, у меня сын — ростом с палец. Отдайте вашу дочь замуж за моего сына.

А не отдадите, так я вам дымоход завалю, а двери снаружи припру.

— Что поделаешь, — отвечают ей старик со старухой, — отдадим дочь за твоего сына.

И увела старикову дочь Ёма с собой. А сына-то у неё, оказывается, никакого и не было. Привела «невестку» домой и говорит:

— Молодуха, сходи-ка посмотри моих овец да постриги их!

Пошла девушка стричь овец Ёмы да по дороге и зашла к одной знакомой тётке, а та ей и говорит:

— У Ёмы овцы-то — волки. Как зайдёшь в лес, залезь на дерево да крикни погромче:

*Овечки, овечки мои,
Собирайтесь поскорее,
Сами себя остригите,
А мне шерсть оставьте...*

Девушка с веретено так и сделала. На её крик прибежали овцы, сами себя выстригли, свалили шерсть в кучу. Принесла девушка шерсть Ёме, удивляется та:

— Вот диво дивное! Как же это не съели тебя мои овечки? Ну, беги скорее к коровам, подои их и принеси мне молока...

Пошла девушка разыскивать Ёминых коров, а по дороге опять зашла к знакомой тётке, и та открыла ей, что Ёмины коровы — медведи, и научила, как поступить с ними — влезть на дерево и закричать:

*Коровушки, коровушки,
Собирайтесь поскорее,
Подоите себя сами,
А мне молоко оставьте.*

На крик девушки пришли Ёмины коровы, сами себя подоили, молоко оставили, а потом разошлись по всему лесу. Принесла девушка молоко, Ёма глазам не верит:

— Как же тебя мои коровушки не съели? Ну, беги скорей к моей сестре и попроси у неё берестяное лукошко...

Побежала девушка к тётке знакомой, та дала ей туюсок со смолой, льночесалку и брусок и научила, что с ними делать.

— А придёшь к сестре, — сказала она девушке, — так ей и скажи: «Ёма-тётка, Ёма-тётка, твоя сестра просит берестяное лукошко».

Пришла девушка к ёминой сестре, а та ей и говорит:

— Ты приляг, отдохни, а я схожу в голбец.

Спустилась Ёмина сестра, сама она была тоже Ёма, в голбец и принялась там точить зубы. Услыхала это девушка и скорее бежать. Бежать-то бежать, а двери не открываются. Смазала она петли маслом, двери сами собой открылись. Выбежала на улицу, а на неё со всех сторон накинулись птицы и норовят глаза выклевать. Бросила она тем птицам квашню, улетели они. Тогда девушка и побежала. Наточив зубы, вышла Ёма из голбца, хватать, а девушки-то нету! Набросилась на двери, ругает их:

— Зачем выпустили?

А двери в ответ:

— Мы тебе вот уж сорок лет служим, а ты ни разу ещё петли ничем не мазнула.

Бросилась Ёма на улицу, птиц ругает:

— Зачем выпустили?

А птицы ей в ответ:

— Мы у тебя вот уж сорок лет живём, ни разу ты нам не дала даже квашню выскрести.

Запрягла Ёма берестяное лукошко в ступу, пестом погоняет, шумит-гремит по лесу, гонится за девушкой. Со всем уж настигать стала. Бросила девушка наотмашь чесалку, сказала:

*Льночесалочка моя,
У меня позади,
У Ёмы впереди
Вырасти густым лесом!*

Щетиной вырос лес позади девушки, впереди Ёмы. Билась-билась Ёма, прохода ищет, делать нечего, домой за топором вернулась. Вернулась с топором, прорубила тропу, а куда топор девать? Прячет топор в кусты, а птицы ей кричат:

*Ты спрячешь,
Мы увидим,
Сыну князя скажем,
Сыну боярина челом побьём...*

Выругалась Ёма:

— У, гвоздеглазые!

А куда, в самом деле, от птичьих глаз топор спрячешь? Решила она бросить его назад, к дому. Бросила, упал топор как раз возле дома Ёмы. Опять погналась за девушкой, опять настигать её стала. Тогда девушка бросила наотмашь брусok и кликнула:

*Брусok ты, брусok,
У меня позади,
У Ёмы впереди
В каменную гору превратись!*

Выросла большая гора у девушки позади, у Ёмы впереди. Опять пришлось Ёме ехать домой за топором, вернулась она с топором к брусаяной горе, стала пробивать в ней проход, пробила. А куда девать топор? Птицы уж тут, старую песню поют:

*Ты спрячешь,
Мы увидим,
Сыну князя скажем,
Сыну боярина челом побьём...*

Опять забросила Ёма топор к своему дому, погналась за девушкой, вот-вот догонит. Тогда девушка кинула наотмашь туесок со смолой и воскликнула:

*Туесок со смолой,
У меня впереди,
У Ёмы позади
Смоляной рекой растекись!*

А слова-то и перепутала. Обе — и девушка, и Ёма — застряли в смоляной реке. А в это время над головой девушки пролетала ворона:

— Воронушка, воронушка, — обратилась девушка к ней, — ты лети к моим родителям, скажи, что дочь их застряла в смоле вместе с Ёмой. Пусть возьмут с собой трёхпудовый железный лом и огонь и бегут сюда.

Прилетела ворона к окну стариков, передала слова девушки, но старики от старости уже глуховатые, не слышали слов вороны. Ждала-ждала дочка помощи от родителей, не дождалась. А в это время над головой её пролетал ворон.

— Ворон, ворон, — взмолилась к нему девушка, — скажи моим родителям, что я завязла в смоляной реке.

Полетел ворон к окну стариков, кричит:

— Курк-курк, ваша дочка упала в смоляную реку, за ней гонится Ёма, тоже упала в смоляную реку, дочь просит лом железный и огонь!

У ворона голос-то был покрепче, глуховатые старики расслышали, взяли трёхпудовый лом, огонь и пошли к смоляной реке свою дочку выручать. Увидала старика и старуху Ёма, ещё издалика кричит:

— Сват да сватья, вытащите нас отсюда... Собрались мы с дочкой к вам в гости да обе упали в смоляную реку...

Железным ломом затолкал старик злую Ёму в смоляную речку, а дочку вытащил и отогрел. Ещё и сейчас они живут, хорошо живут.

Арсень да чортъяс

Чукортчисны коркө өти сиктын мужикъяс сёрнитыштны. Өтияс шуоны, мый эм ен югыдас чортъяс, модъяс шуоны: абуось ен югыдас чортъясыс. Өти мужик мырдөн шуө, эм пö. А сылы өти зон, Арсень нима, мырдөн жö шуө, абу пö. Сёрни бöрас мод луннас Арсень босьтис нянь чöвпан* да модöдчис вöрö. Лунтыр мунис, и пемдис нин, кор воис сийö зэв визув шор дорö. Тан и войсö коллявны шуис да пестис коз улын бипур. Сöмын видзöдö: коз вылын көмтöм мужик пукалö.

— Лэччы, — шуö сылы Арсень, — öтлаын узям.

А модыс оз шыась. Сэки Арсень перйис пурт, вундис мужикыслысь кокбöрлясö да водис узыны. А узис, видзöддис коз вылад, некутшöм мужик абу. И мунис водзö. Лунтыр мунис, пемдандор воис ю дорö. Ю дорас — ичöтик керка-тор. Пырис сэтчö, пес поткöддис, пач ломтис, а сэсся пуксис лабич вылö да нянь сёйны кутис. А няньыд сылөн муртса кольыштöма. Сэсся өти нянь чир сылөн усис джоджö, веськалис костас, джоджыс костось вöли, да и усис гöбöчö. Жаль лои Арсеньлы няньыс, пырис гöбöчö, а сэнi горт су-лалö, и куйлö гортъяс старик, вомыс осьса: няньыд самöй вомас веськалöма. Перйис сылөн вомысь Арсень нянь чиртö, а старик друг шуö:

— Кымын во танi гортъяс куйла, первойысь вомö нянь веськалис, да и сийöс мырддьöны. Ме öд водзын и ачым кужлi**, татчö менö нимкылөн йöртисны, и мунны татысь ог вермы.

— Кынöмыд öмöй сюмалö? — юалö Арсень.

— Сюмалö.

Вайис Арсень нянь коляссö да вердис старикöс. Сёйыштис старикыд да шуö:

* Чöвпан — гöгрös тупöсь.

** Кужлi — тöдысьөн ли, еретникөн ли вöли.

— Лёк кő коркő суас, менő казытышт либő воы ме дорő...

Петіс Арсень гőбőчысь, водіс узыны, и друг локтőны сы дорő дас чőрт:

— Мыйла тэ, — шуőны, — батынымлысь тőрыт кокбőр-лясő ставнас вундалін? Ми тэно таысь сёям.

— Виччысьлőй, — вочавидзő Арсень, — лэдзőй менő первой гőбőчő ветлыны.

Лэччис старик дорő да висьталő:

— Локтісны чőртгьяс менő сёйны.

— Ладнő, — шуő старик, — вай жő ме на дорő петавла.

Петіс чőртгьяс дорő да шуő:

— Но мый! Сёйőй!

Уськőдчисны чőртгьяс Арсень дорő, а старик на вылő кыдз кутіс биőн пőлявны, ставныс разі-пели пышгьялісны. Старик бőр гőбőчő лэччис, а Арсеньлы шуис:

— Но, őні узы!

Узис Арсень, асывнас бара туйő петіс. Муніс-муніс, воис сиктő, и сулалő сэні зэв ыджыд мича керка. Сэтчő гольőдчис сійő, некод оз восьты. Сэки кутіс гольőдчыны сэтшőм жő ыджыд, но важ керкаő, выльыскőд орччőн сулаліс. Лэдзисны сійőс.

— Гольőдчи, — шуő сійő кőзяевалы, — выль керкаő, да эз лэдзны.

— А керкаыс сійő миян, — вочавидзőны кőзяева, — сőмын чőртгьяс сэні овны оз сетны...

— Ладнő, — шуő Арсень, — аски ме сэні вой колляла, а талун вőчőй меным кőрт мортőс, мőлőt, кőрт ки, кőрт рушку да кőрт шляпа. Нőшта ковмас меным ки чышкőд, вина чекверть*, карті колода да сисьяс.

Ставсő лőсьőдісны сійőс кőзяева, и мőд войнас мőдőдчис Арсень выль керкаő войколőн. Пызан вылő

* Чекверть, четверть — важ роч мера: «ведро» — 10 литра, «четверть» — кык да джын литра.

сувтöдiс вина, сись, картi колода, кöрт мортöс пуксьöдiс пач водзö, кöрт шляпа — юр вылас, кöрт рушку пысалiс морöс улас, кöрт ки кепысялiс. Босьтiс картi колода, та-суйтö, быттö ворсö. Локтö чöрт:

— Ме тэнö, — шуас, — сёя! Мыйла менсьым став кок-бöрля вундалiн?

— Мый бурыс, сёян кö! Пуксьы, бурджык, водка юны, — вочавидзö чöртлы Арсень.

Пуксисны. Юисны. Чöрт коддзис.

— Вай картiалам! — шуö Арсень.

— Мыйöн скон? — чöрт юалö.

— А сьом миян абу, вай дуракалам. Кодi дуракön кольö, сылысь кынöмсö гыжъявны, куимысь öтилатi!

Босьтчисны ворсны. Коли Арсень дуракön. Топöдiс чöрт Арсеньлысь кынöмсö, кыз босьтчис гыжъявны, став-нас кöрт кынöмсö нетшыштiс. Нетшыштiс и шыбитiс.

— Куыс, — шуö сийö Арсеньлы, — и сийö эз коль тэнад рушку вылын.

— Ылöдчан, — шуö Арсень. — Менам кынöм ёнджык на лоис. Вай ещö скон ворсам.

Ворсiсны мöдысь, чöрт дуракön коли.

— Ноко, — шуö сылы Арсень, — вай ме тэнсьыд кынöмтö гыжйышта.

Да аслас кöрт киön ставнас кучиксö чöрт рушку вылысь кульыштiс. Став сюйыс чöртлөн ортсö петiс.

— Но мый нö, — шуö Арсень, — ещö öтчид ворсам?

— Ог, зэв ёна кынöм висьö...

Мунны чöрт лöсьöдчис.

— Ещö волан он? — юалö Арсень.

— Аски вола! — шуö чöрт.

Арсень бура узис, асывнас мунiс купеч ордö, лунсö зэв бура ськöд колялiс, купеч нинöм эз и юась сылысь. А кыз рыт воис, Арсень и шуö купечлы:

— Вай ещö вина чекверть.

Босьтис сійö вина чеквeртьтö да сись и бара муніс выль керкаад узыны. Войнас чöрт локтö:

- Ме тэнö сёя, Арсень.
- А мыйысь менö сёян?
- Кокъясöс вундалін, сыысь и сёя.
- Вай вина юам, бурджык лоö.

Пуксисны, юисны кыз колö, и зэв ёна чöрт коддзис, коддзис и ачыс Арсеньлы шуö:

- Вай бара кынöм гыжъялöм вылад дуракалам.
- Огö, — шуö Арсень. — Тöрыт тэ менсьым став кучик косявлін, талун сюйöс нетшыштан. Вай печик былö ворсам.

Кутісны печик былö ворсны. Арсень дуракön лои. Чöрт куимысь печиктіс Арсеньлы юрас, а мöдыслы веськодь,сылön юрас көрт шапка. Сöмын бөръя печиксьыс усис сійö шапкаыд джоджö, а чöртыд кыз чеччыштас, нимко-дясö:

- Ме тэнсьыд юр часьтö ставнас нöбöді!
- Юр часьöй колис на, — шуö Арсень, — тайö менам кучикöй лэбис. Но, пуксы мöд сконсö ворсны.

Ворсісны мöд скон, чöрт дуракön колис.

- Ме, — шуö сылы Арсень, — кодöс эг печиктлы, ставыслысь синсö перйывлі. Көртав синтö ки чышкөдөн.

Көрталіс чöртлысь синсö ки чышкөдөн, босьтис мөлöt, да кыз шковгас чöрт юрö куимысь. Став плешсö чöртлысь жугöдіс.

- Вай ещö! — шуö Арсень.
- Ог, мыйкö ог көсийы, — шуö чöртыд, — юрöй висьö.
- Аски волан он?
- Аски ог öтнам лок, — шуис чöртыд да петіс.

Арсень узис, а асивнас купеч корö сійöс тшай юны. Юисны тшай, лун колис, рыт воö. Арсень корö купечлысь:

- Талун куим чеквeртъ вина вай.

Босьтис винатö, бара муніс виль керкаö узыны. Сöмын узыны лосьöдчис, дасөн локтöны чöртяс:

— Öнi ми тэнö сёям.

— Мыйысь?

— Тэ батынымлысь кокбөрлясö вундалін, сыысь.

— Ме чöскыдтöм, — шуö Арсень, — вай, бурджык, вина юамöй.

Пуксисны чöртяс водка юны, сэтчöдз юисны, мый лабич вывсянь усисны. А Арсень медыджыд чöртыскöд бара пуксис дуракавны. И кодi дуракөн лоö, сылы мунны да старикыслы, кодi гортяс куйлö, и сылөн вомас чуньён гудыртны. Арсень дуракөн колис. Мунісны сійö керкаад, Арсень кулём старикыдлы вомас суйис чуньсö да гудыртис. Серöктис чöртыд:

— Но и мый сэсся?

Пуксисны мöдысь ворсны, и чöрт колис дуракөн.

— Но, гудырт талысь! — да матыстö чöрттö көрт морт дорад. Суйис чöртыд чуньсö көрт мортлы вомас, гудравны кутис, а Арсень вылыссянныс винтяс топöдис, чöртыдлөн чуньыс вомад и сибдис. Курччис көрт мортыд чуньсö! Горöдчис чöрт лёк горшён:

— Ой-ой-ой! Чуньöс курччис!

Чеччыштисны чöртпиян, повзисны.

— Тшöкты, мед лэдзас! — корö чöртыд.

Арсеньыд топöдö винтястö, мый вынсьыс, а ачыс шуалö:

— Лэдз, старик!

Чöртяс пышйыны лосьöдчисны, сэтшöма батыныс горзö:

— Ой-ой-ой!

— Сійö, — шуö Арсень, — сідз оз көсйы тэнö лэдзны. Уна сьём корö!

— Уна-ö?

— Өти ыджыд паньтыр* зарниён быд чөртсянь!

Вайисны чөртпиян өкмыс паньтыр зарни, кисьтисны джоджө.

— Старикуыс тiянöс ставнытö сёйны көсйö, — бара шуö Арсень.

— Збыль? — повзисны чөртяс.

— Тайö керкаас кө пö кутанныд довъявны, ставнытö сёя.

— Ог кутöй сэсся тайö керкаас волыны, — шуöны чөртяс.

Лэдзис сэки Арсень чөрт батыös, и став чөртыс кодi кытчö сюв-сявмунисны. А ачыс водiс узыны, зэв бура узис. Мöд луннас купечлөн казак локтö Арсеньöс тшай юны корны.

— Тэ висьтав купечлы, — шуö Арсень, — мед ачыс ме дорö локтас, да ставсö, кодöс паныдалас туй вылас, мед аскöдыс вайöдас.

Локтiс купеч да вайöдiс сьöрсыйс мужикъясöс, кодъясöс туй вылас паныдалiс.

— То, — мужикъяслы Арсень шуö, — босьтöй тайö зарнисö, мыйта сознад верманныд босьтны. Сйö тiян. А мый он вермöй босьтны, купечлы кольö.

Босьтiсны мужикъяс созз тырөн, и купечлы на уна колис. Сэсся Арсень овмöдчис сйö выль купеч керкаас и овны кутiс. А купечлөн ныв вöли зэв мича, и кутiс купеч Арсень сайö ассьыс ңывсö вöййыны:

— Босьт менсьым нылös да босьт.

— Ог, — шуö Арсень, — ме первой светас ветлöдлышта, мыйысь йöзыс полöны, видзöдла. Повзя кө мыйыськö, сэки вöлисти босьта.

Мöд луннас босьтiс нянь чöвпан, би, чер да мунис вөрö. Лунтыр ветлöдлiс, пемдiс. Аддзис дзоляник вөр керка, пырис сэтчö узыны. Сöмын вольсасис, кылö: кодкö вевтсö жуглö.

* Паньтыр — тани: зыр; төлөдчан зыр.

— Коді сэн? — юалö Арсень.

Ош вöлöма:

— Ме тэнö сёйны кöсья!

— Кыдз нö тэ менö керка вывсяньыс сёян? — шуö Арсень. — Тэ керкасö лэптышт да пыр татчö, сэки, гашкö и, сёян.

Ош лэччис керка вылысь, кодйысис керка улö, пырис сэтчö да юрсö суюö. Арсень юрсö керыштіс, кусö кулис, купечлы нуис. Зэв нимкодь купеч лои, кор Арсень кутö сылы вайис, и бара ассъыс:

— Гөтрась менам ныв вылö.

— Эг на повзъы, — шуö Арсень, — вот повзя мыйыськö, сэк бытысь гөтрся.

Думыштчис купеч, кыдз нö Арсеньöс повзёдны? И со мый вöчис: юкталіс Арсеньöс винаөн, ыджыд вор вöчис, дорышöдзыс йиа ва кисьтіс да крöвать улас пуктіс. А крöватьсö лöсьöдіс сідз, мед Арсень быть воръяс усяс, мыйөн нёровтчас. И збыль, ёна коддзис Арсень.

— Водыштін эськö! — шуö сылы купеч.

Водіс Арсень сійö вольпасяд, усис веськыда йиа ва воръяд да кыдз горöдас:

— Пöді! Пöді! Пöді!

— Повзин öмöй? — юалö купечыд.

— Зэв ёна повзи, — шуö Арсень. — Öні гөтрся...

Босьтіс купеч нылöс верöс сайö, пируйтисны бура, а овны кутісны сыысь на бура.

Арсений и черти

Собрались как-то в одной деревне мужики на беседу. Одни говорят, что есть на свете черти, другие говорят: нет на свете чертей. Один уж очень упрямо твердит, что есть. А ему парень по имени Арсений так же упрямо отве-

##

##

##

##

##

##

чает, что нет. На другой день после этого разговора Арсений взял ковригу хлеба и отправился в лес. Шёл целый день, и уж стемнело, когда пришёл он к бурному ручью. Тут он решил переночевать и развёл под елью костёр. Только смотрит: на ели босой мужик сидит.

— Слезай, — говорит ему Арсений, — вместе переночуем.

А тот не откликается. Тогда Арсений вынул нож, изрезал у того мужика пятки и лёг спать. А когда проснулся, посмотрел на ель, никого нету. И пошёл дальше. Шёл целый день, когда стемнело, пришёл к реке. Около речки — маленькая избушка. Вошёл в неё, нарубил дров, затопил печь, а потом сел на лавку и принялся хлеб есть. А хлеба-то у него всего ничего осталось. Вот один кусочек хлеба на пол упал, попал в щель, пол-то дырявый был, да и свалился в голбец. Жалко Арсению хлеба, полез он в голбец, а в нём гроб стоит, и лежит в гробу старик с раскрытым ртом: хлеб-то прямо в рот ему попал. Вынул у него изо рта Арсений тот кусок хлеба, а старик вдруг и говорит:

— Сколько лет здесь в гробу лежу, первый раз в рот хлеб попал, да и тот отнимают. Я ведь раньше и сам умел*, сюда меня загнали заговором, и не могу я отсюда уйти.

— Разве тебе есть хочется? — спрашивает Арсений.

— Хочется.

Принёс Арсений весь остаток хлеба и накормил старика. Поел старик и говорит:

— Если тебя застигнет когда-нибудь беда, вспомни обо мне или приходи сам...

Вышел Арсений из голбца, лёг спать, и вдруг к нему приходят десять чертей:

— Зачем ты, — говорят, — у нашего отца вчера все пятки изрезал? Мы тебя за это съедем.

* Умел — здесь: был колдуном.

— Подождите, — отвечает Арсений, — дайте мне прежде в голбец сходить.

Спустился к старику и рассказывает:

— Пришли черти меня есть.

— Ладно, — отвечает старик, — дай-ка я к ним выйду.

Вышел к чертям и говорит:

— Ну что ж! Ешьте!

Кинулись черти, а старик как начал на них огнём дуть, все в разные стороны разбежались. Старик обратно спустился, а Арсению сказал:

— Ну, теперь спи!

Выспался Арсений, наутро снова отправился в путь. Шёл-шёл, пришёл в деревню, и стоит там большой красивый дом. Он постучался, никто не открывает. Тогда он стал стучаться в такой же большой, но старый дом, что рядом стоял. Его впустили.

— Стучался, — говорит он хозяевам, — в новый дом, да не пустили.

— Дом-то этот наш, — отвечают ему хозяева, — только черти в нём жить не дают...

— Ладно, — говорит Арсений, — я завтра там ночь проведу, а сегодня сделайте мне железного человека, молот, железные руки, железное брюхо и железную шапку. Ещё мне понадобится полотенце, четверть* вина, колода карт и свечи.

Всё это ему приготовили хозяева, и на другую ночь отправился Арсений в новый дом. На стол поставил вино, свечку, колоду карт, железного человека поставил перед печкой, железную шляпу — на голову, железное брюхо прицепил себе под грудь, железные руки надел на свои, как варежки. Взял колоду карт, тасует, будто играет. Приходит чёрт:

* Четверть — старая единица измерения жидкостей: «ведро» — 10 литров, «четверть» — два с половиной литра.

— Я тебя, — говорит, — съем! Зачем ты мне все пятки изрезал?

— Что хорошего, что съешь! Садись лучше водку пить, — отвечает чёрту Арсений.

Сели. Выпили. Чёрт опьянел.

— Давай в карты сыграем! — говорит Арсений.

— Почему кон? — спрашивает чёрт.

— А денег-то у нас нет, так давай в дурака. Кто дураком останется, тому брюхо чесать, три раза одно и то же место!

Начали играть. Остался Арсений в дураках. Зажал чёрт живот Арсению, как взялся чесать, весь железный живот его вырвал. Вырвал и выбросил.

— Кожи, — говорит он Арсению, — и той на брюхе у тебя не осталось.

— Врёшь! — отвечает Арсений. — Моё брюхо только крепче стало. Давай, ещё кон сыграем.

Сыграли другой кон, чёрт в дураках остался.

— Ну-ка, — говорит ему Арсений, — давай, я тебе брюхо почешу.

Да своей железной рукой всю кожу у чёрта на брюхе и содрал. Все кишки чёртовы наружу вылезли.

— Ну что, — спрашивает Арсений, — ещё раз сыграем?

— Нет, очень живот болит...

Собрался чёрт уходить.

— Ещё придёшь ли? — спрашивает Арсений.

— Завтра приду! — отвечает чёрт.

Арсений отлично выпался, наутро пошёл к купцу, весело провёл с ним день, купец и не спрашивал ни о чём. А ближе к вечеру Арсений и говорит купцу:

— Давай ещё четверть вина.

Взял ту четверть вина и свечку и опять пошёл спать в новую избу. Ночью приходит чёрт:

- Я тебя съем, Арсений.
- А за что ты меня съешь?
- Ноги ты мне изрезал, за то и съем.
- Давай вина выпьем, это лучше будет.

Сели и выпили как следует, очень опьянел чёрт и сам Арсению предлагает:

— Давай опять на почёсывание брюха в дурака сыграем.

— Нет, — говорит Арсений. — Вчера ты мне всю кожу изорвал, сегодня кишки вырвешь. Давай на щелбаны играть.

Стали играть на щелбаны. Арсений в дураках остался. Чёрт три раза щёлкнул Арсения по голове, а тому хоть бы что, у него на голове железная шапка. Только от последнего чёртова щелчка упала та шапка на пол, а чёрт как вскочит, радуется:

— Я тебе весь череп снёс!

— Череп-то ещё остался, — отвечает Арсений, — это у меня кожа слетела. Ну, садись второй кон играть.

Сыграли второй кон, чёрт в дураках остался.

— Я, — говорит ему Арсений, — в кого ни щёлкал, всегда глаз вышибал. Завяжи-ка ты лучше глаза полотенцем.

Завязал чёрту глаза полотенцем, взял молот, да как треснет по чёртовой голове три раза подряд. Весь лоб чёрту разбил.

— Давай ещё! — предлагает Арсений.

— Нет, чего-то не хочется, — отвечает чёрт, — голова болит.

— Завтра придёшь ли?

— Завтра я не один приду, — сказал чёрт и вышел.

Арсений выспался, а наутро купец зовёт его чай пить. Попили чаю, прошёл день, наступает вечер. Арсений просит у купца:

— Сегодня три четверти вина давай.

Взял вино, пошёл опять в новую избу ночевать. Только улегся, вдесятером приходят черти:

— Сейчас мы тебя съедим.

— За что?

— Ты у нашего отца пятки изрезал, за это.

— Невкусный я, — говорит Арсений, — давайте лучше выпьем.

Сели черти пить, так напились, что с лавки повалились. А Арсений с на́большим чёртом опять сел в дурака играть. И тому, кто в дураках останется, идти к старику, что в гробу лежит, и помешать у него во рту пальцем. Арсений в дураках остался. Пришли они в ту избушку, Арсений засунул палец в рот мёртвого старика и помешал. Рассмеялся чёрт:

— Чего ж тут такого?

Сели играть во второй раз, и чёрт остался в дураках.

— Ну, помешай ты вот этому! — и подводит чёрта к железному человеку. Сунул чёрт палец железному человеку в рот, начал мешать, а Арсений зажал винты сверху, и палец-то чёртов во рту и завяз. Прикусил ему железный человек палец! Завопил чёрт в голос:

— Ой-ой-ой! Палец откусил!

Повскакали чертенята, испугались.

— Вели ему отпустить! — просит чёрт.

Арсений же зажимает винты что есть силы, а сам говорит:

— Отпусти, старик!

Чертенята бежать собрались, так сильно их отец кричит.

— Ой-ой-ой!

— Он, — говорит Арсений, — не хочет тебя задаром отпустить. Большие деньги просит!

— Много ли?

— По одной большой лопате золота с каждого чёрта!

Принесли чертенята девять полных лопат золота, высыпали на пол.

— Старик-то хочет вас всех съесть, — говорит опять Арсений.

— Неужели? — испугались черти.

— Если, говорит, будете в этот дом шататься, обязательно всех съем.

— Не будем больше в этот дом ходить, — отвечают черти.

Тогда отпустил Арсений чёртова отца, и все черти разбежались кто куда. А сам завалился спать, хорошо так выспался. На другой день приходит купцов слуга звать Арсения чай пить.

— Ты скажи купцу, — отвечает Арсений, — чтоб сам ко мне пришёл, да всех, кого по дороге встретит, чтобы с собой приводил...

Пришёл к нему купец и привёл с собой мужиков, которых по дороге встретил.

— Вот, — обратился к мужикам Арсений, — берите это золото, сколько в горсть сумеете взять. Это ваше. А чего не захватите, купцу останется.

Взяли мужики по горсти, и купцу ещё много осталось. И с тех пор поселился Арсений в том новом купцовом доме и стал жить. А у купца дочь была красавица, и стал свою дочь купец Арсению сватать:

— Бери мою дочь.

— Нет, — отвечает ему Арсений, — я сначала по свету поброжу, чего люди боятся, посмотрю. Вот если испугаюсь чего-нибудь, тогда обязательно возьму.

На другой день взял он ковригу хлеба, огонь, топор, пошёл в лес. Проходил целый день, стемнело. Увидел маленькую охотничью баньку, зашёл в неё ночевать. Только постелил — слышит: кто-то ломает крышу.

— Кто там? — спрашивает Арсений. Оказалось — медведь:

— Я тебя съесть хочу!

— Как же ты меня съешь с крыши? — говорит Арсений. — Ты подними баньку да заходи в неё, тогда, может быть, и съешь.

Медведь слез с крыши, подкопался под баньку, полез под неё и просовывает голову. Арсений голову-то ему и отрубил, шкуру снял, отнёс купцу. Очень обрадовался купец, когда ему Арсений шкуру медведя принёс, и опять за своё:

— Женись на моей дочери.

— Не испугался ещё покуда, — отвечает Арсений, — вот испугаюсь чего-нибудь, тогда обязательно женюсь.

Задумался купец: как же испугать Арсения? И решил так: напоил Арсения вином, сделал большое корыто, налил его до краёв ледяной водой и поставил под кровать. А подстроил так, чтобы Арсений обязательно свалился в корыто с водой, когда приляжет. И в самом деле сильно опьянел Арсений.

— Ты бы прилёг, что ли! — говорит ему купец. Лёг Арсений на ту кровать, свалился прямо в корыто с ледяной водой да как закричит:

— Утонул! Утонул! Утонул!

— Разве испугался? — спрашивает купец.

— Очень испугался, — отвечает Арсений. — Теперь женюсь...

Взял купцову дочь замуж, попиروвали хорошо, а зажили еще лучше.

Окма

Важон олісны-вылісны старик гозъя. Налон вöлі öти пи. Коркö пуксисны ая-пия ужнайтны, батъыс и юасьны пондіс:

— Кутшом мастерствоо пондан велодчины: вурсьыны, сапожничайтны али тшупсьыны?

А пиыд чов олө.

— Гашкө, нигаа уджө?

— Вот нигаа уждад, — шуө пиыд, — ме, батьө, велодча.

Ужнайтисны найө, пасьтасисны и мододчисны школаө. Мунисны-мунисны, воисны шор дорө, а шор дорас лэччан-каяніныс вөлі вывті крут. Лэчисны бура, а кызз шорсө вуджисны да кайны кутисны, старикид вильдіс дай уси.

— Окма! — горөдчис сійө. — Уси.

Друг быттьөкө мусьыс быдмис да стариклы паныд сувтіс дядьө.

— Мыйла тэ чукөстін Окмаос? — юалө дядьө. — Вот ме локті тэ дінө. Кутшом мог суис меөдз? Кытчө модөдчин?

— Ме, — шуө, — пиос велодчины нуода. Окотитө быдторйө велодчины.

— Вай меным питө, — шуө Окма, — ме сійос быдторйө велода. Во мысти верман воыны аслад детинкала.

Сетіс старик питө Окма дорө велодчины, а ачыс модөдчис гортас. Вуджис бөр шорсө да думыштис: «Сеті детинкаос велодчины Окмалы, ачим весиг эг юав, көні Окмалөн оланіныс». Көсйис старик косавны да юавны, но Окма ни детинка эз нин вөвны. Маитчис, маитчис старик да локтіс гортас, а гөтырыслы сідз кыв ни джын эз и шу, кытчө да мый питө сетіс, сы йылысь дөрөмыс да сьолөмыс сөмын төдісны.

Коли өти во. Старик модіс лөсьөдчины писө видлыны Окма дорө. Туйө петтөдз пуксис сійө гөтырыскөд өбедайтны. Друг сэки бордъяснас швачкөдчигтыр восьса өшиньөдыс пырис гулю.

— Йөй кө тайө гулюыс-а? — шензьө старик. — Веськыда керкаө пырис!

Босьтіс укват да модіс гулютө вөтлыны керкасьыс. Но

гулюыд куимысь кытшовтіс керкасö, шыбитчис увлань юрöн гөбöч вылас да морт лои. Видзöдліс сы вылö старик да тöдіс ассыс писö.

— Менам велöдчöмлы वोся срок тыри, — шуö детинкаыс, — öні мун тэ Окма дорö да менö бөр кор. Сы дорын велöдчöны ме кодъ жö дас кык детинка. Окмаыд ставнымöс миянöс вöчас дзик öткодьöн и тшöктас менö тöдны. Он кө менö тöд, нэмнад менö сэсся не аддзывны. Бурджыка приметит. Пызан сайын пукалігөн ме мöда паньöс пуктыны увлань мышкөн. Öні ме локті татчö Окмаысь гусьөн, медым тэныд ставсö тайöс висьтавны.

Сэсся детинкаыд бара пöртсис гулюö да лэбзис. Мöдöдчис старик туйö. Воис буретш сійö шор дорас, көні колян во паныдасьліс Окмакöд, пуксис шойччыны да гораа шуис: «Окма!» Окма быттьö му улысь петіс да сувтіс стариклы паныд: «Мыйла, — шуö, — чукöстін менö?» «Тöдан мыйла! Пиöс нуöдны локті. वोся срокыд тыри нин велöдчöмыслы!» Мунісны, мунісны да воисны Окма керка дінö. Пырисны сэтчö, а сэні, пызан сайын, пукалöны дзик öткодь дас кык детинка да сөйöны.

— Но, — шуö Окма, — тöдан он, коді тэнад детинкаыд?

— Энлы, — шуö старик.

Видзöдö: öти зон паньсö увлань пыдöсөн пуктіс сөйигас.

— Со, — шуö, — менам пиöй!

— Тöдін, — шуö Окма, — эн кө тöд, некор эськө эн аддыв питö. Колян ещö ме дорын велöдчыны?

— Велöд нин мöд восö, — шуö старик.

Локтіс гортас старик да ещö во оліс. Коркö друг бара гулю лэбзис öшинь дорö. Старик укватö öні эз нин кутчысь, а лэдзис гулюöс керкаö. Гулю бара куимысь кытшовтіс стен пölөн, пуксис гөбöч вылö, старик пиö пöрис да шуö:

— Ёні Окма мянӧс дзодзӧгӧ пӧртас. Ме кута кокасьны голя нюжйӧдлӧмӧн. Он кӧ тӧдмав, он аддзывлы сэсся. Ме гусьӧн пышйи, тэныд висьтавны.

Шуис, пӧртсис гулюӧ и лэбис. Старик бара Окма дорӧ мӧдӧдчис. Окма лэдзис сійӧс да юаліс:

— Бара пиыдла локтін?

— Пила, — вочавидзӧ старик. Окма пыртіс сійӧс гортас, и локтісны гортас дас кык дзодзӧг. Кисьтіс налы Окма рудзӧг, дзодзӧгъяс кокавны кутісны. Окма и шуӧ:

— Тӧдмав питӧ. Тӧдмалан — сета сійӧс, он тӧдмав — ог сет.

Старик видзӧдліс, аддзӧ: ӧти дзодзӧг кокасьӧ голясӧ нюжйӧдлӧмӧн. Сы вылӧ и петкӧдліс: со пӧ менам пиӧй.

— Тӧдін, — шуӧ Окма, — кольы нин коймӧд во вылас. Велӧдчас ещӧ во, став велӧдчӧмсӧ помалас.

— Мед велӧдчас, — сӧгласитчис старик. И бара во коли, и локтіс старик дорӧ гулю, куимысь стен пӧлӧн лэбовтіс, пуксис гӧбӧч вылӧ, пӧртсис старик пиӧ да шуис:

— Ме гусьӧник пышйи, тэныд висьтавны. Локтан Окма дорад, сійӧ пӧртас мянӧс руд уткаясӧ. Кор тусь кокавны кутам, ме ӧти бордйӧс муӧдзыс лэдза. Сійӧ пас сертиыс и тӧдмав менӧ. Он тӧдмав, прӧпадита.

Шуис и лэбзис. Мӧдӧдчис старик Окма дорӧ, ӧдзӧсас гольӧдны кутіс, камгыны. Окмаыд лэдзис сійӧс да юалӧ:

— Пиыдла?

— Пила.

Сӧмын пыртіс сійӧс керкаас Окма, кыськӧ лэбзисны дас кык руд утка да кутісны тусь кокавны.

— Коді тэнад пиыд? — юалӧ Окмаыд. Ӗтик утка кокасьӧ ӧти борд йывсӧ муас лэдзӧмӧн.

— Со тайӧ, — шуӧ старикид.

— Но, мый, — шуӧ Окма, — босьт да ну...

Босьтіс старик уткатӧ киняулас и гортас мӧдӧдчис. Муніс-муніс, шор дорӧ воис. Эз на удит чой йывсянь лэч-

чыны, утка жбыркнитіс киняувсыйс да лэбис. «Вот öнi, — думайтö старик, — дзикöдз нин пиöс воштi, не аддзывлыны нин сийöс». Видзöдö, а уткаыд шор сайын нин, чой йылö пуксьöма да старик пиö пöртчöма. Öдöбтчис старик пи дорад, нимкодясыйштисны öтлаын и мöдöдчисны гор-тас. А юр весьтаныс кырныш лэбалö да горзö:

— Курк, курк, курк!

— Тэ вот куим во велöдчин, — бергöдчис старик пиланыс, а тöдан он, мый шуис кырнышыс?

— Ме тö тöда, мый шуис, да тэныд висьтавыны ог лысьт. Висьтала кö, зэв ёна скöрман.

— Висьтав, ог скöрмы.

Пи эськö ёна пыксис, кыдз кöть батыс эз тшöкты, сэсса шуис жö:

— Кырнышыс шуö: кыкнанныды эськö нимкодъ, да батыс пиыслысь кок пожъялан васö юысь лоö на.

Старик и збыльысь скöрмис:

— Ме кута тэнсьыд кок пожъялан ва юны?! Некор татшöмыс оз ло!

И дзик горт дорöдзыс найö чöv олісны. Олісны-вылісны найö гортаныс, пиыс коркö и шуö батыслы:

— Колö сьöмтор нажövитыштны. Ме вöлö пöртча, а тэ менö карö ну да вузав базар вылын сё шайтысь. Донтöгджык эн сет, ни унджык эн кор. Сöмын сермöдсö вузалігад эн сет.

Пиыд и петіс керкасьыс. Бать виччысис-виччысис, а сійö век оз лок. Петіс коркö конюшняö, а сэн зэв мича руд вöv. Сермöдаліс сійöс старик и нуöдіс карö. Весиг базарöдзыс на эз во, паныдасис мича нывкöд.

— Кытчö, пöльö, мунан? — юалö сійö.

— Вöлөс нуа базар вылö вузавны.

— Вузав меным.

— Мый нö огыс? Вузала. Вай сё шайт.

— Босът кыксё, — шуö нылыд.

— Ог, унджыкыс оз ков!

Босьтис старик сё шайт, сетё нылыды вёвсё да шуё:

— Сёмын сермөдсё тэныд ог сет...

— Нинём, ме сермөдтё базар вылысь ньоба, сюрас, кёнкё...

Ньобис сійё базар вылысь выль сермөд, пуксис вёв вылад, гөнечён мөдөдчис. А нывнад Окма вөлөма. Гөнитис-гөнитис и воис нюр дорё.

— Ме тэнё, — шуё, — велёда сыысь, мый меысь ыджыдён көсийн лоны. Нюрас пырта да став боктё кокораясас косявла.

Вөтлө Окма вөвтё, орсөн швачкис, видзөдө: пукалө кодзувкоткар вылын, а киас сермөд. Сёмын сермөдыс и кольөма. Мөд луннас бара пиыд батысылы шуё:

— Ещö отчыд вөлө пөртча, а тэ менö вузав кыксё шайтысь, эн этшаджыкысь, эн унджыкысь. Сермөдсё эн сет.

Шуис и петис йөрас. Старик конюшняё мунис, а сэн сулалө тöрытья дорсьыс на мичаджык чалöй вөв. Сермөдалис старик вөвтё да нуис базар вөлө вузавны, бара нывкөд паныдасис.

— Кытчö, пöрысь, ныртö босьтін?

— Вөлөс вузавны нуа.

— Вузав меным, ме ньоба.

— Вай кыксё шайт...

— Босьт нельсё.

— Ог, — шуё старик, — меным и кыксёйс тырмас.

Вештис нылыд кыксё шайт, босьтис вөвтё, а старик сермөдтё бара эз сет. И бара нывнад Окма вөлөма. Чечыштис вөв вылад, рөдтё нюрөд, думайтö: «Талун ме тэнё велёда нин, нюрö пырта, став боктё кокораён косявла...»

Кутис вөвтё нюрö вөтлыны, вартис поводнас, видзөдө: пукалө бара кодзувкоткар вылын, и некутшөм вөв сы улын абу. Шөйөвошис Окма:

— Мый нө тайö? Ме тöдысьясысь медся тöдысь, а сійö менö ылöдліс!

Уськöдчис гортас, восьтіс съöд нига, сэн ставсö гижö-ма. Лыддис-лыддис, нинöм эз аддзы. Пöдлавны нин кöсйис, а öти лист пельöсын гижöма: «Вөлöс сермöдтöг эн ньöб!» Коймöд луннас пиыд бара локтіс батыс дорö:

— Талун воронöй вөлö пöртча, вузав менö куимсё шайтысь. Донтöгджык эн сет, донöнджык эн босьт, сермöдсö аслыд босьт.

Шуис и петіс. Сы бöрся конюшняö батыс муніс, а сэні мича воронöй вöв сулалö. Сермöдаліс старик вөлöс и нуöдіс карö. И бара, базар вылö вотöдз, паныдасис мича нывкöд.

— Кытчö мунан, старик? — юалö нылыд.

— Вөлöс вузавны.

— Меным он вузав?

— Мый огыс? Вай куимсё.

— Босьт квайтсё.

— Оз ков меным квайтсёыд. Вай куимсё.

Вештысис нылыд вöлысь, а старик и шуö:

— Сермöдсö ме тэныд ог сет, сермöдсö ачыд базар вылысь ньöбан.

— Кыдз он сет? Сермöдтöг вöв оз вузавны.

И венö воисны. Вензисны-вензисны, судöдз воисны, и судья шуис сермöдсö нывлы сетны. Жугыль локтіс старик гортас:

— Öні сэсса пиöс ог нин аддзывлы!

А нывнад бара Окма вөлöма. Чеччыштіс вöв вылад, шуö:

— Öні меысь он нин пышйы! А наянитöмсьыд да ылöдчöмсьыд велöда тэнö!

Нюрö веськöдіс вөлöс, сибдöдіс лядьвейöдзыс. Лэччис вöв вылысь, кватитіс кокора, сöмын вöв вылö ырыштчис, а вöлыд и абу. Синнас сійö öтарö-мöдарö, аддзö: пу

вылын катша. Варышö пöртчис, и сы бöрся. Вöрзис катша, лэбис-лэбис, сёнöдз воис, вурдысьö пöрис. Окма сы бöрся вурдысь розьö. Вурдысь ю дорöдз кодйысис, йöршö пöрис, а Окма сы бöрся сирён. Йöрш уйис-уйис, да и изъяс костö пырис, сир сы бöрся некыз оз писът. Сувтис сир изъяс дорö да и шуö йöршлы:

— Вай окыштчам!

— Бöрсянь окышт! — йöршыд тшöтясьö.

Сирыд водис пыранінас да виччысьны кутис. «Коркö öд петан, нэм чöж из улын он ов, а петан, пырысь-пыр ньылышта». А луныс гожъя вöлі, шондi пöжö вовсю, и сирыд ланьтис. Йöршлы сійö и колö. Быйкнитис изъяс улысь, сійö и аддзывлін. Самöй сійö кадö ю дорö вала локтис мича ныв. Гумовтис васö ведранас, а ва пиас йöрш. «Вот дивöыд, — думайтö нылыд, — ни öти бабалы на ведраö чери эз шедлы, а меным шедіс». Босьтис йöрштö киас, видзöдалö. А чериыд друг чунькытшö пöрис. Ещö на ёнджык нылыд чуймис да чунькытштö чуняс пысаліс. Сэки друг ваысь старик петö да шуö:

— Тайö менам чунькытшыс. Вай бöр.

— Кыдзи тэнад? — вочавидзö нылыд.

— Видзöдлы: менам пасöй чунькытш вылас...

— Ог сет.

Корис старикид, корис, да нылыд чорыд вöлöма, чунькытштö эз сет и гортас муніс. А рытнас, сöмын чунькытштö чуньсьыс пöрчис, сы водзын мича зон лои, старикидлөн пиыс.

— Аски, — шуö сійö нылыдлы, — локтас эсійö стари-кыс, бара кутас чунькытшсö корны вузавны. Тэ вузав дас сюрс шайтысь, а чунькытшсö киас эн сет, шыбит джоджö. Ме сэки пöра анькытш тусьясö, öти анькытш тусь чечавны кутас джоджöдыс, тальччы сы вылö.

Шуис и бара чунькытшö пöрис. И збыль: мöд луннас локтис ныв дорö старикид:

— Вузав чунькытшсö.

— Вузала, зарниён вай дас сюрс...

Мынтис старик дзонь мешöк зарни деньга, а нылыд чуньсьыс чунькытштö перйис да старикидлы сетö. Но, мыйён старик кисö чунькытшла нюжöдис, нылыд сийöс джоджö чöвтис. Чунькытшыд джоджад пыр жö анькытшö пöрис, öти анькытш тусь чечавны кутис, и нылыд кокнасы вылö тальччис. А старикид пырысьтöм-пыр петукö пöртчис да анькытштö кокавны уськöдчис. Сэки ныв кок увсьыд молодец петис, керыштіс петукыдлысь юрсö, да висьталіс нылыды, мый петукнас Окма-көлдун вöлі.

— Сийö менö вины көсйис, — шуö молодецыз, — ме бöрся вöтлысис. Но öні сыысь мыні.

Кодйисны йöрö гу, вылас сирöд чагъяс шыблалісны, шыбитісны начкөм петукöс, а чагьяссö öзтісны. Гуад Окма пöрис дзодзулö, чепöсйис петны, да найö сийöс зырийён бөр тойыштісны, и сийö сотчис. Сэсся зонмыд гөтрасис нылыдкөд, а деньгаыз уна да, ыджыз керка лэптісны и бура овмөдчисны. Сэсся ыстіс сийö ассъыс казакъяссö бать-мамысла. Кор посолъясыд воисны, старик гозъя гач дөмлісны, да зэв ёна повзисны: кытчö пö миянөс корöны? Но посолъясыд пуксьöдисны найөс доддö, нуисны-нуисны, вайисны коркө мича керка дорö да пыртісны сэтчö. Повзёмйивсьыд стариклөн горшыс кутис косьмыны. Некымын жыр пыр мунісны нин, старикид ыргөн жбанысь адзис ва. Сöмын гумовтіс юны, öдзöсыд воссис, и пиыс пырö:

— Эн ю, — шуö, — тайö васö, батьö. Ме сöмын на сийён кок мыськалі.

Зэв нимкодъ лои пöрысь гозъялы, писö аддзисны да, а пиыс и шуö батыслы:

— Помнитан, батьö, кырныш коркө шуліс, мый тэныд пиыдысь кок пожъялан васö лоö юны, да кыз тэ сэки ме вылö скөрмин?

Овмөдчисны öтлаын. И öні на олöны-вылöны.

##

##

##

##

##

##

Охма

В давние времена жили-были старик со старухой, и был у них единственный сын. Вот как-то сели отец с сыном ужинать, отец и стал спрашивать:

— Какому мастерству будешь учиться: портняжить, сапожничать или плотничать?

А сын молчит.

— Или, может, книжному делу?

— Вот книжному делу, — отвечает сын, — я, отец, выучусь.

Поужинали они, оделись и отправились в школу. Шли-шли, приходят к ручью, а спуск к ручью был очень крутой и подъём такой же. Спустились они благополучно, а как перешли ручей и стали подниматься, старик поскользнулся и упал.

— Охма! — воскликнул он. — Упал.

Вдруг будто из земли вырос и встал перед стариком мужик.

— Почему ты позвал Охму? — спрашивает мужик. — Вот я пришёл к тебе. Что за заботы ко мне привели? Куда путь держишь?

— Я, — говорит, — сына веду учиться. Хочет научиться всему.

— Дай мне сына, — говорит Охма, — я его всему обучу. Через год можешь придти за своим мальчиком.

Отдал старик сына в ученье Охме, а сам вернулся домой. Перешёл через ручей и подумал: «Отдал сына Охме, сам даже не спросил, где он живёт». Хотел вернуться и спросить, но ни Охмы, ни мальчика уже не было. Помалялся, помаялся старик и вернулся домой, а жене так и не сказал ни слова ни полслова, куда и как отдал сына, знали о том только его рубаха да сердце под ней.

Прошёл год. Старик собрался к Охме сына проведать. Перед дорогой сел с женой обедать. Вдруг, хлопая крыльями, в открытое окно влетел голубь.

— Дурной, что ли, этот голубь? — говорит старик. — Прямо в избу влетел!

Схватил ухват и стал гнать голубя из дома. Но голубь трижды облетел избу, бросился вниз головой на голбец и превратился в человека. Посмотрел на него старик и узнал сына.

— Моему ученью срок годовой вышел, — говорит мальчик, — теперь иди к Охме и меня обратно попроси. У него учатся двенадцать таких же, как я, мальчиков. Охма сделает нас всех совершенно одинаковыми и попросит меня узнать. Если не узнаешь, век тебе меня не видать. Примечай получше. Сидя за столом, я буду класть ложку вниз донышком. Я сейчас от Охмы пришёл тайком, чтобы тебе всё это рассказать.

Затем мальчик опять превратился в голубя и улетел. Отправился старик в путь. Пришёл как раз к тому ручью, где в прошлом году встретился с Охмой, сел отдохнуть и громко сказал: «Охма!» Охма будто из-под земли вышел и встал напротив старика: «Зачем, — говорит, — позвал меня?» «Сына пришёл забрать. Год-то уже прошёл!» Шли они, шли и пришли к дому Охмы. Зашли туда, а там за столом сидят совершенно одинаковые двенадцать мальчиков и едят.

— Ну, — говорит Охма, — знаешь ли ты, который мальчик твой?

— Подожди, — отвечает ему старик.

Видит, как один из мальчиков кладёт свою ложку вниз донышком.

— Вот, — говорит, — мой сын!

— Узнал, — отвечает Охма, — если б не узнал, никогда бы уж не увидел своего сына. Оставишь ли его ещё у меня в ученье?

— Поучи уж второй год, — согласился старик.

Воротился старик домой и прожил ещё год. Как-то прилетел опять голубь к окну. Старик уж не схватился тут за ухват, а впустил голубя в избу. Голубь опять трижды облетел вдоль стен, сел на голбец, обратился в старикова сына и говорит:

— Теперь Охма обратит нас в гусей, мы будем клевать зерно. Я буду клевать, вытягивая шею. Если не узнаешь, не увидишь меня больше. Я украдкой сбежал, рассказать тебе.

Сказал, обратился в голубя и улетел. Старик снова отправился к Охме. Охма впустил его и спросил:

— Опять за сыном пришёл?

— За сыном, — отвечает старик. Охма завёл его домой, и зашли в дом двенадцать гусей. Насыпал им Охма ржи, гуси принялись клевать. Охма и говорит:

— Ищи своего сына. Узнаешь — отдам его, не узнаешь — не отдам.

Старик пригляделся, видит: один гусь клюёт, вытягивая шею. На него и указал: вот, дескать, мой сын.

— Узнал, — говорит Охма, — оставляй уж на третий год. Проучится ещё год, и ученье завершится.

— Пусть поучится, — согласился старик. И опять прошёл год, и прилетел к старику голубь, трижды облетел вдоль стен, сел на голбец, обратился в старикова сына и сказал:

— Я украдкой сбежал, предупредить тебя. Придешь ты к Охме, он обратит нас в серых уток. Когда мы примемся клевать зерно, я одно крыло опущу к земле. По этому знаку меня узнай. Не узнаешь, пропаду я.

Сказал и улетел. Отправился старик к Охме, застучал в дверь, загрохотал. Охма впустил его и спрашивает:

— За сыном?

— За сыном.

Только завёл его Охма в свой дом, откуда ни возьмись прилетели двенадцать серых уток и начали клевать зерно.

— И где же твой сын? — спрашивает Охма. Одна из уток клюёт, опустив кончик крыла на землю.

— Вот эта, — говорит старик.

— Ну, что ж, — отвечает Охма, — возьми и неси...

Взял старик утку под мышку и отправился домой. Шёл-шёл, пришёл к ручью. Не успел спуститься с кручи, утка выпорхнула у него из-под мышки и улетела. «Вот теперь, — думает старик, — я уж совсем потерял своего сына, не видать мне его больше». Глядь, а утка уже за ручьём, села на кручу и обратилась в старикова сына. Заторопился старик к сыну, порадовались они вместе и пошли домой. А над их головами ворон летит и кричит:

— Курк, курк, курк!

— Ты вот три года учился, — обернулся старик к сыну, — а знаешь ли, что сказал ворон?

— Я-то знаю, что он сказал, только тебе не смею сказать. Если скажу, ты сильно рассердишься.

— Скажи, не рассержусь.

Сын всё отнекивался, как ни настаивал отец, наконец сказал:

— Ворон говорит: оба радуетесь, да только придётся отцу напиться обмывками сыновних ног.

Старик и в самом деле рассердился:

— Я буду пить обмывки с твоих ног?! Нет, этого не будет!

И до самого дома они промолчали. Пожили-побыли они дома, сын однажды и говорит отцу:

— Деньги нужны. Я обернусь конём, а ты меня води в город и продай на базаре за сто рублей. Дешевле не отдавай и дороже не проси. Только узду при продаже не отдавай.

Сын и вышел из дому. Отец ждал его, ждал, а он всё не возвращается. Вышел, наконец, в конюшню, а там красивый серый конь. Взнуздal его старик и повёл в город. И даже до базара не дошёл, как повстречался с красивой девушкой.

— Куда, дедушка, идёшь? — спрашивает она.

— Коня веду на базар продавать.

— Продай его мне.

— Отчего ж нет? Я продам. Давай сто рублей.

— Возьми двести, — говорит девушка.

— Нет, больше не надо!

Взял старик сто рублей, отдаёт девушке коня и говорит:

— Только я узду тебе не отдам...

— Ничего, я узду на базаре куплю, небось найдётся...

Купила она на базаре новую узду, села на коня, по-скакала. А девушкой-то оказался Охма. Скакал-скакал и прискакал к болоту.

— Я ж тебя, — говорит, — проучу за то, что хотел быть сильнее меня. Заведу в болото, все бока корягами пооб-деру.

Понукает Охма коня, хлыстом ударил, глядь: сидит на муравейнике, а в руке узда. Только одна узда и осталась. На следующий день опять говорит сын своему отцу:

— Обращусь я ещё раз в коня, а ты продай меня за двести рублей, ни больше, ни меньше. Узды не отдавай.

Сказал и вышел во двор. Старик отправился на конюшню, а там стоит краше вчерашнего чалый конь. Взнуздal старик коня и повёл на базар продавать, опять повстречался с девушкой.

— Куда путь держишь, старый?

— Коня веду продавать.

— Продай мне, я куплю.

- Давай двести рублей...
- Возьми четыреста...
- Нет, — отвечает старик, — мне и двухсот хватит.

Заплатила девушка двести рублей, взяла коня, а узды ей старик не дал. И оказалось, что девушкой опять был Охма. Вскочил на коня, поскакал по болоту, думает: «Уж сегодня-то я тебя проучу, загоню в болото, все бока корягами обдеру...»

Стал он коня в болото загонять, ударил его поводьями, глядь: сидит опять на муравьиной куче, и никакого коня под ним нет. Растерялся Охма:

— Что же это такое? Я колдун из колдунов, а он и меня перехитрил!

Бросился домой, открыл чёрную книгу, в ней обо всём написано. Читал-читал, ничего не нашёл. Хотел уж захлопнуть, а в уголке одной страницы написано: «Коня без узды не покупай!» На третий день опять пришёл сын к отцу:

— Сегодня я в вороного коня превращусь, продай меня за триста рублей. Дешевле не отдавай, дороже не бери, узду себе возьми.

Сказал и вышел. За ним пошёл в конюшню отец, а там красивый вороной конь стоит. Взнуздав старик коня и повёл в город. И опять, не доходя до базара, повстречался с красавицей-девушкой.

- Куда идёшь, старик? — спрашивает девушка.
- Коня продавать.
- Мне не продашь?
- Отчего ж нет? Давай триста рублей.
- Возьми шестьсот.
- Не надо мне шестьсот. Давай триста.

Заплатила девушка за коня, а старик и говорит:

- Узды я тебе не дам, узду сама на базаре купишь.
- Как не дашь? Без узды лошадь не продают.

Тут они заспорили. Спорили-спорили, дошли до суда, и судья присудил отдать узду девушке. Опечаленный, вернулся старик домой:

— Теперь не видать мне уж своего сына!

А девушкой-то опять оказался Охма. Вскочил на коня, говорит:

— Ну, уж теперь ты от меня не уйдёшь! А за хитрость и обман я тебя проучу.

Направил коня в болото и загнал по самые ляжки. Слез с коня, ухватил корягу, только было замахнулся на коня, а коня-то и нет. Он туда-сюда глазами, видит: на дереве сорока. Обратился в ястреба — и за ней. Снялась сорока, летела-летела, долетела до ложбины, превратилась в крота. Охма за ним в норку. Крот дорылся до реки, обратился в ерша, а Охма за ним щукой. Ёрш плыл-плыл, да и заплыл меж камней, щуке за ним туда никак не пробиться. Остановилась щука у камней и говорит ершу:

— Давай поцелуемся!

— Сзади поцелуй! — щетинится ёрш.

Тут щука улеглась возле выхода и давай ждать. «Небось, дескать, вылезешь, вечно под камнем не проживёшь, а вылезешь, тут же проглочу». А день был солнечный, солнышко пригревало вовсю, и щука заснула. Ершу только это и надо. Вынырнул из-под камней, и поминай как звали. В это самое время за водой к реке пришла красавица-девушка. Зачерпнула ведром воды, а в воде — ёрш. «Вот так диво, — думает девушка, — ни одной женщине в ведро рыба не попадала, а мне попала». Взяла ерша в руки, стала рассматривать. А рыба вдруг превратилась в кольцо. Ещё больше удивилась девушка и надела кольцо на палец. Тут вдруг вышел из воды старик и говорит:

— Это кольцо моё. Отдай назад.

— Как твоё? — отвечает девушка.

— Посмотри: на кольце мой вензель...

— Не дам.

Просил старик, просил, да девушка твёрдая была, кольцо ему не дала и ушла домой. А вечером, только с пальца кольцо сняла, появился перед ней красивый парень, стариков сын.

— Завтра, — говорит он девушке, — придёт давешний старик, будет опять просить кольцо. Ты продай его за десять тысяч рублей, а кольца ему в руки не давай, брось на пол. Я тогда обращусь в горошинки, одна горошинка будет скакать по полу, наступи на неё ногой.

Сказал и снова обратился в кольцо. И верно: на следующий день пришёл к девушке старик:

— Продай кольцо.

— Продам за десять тысяч рублей золотом...

Уплатил старик целый мешок золотых денег, а девушка сняла с пальца кольцо и протянула его старику. Но только старик протянул за кольцом руку, девушка обронила его на пол. На полу кольцо тотчас превратилось в горох, одна горошинка запрыгала, и девушка наступила на неё ногой. А старик сейчас же превратился в петуха и бросился клевать горошинки. Но тут из-под ноги девушки вышел молодец, отрубил петуху голову и рассказал, что петух этот был Охма-колдун.

— Он меня хотел убить, — говорит молодец, — и всё меня преследовал. Но теперь я от него избавился.

Вырыли они во дворе яму, обложили её смолистыми щепками, бросили зарезанного петуха, а щепки подожгли. В яме Охма превратился в ящерицу, кинулся было вылезти, да они его лопатой обратно затолкали, и он сгорел. Тогда парень женился на девушке, а так как денег у них было много, построили большой дом и хорошо зажили. И послал он своих слуг за отцом и матерью. Когда послы пришли, старик со старухой как раз штаны латали, очень они испугались: куда, дескать, нас зовут? Но послы усадили их в карету, везли-везли, привезли наконец к кра-

сивому дому и в него ввели. С испугу старику захотелось пить. Прошли они уже несколько комнат, как старик увидел в медном жбане воду. Только он зачерпнул воды — напиться, как дверь открылась, и вошёл его сын:

— Не пей, — говорит, — этой воды, отец. Я только что в ней ноги вымыл.

Очень обрадовались старик со старухой, что видят сына, а сын говорит старику:

— Помнишь, отец, ворон когда-то сказал, что тебе придётся испить обмывки после ног твоего сына, и как ты тогда на меня рассердился?

Зажили они вместе. И теперь ещё живут-поживают.

Пипиристи-сөкөл

Важөн вөліс коркө өти купеч, сылөн вөлі куим ныв. Мөдөдчис коркө сійө ярманга ылө.

— Мый жө тiянлы ньөбны, нывъясөй? — юалө нывъяслысь.

— Мен сарапан дөра, — шуө ыджыд нылыс.

— Мен шөвк чышъян, — шуө шөркост нылыс.

— А мен, — шуө ичөтыс, — колө Пипиристи-сөкөллөн тыв*.

— Ладнө, — шуө купеч. — Вая.

Муніс сійө ярманга ылө, сарапан ньөбис, шөвк чышъян ньөбис, а тывсө сөкөл Пипиристилысь некытысь эз вермы корсьны. Воис бөр гортас, козинъяс сеталө, а меддзоля нылыслы — нинөм. Бөрдө сійө. А ыджыдджык нывъясыс нимкодясьоны. Мөдөдчис сійө купечыс мөдысь ярманга ылө, бара юасьө:

— Мый тiянлы вайны, нывъясөй?

* Тыв — тани: бордтыв.

И бара медыджыдыс корö сарапан, шöрыс — шöвк чышгъян, а меддзоляыс корö сөкөл Пипиристилысь тывсö вайны.

— Нинöм меным сыысь кындзи оз ков! — шуö.

Пуксис купеч караб выlö и муніс. И дзонь караб тыр төвар ньöбис. Ыджыд нылыслы — мөд сарапан выlö дөра, шöрыслы — шöвк чышгъян, а меддзоля нылыслы бара нинöм эз вай. Воча петісны карабыдлы нывъясыс, кык ыджыдыс нимкодясьöны, коймөдыс бара бөрдө. Мөдөдчис ярманга выlö купеч коймөдысь, и коймөдысь юасьö нывъяслысь, кутшөм козингяс налы вайны. И куимнан нылыс бара шуисны: öти — сарапан, мөд — чышгъян, коймөд — сөкөл Пипиристилысь тыв. Муніс купеч, ньöбис уна-уна төвар, шуис, сөкөл Пипиристиыдлысь тывтö сэсса корсьны нин, корсис-корсис, сэсса аддзис жö! Мича тывйыс, югъялө, сөмын зэв дона. Кывлісны нывъясыд козингяс йывсьыд, зэв нимкодьöсь батынслы воча котөртісны, и дзоля нылыд босьтіс сөкөл Пипиристиыдлысь тывсö, нуис аслас жырйö, дзебис виччысьöмөн. Сэсса и кутіс сійö ныв дорад сөкөл Пипиристи воывлыны. Ставнас зарни, и бордгьясыс зарнийсь. Лэбзяс öшинь вылас сы дөрö, нылыд восьтас сылы и узыö сыкөд войбыд. А кык ыджыд нылыд, кыз тöдмалісны та йылысь, лөдісны öшинь вылас вугыра шыдөс, мед сөкөлөс шатинөн моз кыйны. Лэбзис сөкөл Пипиристи, сатшкысис вугырыд сылы морөсас да бордгяс, и шуö сійö нылыдлы:

— Мыйла тэ менö дойдін? Но, кужин дойдны, öні куж и корсьны куим öкмыс му сайысь, куим öкмыс ю сайысь, куим öкмыс виж лыа сайысь.

Шуис и лэбзис. Бөрддзис нылыд, дыр сійö бөрдіс, сэсса и думайтны кутіс, кыз сылы сөкөл Пипиристиöс корсьны. Босьтіс аскөдыс майтөг, сынан, шöвка пялка, пуктіс нопйö, петіс туйö. Муніс-муніс, куим öкмыс му муніс, локтö кутшөмкө море дөрö, аддзö: море вомөн юсь лэбö, и шуö нылыд сійö юсьыдлы:

— Юсьой, юсьой, вуджод мено тайо море вомоны!

Пуксьодис юсьид нывто вылас, вуджодис море вомон. И мунис нылыд водзо, кытчодз эз во виж лыа доро. А сэн верблюд сулало.

— Верблюд, верблюд, — коро сийо, — вуджод мено тайо лыа вомоны!

Пуксьодис верблюд сийос мыш вылас, вуджодис. Сэссия воис сийо сикто, вөйысьо оти керкао шойчыштны, а сылысь юалоны:

— Кытчо но мунан?

— Сөкөл Пипиристиос корся.

— А со сэни, — шуоны сылы, — Ёма нывкод оло. Мун сы доро, медась казакө.

Кывзисис нылыд, мунис Ёма доро, медасис сы ордо казакө. Оло сы дорын, оло, корко кутис сынасны гортсыс босьтом сынанон.

— Он-о вузав сынанто? — юало Ёма ныв.

— Ог, ог вузав. Вайлы меным сөкөл Пипиристиос оти вой кежло, сидз сета.

Көсйысис Ёма ныв сетлыны сылы оти вой кежло сөкөл Пипиристиос. Рытнас, кор Пипиристи-сөкөл гортас воис, юкталис сийос Ёма ныв кодода да, кор сийо усис, лэдзис сы доро нылос, мед сыкод водас. Нылыд водис дай бөрддзис:

*Пипиристи-сөкөл менам,
Ме од тэнö быглаысь корси,
Куим өкмыс му сайысь,
Куим өкмыс ю сайысь,
Куим өкмыс лыа сайысь...
Ок, корси дай корси!*

Войбыд тадзи бөрдис да сьылис нылыд, но сөкөлыд эз садьмы. А кор асывнас чеччис, шуис Ёма нывлы:

— Тавой вөтөн быттьо водда гөтырöй сьылис.

— Пыр тэныд мыйкө каститчө, — вочавидзö сылы Ёма

ныв. — Гудйышт пельтö нимтöм чуньнад, нинöм он кут кывны. И нинöм абусö он кут сörны.

Мöд луннас нылыд кутіс гортысь босьтöм майтöгөн мыссыны. Ёма нылыд корö:

— Вузав меным майтöгтö!

— Оз вузассы. Вай ещö öти вой Пипиристи-сöкөлкөд узыны, сідз сета.

Кöсйысис Ёма нылыд, и збыль: кор Пипиристи-сöкөл рытнас воис, юкталіс сійöс усьмöныс, корис нылöс:

— Мун сöкөл дорö, вод.

Водіс нылыд и бара бöрддзис да сывны кутіс:

*Пипиристи-сöкөл менам,
Ме öг тэнö быглаысь корси,
Кум öкмыс му сайысь,
Кум öкмыс ю сайысь,
Кум öкмыс лыа сайысь...
Ок, корси дай корси!*

Войбыд сьыліс да синва кисьтіс. И муніс сöкөл до-рысь, мыйöн югдыны кутіс. А Пипиристи-сöкөл лун шөр гөгөр садьмис да шуö:

— Бара вöтаси, быттö воддза гөтырöй сьыліс.

— Бара шогмытöмыс каститчö. Шулі тай: суй нимтöм чуньтö пеляд, гудйысьышт, и нинöм он кут вöтасыны.

А коймöдысьсö нылыд кутіс пялка вылын вышивайт-ны, и бара сы дорö Ёма силитчис, мед вузалас, но мöдыс эз вузав да кöсйысис сетны сылы, коймöд вой кежлö кö Пипиристи-сöкөл дорö вайöдлас. Ёма нылыд кöсйысис да, кор Пипиристи-сöкөл гортас воис, бара кутіс сійöс ви-наөн юктавны. Но Пипиристи-сöкөлыд тайö раз эз нин винатö ю, бокö кисьталіс, а ачыс код улö лэччысис да весиг усис, быттö дзикöдз коддзöма. Водіс сэки сы дорö нылыд, бöрддзис и сывны кутіс:

*Пипиристи-сöкөл менам,
Ме öг тэнö быглаысь корси,*

Куим өкмыс му сайысь,
Куим өкмыс ю сайысь,
Куим өкмыс лыа сайысь...
Ок, корси дай корси!

А Пипиристи-сөкөл, вөлөм, оз узь. Кыліс сійө сьылөмтө, сывйыштис нывтө. Асылөдзыс куйлісны найө, асывнас и шуө Пипиристи-сөкөл нылыды:

— Эн чеччы!

А Ёма ныв садьмөдө нин:

— Чеччөй нин! Тырмас! Он кө чеччөй, суд вайөда!

Найө оз чеччыны, быттө узьоны на. Сэки Ёма ныв пöрысьясөс чукөртис, винаөн юкталіс, а ачыс керка шөрө петіс да пöрысьяслысь юалө:

— Висьталөй, кутшөм венеч ёнджык: воддзаыс али бөръяыс?

— Воддза венечыс ёнджык! — шуоны пöрысьяс.

— Нинөм ті он төдөй! — горөдіс Ёма нылы да сійө пöрысьястө вөтліс. А на пыдди чукөртис томджык йөзөс, шөр арлыдаөс, юкталіс найөс коддзымөныс, ачыс бара петіс керка шөрө, юалө налысь:

— Кутшөм венеч ёнджык: воддзаыс али бөръяыс?

— Воддзаыс! — шуоны шөр арлыдаяс.

— Нинөмсө он төдөй! — горөдіс Ёма да ставнысө найөс вөтліс. А ачыс чукөртис том йөзөс, но и том йөзыд шуисны:

— Воддза венечыс ёнджык!

Сэки чеччис Пипиристи-сөкөл, көрталіс Ёмаөс сизим арөса чань бөжө да вартіс чаньыды орсөн. Кырссыйштис сійө чаньыд, кытчө киясыс Ёмаыдлөн лэбисны, кытчө кокъясыс, нинөм сыысь эз коль. Сэсса овмөдчис Пипиристи-сөкөлыд воддза гөтырыскөд, зэв бура овмөдчис, гашкө, и өні на найө көнкө олөны-вылөны.

##

##

#

#

##

##

Пипиристи-сокол

Жил когда-то давно один купец, три дочери у него было. Отправился он как-то на ярмарку.

— Что же вам купить, доченьки? — спрашивает он.

— Мне матерьялу на сарафан, — отвечает старшая дочь.

— Мне шёлковый платок, — говорит средняя.

— А мне, — говорит младшая, — нужно перо сокола Пипиристи.

— Ладно, — соглашается купец. — Привезу.

Поехал он на ярмарку, сарафан купил, шёлковый платок купил, а перо сокола Пипиристи нигде найти не смог. Воротился домой, раздаёт подарки, а самой младшей дочери — ничего. Плачет она. А старшие веселятся.

Собрался тот купец на ярмарку во второй раз, опять спрашивает:

— Что привезти вам, доченьки?

И опять старшая попросила сарафан, средняя — шёлковый платок, а младшая просит привезти ей перо Пипиристи-сокола.

— Ничего мне кроме него не надобно! — говорит.

Сел купец на корабль и уехал. И целый корабль товара закупил. Старшей дочери — на второй сарафан, средней — опять шёлковый платок, а самой младшей дочери опять ничего не привёз. Встретили дочери корабль, старшие радуются, третья опять плачет. Поехал купец на ярмарку в третий раз и в третий раз спрашивает дочерей, какие подарки им привезти. И дочери опять пожелали: одна — сарафан, другая — платок, третья — перо сокола Пипиристи. Поехал купец, накупил товара, решил, наконец, найти уж перо сокола Пипиристи, искал-искал, наконец нашёл! Красивое перо, только дорого стоит. Узнали дочери про подарки, радостно побежали навстречу отцу,

и младшая взяла перо сокола Пипиристи, унесла к себе в горницу, бережно прятала. И начал с того момента прилетать к той девушке сокол Пипиристи. Весь золотой, и крылья золотые. Прилетит к ней на окошко, девушка открывает ему и спит с ним целую ночь. А старшие дочери, как узнали про это, рассыпали на окошке зерно и крючок в нём спрятали, чтоб поймать сокола, как на удочку. Прилетел сокол Пипиристи, распорол тем крючком крыло и грудь и говорит девушке:

— Зачем ты меня поранила? Ну, сумела обидеть, теперь сумей найти за тридевять земель, за тридевять рек, за тридевять жёлтых песков.

Сказал и улетел. Заплакала девушка, долго она плакала, потом стала раздумывать, как же ей сокола Пипиристи разыскать. Взяла с собой мыло, гребёнку, шёлку да пальцы, положила в котомку, отправилась в путь. Шла-шла, тридевять земель прошла, подходит к морю, видит: через то море лебедь летит; и говорит девушка тому лебедю:

— Лебедь, лебедь, перевези меня через море!

Посадил лебедь девушку себе на спину, перевёз её через море. И пошла девушка дальше, пока не пришла к жёлтому песку. А там верблюд стоит.

— Верблюд, верблюд, — просит она, — перевези меня через этот песок!

Посадил её верблюд себе на спину, перевёз. Потом пришла она в деревню, просится в одну избу отдохнуть, а её и спрашивают:

— Куда ж ты идёшь?

— Я сокола Пипиристи ищу.

— Да он вон там, — говорят ей, — с дочерью Ёмы живёт. Пойди к ней, наймись в работницы.

Послушалась девушка, пошла к Ёме, нанялась к ней в работницы. Живёт у неё, живет. Вот стала как-то расчёсывать волосы той гребёнкой, что из дому взяла.

— Не продашь ли гребёнку? — спрашивает дочь Ёмы.

— Нет, не продам. Дай мне сокола Пипиристи на одну ночь, так отдам.

Обещала дочь Ёмы дать ей на одну ночь сокола Пипиристи. Вечером, когда Пипиристи-сокол вернулся домой, напоила его дочь Ёмы допьяна и, когда он свалился, пустила к нему девушку, чтобы легла с ним. Девушка легла и заплакала:

*Пипиристи, сокол мой,
Я тебя везде искала,
За тридевять земель,
За тридевять рек,
За тридевять песков...
Ох, искала я, искала!*

Всю ночь плакала и пела девушка, но сокол не проснулся. А как наутро встал, сказал дочери Ёмы:

— В эту ночь мне во сне прежняя жена как будто пела.

— Вечно тебе что-нибудь мерещится, — отвечает ему дочь Ёмы. — Поковыряй в ушах безымянным пальцем, ничего слышать не будешь. И бредить не будешь о том, чего нет.

На другой день стала девушка умываться мылом, которое из дому захватила. Просит Ёмина дочь:

— Продай мне мыло!

— Не продаётся оно. Дай ещё одну ночь с Пипиристи-соколом провести, задаром отдам.

Обещалась Ёмина дочь, и верно: когда вернулся вечером Пипиристи-сокол, напоила она его до упаду, позвала девушку:

— Иди к соколу, ложись.

Легла девушка и опять заплакала, и запела:

*Пипиристи, сокол мой,
Я тебя везде искала,*

*За тридевять земель,
За тридевять рек,
За тридевять песков...
Ох, искала я, искала!*

Всю ночь пела и слёзы лила. И ушла от сокола, как только начало рассветать. А Пипиристи-сокол проснулся около полудня и говорит:

— Опять мне приснилось, будто прежняя моя жена пела.

— Опять тебе мерещится. Говорила же: засунь безымянный палец в ухо, поковыряй, и ничего сниться не будет.

А на третий день начала девушка шёлком на пальцах вышивать, и опять пристала к ней Ёма, чтоб продала, но та не продала, а пообещала отдать, если приведёт её к Пипиристи-соколу на третью ночь. Ёмина дочь согласилась и, когда вернулся домой Пипиристи-сокол, опять начала его спаивать. Но Пипиристи-сокол не пил вина на этот раз, выливал его в сторону, а сам притворился пьяным и даже повалился. Легла тогда к нему девушка, заплакала и запела:

*Пипиристи, сокол мой,
Я тебя везде искала,
За тридевять земель,
За тридевять рек,
За тридевять песков...
Ох, искала я, искала!*

А Пипиристи-сокол, оказывается, и не спал. Услышал ту песню, обнял девушку. Пролежали они до утра, утром Пипиристи-сокол и говорит девушке:

— Ты не вставай.

А Ёмина дочь будит уже:

— Вставайте! Хватит! Не встанете, суд приведу!

Они не встают, будто спят ещё. Тогда собрала Ёмина

дочь стариков на суд, угостила их вином, а сама вышла на середину избы и спрашивает:

— Скажите, какое венчание крепче: первое или последнее?

— Первый венец крепче! — отвечают старики.

— Ничего вы не знаете! — закричала Ёмина дочь и стариков прогнала. А вместо них собрала людей помоложе, среднего возраста, напоила их допьяна, сама опять вышла на середину избы, спрашивает их:

— Какой венец крепче: первый или последний?

— Первый! — отвечают ей.

— Ничего вы не знаете! — закричала Ёма и всех прогнала. А сама собрала молодых людей, но и молодые отвечали ей:

— Первый венец крепче!

Тогда поднялся Пипиристи-сокол, привязал Ёму к хвосту семилетнего жеребца и ударил по тому жеребцу плетью. Понёсся тот жеребец. Куда руки Ёмины полетели, куда ноги, — ничего от неё не осталось. И зажил тогда Пипиристи-сокол с первой своей женой, и хорошо зажил, может быть, и теперь они где-нибудь живут-поживают.

Повтѡм салдат

Важѡн олі-выліс ѡти салдат. Кызь вит во служитіс, кызь квайтѡд во вылас сійѡс гортас лэдзисны. Вот мѡдѡдчис салдат гортас ассыс пѡрысѡ бать-мамсѡ видлыны. Муніс, муніс да ѡти керкаѡ узыны юасис.

— Лэдз, — шуѡ, — кѡзяин, служивѡй мортѡс узыны.

— Узынытѡ милости просим, а вердны-юктавны миян крѡшки нянь абу.

Салдат кыскис сумкасыс нянь коляссѡ да шуис:

— Сёйё кодлы мыйта тырмас.

Мёд луннас служивой мёдодчис водзё да корысь тьоткакёд воча лоис:

— Отсав, — шуё, — служивой, корысь старукалы. Сет жаляддза өти нянь кусок.

Салдат мешок пельосысь гурйис да лукйис, гурйис да лукйис да өти нянь крошки эз сюр. Сэсся зеп пыдоссыс сюри дас сизим ур* да сетис корысь старукалы. Корысь старука сы пыдди сетис ассыс коран сумкасё дай шуё:

— Босьт, служивой, милостина сетом пыддиыд тайё сумкасё. Тайё сумкаон тшыглы он кув ни погибё он во.

Босьтис салдат корысь старукалысь сумкасё дай водзё мёдодчис. Мунис, мунис да кынёмыс мөдис сюмавны. Медбөръя няньсё узянинын вердис, медбөръя деньгасё корысь старукалы сетис, весиг куритчынытё табакыд абу. Пуксис салдат туй бокё, юрсё гыж-гыжкерыштит дай корысь старукалон сетом сумкаыс сылы дум вылад уси.

— А лосьыд жё эськё тайё сумкаас кё няньтор, вина бутылка да табак тыра кошель кё вөлі.

Сэсся тапнитис кинас сумка бокё, а сумкасыс том молодец звирк чеччыштит.

— Мыйон, — шуё, — верма служитны тэд, выль көзяин?

Салдатлы зэв нимкодъ лои да шуё:

— Мед пырысь-пыр тані вөлі пызан да улёс. Пызан выв тырыс медся чёскыд сёян-юан да куритчан добра.

Друг салдат водзын лоис пызан, а пызан выв тырыс быд сикас кушанье да табак кошель. Салдат пөттөдзыс сёйис-юис, лөзөдтөдзыс куритчис дай бара кучкис сумка бокё:

— Но, өні кежлө пөт и код. Верман бөр ставсё убедитны.

Сёян ни юан эз ло, а том молодец бөр звиркнитис сал-

* Дас сизим ур — важ ногон: вит көпейка.

дат сумкао, быттьоко эз и вёвлы. Муніс, муніс салдат да каро воис. Кыліс, сэн пё сарлөн зэв мича ныв эм — Елена Прекрасная. Салдат шуо:

— Час, ветла сар ордё Елена Прекраснаяос видзодлыны. Оз-о ме сайо мун?

Кутіс пырны сар ордё, а часовёйяс сійос оз лэдзны, сьылітшуптас тойлаломён вётлісны. Кучкис салдат сумка бокё, сумкасыс том молодец чеччыштис.

— Кутшом служба, — шуо, — тшөктан служитны, вель көзяин?

А салдат сылы индо:

— Вот тайо бөлбанъясыс мено сар ордё пыравны оз лэдзны. Кучкы налы морт отпырысьон бан бок кузяныс.

Том молодец кучкис часовёйяслы морт отпырысьон, да найо турун мешокъяс моз отаро-модаро лэбовтісны. Пырис салдат сар ордё. Сар сылысь и юало:

— Кутшом могон, служивой, локтин ме ордё?

А салдат сылы и шуо:

— Ме локті тэнсьыд нывто коравны, тэ ордын гоститыштны.

Сар сылы и шуо:

— Куим лун гостит ме ордын. Кажитчас ко менам гоценне, сэки зятёпу выло туян.

Сэсся салдатос тюрьмао йортіс, а сёян-юан пыдди тшөктіс пельса тыр ва вайны да сійос гоститодны. Оти лун пукало тюрьмаын, мод лун пукало салдат, ньоти оз тождысь. Кучкас сумка бокас да пызан выв тыр сёян-юан модас руавны, и куритчыны табак тырмымон эм. Салдат мортлы уна оз и ков. Ыстіс сар слугаясөс салдат дорё юавны, здөвольон абу сійо сарской гоценнеон? А салдат слугаяслы тшөктіс висътавны:

— Зэв здөвольон, медым сар-батюшко тшөтш волас отлаын завтракаитыштны да вина румка юыштны.

Локтіс сар тюрмао салдат дінө. Салдат кучкис сумка бокас:

— Но, — шуо, — том молодец, мед тані вөлі пызан тыр медся чөскыд сёян-юаныс да быдсяма чөскыд закускаыс.

Сумка пытшкысь звирк чеччыштис том молодец да сёян-юан лосьодіс. Гөститө сар салдат ордын да дивуйтчө: татшөм чөскыд сёянъясто ньөтчыд на эз сёйлывлы. Сёйөм бөрын сар гусяліс пызан вылысь өти зарни пань да аслас зептас и суйис. Лыддисны сёйөм бөрын став паньсө да өти пань эз мөд тырмыны. Салдат и шуо сарлы:

— Эн-ө тэ гусяв менсьым паньсө?

— Эг жө гусяв.

Салдат сэсся кучкис сумка бокас дай шуо:

— Коді гусяліс менсьым өти зарни пань, сылы бан бокас кыкысь кучкыны. Ноко, том молодец, корсь вошөм паньсө.

Звиркнитис том молодец салдат сумкаысь да кыскис вошөм паньсө сар зептысь. Отчыд кучкис сарлы бан бокас — тумбыльтчис, мөдысь кучкис — мөдарө тумбыльтчис. Сарлөн өдва лолыс коли. Сэсся сарыд салдатлы шуо:

— Сета ассьым нылөс тэ сайө, өти вой кө узян менам выль керкаын да вөтлан сэтысь госьтъясөс.

Салдат и шуо:

— Кыдз нө ог узь выль керкаын.

Муніс салдат узыны выль керкаө. Сійөс вой кежлө гөгөрбок томналісны. Муртса пемдыштис, салдат мөдіс водны узыны. Друг кыськө геб мында чөртъяс локталісны да салдатлы и шуоны:

— Мыйла тэ, служивөй морт, татчө миян керкаө локтін? Ми тэнө пырысь-пыр жө виам.

Салдат налы и шуо:

— Табакныд дубалө менө вины.

Сэсся салдат кучкис сумка бокө дай шуис:

— Вай, том молодец, ужнайтыштам да закуситыштам.

Сумкаысь звиркнитіс том молодеч, да пызан выв тыр лои сёян-юанъяс. Салдат вина юо, а чортъяс завидьпырысь видзодоны сы сёйом выло. Сэсся чортъяс и шуоны:

— Он вузав, служивой, тайо сумкато миянлы?

— Тайо сумкаыс, — шуо салдат, — абу продажной, а заветной. Тайо сумка пышкас ко став чорт котырнад отпырийо торанныд, сэки сумкасо тайос дон босыттөг сета.

Чорт чукор дзольодчисны да дзольодчисны да дзик геб кодьось лоины, ставныс торисны сумка пытшкө. Салдат найос топыда корталіс сумка пытшкө. Сэсся босытис пуд джынъя гира да модіс тай кучкавны чорт тыра сумкао. Кучкаліс да кучкаліс, кучкаліс да кучкаліс. Чортъяс кыло горзоны сумка пытшкөссянь:

— Лэдз миянос, служивой, некор сэсся тэ шоро ог лосьодчой.

А салдат отаро гираон кучкало сумкао да ачыс шуало:

— Корко модысь меным паныд лосьодчанныд-о? Модысь сэсся пакоститчанныд он нин?

Сэсся босытис сумкасо да чортъясөс ошинь уло койыштіс. Чегсисны чортъяс да юртөг-садытөг чепөсйисны, коді кытчө веськало. Эз нин сэсся некор тайо выль керкао воыны. Сар нин воли думайто, мый ковтом зятьпуысь сийо мыніс, мый чортъяс джагодісны сийос выль керкаын. Мод луннас салдат локтіс сар дінө дай шуо:

— Но, менам служба эштіс. Они быть лоо сетны Елена Прекраснаяос ме сайо.

Сарлы эз вов эськө окота салдат сайо ассьыс нывсо сетны, но водзо откажитны эз лысыт. Но салдат ачыс оз окотит сар ныв выло готрасыны.

— Ме, — шуо, — ветла порысь бать-мамос видлыны, сэсся во куим кымын гуляйтышта да, окота ко босытас, волисти локта Елена Прекраснаяос коравны.

Босытис салдат ассьыс сумкасо дай гортлань мододчис. Муніс, муніс да сылы зэв мисытом старука паныдасис.

Оти киас сылӧн клещи, мӧд киас ыджыд коса. Мисьтӧм старука салдатлысь туйсӧ и потшис:

— Ӧні, служивӧй, меным тэ сюрин. Дыр нин ме тэно корся да некытысь ог аддзы. Ме тэнад Сьмертыд.

Салдат скӧрмис да саблясӧ эськӧ кӧсйис кыскыны, но Сьмертыд водзджык вевъяліс косаӧн ӧвтовтны. Вот воис салдат мӧдар югыдӧ. Но райӧ сійӧс оз лэдзны. Райын пӧ салдатлы места абу.

— Абу кӧ и мед абу, — шуӧ салдат, — ме и адӧ муна. Сёянтор кӧ да табак лоӧ, меным и адын лоӧ зэв лӧсьыд.

Лэччис салдат адӧ. Чӧртъяс сійӧс кватитісны да медся жар биас мӧдісны кыскыны. Салдат тай кыз сувтіс по-салдатски да равӧстіс чӧртъяс вылӧ ыджыд гӧлӧсӧн:

— Ак, ті, кӧмтӧм кокъяс, вӧсни бӧжъяс! Вунӧдінныд, кыз ме тіянӧс сар керкаын пуд джынъя гираӧн шонтылі!

Чӧртъяс, мыйӧн кылісны тайӧ кывъяссӧ, ставныс сюв-сяв чепӧсйисны да медыджыд чӧрт дорӧ жалӧбаӧн котӧртісны:

— Ок, дедушко, ыджыд чӧрт. Сійӧ скӧр салдатыд миян адӧ воӧма. Став адсӧ кӧсйӧ кыстыны, жуглыны.

Повзис ыджыд чӧрт, йӧршитчис ад пельӧсӧ да ылы-сянь кутіс горзыны салдатлы:

— Мун, — шуӧ, — служивӧй, миян оланінысь. Мый колӧ босыт, а миянӧс эн вӧрзӧд.

— Мый нӧ ме тіянӧн вӧча? Ті кучикысь сапӧг ог вур. Дӧзмытӧдзыс гуляйтіс салдат адын, чӧртъясӧс чиршӧдліс, полошитыштіс дай райӧ мӧдіс. Ен сылы и шуӧ:

— Кор мун Михаил Архангеллысь пищаль да сувт, служивӧй, рай ӧдзӧс видзны: Петыр Павел менам пӧрысь-мис да стӧрӧжавны оз нин вермы.

Сетісны сылы пищаль да сувтӧдісны рай ӧдзӧс видз-ны. Вот сулалӧ салдат винтовкаӧн да рай ӧдзӧс карау-литӧ. Видзӧдӧ, райӧ Сьмерт кайӧ. Салдат сійӧс соскӧдыс тракнитіс да шуӧ:

— Кыдзи тэ, лы чукөр, райö лысьтан пырны? Код тэнö корис?

Сьмерт сылы и шуö:

— Ме Ен дорö докладөн локта. Колö сылысь юавны, кутшöм арлыда йöзöс таво виавны тшöктас меным?

Салдат сылы и шуö:

— Енмыд ме докладтöг некодöс ас дiнас оз прини-
майт. На, — шуас, — босьтлы менсьым пищальöс да видз-
лы рай öдзöссö, медым ветлiгкостi некод татчö оз кав-
шась. Ме ачым ветла да тэ пыдди юала.

Ен тшöктiс салдат пыр Сьмертлы висьтавны, мый таво
колö медся пöрысь дедъясöс да бабъясöс виавны. Салдат
ас кежас думыштiс: «А менам бать-мам пöрысьöсь нин.
Тадз кö висьтала, Сьмертыд менсьым пöрысь бать-мамöс
начкас, найöс сэсся меным оз и удайтчыв аддзöдлыны». Салдат
вежис Енлысь тшöктöмсö, Сьмертлы тадзи висьталiс:

— Таво Енмыд тшöктö виавны не арлыд серти, а чин
серти. Мун лэччы му вылö да мöрит став генеральяссö да
полковникъяссö.

Сулалiс, сулалiс салдат рай öдзöс дорын, тадзи öти во
колис. Видзöдö — кысьöны, райö кайöны эполета гене-
ралъяс да югыд кизя полковникъяс, а на бöрвылын кос
лы чукөрнас гира-гаракылö Сьмерт кыскысьö. Сьмерт сал-
датлы ылысянь на горзö да öвтчö:

— Восьты, — шуö, — рай öдзöстö, служивöй, генеральяс
да полковникъяс локтöны.

А салдат Сьмерт ныр улö кулаксö мыччöдлiс:

— Код, — шуö, — тэн тшöктiс генеральяссö да полков-
никъясöс райö катöдны? Пырысь-пыр жö адö ставнысö
вöтлы. Енсянь сэтшöм приказ: генеральяссö адö вöтлы-
ны.

Нуöдiс Сьмерт генеральяссö адö да бара локтiс рай
öдзöс дорö салдатлысь юавны: кодъясöс таво Ен тшöктiс

виавны? Салдатлы Енлөн приказыс эз во сьёлём вылас: тшөктіс виавны шөр арлыда став мужичой йөзөс. Салдат думайтө, мый тайө приказыс серти Сьмерт виас сылысь вокъяссө, сэсся сылы оз и удайтчы найөс аддзөдлыны. Салдат бара вежис Енлысь приказсө да Сьмертлы тадзи висьталіс:

— Таво кежлө Енмыд тшөктіс виавны не арлыд серти, а чин серти. Лэччы мун му вылө да виав сэсь став попъяссө.

Сулаліс, сулаліс салдат рай өдзөс дорын, тадзи мөд во коли. Видзөдө: поп чукөр араваён райө кыссьёны, а на бөрся кос лы чукөрнас гира-гаракылө Сьмерт кыскысьө. Ылысянь на Сьмерт кияснас өвтчө да салдатлы горзө:

— Восьты, служивой, рай өдзөстө, попъяс райө локтёны!

Салдат бара кулаксө Сьмерт ныр улө мыччөдліс да шуө:

— Коді тшөктіс тайө кузь юрсиа бесьяссө райө катөдны? Сідз нин уна тані кузь юрсиаыс. Пырысь-пыр жө ставнысө адө вөтлы. Енсянь сэтшөм приказ сетөма.

Вөтліс Сьмерт попъясөс адө да бара локтіс рай өдзөс дорө.

— Юав, — шуө, — служивой, Енлысь, кутшөм арлыда йөзөс таво кежлө тшөктас виавны?

А салдат сылы и шуө:

— Таво кежлө Ен тшөктіс вины 25 сарөс, 50 аркирейөс, купечьясөс да став суддя-лөддясө.

Сулаліс, сулаліс салдат рай өдзөс дорын, дай коймөд во колис. Бара локтө Сьмерт, вайөдө сьөрсьыс сарьясөс, аркирейясөс, купечьясөс да став суддя-лөддясө. Ылысянь на сійө кинас өвтчө да горзө салдатлы:

— Восьт, служивой, рай өдзөстө, праведникьяс локтёны!

Салдат бара кулаксө Сьмертлы ныр улөдзыс мыччөдліс да шуө:

— Вот сета ме тэныд, лы чукөрлы, праведникъясөс вайөдөм. Код чөрт тшөктіс тэныд тайөясөс райө катөдны? Пырысь-пыр жө адө лэччөд. Енсянь сэтшөм приказ сетөма.

Вөтліс Сьмерт ставнысө адө, бара локтіс рай өдзөс дінө да ыстіс салдатөс Ен дінө юавны, кодъясөс таво жежлө виавны. А салдат скөрмис дай шуө:

— Дөзми ме тэысь. Абу ме тэныд слуга ни казак. Ветлы колөкө да ачид юав.

Төдмаліс Ен Сьмерт висьталөм серти салдатлысь став шуткасө, тшөктіс кутны да вайөдны салдатөс:

— Но, мый тэ вөчин, служивөй? Генеральясөс тэ тшөктін Сьмертлы виавны?

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— Попъясөс тэ тшөктін виавны?

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— Сарьяссө да аркирейяссө тэ тшөктін виавны?

— Так точно, ваше высокоблагородие.

Скөрмис Ен да шуө салдатлы:

— Вөтла ме тэнө, служивөй, райысь татшөм уджсьыд. Оні Сьмертлысь нянь кусөксө мырддин, нинөм сылы лои вөчнысө. Тшөкта тэныд куим во чөж вердны Сьмертөс ас кошта вылад.

Вот мөдөдчис салдат райысь му вылө бөр, а Сьмертыд сы бөрся, вуджөр моз вөтлысь: кытчө салдат, сэтчө и Сьмерт. Пуксяс салдат сөйны, Сьмерт ськөд тшөтш сөйны пуксяс да өтнас вит морт мында сөяс; пуксяс салдат вина юны, Сьмерт ськөд жө юө да вит морт мында юө. Пуксяс салдат куритчыны, а Сьмертыд сы чигарка куритігкості вит чигарка куритас. Скөрмис салдат Сьмерт вылө дай шуө:

— Дыр нө тэ ме кошта вылын мөдан вердчыны? От жө мөд ме тэнө куим во чөж вердны-юктавны.

Сэсса мунісны, мунісны дай кабак воис. Сьмерт сылы и шуө:

— Вай, служивой, пыралам кабакас да юыштам не-уна.

А салдат ас кежас думыштіс: «Час ме тэнö өні велö-дышта неуна». Сэсся сумка джынйыс кымын сөвтис дорыша изторъяс да шуö Сьмертлы:

— Кытчö тэкöд кабакö пырам? Тэнö, лы чукөрös, адзасны да став йöзыс повзясны. Бурджык лоö тэ кө пуксян ме сумкаö, а ме тэныд кута винасö мыччавны.

Сідзи и вöчисны. Сьмерт пырис из тыра салдатскöй сумкаö дай шуö:

— Ой, служивой, тані из чукөрад меным зэв чорыд куйлынытö. Бокös из дорышъясыс сутшйöдлöны. Вай ректы сумкасыд изъяссö.

А салдат сылы и шуö:

— Пукав сэн да мöритчы.

Сэсся салдат зэв топыда көрталіс сумка мешöксö да мöдіс Сьмертös пыркöдны.

— Ать! Два! Ать! Два! — по-салдатски маршируйтö да Сьмертös из тыра мешökын пыркöдö. А Сьмертлөн сöмын лыясыс гия-голякылöны из чукөр пытшкын. Сэсся салдат пырис кабащик ордö, неуна юыштіс дай шуö:

— Кабащик, менам мешökын Сьмерт куйлö, лэдза кө сійös вöля вылö, пырысь-пыр жö тэнö виас. Мый сетан, мед сійös вöля вылö ог лэдз?

Кабащик повзис да шуö:

— Мый колö, сійö и босът, но Сьмертös вöля вылö эн лэдз.

Прөститіс салдат кабащикös. Көрталіс кабак öдзöсö Сьмерт тыра мешöксö дай шуö кабащиклы:

— Ме ветла пöрысь батъ-мамös адзöдлыны. Кытчöдз бөр ог во, Сьмерт тыра мешöксö эн лысьт босътны, ме-дым тані öдзöсас мөвкъялö.

Колис Сьмерт кабак öдзöсын из тыра мешök пытшкын мөвкъявны. Быд öдзös восьтігөн да пöддалігөн сылөн

лыясыс из пытшкын гия-голякылöны. Воис салдат гор-
тас, а пöрысь бать-мамыс ловъяёсь на. Налы зэв любö
лои, мый писö ловъя синмön удайтчис аддзöдлыны.
Дзонь во салдат гöститис гортас дай кабащик ордö
Сьмертöс видлыны мунис. Лэдзис сійöс из тыра сумка-
ысь дай шуö:

— Но, Сьмерт, кутшöмджыка гöститин кабащик ор-
дын?

А Сьмертлön муртса лолыс кольöма. Сэсся Сьмерт бара
мöдiс вуджөр моз сы бöрся вöтлысьны. Салдат и думайтö:
«Кыз нö тэнö тешитны?» Ньöбис сэсся салдат табак доз,
тырыс сэтчö нюшкан табак сөвтiс, пуксис дай мöдiс та-
бак нюшкыны. Öтчyd нюшкыштiс — несйöдiс, мöдысь
нюшкыштiс — бара несйöдiс. А Сьмерт сылы шуö:

— Вай, служивöй, ме тшöтш табактö нюшкышта.

Сылön вöли сэтшöм мода: мый салдат вöчö, сы бöрся
Сьмерт вöчö.

— Öти чепöль табакод, Сьмерт, тэныд, гашкö, этша
лоö? Бурджык лоö, пуксян кö табак дозъяс, сэк сэсся кöть
лунтыр дугдывтöг нюшкы.

Пуксис Сьмерт табак дозйö, а салдатыд босьтiс табак
дозтö, зэв топыда пöдлалiс да зептас и суйис. Несъялö
кылö Сьмерт табак дозйын, а салдат сы вылын сералö.
Дзонь во чöж вöдитiс Сьмертöс табак дозйын дай лэдзис
медбöрын:

— Но кутшöмджык, Сьмерт, табак дозйын овны?

А Сьмертлön муртса лолыс кольöма. Бара Сьмерт мöдiс
салдат бöрся вуджөр моз вöтлысьны да салдат кошта вы-
лын вердчыны. Сёйны пуксяс салдат, сійö сыкöд орччөн
пуксяс да вит мында сёяс. Вот салдат вöчис ыджыд ящик
дай Сьмертлы шуö:

— Пырав, Сьмерт, ящик пытшкас да пытшкöссянныс
стенъяссö стружитышт.

Пырис Сьмерт ящик пытшкöсö, а салдат крап пöдлалiс

ящик ӧдзӧссӧ дай Сьмертӧс ящикӧ томналіс. Сэсся нуис кладбище вылӧ, кодйис гу да сэтчӧ сійӧс и тыртіс:

— Вот тэн, лы чукӧрлы... Мӧритчышт му пытшкӧсын...

Ӧти во колис, мӧд во колис, Сьмерт век абу. Ыстіс Ен анделъясӧс корсьны Сьмертӧс, кытчӧ сійӧ лоис. Корсисны да корсисны, корсисны да корсисны, неkyсь корсьны эз вермыны. Сэсся локтісны салдат дінӧ дай юалӧны:

— Кытчӧ Сьмертсӧ, служивӧй, дзебин?

— Ме сійӧс кладбищеӧ нуи да гуалі.

Корсисны да корсисны, став кладбищесӧ лупӧшитісны, коркӧ сэсся Сьмерт тыра ящикыд и сюрис. Локтіс Ен дінӧ Сьмерт дай шуӧ:

— Ӧдва менам лолӧй коли. Салдат кошта вылад вердчынытӧ абу зэв лӧсьыд.

— Салдатыдлӧн кӧ нянь-солыс абу пӧтӧса, бӧр мун мир кошта вылӧ вердчыны, — и ыстіс Ен Сьмертӧс бара мирскӧй кошта вылӧ вердчыны.

Бара важ мозыс Сьмерт мӧдіс йӧзӧс мӧритны, но салдат дорӧ весиг и матыстчынысӧ эз лысьт, непӧштӧ сійӧс мӧритны.

Та бӧрын салдат оліс на сӧ во, гашкӧ и, кыксӧӧс. Сэтчӧдз оліс, кытчӧдз ачыс эз дӧзмы.

Храбрый солдат

Жил-был один солдат. Прослужил он двадцать пять лет, на двадцать шестой год отпустили его домой. Вот отправился солдат домой проведать старых родителей. Шёл-шёл и попросился в одну избу переночевать:

— Пусти, — говорит, — хозяин, служивого человека ночь переспать.

— Спать милости просим, а кормить-поить у нас ни крошки хлеба нету!

Вынул солдат из сумки остатки своего хлеба и говорит:
— Ешьте, кому сколько хватит.

На другой день служивый отправился дальше. И повстречался с нищенкой.

— Помоги, служивый, — говорит она солдату, — нищей старушке, пожалей меня, дай кусочек хлеба.

Солдат обшарил углы своего мешка, не нашёл ни крошки. Только в кармане пять копеек завалялись, он и отдал эти деньги старухе. Старушка же дала ему свою нищенскую суму и говорит:

— Возьми, служивый, за свою милостыню эту суму. С ней и с голоду не умрёшь, и нигде не пропадёшь.

Взял солдат суму нищенки и отправился дальше. Шёл-шёл, захотел поест. За ночёвку отдал последний хлеб, последние деньги нищей старухе отдал, табаку — и того нет. Сел солдат у дороги, почесал затылок и тут вспомнил про старухину суму.

— А хорошо бы, — говорит, — если бы в этой суме кусок хлеба, бутылка вина и полный кисет табака оказались, — и хлопает рукой по суме. А из сумы молодец выскакивает:

— Чем могу служить, новый хозяин?

Солдат обрадовался и говорит:

— Пусть сейчас появятся тут стол и стул, и чтобы на столе было полно самых вкусных кушаний и питья и покурить чтоб нашлось.

И тотчас перед солдатом оказался стол, на столе полно всякой еды и кисет с табаком. Досыта солдат наелся, напился, до синевы накурился и опять ударил по суме:

— Ну, пока сыт и пьян. Можешь обратно всё убирать.

Ни еды, ни питья на столе не стало, а молодец прыгнул назад в суму, словно его и не было. Шёл-шёл солдат, дошёл до города. Прослышал он, что есть у царя очень красивая дочь — Елена Прекрасная. Говорит солдат:

— Дай-ка, схожу к царю посмотреть на Елену Прекрасную. Не выйдет ли за меня замуж?

Заходит к царю, а часовые его не пускают, вытолкали взащей. Ударил солдат по суме, из сумы молодец выскакивает:

— Какую службу прикажешь служить, новый хозяин?

Солдат ему приказывает:

— Вот эти болваны меня к царю не пускают. Дай каждому по щеке по разу.

Ударил молодец каждого часового по разу, они, как мешки с сеном, полетели в разные стороны. Вошёл солдат к царю. Спрашивает у него царь:

— По какому делу, служивый, пришёл ко мне?

А солдат ему отвечает:

— Я пришёл дочь твою сватать да у тебя погостить.

Царь ему и говорит:

— Три дня гости у меня. Если понравится моё угощение, значит, годишься мне в зятя.

И посадил солдата в тюрьму, а вместо еды-питья приказал кадку с водой принести и тем его угощать. Сидит солдат в тюрьме день, сидит другой и нисколько не беспокоится. Ударит по суме — и на столе полным-полно кушаний: пар поднимается, и табаку вдоволь. Солдату много и не надо.

Послал царь своих слуг к солдату спросить, доволен ли он царским угощением? Солдат попросил передать:

— Очень доволен, пусть царь-батюшка сам придёт со мной позавтракать да выпить рюмку водки.

Пришёл царь в тюрьму к солдату. Ударил солдат по суме:

— Ну, — говорит, — молодец, чтобы был здесь полон стол всяких самых вкусных кушаний-напитков и закусок разных.

Выскочил из сумы молодец и еду-питьё приготовил.

Угощается царь, удивляется: в жизни ничего вкуснее не едал. Пообедав, украл царь со стола золотую ложку и спрятал себе в карман. Сосчитали после еды ложки, — не хватает одной. Солдат и спрашивает:

— Не украл ли ты, царь, у меня ложки?

— Нет, — отвечает царь, — не крал.

Ударил солдат по суме и говорит:

— Тому, кто у меня украл золотую ложку, две пощёчины! Ну-ка, молодец, ищи пропавшую ложку.

Выскочил молодец из солдатской сумы и достал пропавшую ложку из кармана царя. Ударил царя по щеке, повалился царь в одну сторону, ударил по другой, в другую повалился. Чуть жив остался. И говорит царь солдату:

— Отдам за тебя дочь, если переночуешь в моём новом доме и прогонишь оттуда гостей.

Солдат отвечает:

— Как в новом доме не поспать!

И пошёл солдат в новый дом. На ночь его заперли. Только стемнело, готовится солдат спать ложиться. Вдруг откуда-то набилось чертей, как мошкар, и говорят солдату:

— Зачем ты, служивый человек, сюда, в наш дом пришёл? Мы тебя сейчас убьём.

А солдат им в ответ:

— Табак ваш выдохнется меня убить.

Ударил солдат по суме и говорит:

— Давай, молодец, поужинаем, подзакусим.

Выскочил из сумы молодец, и появился перед ним стол, полон кушаний и напитков. Солдат водку пьёт, а черти с завистью поглядывают. И говорят:

— Не продашь ли, служивый, нам эту суму?

— Сума эта, — отвечает солдат, — не продажная, а заветная. Если в эту суму все вы, черти, сможете разом влезть, без всякой платы её отдам.

Тут черти начали уменьшаться, уменьшаться, совсем как мошки стали, все в суму влезли. Солдат покрепче перевязал суму, взял гирю в полпуда и начал колотить по суме, набитой чертями. Бил-бил, бил-бил. Черти кричат из сумы:

— Пусти нас, служивый, никогда больше не встанем на твоём пути.

А солдат ещё крепче бьёт гирей по суме, набитой чертями, а сам приговаривает:

— Будете ещё попадаться мне? Будете ещё пакостить?

Взял суму и вытряхнул чертей за окно. Вскочили черти и без памяти разбежались, кто куда мог, и больше никогда не показывались в этом доме. А царь уж думал, что он освободился от незваного зятя, что черти задушили его в новом доме. На другой день пришёл солдат к царю, говорит:

— Моя служба кончилась. Теперь волей-неволей придётся отдать Елену Прекрасную за меня замуж.

Не хотелось царю отдавать свою дочь за солдата, но больше отказывать он не посмел. А солдат тут вдруг сам не захотел жениться на его дочери:

— Я, — говорит, — сначала схожу своих стариков-родителей проведаю, потом три года погуляю, а потом, если захочу, приду Елену Прекрасную сватать.

Взял свою суму и отправился домой. Шёл-шёл, а на встречу ему — старуха, уж такая безобразная. В одной руке у старухи клещи, в другой — большая коса. Старуха загородила солдату дорогу, говорит:

— Ну, служивый, попался ты мне сейчас, долго я тебя искала, нигде найти не могла. Я твоя Смерть!

Рассердился солдат, схватился за саблю, но Смерть раньше успела взмахнуть косой. И пришел солдат на тот свет, в рай, но его туда не пускают, в раю-де нет места солдату.

— А нет, так и не надо, — говорит солдат, — я и в ад

пойду! Если еда есть да табаку вволю, мне больше ничего не надо, мне и в аду будет отлично.

Спустился солдат в ад. Черти его схватили и к жаркому огню тащат. А он как встал по-солдатски да крикнул на чертей громким голосом:

— Ах вы, босые ноги, тонкие хвосты! Забыли, как я вас в царском доме полупудовой гирей взгрел?

Услышали эти слова черти — разбежались, как овцы, к на́большему чёрту побежали с жалобой:

— Ой, дедушка, старший чёрт, тот сердитый солдат к нам в ад пришёл, весь ад грозитя разнести.

Испугался старший чёрт, спрятался в дальний угол ада и стал оттуда кричать солдату:

— Иди, служивый, из нашего жилья! Что хочешь бери, а нас не трогай.

— А что я с вами буду делать? Из вашей шкуры сапог не сошьёшь!

Пока не надоело, гулял солдат по аду, чертей приструнил, переполошил и отправился в рай. Бог ему и говорит:

— Пойди, попроси у Архангела Михаила ружьё и становись, служивый, райские ворота охранять. Пётр-Павел* у меня состарился, не может больше сторожить.

Дали солдату ружьё и поставили охранять райские ворота. Вот стоит солдат с винтовкой, караулит. Видит — Смерть поднимается в рай. Солдат дёрнул её за рукав, говорит:

— Как ты, куча костей, смеешь в рай входить? Кто тебя звал?

Смерть в ответ:

— Я к Богу с докладом иду! Надо у него спросить, кого в этом году велит к нему отправлять — молодых али старых.

* Пётр и Павел в народной традиции коми представляются одним святым Петыр-Павел, покровителем рыбаков, стражем райских врат.

— Бог, — отвечает солдат, — без моего доклада никого не принимает. Возьми у меня винтовку, покарауль райские ворота, чтобы никто, пока я хожу, сюда не вскарабкался. А я схожу и сам за тебя спрошу.

Бог через солдата велел передать Смерти: в этом-де году надо убивать самых старых дедушек и бабушек. Солдат и думает про себя: «А мои-то родители очень уж стары. Если так передам, Смерть сейчас же моих стариков-родителей зарежет косой, мне их и не доведётся пови-дать». Изменил солдат Божье повеление и передал Смерти так:

— В этом году Бог велит убивать не по возрасту, а по чину. Спустишься на землю и умори всех генералов и полковников.

Стоял-стоял солдат у райских ворот, так и год прошёл. Смотрит — плетутся, идут в рай генералы с эполетами да полковники со светлыми пуговицами, а за ними, сухими костями громахая, Смерть бредёт. Издали машет солдату руками и кричит:

— Открывай, служивый, райские ворота! Генералы и полковники идут!

А солдат ей кулак под самый нос суёт:

— Кто, — говорит, — тебе велел генералов и полковников в рай тащить? Сейчас же гони всех в ад! Таков приказ от Бога: всех генералов в ад гнать.

Повела Смерть генералов в ад, отвела и опять к райским вратам возвращается, спросить, кого в будущем году Бог убивать велел? Солдату опять не понравилось Божье повеление: велел Бог убивать всех мужчин средних лет. Подумал солдат, что по этому приказу Смерть убьёт его братьев, и не доведётся ему повидать их. Изменил солдат Божье повеление и так сказал Смерти:

— В этом году Бог велел убивать не по возрасту, а по чину. Иди на землю и убей там всех попов.

Стоит солдат у райских ворот, вот и второй год про-

шёл. Видит: попы оравой тащатся в рай, а за ними, громыхая сухими костями, Смерть бредет. Издали машет руками и солдату кричит:

— Открывай, служивый, райские ворота, попы идут!

А солдат опять ей под нос кулак суёт и говорит:

— Кто тебе велел этих длинноволосых бесов в рай тащить? И так уж здесь много длинноволосых. Немедленно гони их всех в ад. Богом такой приказ дан.

Погнала Смерть попов в ад и опять к райским воротам вернулась.

— Спроси, — говорит, — служивый, у Бога, каких людей в этом году скажет убивать?

Солдат ей отвечает:

— В этом году Бог повелел убить 25 царей, 50 архиереев, всех купцов и всех судей*.

Стоял-стоял солдат у райских врат, и третий год так прошёл. Идёт опять Смерть, ведёт за собой царей, архиереев, судей, купцов. Издали ещё машет руками и кричит солдату:

— Открывай, служивый, райские врата, праведники идут!

Солдат опять Смерти под самый нос кулак суёт:

— Вот я тебе дам, куча костей, нашла праведников. Кой чёрт велел тебе этих сюда вести? Гони их сейчас же в ад. Богом такой приказ дан.

Погнала Смерть их всех в ад, опять к райским вратам вернулась и просит солдата сходить к Богу, спросить, кого в этом году убивать? А солдат рассердился и говорит:

— Надоела ты мне. Не слуга я тебе и не казачок. Сходи, если надо, и сама спроси.

Узнал Бог из рассказа Смерти о всех шутках солдата, велел поймать его и привести к себе.

* Судей — в оригинале: *суддя-логдя*, от *логдя* (диал. *ногья*), то есть неповоротливых, как колоды в ноде.

— Что ты наделал, служивый? Генералов ты велел Смерти убивать?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Попов ты Смерти велел убивать?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Царей и архиереев ты велел убивать?

— Так точно, выше высокоблагородие!

Рассердился Бог и говорит солдату:

— Выгоню я тебя, служивый, из рая за такую работу. Отнял ты у Смерти кусок хлеба, нечего ей стало делать. Приказываю тебе три года кормить Смерть за свой счёт.

Вот отправился солдат из рая на землю обратно, а Смерть за ним, как тень, тащится: куда солдат, туда и она. Сядет солдат поест, и Смерть с ним есть садится да одна за пятерых съедает; сядет солдат водку пить, Смерть с ним пьёт, да за пятерых. Сядет солдат покурить и пока одну сигарку выкуривает, Смерть успевает выкурить пять. Рассердился солдат на Смерть и говорит:

— Долго ли ты будешь за мой счёт отъедаться? Не стану же я тебя три года кормить-поить.

Шли-шли они, подошли к кабаку. Смерть и говорит солдату:

— Давай, служивый, в кабак зайдём, выпьем немножко.

А солдат думает про себя: «Ну, проучу я тебя сейчас». Наложил с полсумы острых камней и говорит Смерти:

— Куда с тобой в кабак заходить? Тебя, кучу костей, увидят, все люди испугаются. Будет лучше, если ты в мою суму заберёшься, а я буду тебе туда водку подавать.

Так и сделали. Влезла Смерть в солдатскую суму, говорит оттуда:

— Ой, служивый, здесь на камнях жёстко мне лежать. Края камней бока колют. Давай выгрузи из сумы камни.

А солдат ей отвечает:

— Сиди там да морись.

Затем перевязал солдат суму покрепче и начал Смерть трясти.

— Ать! Два! Ать! Два! — по-солдатски марширует и трясёт Смерть в суме с камнями. А у Смерти только кости трещат. Потом зашёл солдат к кабатчику, выпил немного и говорит:

— Вот, кабатчик, в моём мешке Смерть сидит, если её выпущу на волю, она тебя сразу убьёт. Что дашь, чтоб я на волю Смерть не выпускал?

Испугался кабатчик и говорит:

— Что хочешь, то и бери, только её на волю не выпускай.

Пожалел солдат кабатчика, привязал к двери мешок со Смертью и говорит:

— Я схожу, проведу стариков-родителей. Пока не вернусь, не смей трогать мешок со Смертью, пусть здесь на двери болтается.

Осталась Смерть на двери кабака в мешке, набитом камнями, болтаться. И каждый раз, когда открывают и закрывают дверь, бряцают её кости о камни. Пришёл солдат домой, а старики-родители ещё живы. Очень им стало, что довелось увидеть сына. Гостил солдат дома год и пошёл к кабатчику Смерть проведать. Выпустил её из сумы, набитой камнями и говорит:

— Ну, каково погостила у кабатчика?

А Смерть еле жива осталась. И опять принялась, как тень, за солдатом ходить. Думает солдат: «Как бы над тобой опять потешиться?» Купил табакерку, набил её до краёв табаком, сел и принялся табак нюхать. Понюхал раз — чихнул, второй раз — опять чихнул. А Смерть и говорит ему:

— Дай, служивый, я тоже табаку понюхаю.

Уж такая привычка у неё была: что солдат делает, то и Смерть за ним.

— Понюшки табаку для тебя, Смерть, может, малова-

то будет? Лучше, если ты сядешь в табакерку, тогда хоть целый день, не переставая, нюхай.

Села Смерть в табакерку, а солдат взял табакерку, плотно закрыл да в карман и положил. Слышно, чихает она в табакерке, а солдат смеётся. Целый год держал солдат Смерть в табакерке, потом выпустил:

— Ну, каково в табакерке жить?

А Смерть еле жива осталась. Опять она стала ходить за солдатом, как тень, и за солдатский счёт кормиться. Сядет солдат есть, рядом садится и за пятерых съедает. Вот солдат сделал большой ящик и говорит:

— Залезай в ящик и изнутри выстругай его стенки.

Залезла Смерть в ящик, а солдат хлоп! — прикрыл крышку и запер на замок. Затем отнёс на кладбище, выкопал могилу и там её и зарыл.

— Вот тебе, куча костей... Помучайся в земле...

Год прошёл, другой прошёл, а Смерти всё нет. Послал Бог ангелов своих искать, куда та подевалась. Искали-искали, искали-искали, нигде найти не смогли. Пришли к солдату и спрашивают:

— Куда, служивый, Смерть спрятал?

— Я на кладбище её отнёс и похоронил.

Искали-искали, все кладбища перерыли, нашли наконец ящик со Смертью. Пришла она к Богу и говорит:

— Еле жива осталась. За солдатский счёт кормиться не больно-то хорошо.

— Если солдатский хлеб-соль не сытен, иди обратно за мирской счёт кормиться, — и послал Бог Смерть обратно, кормиться за мирской счёт.

Стала Смерть по-прежнему морить людей, но к солдату и близко подойти не посмела, не то что уморить его.

После этого жил солдат ещё сто лет, а может, и двести. Жил до тех пор, пока самому не надоело.

«Йитссы-клеитссы!»

Олісны-вылісны пöрысь гозъя. Налöн вöлі кык пи: Иван да Василей, öтиыс — кузнеч, а мöдыс — сапожник. Олісны, олісны да налöн няньыс быри. Вот старик гозъя и шуöны пияныслы:

— Вай пудъясьöй, кодныдлы нажöтка вылö мунны.

Пудъясисны да сапöг вурьысь вокыслы пудйыс усис нажöтка вылö мунны.

Муніс-муніс да öти сиктö воис. Ветлö Василей да горзö:

— Кодлы колö сапöг вурны?

Кыліс поп дай шуö:

— Лок, мастерöвöй, ме ордö вурсьынытö, менам матушкалы дай нывлы колö полсапожки вурны.

Пырис Василей поп ордö вурсьыны. А поп сылысь и юалö:

— Кыдзи нö мöдам вурсьöм донсьыд ладмöдчыны?

— Дон серти ладмам, — шуö Василей. — Вурсигөн мый меным сюрö дратва улö вурьыштны, сійö меным лоö удждон пыдди.

Поп тшöктіс попадьялы сійö вежöссьыс став эмбурсö идравны, мед пö Василейлы дратва улö немтор вурьыштны оз сюр.

Василей вурсьö и вурсьö, удждон сюртöм йылысь оз зэв тöждысь. А сійö вöлі зэв öкуратнöя вурсьö. Вурис попадьялы полсапожки сэтшöм мича, мый попадья нимкодысла садьсö оз тöд. Вот кутіс и нывлы полсапожки вурны. Сылы нöшта мичаджыкös на вурö. Сулалöны попадья да поп ныв Василей дорын да полсапожки вылö дивуйтчöны. А сэк кості Василей и вурьыштіс поп нывлысь платтьöсö полсапожки бердас.

— Но, — шуас, — батюшка, помнитан, кыдзи сёрнитчылім? Мый сюрö дратва улö вурьыштны, сійö и меным уджалöм дон пыдди. Öні быть лоö нывтö ме сайö сетны верös сайö.

Жаль эськӧ поплы, абу окота нывсӧ сетны прӧстой сапӧг вурьсь сайӧ, но вӧчны нинӧм.

— Сета эськӧ да сӧмын свадьбатӧ вӧчны пызыным изӧдтӧм. Мун дӧддяслы да мельничаӧ ветлы.

Вот ветлӧддӧс Василей мельничаӧ сутки кык-куим. Изӧдчысис дай гортас мӧдӧс локны. Некымын верст поп керка дорӧ вотӧдз сьлӧн и телега чӧрсьд чеги. Василей босьтӧс чер, бӧрйис медмича кьдз пусӧ дай телега чӧрспу сӧсь кӧсйӧ керавны.

Кьдз пу сылы и шуӧ:

— Эн менӧ, Василей, керав! Телега чӧрсьд ӧд и метӧг на артмас. Мун чегӧм чӧрс дорад да шу: «Йитсьы-клеитсьы!»

Мунӧс Василей чегӧм чӧрс дорӧ дай шуис: «Йитсьы-клеитсьы!» Телега чӧрс важ дорсьыс лои ӧнджык.

Воис Василей поп керка дорӧ, а поп ордын сьылӧны, гажӧдчӧны. Поп, вӧлӧмкӧ, сы ветлӧгкостӧ свадьба вӧчӧма: Василейлысь невестасӧ мӧд сайӧ нин верӧс сайӧ сетӧ.

Василей и думайтӧ, кьдзи эськӧ поплы водзӧс бергӧдны.

Вот мӧд лун асывнас гӧсьтьяс чеччисны да пызан сайӧ пуксялӧсны, том гозьяӧс узянӧнсьыс чуксавны ытӧсны. Василей неуна водзджык мунӧс том гозья узянӧн, аддзис, мый том гозья кутчысьмӧн узьӧны, и шуис:

— Йитсьы-клеитсьы!

Том гозья сӧдзи и сибдӧсны мӧда-мӧд бердас. Локтӧс невесталӧн вежаньыс том гозьяӧс чуксавны да мӧдӧс найӧс тӧрмӧшитны, а Василей бара горӧдӧс:

— Йитсьы-клеитсьы!

И вежань сибдӧс том гозья дӧнӧ.

Вот дружкаӧс ытӧсны том гозьяӧс чуксавны. Мыйӧн на дӧнӧ инмӧдчис дружка, Василей бара горӧдӧс:

— Йитсьы-клеитсьы!

И дружка на дӧнӧ сибдӧс. Сӧсся поп мунӧс, попаддья

муніс, сватъяс, сваттяс и став госьтъясыс мунісны том гоъъяос чуксавны. Василей горөдіс:

— Йитсы-клеитсы!

И ставныс сибдісны. Нетшкысьоны госьтъяс, а мода-модсыныс мездысны оз вермыны. Гөгөрвоисны, мый тайө Василей ставсө вөчис, кыскисны сійөс судө. Став көлысынас мөдөдчисны суддя дорө.

Мунісны-мунісны да ю воис, а поскыс вуджнысө и абу. Найө кутісны артельон кевны ю вомөн: коді гачсө пөрччис, коді юбкасө лэпталіс, медым паськөмныс оз көтась. А Василей бара горөдіс:

— Йитсы-клеитсы!

И ставныс сідз сибдісны.

Вот аддзис васа бес, мый дзонь арава йөз мода-модыс-лы мыйлакө кутчысьомаось. Сылы зэв дивө лои дай шуө:

— Вай ме тшөтш кутчысьла йөз дінас.

Мыйон сійө кутчысис көлыс бөжө, бара Василей горөдіс:

— Йитсы-клеитсы!

И чөрт тшөтш сибдіс көлыс бөжө. Нетшкысис, нетшкысис, да мездысьнысө оз вермы.

Вот воисны судө. Суддя, урадник да старшина быдсөн повзисны, мый поплөн рөдняыс тадзи не йөз ногөн, кызд шуасны, мам паськөм кежсьыс локтөма.

Вот судитісны Василейос поп рөдня вылын смекайтчө-мысь, мышку кучик потласьтөдзыс розгаон нөйтны. Суддя кутчысис йитсьөм йөзос мездыны, старшина кутчысис, урадник кутчысис, а Василей бара шуис:

— Йитсы-клеитсы!

И найө тшөтш сибдісны.

Суддя пондіс Василейлы кевмысьны:

— Лэдз, Василей. Начальстволысь да суддялысь тадзи юр янөдны оз позь! Лэдзан кө, ог понды судитны, ассянь на сьөмөн мынтыся.

Василей шуө:

— Лэдза эськө, да бөр лэдзан нимкывсö кызлысь юавнысö вуні.

Муніс Василей кыз пу дорö юавны сылысь бөр лэдзан нимкывсö. А кыз пу сылы и шуö:

— Вот тай, мастерöвöй морт, мыйысь пöгибö воöмыд. Босьт вытяжнöй дöскатö да морт куимысьöн ставныслы «шонтышт», сэк ставыс бөр разяс.

Муніс Василей да первой суддяös вытяжнöй дöскаөн мышку вомöныс «шонтіс», сэсся старшинаös, сэсся урадникös, попös, попаддяös да мукöдъясös. Оз нин эськө пинясьны найö нöйтöм вöснаыд, а ставныс сöмын Василейös аттöалöны.

«Срастись-приклейся!»

Жили-были старик со старухой. Было у них два сына: Иван да Василий, первый — кузнец, а второй — сапожник. Жили-жили и вышел у них весь хлеб. Вот старики и говорят сыновьям:

— Киньте жребий, которому из вас на заработки идти.

Кинули жребий, и вышло идти на заработки брату-сапожнику.

Шёл-шёл и приходит в одно село. Ходит Василий по селу и кричит:

— Кому сапоги сшить?

Услыхал поп и говорит:

— Иди, мастеровой, ко мне, у меня и матушке, и дочке полсапожки сшить нужно.

Зашёл Василий к попу. А поп у него и спрашивает:

— Как будем договариваться насчёт платы за работу?

— Насчёт платы сговоримся, — отвечает Василий. — Что мне во время работы попадётся под дратву зашить, то и будет мне вместо платы...

Велел поп попадье всё ценное из той комнаты вынести, чтобы ничего не попало Василию под дратву.

Василий шьёт себе и шьёт и не очень беспокоится насчёт платы. А работал он очень аккуратно. Вот, сшил полсапожки попадье такие красивые, что попадья от радости сама себя не помнит. Начал дочке шить. Ей ещё красивее шьёт. Стоят попадья с дочкой возле Василия и полсапожками любят. А тем временем Василий и пришил поповнино платье к её полсапожкам.

— Ну, — говорит, — батюшка, вспомни, как уговаривались? Что попадёт мне под дратву пришить, то мне вместо платы и будет. Теперь волей-неволей придётся свою дочь за меня замуж отдать.

Жалко попу, не хочется ему отдавать свою дочь за простого сапожника, да делать нечего.

— Выдам, только вот муки к свадьбе нету. Давай, запряги лошадь, съезди на мельницу.

Вот ездил Василий на мельницу двое-трое суток. Намолол, отправился домой. За несколько вёрст до попова дома сломалась ось у телеги. Взял Василий топор, выбрал самую красивую берёзу и хочет из неё ось срубить.

Берёза ему и говорит:

— Не руби ты меня, Василий, тележная ось и без меня наладится. Иди к сломанной оси и скажи: «Срастись-приклейся!»

Пошёл Василий к сломанной оси, сказал: «Срастись-приклейся!» Тележная ось крепче прежней стала.

Приехал Василий к дому попа, а у попа поют, веселятся. Оказывается, за время его поездки поп успел свадьбу сладить: невесту Василия замуж за другого выдаёт.

Василий и задумался, как попу отомстить.

На следующее утро проснулись гости и сели за стол, послали молодых с постели поднимать. Василий чуть пораньше гостей прошёл в спальню, увидел, что молодые спят в обнимку, и говорит:

— Срастись-приклейся!

Молодые так и приросли друг к другу. Пришла крёстная невесты будить молодых и стала их тормозить, а Василий опять крикнул:

— Срастись-приклейся!

И крёстная прилипла к молодым.

Послали дружку будить молодых. Как только дружка до них дотронулся, опять крикнул Василий:

— Срастись-приклейся!

И дружка к ним прилип.

Пошли поднимать молодых поп, попадья, сватья, все гости пошли. Василий крикнул:

— Срастись-приклейся!

И все прилипли. Дёргаются гости, а друг от друга отделиться не могут. Поняли, что всё это Василий устроил, потащили его в суд. Всей свадьбой к судье отправились.

Шли-шли и подошли к реке, а моста-то нет. Стали артелью переправляться через реку вброд, кто штаны снял, кто юбку поднял, чтобы одежда не промокла. Василий опять крикнул:

— Срастись-приклейся!

И все так и прилипли.

Вот увидел водяной бес, что целая орава людей за чем-то друг к другу прицепилась. Очень он удивился и говорит:

— Дай-ка и я прицеплюсь к людям.

Как только он к хвосту свадебного поезда прицепился, Василий опять крикнул:

— Срастись-приклейся!

И чёрт тоже прилип к хвосту цепочки. Дёргался-дёргался, не может вырваться.

Пришли в суд. Судья, старшина и урядник даже испугались, что поповская родня так не по-людски, как говорится, в чём мать родила пришла.

Вот присудили Василия за насмешку над поповской род-

нѣй пороть розгами, пока кожа на спине не полопается. Судья принялся освобождать сцепившихся людей, старшина схватился, урядник схватился, а Василий опять сказал:

— Срастись-приклейся!

И они тоже прилипли.

Стал судья умолять Василия:

— Пусты, Василий! Начальство и судей нельзя так позорить. Если отпустишь, не буду судить, от себя даже денег дам.

Василий отвечает:

— Отпустил бы, да забыл спросить у берёзы отпускной заговор.

Пошёл Василий к берёзе спросить у неё отпускной заговор, а берёза отвечает ему:

— Что ж ты, мастеровой человек, растерялся. Возьми вытяжную доску да огрей каждого по три раза, всё развяжется.

Пошёл Василий и сначала судью поперёк спины огрел доской, потом старшину, потом урядника, попа, попадью и остальных. Они уж и не ругаются за побои, а ещё и благодарят Василия.

Поп, казак да чорт пöлян

Коркö поп сёркни кöдзис. Зэв эськö бура сёркниыд быдмис, да кодкö сылысь сёркнитö мöдiс войын гусявлыны. Öти вой поп караулитчис, мöд вой караулитчис, вөрöс эз аддзыв, а сёркни быд вой вошö и вошö. Коймöд вой улас поп ыстiс караулитны казакöс.

Босьтiс казак сьёрсьыс веткö* палич да водiс град бөрöздаö. Вот войнас воис поп град вылö чорт да кутiс поплысь сёркни град лупöшитны. Сiйö эз и тöдлы, мый поп казак град бөрöздаын куйлö. Казак уськöдчис чорт

* Веткö — пелькиник, ки серти.

вылө, босьтис сійөс шошаөдыс да пондіс паличөн дубитны. Дубитис да дубитис, дубитис да дубитис. Чөрт мөдіс сылы кевмысьны:

— Эн пө ви, Иван, прөстит первой мыжысь! Прөститан кө, аслыд ыджыд бур вөча.

Сетис чөртыд Иванлы пөлян да шуө:

— Тайө пөляннас быдөнөс позьö йөктөдны.

Вот коркө поп ыстис Иванөс мөс видзны.

Иван мөсьяссө вөтліс медся турунаинас. Мөсьяс воисны — өдва вермөны гортаныс локны, гашкө, ведра йөлөн сетисны өти лысьтөмысь. Поплы нимкодъ:

— Со пө өд кутшөма төждысьö мян казакыд көзайскөй мөсьяс вөснаыд.

Мөд луннас Иван сійө местаас жө вөтліс мөсьяссөс. Мөсьяссөс лэдзис йирсьыны, а ачыс пондіс пөлянөн ворсны. Ворсө Иван, а сы ворсөм вылө став жуг-жагыс йөктө, и мөсьяс тшөтш йөктөны.

Лунтыр Иван ворсис, мөсьяс эз и вермывны йирсьыны, йирсьөм пыдди, кок йывсьыс усътөдз йөктисны Иван ворсөм вылө.

Вайөдіс Иван мөсьяссөс. Лэччис попаддя мөсьяссөс лысьтыны, а мөс вөраяс тыртөмөсь.

Өти лун, мөд лун дай коймөдөс мөсьяс воисны тыртөм пакөн, ньөти йөв войт эз вайны. Поп и шуө:

— Час, ме муна казак бөрся да кыйөда, кызди сійө видзö менсьым мөсьяссөс...

Мөд луннас Иван бара нуөдіс мөсьяссөс йирсьыны, а поп гусьөн вөтчис казак бөрся да сук понөль костö дзевсис, кутис кыйөдны казаклысь мөсьяс дорын вөдитчөмсö.

Казак пуксис да мөдіс пөлянөн ворсны. Став му выв жуг-жагыс йөктө казак ворсөм вылө, мөсьяс йөктөны, и поплөн кутис тшөтш йөктысьыны. Поп оз көсйы йөктыны, но кокъясыс асьныс и йөктөны. Эрдаинын кө эськө ничево, а сійө пукалө понөльникын: йөктөмысла сьлөн

став пöдрасникыс оръясис и чужöм-рожаыс быдсөн пар-
сассис.

— Тырмас нин, Иван, тэд ворснытö! — понöль
пöвстсянь горзö сылы поп.

А Иван кыліс поплысь гөлөссö да нöшта ёна кутіс
пöлясьны. Тадзи казак йöктöдіс попöс ныр вылас усьтöдз.
Став паськöмыс поплөн лестукöдз оръясис, пöшти пасьтöг
гортас воис.

Скөрмис поп мöсьясöс да асьсö тешитöмысь да казак
вылö судö сетіс. Коркö поп да казак мöдöдчисны судö.
Туй вылас паныдасис вöла купеч, дозмук-тöвар карысь
вайö. Купеч и юалö:

— Кытчö, батюшко, мöдöдчин?

— Ме казакöс судитны карö нуöда. Менö сійö ас вöля
вывті йöктöдіс.

Купеч пондіс шензыны:

— Кыдз нö мортöс позьö мырдөн йöктöдны? Верман
кö, Иван, вай менö йöктöд.

Поп повзис да шуö:

— Эн бара, Иван, йöктöд! Он кö йöктöд, судитчыны
ог мöд.

Поп водзвыв асьсö потшöсö көрталіс, медым оз
йöктыссьы. Вот заводитіс Иван ворсны пöлянөн. Став
матігөгöрсä жуг-жагыс йöктö, купеч йöктö, поп потшöс-
нас йöктö, купечлөн вöвъясыс и тöвар додьясыс тшötш
йöктöны. Став дозмук-тöварыс жульысис. Поплөн став
пöдрасникыс бара оръясис.

Вот Иван вылö öні поп да купеч öтвылысь судö сетісны.
Воисны суддя ордö да висьталöны, мый сідзи и сідзи, Иван
найöс мырдөн йöктöдіс. Суддяыс шензьö:

— Ог ме верит, мый мортöс позьö мырдөн йöктöдны.
Вай нö, Иван, петкöдлы мен, кыдзи попöс да купечöс
йöктöдін.

Поп да купеч водзвыв кытчöсюрö көртасисны, а суд-
дя пукалö пызан саяс.

Пондіс Иван пöлянön ворсны. Поп йöктö, купеч йöктö, и суддя йöктö. Суддя пызанас шашаритчис да пызаннас и быдсөн йöктö. Ставнысö ныр выланыс усьтöдз бара йöктöдіс Иван.

Вот öнi куимön нин — поп, купеч да суддя нуöдісны Иванös судитчыны сар дінö. Норасисны сарлы, мый сідзи и сідзи. Иван найös мырдön йöктöдіс. Сарлы дивö лои да шуö:

— Ог верит, мый мортös поэö ас вöля вывтi йöктöдны.

Сэсся сар став семьянас и свитанас петіс кильчö вылас да Иванлы шуö:

— Вай нö, Иван, петкöдлы, кыдзи попös, купечös да суддяös йöктöдін. Верман кö йöктöдны, ог судит, а он кö вермы, юртö керышта.

Поп, купеч да суддя водзвыв асьнысö столбö домалісны. Заводитіс Иван ворсны ас пöляннас. Став матігöгöрса жугжагыс йöктö, поп йöктö, купеч йöктö, суддя йöктö, сарлön став слугаыс, свитаыс йöктö, и ачыс сар семьянас йöктö. Бара ставнысö йöктöдіс ныр выланыс усьтöдз. Сар горзö:

— Тырмас, Иван, йöктöмсьыс став гырк пытшкösй пыркаліс!

— Ме дор кö судитан, дугда ворсöмысь, а он кö, кувтöдзныд йöктöда.

Сар повзис да Иван дор судитіс.

Иван аддзыліс сарлысь нывсö да вежыс петіс: «Оз-ö тайös поэь бабапу вылö босьтны?»

Вот Иван муніс базарö, ньöбис сэсь порсьпи, сэсся локтіс сар ныв öшинь улö да мöдіс пöляннас ворсны. Ачыс ворсö, а порсьпиыс йöктö. Аддзис сар ныв порсь йöктöдысь зонмös, петіс сы дінö дай шуö:

— Вай вузав мен тайö йöктысь порсьпитö. Уна-ö ко-ран?

— Тайö менам абу продажной, а заветной.

— Кутшöм нö заветыс?

— Киняулöдзыд кö куштысьлан, прöстö сета.

Сар ныв куштысьліс киняулөдзыс, а Иван сы морө-сысь аддзыліс зарниа пудпас. Босьтіс сар нылыд порсь-питө да нуөдіс.

Вот коркө сар юөртіс:

— Коді вермас висьтавыны, көні саревналөн пудпасыс, сы сайө сійөс верөс сайө сета.

Локтіс Иван сар дінө да шуө:

— Ме төда. Пудпасыс сылөн морөс весьтас, киняулас.

Вөчны нинөм. Колө сар нылөс сетны Иван сайө, а сарлы абу окота ассыс нывсө поп казак сайө сетны. Вот сійө кутіс шуны:

— Менам нывлөн эм мөд жөник. Кодныд коднытө верманныд, сылы и лоө невеста.

Вайөдісны сар нывлысь мөд жөниксө. Тушанас сійө куим сыв судта, пельпомъясыс — печатной сыв пасьятөсь, Иван сылы муртса пидзөсөдзыс лоө. Вот петісны найө сила бертны чистөй поле вылө. Багатырлөн сабляыс кык сыв кузьта, а Иванлөн, пөлян кындзи, немтор абу. Вот багатыр мөдіс Иван вылө зырсьыны:

— Ме тэнө өти ки пыдөс вылө пукта, а мөднас ляскөбта да төв йыв пөльышта.

А Иван шуө:

— Час, ме кувтөдз войдөр ворсышта пөлянөн.

И мөдіс Иван ворсны, а багатыр сы ворсөм вылө йөктыны. Сэтчөдз сійөс йөктөдіс Иван, мый багатыр, ёна йөктөмысла, ныр вылас усис. А Иван сэсся аслас сабляна жө юрсө керыштіс.

Сэсся босьтіс да сар ныв вылө и гөтрасис.

Поп, батрак и чёртова дудка

Как-то посеял поп репу. Хороша репа выросла, да кто-то стал у него репу по ночам красть. Одну ночь поп караулил, вторую ночь караулил, вора не видел, а репа каж-

дую ночь пропадает и пропадает. На третью ночь поп послал караулить казачка.

Взял казачок с собой дрын аккуратный и лёг в борозду. Вот пришёл на попову грядку чёрт и стал у попа реповую грядку рыть. Он и не заметил, что поповский казак в борозде лежит. Батрак бросился на чёрта, взял его за шиворот и стал дрыном дубасить. Дубасил-дубасил, дубасил-дубасил. Чёрт и стал умолять:

— Не убивай, Иван, прости за первую вину! Простишь, тебе же добром обернётся.

Дал чёрт Ивану дудку и говорит:

— Этой дудкой любого можно заставить танцевать.

Вот как-то поп послал Ивана коров пасти.

Иван пригнал коров на самое травяное место. Коровы вернулись — еле домой идут, может, по ведру молока дали с одной дойки. Поп радуется:

— Вот ведь как заботится наш казак о хозяйских коровах.

На второй день на то же место пригнал Иван коров. Коров отпустил пастись, а сам стал на дудке играть. Играет Иван, а под его игру всякая тварь пляшет, и коровы тоже пляшут.

Целый день Иван играл, коровы пастись не могли, вместо того, чтобы пастись, до упада танцевали под Иванову игру.

Привёл Иван коров. Спустилась попадья коров доить, а вымя у коров пустое.

День, второй и третий коровы пустые пришли, ни капли молока не принесли. Поп и говорит:

— Пойду-ка за казачком и посмотрю, как он моих коров пасёт...

На другой день опять увёл Иван коров пастись, а поп тайком прокрался за батраком и в густом хвойном молодняке спрятался, стал наблюдать, как казак с коровами обращается.

Батрак сел и стал играть на дудке. Вся земная мелюзга танцует под эту игру, коровы пляшут, и попу затанцевалось. Поп не хочет плясать, но ноги сами пляшут. Если бы на открытом месте, ещё бы ничего, а он в еловом молодняке сидит: от плясок весь подрысник изорвался и лицо всё исцарапалось.

— Хватит уж тебе, Иван, играть! — из зарослей кричит поп.

А Иван услышал голос попа и ещё сильнее задудел. Так казак заставил попа до упаду танцевать. Вся одежда у попа до лоскутков изорвалась, почти голый домой вернулся.

Рассердился поп за издевательство над собой и коровами, и на казачка в суд подал. Вот поп и батрак отправились в суд. На дороге встретился им купец с подводой, посуду из города везёт. Купец и спрашивает:

— Куда, батюшка, собрался?

— Я казачка судить в город веду. Он меня помимо воли заставил танцевать.

Купец стал удивляться:

— Как можно человека силком танцевать заставить? Если сможешь, Иван, заставь меня плясать.

Поп испугался и говорит:

— Не заставляй, Иван, плясать! Если не заставишь, судиться не буду.

Поп заранее себя к изгороди привязал, чтобы не танцевалось. Вот начал Иван играть. Вся окрестная тварь пляшет, купец пляшет, поп с изгородью пляшет, у купца кони и возы с товаром тоже пляшут. Вся посуда перебилась. У попа подрысник опять изорвался.

Вот теперь поп и купец вместе на Ивана в суд подали. Пришли к судье и говорят, что так и так, Иван их танцевать заставил. Судья удивляется:

— Не верю, что человека силком можно танцевать заставить. Давай, Иван, покажи мне, как попа с купцом заставил плясать.

Поп и купец заранее привязали себя, а судья за столом сидит.

Стал Иван на дудке играть. Поп пляшет, купец пляшет, и судья пляшет. Судья в стол вцепился и вместе со столом пляшет. Всех до упаду затанцевал Иван.

Вот теперь уже втроём — поп, купец, судья повели Ивана к царю судиться. Пожаловались царю, что так и так, Иван силком танцевать заставил. Царь удивился и говорит:

— Не верю, что человека помимо воли можно танцевать заставить.

И царь со всей семьёй и свитой на крыльцо вышел и говорит Ивану:

— Давай же, Иван, покажи, как попа, купца и судью плясать заставил. Сможешь заставить плясать, не буду судить, а не сможешь, голову срублю.

Поп, купец и судья заранее к столбу себя привязали. Стал Иван на своей дудке играть. Вся окрестная мелюзга пляшет, поп пляшет, купец пляшет, судья пляшет, у царя все слуги, свита пляшут, и сам царь с семьёй пляшет. Опять до упаду всех плясать заставил. Царь кричит:

— Хватит, Иван, от пляски всё нутро растряслось!

— Если в мою пользу присудишь, перестану играть, а нет, до смерти затанцую.

Царь испугался и в пользу Ивана присудил.

Иван увидел царскую дочь и позарился на неё: «Нельзя ли её в жёны взять?»

Вот Иван пошёл на базар, купил там поросёнка, пришёл под окна царевны и стал на своей дудочке играть. Сам играет, а поросёнок танцует. Увидела царевна парня с танцующим поросёнком, вышла к нему и говорит:

— Продай мне такого поросёнка. Много ли просишь?

— Этот у меня не продажный, а заветный.

— А каков завет?

— Если до подмышек оголишься, просто так отдам.

Царская дочь оголилась до подмышек, а Иван на её груди заметил золотую родинку. Взяла царская дочь поросёнка и увела.

Вот как-то царь и возвестил:

— Кто сможет сказать, где у царевны родинка, за того её замуж выдам.

Пришёл Иван к царю и говорит:

— Я знаю. Родинка у неё на уровне груди, в подмышке.

Делать нечего. Надо отдавать царскую дочь за Ивана, а царю неохота свою дочь за поповского казачка отдавать. Вот он и стал говорить:

— У моей дочери есть ещё один жених. Кто кого из вас победит, тому она и будет невестой.

Привели второго жениха царской дочери. Ростом в три сажени, плечи — шириной в печатную сажень, Иван ему еле до колен будет. Вот они вышли силой меряться в чистое поле. У богатыря сабля в две сажени, а у Ивана кроме дудки ничего нет. Стал богатырь угрожать Ивану:

— Я тебя на одну ладонь положу, другой прихлопну и по ветру сдуну.

А Иван говорит:

— Сейчас, я перед смертью сначала поиграю на дудке.

И стал Иван играть, а богатырь под его игру плясать. До того затанцевал его Иван, что богатырь от такой пляски ничком упал. А Иван его же саблей ему голову отрубил.

Затем взял и женился на царской дочери.

Шыр да пышкой

Олісны өтлаын шыр да пышкой. Олісны лёка, тшыгъялісны. И шуисны нянь кӱдзны, — весалісны вӱр му уло, шыр пиньнас гӱрис мусӱ, а пышкой тусь чукӱртіс

кӱйдыс вылӱ гумлаяс вылысь. Но и сюраліс жӱ коньӱр пышкайлы! Мыйӱн сӱмын эз гӱститӱдны сӱйӱс мужикъяс гумлаяс вылад — и чапъяснад, и мый ки уланыс сюрӱ.

Кӱдзисны тусьсӱ содз тыр, а нянь чужис бур. Кутісны юкны шыр да пышкай няньсӱ, ставсӱ юкисны, — ӱти тусь коли лишнӱй. Босьтіс тусьсӱ шыр да шуӱ:

— Мусӱ гӱригӱн менам пиньӱй зӱв ӱна висис, лишнӱй тусьыс — менам.

А пышкай вензьӱ. Вензисны-вензисны, делӱыс сарӱдз воис.

А сар тусьсӱ сӱйӱс шӱри юкис.

Мышь и воробей

Жили вместе мышь и воробей. Жили они плохо, голодали. И задумали хлеб посеять, — расчистили лес под пашню, мышь зубами вспахала поле, а воробей собирал зёрна для посева на гумнах. Ну и попадало же бедному воробью! Чем только не угощали его мужики — и цепами, и что под руку подвернётся.

Посеяли они зёрен с горсточку, а хлеб уродился хороший. Начали мышь и воробей делить урожай, всё поделили — одно зёрнышко оказалось лишним. Взяла себе то зерно мышь и говорит:

— Когда я вспахивала поле, у меня сильно болели зубы, это лишнее зерно — моё.

А воробей не соглашается. Спорили-спорили, передрались и дело дошло до царя.

А царь разделил то зерно пополам.

АВАНТЮРНО-
НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОЙ
МОЙДЪЯС

АВАНТЮРНО-
НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ
СКАЗКИ

Зөлөтитчысь мужик

Коркө олісны-вылісны сар гозъя. Налөн вөлі өти ныв да пöч, сар гөтырлөн мамыс. Öтчыд өти мужик думайтіс пöръявны сар семьяös. Сійö босьтіс сьöрсыйс сир падъян*, кыйöдіс, кор сар абу гортын, да пырис сар ордö. Сар гөтыр сылысь и юалö:

— Мый тэныд колö?

— Ме,— шуö,— ветла да йöзös зөлөтита. Оз-ö ков тэнö зөлөтитны?

— Зөлөтит,— шуö сар гөтыр.

Мужикыд дыр думайтны эз понды: мавтіс сирөн сар гөтырлысь плешсö дай шуö:

— Вод да куйлы, мед косьмытöдзыс зөлөтаыс оз вушйы.

* Сир падъян — ляпкыд да паськыд туис.

Сэсса пырис мёд комнатао, а сэні сар гётырлөн нылыс пукалө.

— Тэнö, — шуö, — саревна, колö оз зölөтитнысö?

— Зölөтит, — шуö саревна.

Мужикыд и саревналысь плешсö мавтіс сирөн да тшöктіс водны, медым зölөтаыс косьмытöдзыс оз вушйы. Сэсса пырис коймөд комнатао, а сэні пöрысь пöч — сар гётырлөн мамыс куйлө.

— Тэнö, — шуö, — бабушка, зölөтитны колö-ö?

— Зölөтит и менö, — шуö пöрысь пöч.

Мавтіс мужик сирөн сар гётырлысь мамсö да сэсса мөдöдчис гортас. Коркө воис гортас сар, видзöдö: став семьяыс сылөн куйлө вольпасын.

— Мый, — шуö, — лун шöра лунö куйланныд?

— Он öмöй аддзы? — шуö сар гётыр. — Воліс кутшöмкө мужик да став семьянымöс зölөтитіс. Öні со куйлам, медым косьмытöдзыс зölөтаыс эз вушйы.

— Ок, тэ йöй, тэ йöй!.. Кутшöм нö зölөта! Кутшöмкө ылöдчысь прöстö тiянöс сирөн мавтöма.

Пырис нылыс комнатао — и сылөн став плешыс сирөн мавтöма; пырис старука комнатао — и сылөн став плешыс сирөн мавтöма.

— Көнi, — шуö, — сійö пöръяч мужикыс? Ме пырысь-пыр жö суöда сійöс да юрсö сылысь керышта.

Сöліс сэсса сар медбур вöв вылас да пондіс вöтчыны мужик бöрся. А мужикыд котöртіс да котöртіс, кутшöмкө старукакöд паныдасис.

— Вай, — шуö, — бабушка, вежсям мекöд паськöмнад. Бöрсянь сар вöтчö, суас кө, тэнсьыд и менсьым юр керыштас.

Вежсисны найö паськöмьясөн старукакöд. Сэсса мужик дзебис старукаос нитшкөн вевттялөмөн, а ачыс пуксис туй бокö да пондіс виччысьны сарös. Воис сэтчö сар да юалö:

— Сэтшöмтö, сэтшöмтö мужик таті эз прöйдитлы, бабушка?

— Дзик öнi на прöйдитiс дзик рöзбой модаа мужик. Сöмын тэ сiйöс он суöд. Танi туйыс зэв уна вожа.

— А верман тэ сiйöс суöдны да татчö вайöдны? — юалö сар.

— Верма, дерт. Сöмын вай меным ассьыд сарскöй паськöмтö. Сiдз-тадзтö сiйö менсьым оз понды кывзыны.

Сар сетiс мужиклы ассьыс паськöмсö да вöвсö. Мужик эз вöв йöй, сöлис вöв вылö да гөнитiс гортас. Виччысис, виччысис сарыд мужиклысь бөр локтöм. А мужик век оз лок. Пукалö сiйö туй бокин да аддзö, кыдзи сы дiнын нитшкыс пондiс вөрöшитчыны. Путкылялiс сiйö нитш пластьяссö, а сэнi кутшöмкö старука ышка-пошка-кылö:

— Ок, тэ, — шуö старука, — ачыд сар, а ёна жö и пөръя-син. Рöзбойник-мужикыд öд тайö и вöли. Сiйö менам паськöмөн тэнö и пөръялiс.

Вöчны нинöм. Сар пөрччис ас вывсьыс старукалысь паськöмсö да пасьталiс мужиклысь кольöм паськöм. Воис гортас да татшöм паськöмнад öдва и гортас лэдзисны.

Мужик-позолотчик

Жила-была некогда царская чета. Была у них дочка, и старуха, мать царицы, с ними жила. Вот один мужик надумал обмануть царскую семью. Взял с собой туесок со смолой, выследил, когда царя дома не было, и зашёл в царский дом. Царица у него и спрашивает:

— Что тебе нужно?

— Я, — говорит, — хожу, людей золочу. Не надо ли тебя позолотить?

— Позолоти, — говорит царица.

Мужик долго думать не стал: вымазал лоб царицы смолой и говорит:

— Ляг и лежи, чтобы золото не стёрлось, пока не высохнет.

Зашёл в другую комнату, а там у царицы дочь сидит.

— Тебя, — говорит, — царевна, не надо ли позолотить?

— Позолоти, — отвечает царевна.

Мужик вымазал смолой лоб царевны и велел ложиться, чтобы золото не стёрлось, пока не высохнет. Затем зашёл в третью комнату, а там старая старуха — мать царицы — лежит.

— Тебя, — говорит, — бабушка, позолотить или нет?

— Позолоти и меня, — говорит старуха.

Вымазал мужик царицыну мать смолой и домой отправился. Царь вернулся домой, смотрит: вся его семья лежит в постелях.

— Что, — говорит, — средь бела дня лежите?

— Не видишь разве? — говорит царица. — Приходил один мужик и всю семью нашу позолотил. Теперь вот лежим, чтобы золото не стёрлось, пока не высохнет.

— Ох, дура ты, дура!.. Какое ещё золото! Какой-то обманщик вас смолой вымазал.

Зашёл в комнату дочери — и у неё весь лоб смолой вымазан; зашёл в старухину комнату — и у той весь лоб в смоле.

— Где, — говорит, — мужик-обманщик? Я немедленно догоню его и голову отрублю.

Сел царь на самого лучшего коня и за мужиком вдогонку пустился. А мужик бежал-бежал, с какой-то старухой встретился.

— Давай, — говорит, — бабушка, поменяемся со мной одеждой. Царь гонится, если догонит, и твою, и мою голову отрубят.

Обменялись они одеждой со старухой. Мужик спрятав старуху, мхом завалил, а сам сел на обочину и стал царя поджидать. Царь подъехал и спрашивает:

— Такой-то мужик не проходил здесь, бабушка?

— Только сейчас прошёл разбойного вида мужик. Только ты его не догонишь. Здесь у дороги много развилок.

— А сможешь его догнать и сюда привести? — спрашивает царь.

— Смогу, конечно, только дай мне свою царскую одежду. Такую-сякую он меня и слушать не станет.

Царь отдал свою одежду и коня. Мужик не дурак был, сел на коня и домой поскакал. Ждал, ждал царь возвращения мужика. А мужик всё не едет. Сидит он у обочины и смотрит: мох возле него стал шевелиться. Перевернул он пласты, а там какая-то старуха пыхтит.

— Ох ты, — говорит старуха, — сам царь, а сильно же обманулся. Это ведь и был разбойник-мужик. Он в моей одежде тебя обманул.

Делать нечего. Царь снял с себя старухину одежду и надел ту, что мужик оставил. Вернулся домой, да в такой одежде еле-еле его пустили.

Кыйтём вөр

Олісны-вылісны гозъя. Коркё налөн и няньныс бырис. Гётырыс шуө:

— Мун, Иван, ветлы да капкан пукты, оз-ө мыйкё сюр.

Муніс Иван вөрө, сIALIC капкан, дай сэтчө гөрд руч пырис. Нуис Иван руч кусө базарө да вузаліс квайт шайтысь. Аслыс зэв нимкодъ, да мөдөдчис гортас. Кывліс поп, мый Иван сьёмөн локтө карысь, дай паныдаліс сійөс:

— Кытчө тэ, Иван, ветлін?

— Ме базарө руч ку вузавны ветлі.

— А грексьыд мынтысьны он кёсйы? — шуө сылы поп. — Ноко паськөдлы вомтө, уна-ө тэнад грекыд?

Иван паськөдіс вомсө. Поп сэтчө нянь крөшкияс да зеп ёгсө койыштіс, некымынысь пернапас вөчис дай шуө:

— Но, Иван, өні став грексыд мынін. Вай меным руч ку донтө.

Иван сетіс поплы өти шайт, а вит шайтсө и суськис. Ачыс сэсся ас кежас поп ылө сералө: «Буриндзика поптө кокорниті: квайт шайт пыдди өти шайт сеті, а витсө суськи». Муніс, муніс, да Иванлы паныдасисны купеч да суддя. Найө юалөны:

— Кытчө, Иван, ветлін?

— Ме, — шуө, — руч ку вузавны ветлі да попөс ылөдлі.

— Кыдзи тэ лысьтан ме вывті вузасьны? — шуө купеч.

— Кыдзи тэ лысьтан купеч вывті вузасьны да попөс ылөдны? — шуө суддя. — Руч вузалөм донтө кө миянлы купечкөд шөриөн сетан, прөститам, а он кө, судө сетам.

Вөчны нинөм. Иван кыскис зепсьыс кык шайт дай сетіс налы морт шайтөн. А ачыс син саяныс найөс кутіс серавны: «Буриндзика ме бара купечтө да суддятө кокорниті; дзонь куим шайт пөръялі: вит шайт пыдди кык шайт сөмын и сеті». Муніс, муніс дай сылы лесничөй паныдасис: кывлөма, мый Иванлөн сьом нажөвитөма.

— Кытчө, — шуө, — Иван, ветлін?

— Ме руч ку вузавны ветлі.

— Кыдзи лысьтін вузавны ме вөрысь кыйөм руч? Пырысь-пыр жө вай меным руч донтө ставнас.

Вөчны нинөм. Кыскис Иван өти шайт дай сетіс лесничөйлы, а ачыс ас кежас бара сы вылын пондіс серавны: «Буриндзика лесничөйтө и кокорнитышті; дзонь кык шайтөн пөръялі: куим шайт пыдди өти шайт сөмын и сеті». Муніс, муніс Иван, муртса гортөдзыс эз на во, а сылы паныд урадник локтө: и сійө кывлөма, мый Иванлөн деньга нажөвитөма.

— Кытчö, — шуö, — Иван, ветлін?

— Ме руч ку вузавны ветлі.

— Кыдз тэ лысьтін урадниклы доложитлытöг вузасьны-ньöбасьны? Руч донтö кö ставнас сетан, прöстита, а он кö, бур оз ло.

Вöчны нинöм. Кыскис Иван зепсьыс öти шайт да сетис урадниклы. А ачыс ас кежас бара сералö урадник вылö: «Буриндзика ме урадниктö кокорниті; дзонь шайтөн сійöс пörьялі: кык шайт пыдди сöмын öти шайт сеті». Воис Иван гортас дай гöтырыслы висьталö:

— Ме, — шуö, — талун попöс пörьялі, купечöс да суд-дяöс пörьялі, лесничöйöс пörьялі, урадникöс пörьялі. Поплысь 5 шайт суськи, купечлысь да суддялысь — 3 шайт, лесничöйлысь — 2 шайт, а урадниклысь — 1 шайт.

Гöтырыслы первой нимкодъ лолі, а кор гөгөрвоис, пондіс сійöс видны:

— Ок, тэ, йöй тэ, йöй: асьтö тай пörьялöмаöсь, зеп-сьыд гүсялöмаöсь.

Сэсся гöтырыс босьтис коколюка да ойкөдөмөн Иванöс гортсьыс вöтліс.

— Водзöснысö кö, — шуö, — налысь немтор он гусяв, гортö локны эн и лысьт.

Локтис Иван барин керка дорö да думыштис барин ордö гусясьны пыравны. Но пырны некытчö: öдзöс дорас сув-төдöма чеп йыв понйöс.

— Час, — шуö Иван, — ме чеп йыв понсö первой гусяла, а сэсся бöрас и мукöд добрасö баринлысь гусяла.

Кöсйис эськö Иван пон дорö матыстчыны, а баринлөн, гашкö, дас пон вөлөм, кыдз тай сы вылö ставыс öттшötш уськөдчасны да вазөдасны. Кутис барин Иванöс.

— Сямман кö, — шуö, — менсьым конюшняысь мед-бур вөлөс гусявны, прöстита да витсё шайт деньгаөн сод-та, а он кö, бурöс эн виччысь.

Думайтис, думайтис Иван: мый вöчны? Гусяліс сэсся бабаыслысь сарапансö, босьтис сы вылö чекверть вина да

нөк туис и мөдөдчис вой улө барин ордө. А барин сійө войас конюшнясө гөгөрбок томналіс дай куим караульщикөс конюшня өдзөс дорө сувтөдіс. Пондіс пырны Иван барин дворө, а сы вылө баринлөн понъясыс уськөдчисны. Иван кисьтіс налы нөк туис, да понъяс ланьтісны. Сэсся кодйысис өблөжка увтіыс барин конюшняө, пуктіс вөв дінө чекверть вина, а ачыс бөр петіс конюшняыс да кутіс виччысыны, мый водзө лоө. Вот баринлөн конюшня караулитысяс и шуоны:

— Вай пыраламөй конюшняс да видзөдлам, эз-ө на Иваныд вөвтө гусяв?

Пыралісны, видлісны: вөлыд пыр ас местаас. Öти слуга сэсь адззис чеквертнөй вина сулея да зэв рад лои:

— Вай, — шуө, — тайө винасө юыштамө, ог жө тайөс сідз кольөй.

Сэсся куимнанныс пуксисны чеквертнөй сулея дорө, дорвыв юисны да сэтчө и унмовсисны. Кор караульщикьясыд унмовсисны, Иван пыраліс, сермөдаліс вөвсө да гөнитіс гортас. Мөд луннас барин петіс конюшняө вөв видлыны, а вөлыс збыльыс абу! Сэсся нөйтіс слугаяссө да понъяссө да ыстіс Иванлы көсйысьөм витсө шайт. Кывліс поп, мый Иван зэв бура кужө гусясыны, да корис сійөс:

— Тэ, — шуө, — менсьым сьөм мошняөс гусявны он вермы. Верман кө гусявны, мошня джынсө сета, а он кө вермы, витсө шайт тэсянь.

А поплысь збыльыс зэв сьөкыд вөлі деньга мошня гусявны: сійө пыр киас чабыртөмөн деньга мошнясө вөдитіс. Вот коркө Иван пасьтасис аркирейөн да став вичко пытшкас өзталіс сисьяс да лампаяс. Поп адззис вичкоыс бияс да котөрөн мөдөдчис вичкоө, думыштіс: «Эз-ө нин öзйы вичкоыс?» А вичкоас аркирей сулалө:

— Лок, — шуө, — поп-батюшка, аркирейскөй служба вөчам. Мый тэ деньга мошнятө сьөрсьыд вөдитан, пукты кытчөкө вөлтар пытшкас, сэсь некод тэнсьыд оз босьт.

Пуктіс поп деньга мошнясö престол улö. Служитісны, служитісны дай поп чуймис:

— Аркирей-батюшко, менам, — шуö, — тэ воигкежлö лöсьöдчйтöм и пöжасьтöм. Час, котöртла да матушкалы пöжасьны тшöкта.

Котөрөн ветліс поп попаддя дорö и локтіс бөр вичкоö, а сэні аркирей ни деньга мошняыс сылөн абу. Муніс поп Иван вылö генераллы жалуйтчыны. Корис генерал Иванös.

— Верман кө, — шуö, — менсьым керка шöрысь гöтырös гусявны, ыджыд награда босьтан, он кө вермы, юрнад он мын.

Думайтіс, думайтіс Иван, кыдзи генераллысь гöтырсö гусявны. Генераллön, гашкö, сё слуга да телокранитель, некытчö матö керка дорас он сибав. Вот Иван озыр купечön пасьтасис, ньöбис бöчка вина да войнас мöдöдчис генерал керка дорті. Мыйön воис генерал кильчö весьтö, кыскис телега чока пöвсö, мынтöдіс чöрс вылысь көлесасö, телегаыд сэтчö и путкыльтчис. Пондіс Иван чуксавны генераллысь слугаяссö да телокранительяссö:

— Отсаланныд кө, — шуö, — став бöчкасö тіянлы юктала.

Слугаяс да телокранительяс öти здукön лöсьöдісны сылысь телегасö да бөр лэптісны вина бöчка. Иван налы и шуö:

— Юö, мыйта ловныд лэптö.

Генераллön слугаяс сэтчöдз юисны, мый сэтчö туй вылас и унмовсисны. Иван сэк кості пыраліс генеральша спальняö, кватитіс сійös, пуксьöдіс телегаö да öдйön зэв гönитіс. Заводитліс жö эськön генерал слугаяссö да телокранительяссö чуксавны отсөг вылö, но найö ставныс вöлі ныр выланыс сутшкысьöмаось да асылöдз эз и садьмывны. Гönитіс, гönитіс Иван да ты дорö сувтöдіс вöвсö шойччöдны. Тыысь бырснитіс васа:

— Вай, — шуö, — Иван, вузав меным генерал гöтыртö. Уна-ö коран?

Иван шуö:

— Уна меным оз ков. Шапка тыр деньгаысь сета тэд генерал гöтырöс.

Вот васа пырис деньгала, а сы кості Иван розьöдіс шапка пыдöссö да лöсьöдіс телега көрöб весьтö. Тыртіс да тыртіс васа Иванлысь шапкасö деньгаөн, да некыдзи оз тыр. Деньгаыд вочасөн шапка розьті лэччö телега көрöбö. Кор телега көрöбыс чукийөн тырис деньгаөн, Иван сетіс васалы генерал гöтырöс, а ачыс сэсся гортас муніс. Скöрмис генерал да жалуйтчис Иван выlö министрлы. Корис министр Иванös ас ордас.

— Верман кө, — шуö, — пыравны менам нывъяс спальняö да узигас на улысь прöстынясö гусявны, наградита сюрс шайтөн, а он кө вермы, юртö воштан.

Думайтіс, думайтіс Иван, кыдзи пыравны министр ордö, сылөн öд слугаыд да телокранительыд генерал дорысь на унджык. Вот пасьтасис Иван генерал паськөмөн да рытнас пырис министр дворечö да дзебсис öти пельöсö. Видзöдö, а сэні министрлөн понйыс кычанасьöма. Иван босьтіс öти кычанпи да гусьөн муніс министр нывъяс крöвать улö. Кор найö унмовсисны, Иван суюис кычанписö кык ныв костас, шебрас улö. Ачыс бөр пырис крöвать улас да мöдіс кывзысьны. Коркө садьмис министрлөн ичöтджык нылыс дай мöд чойсö чуксалö:

— Чеччыв, — шуö, — да видзöдлы! Тэ со тавой кычанпи вайöмыд!

Садьмис генераллөн ыджыдджык нылыс да спорö кутчысис:

— Ме, — шуö, — бара эг, тэ ачыд, көнкö, вайин.

Споруйтісны, споруйтісны да батыслысь юавны мунісны, кодыны найö кычанпи вайисны. Иван сэк кості кватитіс крöвать вылысь прöстынясö да петіс министр

ордысь. Генерал паськѡма морттѡ телокранительяс кутны эз и думыштлыны. Локтісны министрлѡн нывъяс батыныс ордѡ, мед сійѡ отсалас налы спор помавны. Министр гѡгѡрвоис, мый Иван тайѡ шуткасѡ вѡчис:

— Тайѡ, — шуѡ, — понлѡн кычаныс, а абу тіян. Тайѡ, кѡнкѡ, Иваныд пуктіс ті крѡвать вылѡ, медым прѡстыня-нытѡ гусявны.

Видзѡдлісны, эм-ѡ прѡстыняыс; збыльысь Иван прѡстынянысѡ гусялѡма. Тшѡктіс корны министр Иванѡс. Сылы жаль лои сетны кѡсйысѡм деньгатѡ.

— Бѡр кѡ, — шуѡ, — вайѡдан генераллысь гѡтырсѡ, сійѡ ме пыдди и ас пыддиыс тѡд мынтыяс, а он кѡ вайѡд, юртѡ воштан.

Муніс Иван ты дорѡ, кытчѡ васалы генерал гѡтырѡс вузавліс, пуксис берег дорас да кутіс нырагез гартны да шутлявны. Петіс тыысь васалѡн пиыс да шуѡ:

— Мый нѡ тѡ, Иван, вѡчан?

— Ме, — шуѡ, — кѡсъя тіянлысь вадтѡ шыръявны да тіянѡс, бес котырѡс, кос пывсянын пывсѡдны.

Беспи котѡрѡн лѡччис ва пыдѡсѡ дедыс дінѡ да шуѡ:

— Локтѡма Иван да миянлысь ваднымѡс кѡсйѡ шыръявны да миянѡс кос пывсянын пывсѡдны.

Петіс пѡрысь васа да шуѡ Иванлы:

— Вай, — шуѡ, — первой вын-ѡбѡснымѡс бертам. Верман кѡ менѡ ѡбѡснад да сюсьлуннад, сета генерал гѡтырѡс, а он кѡ — ог сет. Первой, — шуѡ, — шутлялѡмѡн вермасям. Кодным ѡнджыка шутѡвтам, сылы и генерал гѡтыр.

Вот сувтіс Иван крут кыркѡтш йылѡ. Шутѡвтіс васа сѡтшѡм чорыда, муртса Иван кыркѡтш йывсянь ваѡ эз усь.

— Ок, — шуѡ, — тайѡ нѡ кутшѡм шутѡвтѡм! Вот ме кѡ шутѡвта, тѡнад син гурансыд синколькйыд чеччыштас. Колѡкѡ, водзвылысь кѡртав синъястѡ.

— Час, — шуö, — көртала синъясös, сэтшöма кө шу-тёвтан.

Вот син көрталöмөн сувтис васа кыркötш йылö, Иван босьтис зор да кыз тай юковтас юрбöрас васалы. Васа кыркötш йывсянь летитис ваöдзыс.

— Мастер, — шуö, — тэ, Иван, шутлявны. Збыльысь синъясысь быдсөн би петалис, муртса синъясöй эз чеч-чыштны. Вай, — шуö, — ещö видлам, коднымлөн ки ча-бырным ёнджык.

Вот пыралис васа ты пыдöсö да петкöдис сэсь зэв гöгрös из.

— Топöд, — шуö, — кимöдзад, мед изйыс шаньгаöдз лязалис.

— Вай, — шуö Иван, — тэ водзджык петкöдлы.

Шамыртис васа изсö, сэтшöма зэлöдчылис, быдсөн тош йылöдзыс гöрдöдлис, изйыд збыльысь шаньга кодьöдз лязалис.

— Тайö шамыртöмыд нö, — Иван шуö, — мыйся ша-мыртöм. Ме кө вот шамырта, тэнад изйысь кольö сöмын ты пыдös ляти кодь няйт китыр.

Кыскис Иван зепсысь пуом картупель да кызди тай шамыртис, сöмын чуньяс косттис визувтис картупель чөнöрыс*. Васа пондис шензыны:

— Но, — шуö, — и ён жö тэ вöлöмыд, Иван: изйысь сöмын няйт китыр коли, и быдсөн сэсь ва петис. Но, — шуö, — нöшта öтчыд вын-эбösнымös видлам. Вай верма-сям: кодным-кодös водзджык кок йылысь уськöдам, сылы и лоас генерал гöтыр.

— Ме ачым тэкöд ог жö мöд сила бертны, — шуö Иван васалы. — То, колода бокын куйлö менам ичöтджык вокöй, мун ськöд бертчы, — индис Иван колода бокын куйлысь ош вылö. — Сöмын сийö неуна сьökыд пеля, прöстöй сёр-нитö оз кыв. Первой бок кузяыс сылы мыйöнкö шонтышт, сэк вöлисти тэкöд заводитас сёрнитны.

* Чөнөр — тані: ляті.

Муніс васа ош діно да чужийс сылы:

— Лок, — шуө, — вермасям, мый куйлан?

Ошкыд тай кыз уськөдчис сы былө да мөдіс пурны-косявлыны васаос. Өдва и мездысис васа ош лапа улысь.

— Но, — шуө васа, — тэ лоан ыджыд брат, вермин менө. Босът да нуөд генерал гөтыртө, а ваднымос миянлысь эн шыръяв.

Мынтіс сэк генерал Иванлы ас пыддиыс сюрс шайт да министр пыдди нөшта сюрс шайт. Коркө кывсис и сар пельөдз, мый Иван зэв мастера кужө гусясьны. Корис сійө Иванос ас дінас:

— Верман кө, — шуө, — тэ ме казнаысь гусявны зөлөта мешөк, мешөк джынсө аслыд, а он кө вермы, юртө керышта.

Сарлөн тюрьмаө вөлі пуксьөдөма медся наян вөрсө. Локтіс сійө тюрьмаын пукалысь вөр діно дай шуө:

— Кыдз нө Иванос кыйны, пондас кө менсьым казнаысь деньга гусявны?

Сійө сарлы тшөктіс сарскөй казна гөгөрыс сы пасьта бөрөзда кодыны, медым вомоныс чеччыштны он вермы, да тыртны сійос сирөн. Сир тыра бөрөздаті вуджигас пө Иван сэтчө усьө да сибдас. Вот Иван мөдөдчис сарлысь казна гусявны. Сьөрсъыс босьтіс өти вөрөс дай сылы шуө:

— Сарыд зэв мудера вөчөма: коднымлыкө тавой быть сюрны. Вай, — шуө, — вудж тэ водзынджык.

Иванлөн төварышыс чеччыштіс да уси, сэтчө и сибдіс, сөмын юрыс мөдіс тыдавны. Иван, сы юр былө тальч-чылөмөн, вуджаліс бөрөзда мөдарас, босьтіс пельпом вылас өти мешөк зөлөта да муніс аслас патераас. Сійө патеруйтны сувтіс өти дөва старука ордө.

— На, — шуө, — тэд, бабушка, талун гөснеч вайи. Кув-төдзыд тырмас дай пияныды тырмас. А менө верд өтчыд та пыдди.

Мод луннад сар аддзис, мый Иван збыльысь гусялёма сарскöй казна. Зэв ёна скöрмис, тшöктіс Иванöс пырысь-пыр жö кутны да юрсö керыштны. Корсисны да корсисны, но корсьны эз вермыны. Сэсся бара сар муніс тюрмаын пукалысь наян вөр дінö:

— Вай, — шуö, — висьтав, кыдзи меным Иванöс кыйны да сылысь юрсö керыштны?

Тюрмаын пукалысь вөр сарöс велöдö:

— Тэ, — шуö, — доддяв зарния каретатö, сэтчö пуксьöд саритсатö медся бур паськöмнас пасьтöдöмөн, сэсся лэдз сійöс кар кузя гуляйтны, а бөрвывсяньныс ысты унджык йöзöс. Иваныдлөн вежыс петас зарния карета вылö да локтас сійöс гусявны, сэк сійöс позьö кокния кутны.

Сідзи и вöчисны. Саритсаöс пасьтöдісны шöвк да зарния паськöмөн, пуксьöдісны зарни каретаö да мөдöдісны кар кузьта гуляйтöдны. Иван пасьтасис генерал паськöмөн, сэсся кайис пу вылö, öшöдчис пу вож вылö да мөдіс горзыны:

— Менö Иван вөр грабитіс да пуö öшöдіс! Мездöй менö!

Саритсаыд буретш вöлі сійö пу увтіыс гөнитö дай шуис кучерыслы:

— Мезды, — шуö, — генералсö.

Мыйөн кучер чеччис кöзла вылысь да пондіс пуö кавшасьны, сэк кості Иван чеччыштіс карета лабичö да кучкис вöвъяслы. Каретасö и саритсасö öттшöтш гусяліс да вайöдіс патераас. Каретасьыс перйис зарния көрöбоксö, а саритсасö дзик пасьтöгыс пöрччöдіс, сэсся пуксьöдіс тьртöм каретаö да вöвъяслы кучкис:

— Мунö, — шуö, — гөнитöдö сар гöтырöс сар ордö. Мед любуйтчö ас гöтырнас.

Нöшта ёна скöрмис сар, мый Иван гусяліс сылысь зарния көрöбоксö да саритсасö тшöтш тешитіс. Муніс бара тюрмаын пукалысь вөр дінö да юасьö, кыдзи кыйны Иванöс. А вөр сійöс велöдö:

— Босьт, — шуö, — да порсьöс гөгöрбок зöлөтит. Сэс-ся салдат рота костын лэдз сійöс кар кузя гуляйтöдны. Иванлөн зарниа порсь вылад вежыс петас, локтас сійöс гусявны, а салдатъясыд сэки сійöс и кутасны.

Вот ыстисны дзонь рота салдатöс кар кузья гуляйтöдны сарлысь зöлөтитöм порсьсö. Иван сэк кежлö кар шöрысь медаліс медбур патерасö, сэсся полковникөн пасьтасис да петіс порсьöс гуляйтöдысь салдатъяслы паныд:

— Здорово, — шуас, — молодцы! Менам талун нимлун. Он-ö желайтö менсьым нимлун веськöдыштны?

— Желайтам, — шуöны салдатъяс, — кыз нö ог желайтö полковниклысь нимлун веськöдны. Сöмын кытчöкö тайö порсьсö колö миян меститлыны.

— Йöртö, — шуö, — ме гидö да томналö, немтор сылы оз ло, ме сэк кості денщикöс видзны сувтöдла.

Пыртöдіс Иван салдатъясöс, ляс усътöдзныс юкталіс винаөн, сэсся пöрччöдіс шынельяснысö да манакö ставсö пасьтöдіс, а ачыс босьтіс зöлөтитöм порсьсö да важ патераас нуöдіс. Вуштіс сы вылысь став зарнисö да сетіс зарнисö дöва старукалы:

— На тэн, бабушка, тайö шыльö-мыльöсö. А порсьсö начкы да жарит меным аски кежлö.

Вот палялісны порсь гуляйтöдысь салдатъяс да мöдä-мöдыс вылö видзöдöны, ас выланыс чуймалöны, кызди найö салдатысь манакö воисны. Кватитчисны, а порсьныс абу. Гөгöрвоисны, мый Иван найöс тадзи тешитöма. Мунісны сар дорö да сідзи и висьталісны, мый Иван синма-ныра костысь налысь порсьсö пышйöдіс. Бара муніс сар тюрьмаын пукалысь наян вөр дінö юасьны, кызди эськö Иванöс кыйны. А тюрьмаын пукалысь вөр сійöс велöдö:

— Талун Иван мöдäс тэнсьыд гусялöм порсьтö жаритны. Ысты медся ныриса пöвартö да яй дук сертисьыс сійö тöдмалас сылысь оланінсö.

Вот муніс сар пöвар, кар кузя быд уличаті ветлö да исалö, кöні порсь яй жаритöны. Воис öти керка дінö да збыльсь жаритöм порсь яй дук кылö. Пырис керкаас, а сэні старука да Иван порсь яй сёйöны:

— Лок, — шуö, — пуксьы да сарскöй картаын быдтöм порсь яйöн гöститöда.

Пöварыд кор петіс Иван патераысь, кильчö юр вылас мелөн гижис: «Ме тані гусялöм порсь яй сёйи». А ачыс котөрөн муніс сарлы доложитны. Иван петалис кильчö вылас, аддзис кильчö юр вывсьыд мелөн гижöмсö да быд кильчö юр вылö гижалис: «Ме тані гусялöм порсь яй сёйи». Воисны сарскöй слугаяс да салдатъяс Иванöс кутны. Видзöдöны, а быд кильчö юр вылын мелөн гижöма: «Ме тані гусялöм порсь яй сёйи». Сідзи бара сарыд эз вермы кутны Иванöс. Бара сар муніс тюрмаын пукалысь наян вөр дінö сöветуйтчыны, кыдзи кыйны Иванöс. Тюрмаын пукалысь вөр сійöс велöдö:

— Кор ас дворечад пир вылö став купечьясöс, офицеръясöс, генералъясöс, губернаторъясöс, министръясöс. Тöдöмысь, сэтчö тшöтш локтас и Иваныд. Сэсся гөгöрбок дворецтö ортсысянныс тшöкты томнавны да стража сувтöдны. Кор ставныс коддзасны, сувтöд нылыд спальня дорö бур стража да тшöкты, коді гöсьтъяс пиысь вермас пыравны саревна спальняö да сійöс окыштны. Дерт, Иван кындзи, некод оз вермы. А сылы кө удайтчас пыравны саревна спальняö, медым саревнаыд плешкас сылы мелөн пас пуктас. Сэк сійö пас сертиыс и сюрö.

Сар чукöртіс пир вылö ассьыс став йöзсö: министръясöс, генералъясöс, купечьясöс, попъясöс. Иван пасьтасис купечöн да пир вылö тшöтш локтіс. Кор став гöсьтыс ёнакод коддзисны, сар шуö гöсьтъяслы:

— Коді вермас войнас саревна спальняö куим стража пыр пыравны, сійöс öтчыд окыштны да сылысь чунькытшсö босьтны, сы сайö саревнаöс верöс сайö сета.

Заводитлісны купечьяс, генералъяс заводитлісны, заводитлісны унаоң, но первой стража дінас воигон на найос кутлісны да бөр бергөдісны. Некодлы эз удайтчы пыравны спальняө. А Иван эз зевайт. Сійө пир выло локтигон сьорсьыс босьтис саритсалысь порччөдөм зарнион вышивайтом платтьөсө. Сійө пасьталіс сійөс да саритса пыдди пырис сар ныв узыланіно. Куимнан стражаыс сійөс зэв кокниа лэдзисны. Иван пыраліс сар ныв дінө, өтчыд сійө окыштіс да чуньсьыс зарниа чунькытшсө перйис. А сэк кості саревна сылы плешас мелон перна пуктіс. Петіс Иван саревна спальняысь, порччис нывбаба паськөмсө да юрсисө лөсьөдігмоз видзөдліс рөмпөштанө. Аддзис сійө плешсьыс мелон пасйөм пернасө, гөгөрвоис да чышкис. Войнас, кор став госьтьясыс юсисны да унмовсялісны, Иван ставныслы налы плешканыс мелон пернаяс тэчаліс. Көсйө нин вөлі водны да аддзис, мый сарлөн аслас плешкас пернаыс эз на ло, дай сылы тшөтш зэв ыджыд перна пасйис плешас. Коркө садьмис сар да мөдіс ветлыны узысьяс пөвстті, видлавны, коді пернаа плеша. Өти узысьылы чужөмас видзөдліс — паса плеша, мөдөс видзөдліс — паса плеша жө.

— Ак, — шуө, — тайө тай гусясьө да нөшта оз өтнас: сылөн и ёртьяс тшөтш эмось. Сэсся сар чукөстіс двореч видзысь салдатьясөс да сетіс приказ:

— Став узысьяссө видлалөй. Кодлөн плешкас эм мелон пасйөм перна, ставныслысь юрсө керавны.

Вот пырисны салдатьяс госьтьяс узяніно. Кодлысь плешсө оз виддыны, ставныслөн плешас мелон пасйөм перна. И пондісны узигкөстіныс сэні жө юрнысө керавны: министръяслысь, генералъяслысь, купечьяслысь, попьяслысь. Өти салдат видзөдліс сар выло: сылөн плешкас мелон вөлі пасйөма сэтшөм жө перна, и сылысь юрсө швачнитіс аслас приказ серти.

Сэсся Иван ачыс пуксис сарствуйтны, да пөрысьөнэмө гозъя зэв бура овмөдчисны.

Непойманный вор

Жили-были муж с женой. Как-то у них и хлеб кончился. Жена говорит:

— Иди, Иван, сходи да капкан поставь, не попадётся ли кто.

Пошёл Иван в лес, капкан поставил, и в него рыжая лиса попала. Отнёс Иван лису на базар и продал за шесть рублей. Обрадовался и домой пошёл. Услышал поп, что Иван с деньгами возвращается из города, и встретил его:

— Куда, Иван, ходил?

— На базар сходил, лисью шкуру продал.

— А от грехов избавиться не хочешь? — говорит ему поп. — Ну-ка, раскрой рот, много ли у тебя грехов?

Иван рот разинул. Поп туда хлебных крошек и мусор из кармана бросил, несколько раз перекрестил, и говорит:

— Ну, Иван, от всех грехов избавился. Деньги давай, что за лису выручил.

Иван дал попу рубль, а пять утаил. Сам про себя над попом смеётся: «Хорошо я попа обжулил: вместо шести рублей один дал, а пять утаил». Шёл, шёл, и навстречу Ивану попались купец и судья. Они и спрашивают:

— Куда, Иван, ходил?

— Я, — говорит, — лисью шкуру продавать ходил и попа обманул.

— Как ты смеешь через мою голову торговать? — спрашивает купец.

— Как ты смеешь через голову купца торговать и попа обманывать? — говорит судья. — Если деньги, что за лису выручил, нам с купцом отдашь, простим, а если нет, в суд подадим.

Делать нечего. Иван вытащил из кармана два рубля и дал им по рублю. А сам за глаза над ними стал смеяться:

«Хорошо я купца и судью обжулил, на целых три рубля обманул: вместо пяти два всего отдал». Шёл, шёл, и лесничий ему повстречался: слышал, что Иван денег заработал.

— Куда, — говорит, — Иван, ходил?

— Лисью шкуру продавать ходил.

— Как ты посмел продавать лису, в моих лесах пойманную? Немедленно отдавай все деньги, что выручил.

Делать нечего. Вытащил Иван рубль и отдал лесничему, а про себя над ним смеётся: «Хорошо, мол, лесничего обжулил; на целых два рубля обманул: вместо трёх один рубль всего и отдал». Шёл, шёл Иван, до дома немного не дошёл, а ему навстречу урядник идёт: и он прослышал, что Иван денег заработал.

— Куда, — говорит, — Иван, ходил?

— Я лисью шкуру продавать ходил.

— Как ты посмел, уряднику не доложив, продавать-покупать? Если деньги, что за лису выручил, отдашь, прощу, а нет, добра не жди.

Делать нечего. Вытащил Иван из кармана рубль и отдал уряднику. А сам про себя опять смеётся: «Хорошо же я урядника обжулил; на целый рубль его обманул: вместо двух только один отдал». Вернулся Иван домой и говорит жене:

— Я сегодня попа обманул, купца и судью обманул, лесничего обманул, урядника обманул. От попа утаил 5 рублей, от купца и судьи — 3 рубля, от лесничего — 2 рубля, от урядника — рубль.

Жена вначале обрадовалась, а как поняла, стала его ругать:

— Ох, дурак ты, дурак: самого ведь обманули, из кармана вытащили.

Взяла жена кочергу, избила Ивана и из дома выгнала.

— Если взамен, — говорит, — у них ничего не украдёшь, не смей домой возвращаться.

Пришёл Иван к дому барина и решил к барину зайти. Но никак не получается: у дверей цепная собака сидит.

— Сейчас, — говорит Иван, — я сначала собаку украду, а потом и другое добро у барина вынесу.

Хотел Иван к собаке подобраться, а у барина их десять оказалось. Как на него вместе набросятся да давай трепать. Поймал барин Ивана.

— Если сможешь, — говорит, — из моей конюшни лучшего коня украсть, прощу и пятьсот рублей деньгами добавлю, а нет, добра не жди.

Думал, думал Иван, что делать? Украл у своей жены сарафан, взял на него четверть вина и туесок сметаны и отправился к ночи к барину. А барин той ночью конюшню кругом запер и троих караульщиков у дверей поставил. Стал Иван заходить, а на него бариновы собаки набросились. Иван налил им сметаны из туеса, и собаки затихли. Потом подкопался под обложным бревном, поставил к коню четверть вина, а сам вышел из конюшни и стал ждать, что дальше будет. Вот караульщики и говорят:

— Давайте зайдём в конюшню да посмотрим, не украл ли ещё Иван коня?

Зашли, посмотрели: конь ещё на своём месте. Один слуга заметил четверть вина и очень обрадовался:

— Давайте, — говорит, — вино выпьем, не оставим же так.

И все трое сели у бутылки, всю выпили и там же заснули. Как караульщики заснули, Иван зашёл, взнуздal коня и ускакал домой. На другой день барин вышел в конюшню посмотреть коня, а коня и впрямь нет! Побил и слуг, и собак и послал Ивану обещанные пятьсот рублей. Услышал поп, что Иван хорошо умеет воровать, и позвал его:

— Ты, — говорит, — у меня не сможешь мощну ук-

расть. Украдёшь, — половину мошны отдам, не сможешь — с тебя пятьсот рублей.

А у попа, действительно, очень трудно было мошну с деньгами украсть: он всё время в руках её сжимал. Вот Иван переоделся в архиерея и по всей церкви зажёг свечи и лампы. Поп увидел в церкви свет и бегом в церковь, подумал: «Уж не загорелась ли церковь?» А в церкви архиерей стоит:

— Иди, — говорит, — поп-батюшка, архиерейскую службу отслужим. Что ты мошну с деньгами в руках тебишь, положи куда-нибудь в алтарь, оттуда никто у тебя не заберёт.

Положил поп деньги под престол. Служили, служили, поп и спохватился:

— Архиерей-батюшка, у меня, — говорит, — к твоему приходу ничего не приготовлено, и хлеб не печён. Сейчас сбегая, прикажу матушке испечь.

Сбегал поп к попадье и вернулся в церковь, а там ни архиерея, ни мошны с деньгами нет. Пошёл поп к генералу на Ивана жаловаться. Позвал генерал Ивана.

— Если сможешь из дома мою жену украсть, большую награду возьмёшь, если не сможешь, головой расплатишься.

Думал, думал Иван, как у генерала жену украсть. У генерала, может, сто слуг и телохранителей, никак к дому не подобрёшься. Вот Иван оделся богатым купцом, купил бочку вина и ночью поехал к генеральскому дому. Как до генеральского дома доехал, вытащил чеку, с оси колесо снял, телега там и перевернулась. Стал Иван звать генеральских слуг и телохранителей:

— Если поможете, — говорит, — всю бочку выставлю.

Слуги и телохранители в один миг починили его телегу и бочку с вином подняли. Иван им и говорит:

— Пейте, сколько душа позволит.

Генеральские слуги до того напились, что прямо на дороге и заснули. Иван тем временем зашёл в спальню генеральши, схватил её, посадил в телегу и быстро уехал. Попробовал было генерал слуг и телохранителей разбудить, но они все носами в землю уткнулись и до утра не просыпались. Ехал, ехал Иван и у озера остановился — коню отдых дать. Из озера вынырнул водяной:

— Продай, — говорит, — Иван, мне генеральскую жену, много ли просишь за неё?

Иван отвечает:

— Много мне не нужно. За шапку денег отдам тебе генеральскую жену.

Вот водяной нырнул за деньгами, а тем временем Иван продырявил шапку и приладил над коробом телеги. Наполнял, наполнял водяной деньгами шапку Ивана, никак не наполнится. Деньги постепенно через дырку падают в короб телеги. Как короб телеги деньгами доверху наполнился, Иван отдал водяному жену генерала, а сам домой поехал. Разозлился генерал и пожаловался на Ивана министру. Позвал министр Ивана к себе.

— Если сможешь, — говорит, — пробраться в спальню к моим дочерям и во время сна из-под них простыню украсть, награжу тысячей рублей, а не сможешь — голову потеряешь.

Думал, думал Иван, как зайти к министру, у него ведь слуг и телохранителей больше, чем у генерала. Вот оделся Иван в генеральскую одежду, вечером зашёл во дворец министра и спрятался в угол. Смотрит, а там у министра собака ощенилась. Иван взял одного щенка и тайком пробрался под кровать дочерей министра. Как они заснули, Иван положил щенка между двумя девушками, под одеяло. Сам опять залез под кровать и прислушивается. Тут проснулась младшая дочь министра и будит сестру:

— Встань-ка, — говорит, — и посмотри! Ты в эту ночь ощенилась!

— Я, — говорит старшая, — нет, ты сама, наверное, принесла.

Спорили, спорили и пошли у отца спрашивать, которая из них щенка родила. Иван в то время схватил простыню и вышел от министра. Человека в генеральской одежде телохранители и не догадались схватить. Пришли министерские дочки к отцу, чтобы он помог им спор закончить. Министр догадался, что эту шутку Иван проделал:

— Это, — говорит, — у собаки щенок, а не ваш. Это, наверно, Иван положил в вашу постель, чтобы простыню украсть.

Посмотрели, есть ли простыня; точно, Иван простыню украл. Приказал министр позвать Ивана. Жалко ему стало обещанные деньги отдавать:

— Если обратно, — говорит, — приведёшь жену генерала, он и за себя, и за меня тебе заплатит, а не приведёшь — головой заплатишь.

Пошёл Иван к озеру, где водяному генеральскую жену продал, сел на берег и стал дратву сучить и насвистывать. Вылез из озера сын водяного и говорит:

— Что ты, Иван, делаешь?

— Я, — говорит, — хочу ваше озеро болотное узлом завязать и вас, бесовское племя, в сухой бане запарить.

Бесёнок бегом спустился на дно к отцу и говорит:

— Пришёл Иван и наше озеро хочет узлом завязать и нас в сухой бане запарить.

Вышел старый водяной к Ивану:

— Давай, — говорит, — сначала силу-мочь испытаем. Если одолеешь меня силой и проворством, отдам тебе генеральскую жену, а нет — не отдам. Сначала, — говорит, — в свисте посостязаемся. Кто сильнее свистнет, того и генеральская жена.

Вот встал Иван на кручу. Свистнул водяной так сильно, чуть с кручи Иван в воду не упал.

— Ох, — говорит, — это что за свист! Вот если я свистну, у тебя из орбит глаза выскочат. Лучше заранее глаза-то завяжи.

Вот с завязанными глазами водяной встал на кручу. Иван схватил жердину и как жиганёт по затылку водяного, водяной с кручи в воду полетел.

— Мастер, — говорит, — ты, Иван, свистеть. Действительно, из глаз аж огонь выбило, чуть глаза не выскочили. Давай ещё испытаем, у кого руки крепче.

Вот нырнул водяной на дно озера и вынес оттуда круглый камень.

— Сожми, — говорит, — в ладонях, чтобы камень, как шанежка, сплющился.

— Сначала ты покажи, — отвечает Иван.

Сжал водяной камень, так напрягся, аж до самой бороды покраснел, камень и впрямь сплющился до шанежки.

— Это что, — говорит Иван. — Вот если я сожму, от твоего камня останется только пригоршня грязи, как со дна озера ил.

Вытащил из кармана Иван варёную картофелину да как сожмёт, между пальцев только мякоть потекла. Водяной удивляется:

— Ну, — говорит, — ты и сильный же, оказывается, Иван: от камня только пригоршня грязи осталась, аж вода из него вытекла. Но, — говорит, — ещё силу-мочь испытаем. Давай поборемся, кто кого раньше с ног собьёт, того и жена генерала.

— Не буду же я сам с тобой силой меряться, — говорит Иван водяному. — Вон, рядом с колодой мой младший брат лежит, иди с ним борись, — указал Иван на

медведя, лежавшего возле колоды. — Только он немного туговат на ухо, простую речь не слышит. Сначала огрей вдоль бока чем-нибудь, только тогда с тобой начнёт разговаривать.

Подошёл водяной к медведю и пнул его:

— Иди, — говорит, — поборемся, чего лежишь?

Медведь как набросился на него и стал рвать-кусать водяного. Еле вырвался водяной из лап медведя.

— Ну, — говорит водяной, — ты будешь старшим братом, победил ты меня. Возьми генеральскую жену, а озеро наше не завязывай.

Заплатил тогда генерал Ивану за себя тысячу рублей да за министра ещё тысячу.

Как-то и до царских ушей дошло, что Иван мастерски умеет воровать. Позвал он Ивана к себе:

— Если сможешь, — говорит, — из моей казны украсть мешок золота, полмешка твои, а не сможешь — голову срублю.

А царём в тюрьму посажен был самый хитрый вор. Пришёл царь к сидящему в тюрьме вору и говорит:

— Как же Ивана поймать, если он будет из моей казны золото красть?

Тот царю подсказал вокруг царской казны ров выкопать, чтобы через него перепрыгнуть невозможно было, и заполнить его смолой. Переходя смоляной ров, мол, Иван упадёт и завязнет. Вот Иван собрался царскую казну красть. С собой взял одного вора и говорит ему:

— Царь хитро сделал: кто-нибудь из нас этой ночью обязательно попадётся. Давай ты первым перейди.

Товарищ Ивана прыгнул и упал в ров. Застрял, только голова видна. Иван на его голову наступил, перебрался на другую сторону, взял на плечо мешок золота и пошёл к себе на квартиру. Квантировал он у старухи-вдовы.

— На, — говорит, — тебе, бабушка, гостинец. До смерти хватит и детям ещё останется. А меня накорми разок за это.

На другой день царь увидел, что Иван и впрямь царскую казну украл, очень рассердился, приказал немедля Ивана схватить и голову отрубить. Искали, искали, но найти не смогли. И опять царь пошёл к сидящему в тюрьме хитрому вору:

— Скажи, — говорит, — как мне Ивана поймать и голову срубить?

Вор его учит:

— Ты, — говорит, — запряги золотую карету, туда посади царицу, в самые лучшие одежды наряженную, и отпусти её по городу кататься. А сзади пошли побольше людей. Ивану завидно будет, он и придёт карету красть, тогда его легко поймать будет.

Так и сделали. Царицу одели в шелка и золото, посадили в золотую карету и отправили по городу кататься. Иван оделся в генеральские одежды, залез на дерево, с ветки свесился и стал кричать:

— Меня Иван-вор ограбил и на дерево повесил! Спасите!

Царица как раз мимо дерева ехала и говорит кучеру:

— Освободи генерала.

Как только кучер слез с козел и стал на дерево взбираться, Иван прыгнул на облучок и коней хлестнул. И карету, и царицу украл и привёз к себе на квартиру. С кареты снял золотой короб, а царицу донага раздел, затем посадил в пустую карету и коней хлестнул:

— Довезите, — говорит, — царскую жену до царя. Пусть любит.

Ещё больше разозлился царь, что Иван украл у него золотую карету и над царицей насмеялся. Пошёл обратно к сидящему в тюрьме вору и спрашивает, как поймать Ивана. А вор его учит:

— Возьми, — говорит, — свинью и позолоти всю. И между ротой солдат пусти по городу выгуливать. Ивану завидно станет, придёт свинью красть, солдаты тогда его и поймают.

Вот послали целую роту солдат по городу выгуливать позолоченную свинью. Иван к тому времени снял в центре города лучшую квартиру, затем полковником оделся и вышел к солдатам, выгуливавшим свинью:

— Здорово, — говорит, — молодцы! У меня сегодня именины. Не желаете со мной справиться?

— Желаем, — говорят солдаты. — Как не желаем у полковника именины справиться? Только куда эту свинью девать?

— Загоните, — говорит, — в мой хлев и закройте, ничего ей не будет, я пока денщика приставлю её сторожить.

Завёл Иван солдат, до упаду напоил вином, затем шинели с них снял, всех монахами одел, а сам взял позолоченную свинью и на старую квартиру увёл. Соскрёб с неё всё золото и отдал его старухе-вдове:

— На тебе, бабушка, барахло. А свинью зарежь и мне завтра зажарь.

Вот протрезвели солдаты, выгуливавшие свинью, друг на друга смотрят, удивляются, почему это они из солдат в монахов превратились. Спихнулись, а свиньи нет. Поняли, что Иван над ними насмеялся. Пошли к царю да так и сказали, что Иван из-под носа* у них свинью увёл. Опять пошёл царь к хитрому вору, сидящему в тюрьме, спрашивать, как бы Ивана поймать. А тот вор его учит:

— Сегодня Иван станет украденную свинью жарить. Пошли повара с самым лучшим нюхом и пусть по запаху мяса узнает, где Иван живёт.

* В оригинале: синма-ныра костысь — букв. «между носом и глазами».

Вот пошёл царский повар, по всем улицам ходит и нюхает, где свинину жарят. Дошёл до одного дома и, действительно, запах жареной свинины учуял. Зашёл в дом, а там старуха с Иваном свинину едят:

— Подходи, — говорит, — садись, угощу свининкой из царского хлева.

Повар как вышел из Ивановой квартиры, на крыльце мелом написал: «Я здесь ел ворованную свинину». А сам пошёл царю докладывать. Иван вышел на крыльцо, увидел надпись и на каждом крыльце написал: «Я здесь ел ворованную свинину». Пришли царские слуги и солдаты за Иваном. Смотрят, а на каждом крыльце написано мелом: «Я здесь ел ворованную свинину». Так царь и не смог схватить Ивана. Опять пошёл к хитрому вору, сидящему в тюрьме, советоваться, как Ивана поймать. Вор его учит:

— Пригласи в свой дворец на пир всех купцов, офицеров, генералов, губернаторов, министров. Наверняка туда и Иван придёт. Затем прикажи со всех сторон дворец запереть и стражу поставить. Когда все опьянеют, поставь возле спальни дочери крепкую стражу и спроси, кто из гостей сумеет зайти в спальню к царевне и её поцеловать. Конечно, никто, кроме Ивана, зайти не сможет. А если ему удастся войти в спальню царевны, пусть она на лбу мелом отметку поставит. Тогда по этому знаку он и найдётся.

Царь собрал на пир всех своих людей: министров, генералов, купцов, попов. Иван оделся купцом и тоже на пир пришёл. Когда все гости сильно захмелели, царь и говорит:

— Кто сможет ночью пройти в спальню царевны через три стражи, её поцеловать и кольцо у неё взять, за того царевну замуж выдам.

Пытались было купцы, генералы пытались, да многие, но их еще на подходах к первой страже задерживали и назад возвращали. Никому не удалось в спальню зайти. А Иван не зевал. Он на пир прихватил с собой вышитое золотом платье, снятое с царицы. Он надел его и под видом царицы зашёл в спальню царской дочери. Все три стражи легко его пропустили. Иван зашёл к царевне, её поцеловал и с пальца золотое кольцо снял. А тем временем царевна ему крестом лоб пометила. Вышел Иван из спальни царевны, снял женское платье и, волосы поправляя, посмотрел в зеркало. Заметил на своём лбу нанесённый мелом крест и стёр. Ночью, когда все уже опьянели и заснули, Иван всем на лбу мелом кресты нарисовал. Хотел было уже лечь спать да заметил, что у царя креста на лбу не оказалось, и ему большой крест на лбу нарисовал. Проснулся царь и стал ходить среди спящих, смотреть, кто с крестом на лбу. Одному посмотрел в лицо — с крестом, другому посмотрел — тоже с крестом на лбу.

— Ах, — говорит, — вот этот ворует, да не один: у него и подельники есть.

Кликнул царь солдат, охраняющих дворец, и приказ дал:

— Всех спящих проверьте. У кого на лбу мелом нарисованный крест, тем головы рубить.

Вот зашли солдаты в спальню гостей. У кого лоб ни проверят, у всех на лбу мелом нарисованный крест. И стали у сонных там же головы рубить: у министров, генералов, купцов, попов. Один солдат посмотрел на царя: у него на лбу мелом нарисован такой же крест, и голову у него снёс по его же приказу.

Тогда Иван сел царствовать, так что старость у них с женой счастливая была.

Мужик Иван да сар Петрöван

Оліс-выліс сар Петрöван. Öтчыд сійö слугаясыскöд мöдöдчис вөрö гуляйтны. Слугаяссö колис туй вылö, а ачыс кежис туй бокö дай ылаліс. Шöйтіс, шöйтіс сар, да аддзис: мужик пес кералö. Уджалö мужик черön, быттьöкö чачаön ворсö: чaгйыс ки вомлöс кызтаön öтар-мöдарö резсьö.

— Здорово, — шуö, — Иван!

Мужиклы зэв дивö лоис:

— Мыйön нö, — шуö, — тöдан, мый ме Иван?

Сар сылы шуö:

— Дерт жö, Иван: став мужикыс öд Иван.

Но Иван кö и мед Иван: мужик эз лөгась. Керасьö мужик, а сар видзöдö да дивуйтчö:

— Лöсьыд жö тэныд, Иван, уджавны: уджалан, быттьöкö ворсан. А уна-ö, — шуö, — тэ нажöвитан лун-нас? Дерт, тадзтö уна нажöвитан?

— Сюрс шайтön быд лун, — шуö мужик.

— А кытчö нö воштан сы мында сьöмсö? Али семьяыд зэв ыджыд?

— Семья, — шуö, — менам абу ичöt: кык пи, кык ныв, сюрс комын куим нянь каюк* да кык сюрс бокöвöй шлоп. Нажötкаöс ме юка нель пельö. Öти юкön — уджйöз мынтöм вылö пукта, мöд юкön — ачым уджön сета, коймöд юкönсö — ваö шыблала, а нельöд юкönнас — ад горш тырта.

Сар эз гөгөрво да выль пöv юаліс мужиклысь.

— Уджйöз мынта, — шуö мужик, — пöрысь ай-мамöс кувтöдзныс верда; уджön ачым сета — сійö пиянös быд-та; ваö деньга кояла — нывъясös быдта, а ад горшös тырта — сарös да сарлысь слугаяссö верда.

* Каюк — уна пелыса груз новлан ыджыд пыж, тані: нянь рушку.

Сар скөрмис, ас кежас думыштіс: «Час ме тэныд петкөдла сарөс пинялөмысь, сөмын мед туйыс сюрө». Сэсся сар и шуө:

— Вай регыдджык инды меным туйсө, меным некор вöрын довъявны.

А мужик и шуө:

— А меным некор быд мортлы туй индавны. Менам быд час дона. Сюсь морт кө, ачыд письтан. Мун первой веськыдвылө, сэсся шуйгавылө, сэсся бара веськыдвылө кеж, сэсся — бара шуйгавылө да и аддзан туйсө.

— Ме, — шуө сар, — сэтшөмторйө эг велөдчывлы, некутшөм туй меным оз сюр. Петкөд менө туй вылөдз, да сета кызь вит чөлкөвöй.

Көсйис сар мужиклы кызь вит чөлкөвöй, да мужик сыкөд мөдөдчис туй индыны. Туй вылын сар мөдіс мужиклысь юасыны:

— Коркө тэ, Иван, сарөс аддзылін эн? Окота абу тэныд сарөс видзөдлыны?

— Аддзывны эг аддзыв. А видзөдлыны позяс.

Сар сылы и шуө:

— Эн кө аддзывлы, öні жө аддзылан. Мыйöн петам туй вылө, пырысь-пыр жө сарөс аддзам.

— Кыдзи нө, — шуө Иван, — ме сійөс аддзыла?

— Кор петам туй вылө, зэв уна йөзкөд паныдасям. Став йөзыс мөдасны шапка пөрччөмөн сулавны, сөмын öтнас сар мөдас сулавны шапкаөн. Вот сэки и приметит.

Мыйöн петісны туй вылө, сэні тыр народ аддзисны. Ставыс пөрччисны шапкаяснысө да мөдісны вöрысь петысьяслань öвтчыны. Мужик сэки юаліс:

— Көні нө сарыс?

— Видзөдлы гөгөрбок. Став йөзыс шапкатөмөсь, а ми тэкөд кыкөн шапкаөн сулалам. Миян пиысь коднымкө öтикным и эм сарыс.

Мужик öні ставсө гөгөрвоис да зэв збойпырысь шуис:

— Сідзкө, ме лоа сарыд.

А сар и шуö:

— Тэысь кындзи, и ме тшöтш шапкаа. Ме и эм насто-
ящöй сарыс.

Мужик спорö кутчысис:

— Кыдзи тэ сар? Тэ вөр туйяс он тöд, пес керавны он
куж, а ме быд дела кужа. Вот ме и эм сар. Тэнад плешкад
абу гижöма, мый сар.

И збыльысь, найö тушаөн и чужöм-рожаөн кыкнан-
ныс вöліны дзик öткодöсь. Споруйтісны, споруйтісны да
сарскöй слугаяслысь юалісны:

— Висьталöй, кодным ми сар?

Слугаяс видлалісны, видлалісны: гөгөрбок бергöдлөмөн
видлалісны, паськөмнысö пөрччөдлөмөн видлалісны —
дзик кыкнанныс öткодöсь. Нуöдісны медбöрын саритса
дорö, и саритса эз вермы тöдмавны, кодыс на пиысь са-
рыс. Локтіс сэк споруйтіганыс öти старик.

— Вот, — шуö, — мыйö пöгибö воöмаöсь. Сарöс тöдны
колö оз чужöм серти, а вежөр сертиыс. Ме пырысь-пыр
тöда, кодыс сар, кодыс прöстöй мужик, сöмын куимтор
йылысь юала.

Пондіс старик юасьны:

— Кымын, — шуö, — вөр-пу быдмö свет вылас?

Сар Петрöван бöбмис — оз тöд, кымын пу свет вылас,
а Иван дыр эз думайт:

— Куимсө комын миллион пожöм, сы мында жö коз
пу, а кыз пу да ныв пу миллионөн этшаджык. Он кө
веритö, ветлö да асьныд лыддö.

— Вернö, — шуö старик. — А ылын-ö лоö мöдар югы-
дыс?

— Мöдар югыдöдз абу матын, — шуö Иван, — менам
дед зэв нин важөн мунліс мöдар югыдö, а бöрсö эз на
волы.

— Вернö, — шуö старик. — А му пыдöсöдзыс ылын-ö?

— Му пыдöсöдз сы ылнаын жö, — шуö Иван, — дедлөн

вокыс дедкөд өттшөтш жö кувсьыліс. Сюйлім муö, да öнөдз эз на жö бöрсö лок.

— Вернö, — шуö старик. — Вот тайö эм тіян сарныд.

Пуктісны Иванös сарö, а Петрöванлы сетісны чер да вөрö пес керавны мөдөдісны.

Мужик Иван и царь Петрован

Жил-был царь Петрован. Однажды он со своими слугами отправился в лес погулять. Слуг оставил на дороге, а сам свернул на обочину и заблудился. Бродил, бродил царь и видит: мужик дрова рубит. Работает мужик топором, будто игрушкой играет: щепки с ладонь толщиной туда-сюда разлетаются.

— Здорово, — говорит, — Иван!

Мужик и удивился:

— Откуда знаешь, что я Иван?

Царь ему и говорит:

— Конечно, Иван: все мужики ведь Иваны.

Ну, Иван так Иван: не обиделся мужик. Рубит он, а царь смотрит и удивляется:

— Хорошо же тебе, Иван, работать: работаешь, будто играешь. А много ли, — говорит, — зарабатываешь в день?

— Тысячу рублей каждый день, — говорит мужик.

— А куда столько денег деваешь? Или семья большая?

— Семья, — говорит, — у меня немалая: два сына, две дочки, тысяча тридцать три хлебных каюка* и две тысячи на сторону — хлоп. Заработок я делю на четыре части. Одну часть на возврат долгов кладу, вторую часть сам в долг даю, третью часть в воду бросаю, четвёртой частью адскую глотку заполняю.

* Каюк — грузовая многовёсельная лодка, здесь: хлебное брюхо.

Царь не понял и переспросил у мужика.

— Долги возвращаю, — говорит мужик, — старых родителей кормлю; сам в долг даю — это сыновей ращу; в воду деньги бросаю — дочерей ращу, а адскую глотку заполняю — царя и царских слуг кормлю.

Царь рассердился, про себя думает: «Сейчас я тебе покажу, как ругать царя, только бы дорога нашлась». И говорит царь:

— Покажи мне скорей дорогу, некогда по лесам шастать.

А мужик и говорит:

— А мне некогда каждому дорогу показывать. У меня каждый час дорог. Если толковый человек, сам выйдешь. Иди сначала направо, потом налево, потом опять направо сверни, потом — опять налево и увидишь дорогу.

— Я, — говорит царь, — такому не учился, никакую дорогу не найду. Выведи меня, я дам тебе двадцать пять целковых.

Пообещал царь мужику двадцать пять целковых, и мужик с ним отправился — дорогу показать. Царь стал у мужика спрашивать:

— Ты когда-нибудь, Иван, царя видел? Не хочешь ли поглядеть?

— Видеть не видел. А посмотреть можно.

Царь ему и говорит:

— Если не видел, теперь увидишь. Как выйдем на дорогу, сразу царя и увидим.

— А как же, — говорит Иван, — я его увижу?

— Как на дорогу выйдем, встретим много людей. Все люди будут сняв шапки стоять, только царь останется в шапке. Вот тогда и примечай.

Как только на дорогу вышли, много народу увидели. Все сняли шапки и стали выходящим из леса махать. Мужик тогда и спросил:

— Где же царь?

— Посмотри вокруг. Все люди без шапок, а мы с тобой вдвоём в шапках стоим. Из нас кто-то и есть царь.

Мужик теперь всё понял, но не испугался:

— Тогда я и есть царь.

А царь говорит:

— Кроме тебя, я ещё в шапке. Я и есть настоящий царь.

Мужик в спор вступил:

— Какой же ты царь? Ты лесных троп не знаешь, дрова рубить не умеешь, а я всякое дело знаю. Вот я и есть царь. У тебя на лбу не написано, что ты царь.

И действительно, они и лицом, и фигурой одинаковые были. Спорили, спорили и у царских слуг спрашивают:

— Скажите, кто из нас царь?

Слуги рассматривали, рассматривали: крутили, одежды сняв, глядели — одинаковы. Отвели напоследок к царице, и царица не смогла узнать, кто из них царь. Пришёл тогда во время спора старик.

— Вот, — говорит, — где растерялись. Царя надо узнавать не по лицу, а по уму. Я немедленно узнаю, который царь, который простой мужик, только о трёх вещах спрошу.

Стал старик спрашивать:

— Сколько деревьев, — говорит, — растёт на свете?

Царь Петрован растерялся — не знает, сколько деревьев на свете, а Иван недолго думал:

— Триста тридцать миллионов сосен, столько же ёлок, а берёз и пихт на миллион меньше. Если не верите, сходите сами, подсчитайте.

— Верно, — говорит старик. — А далеко ли тот свет?

— До того света недалеко, — говорит Иван, — мой дед давно уже ушёл на тот свет, а обратно ещё не возвращался.

— Верно, — говорит старик. — А далеко ли до земного дна?

— До земного дна столько же, — говорит Иван, — брат деда с дедом вместе помер. Положили в землю, и тоже до сих пор обратно не вернулся.

— Верно, — говорит старик. — Вот это и есть ваш царь.

Поставили Ивана царём, а Петровану дали топор в руки и отправили в лес дрова рубить.

Салдат да кык генерал

Өтчүд салдат пырис трактирö вина юны, а сэні кык генерал пукалöны да ас костаныс сёрнитöны. Öтикыс шуö:

— Сар нылыд, дерт, ме сайö верöс сайö мунас, ме том да мича. Ме талун сійöс медся дона трактирö гөститны кори.

А мöдыс шуö:

— Ме сайö, дерт, мунас, ме көть олöма морт, но ыджыд чина да смел. Ме аски сійöс меддона трактирас гөститны кори.

Салдат кывзис, кывзис дай шуö:

— Кысь нö тiянлы, бөлбанъяслы, сар ныв вылö гөтрасьны. Вот ме кө окотита, пырысь-пыр сар ныв вылад гөтрася.

Генералъяс скöрмисны бөлбанөн шуöмысь, морт куимысьөн салдатлы бан бокас кучкисны да вöтлісны трактирысь. Генералъяслы салдатöс кучкавны öд позьö.

Скöрмис салдат да шуö:

— Час, ме тiянöс неуна «ворсöдышта».

Мöд луннас том генерал мöдöдчис дона трактирö, кытчö сар нылöс вöлі гөститны корöма. А салдат водзджык мунис трактир көзяин ордö да медаліс генерал комнатакöд орччөн комнатасö.

Вот воис том генерал дорö сар ныв. Генерал чукöстис трактирщикöс дай шуö:

— Вай меным көкъямыс шайта кык бутылка вина да медся дона закускаяссö.

А салдат, кылö, мöд комнатасянь горзö:

— Эй, трактирщик! Вай мем медся дона став винатö, ме көкъямыс шайтөн пыдди дас шайтөн мынтыся.

Генераллы жаль лои дас шайтөн мынтысьны.

Трактирщик и шуö генераллы:

— Ме служивöйлы став винасö нуа: сийö донаджыка мынтысьö.

— Но, сідзкö, медся донтöмсö вай кыкöс.

Салдат стен сайсянь бара нин горзö:

— Ме, трактирщик, тэныд рубя бутылкаяс вылад куим чөлкөвöйөн мынтыся. Вай татчö тшöтш став донтöм винатö.

Сідз генераллы эз и удайтчы сар нылöс гөститöдны. Мыйкö сёрнитісны, сёрнитісны ас костаныс, сэсся сар ныв, кылö, и шуö:

— Волы талун дас кык час войын ме спальняö. Кор воан ме öшинь улö, таркнит, а ме тэныд гез лэдза, да тэ сы кузя и кавшасян.

Вот кутіс воны дас кык час. Салдат час джынийөн кымын муніс водзджык генерал дорысь сар ныв öшинь улö да турк-тарк керыштіс. Сар ныв лэдзис гез пом, да салда-тыд сы кузя кавшасис сар ныв спальняö. Сар ныв и шуö:

— Биасям ог?

— Огö, — шуö, — биасьö. Нöшта батъ-мамыд менö адзыласны. Битöгыс миянлы зэв лöсьыд.

Вот олыштісны неуна, дай генерал, кылö, öшинь улын турк-тарк керыштіс. Сар ныв и шуö:

— Коді нö тайö локтö?

— Дерт, тайö öнтая проклятöй салдатыд локтö. Часлы, ме сылы мыйкö юр вылас чöвта.

Сэсся салдат босьтис сар нывлысь тыра локаньсö да чөвтис өшинь пырыс генераллы плеш вылас. Генерал сьоласьомён гортас котөртис, зэв ыджыд йөг сылы плешкас чеччыштис, дай став генеральскöй мундирыс лякөс-сис.

Асывводзөдзыс салдат оліс сар ныв ордын, югыд төдчы-төдзыс сійö пасьтасис да мөдөдчис важ локтан туйөдыс. Но мунтөдзыс шуө сар нывлы:

— Мыйкө меным на память пөдарит.

Сар ныв пөдаритис зарниён вурөм сарапансö. Сідзи сар ныв эз и төдлы, мый сы дінө генерал пыдди салдат воліс.

Мөд луннас и пөрысь генерал сар нылөс корис дона трактирө гөститны да вина юны. А салдат бара водзвыв медаліс орчча комнатасö дай шуө трактирщиклы:

— Генераллы дона ни донтөм вина эн сет, мый сійö корас, ставсö меным вай.

Вот генерал чукөстис трактирщиккөс дай шуө:

— Вай меным көкъямыс шайта кык бутылка.

А салдат, кылө, горзө стен сайсянь:

— Став дона винатө, трактирщик, меным вай, ме дас чөлкөвөйөн бутылкаысь мынтыся.

Генераллы жаль лои дас шайтөн мынтысьны дай шуө:

— Вай мем, сідзкө, кык бутылка руба винатө.

А салдат, кылө, стен сайсянь бара нин горзө:

— Вай, трактирщик, татчө став донтөм винатө, ме тэ-ныд рубөн пыдди куим чөлкөвөйөн мынтыся.

Жаль лои генераллы руба вина бутылка вылө куим шайтөн мынтысьны. Сідз генераллы эз удайтчы сар нылөс гөститөдны. Сэсся пукалісны, сёрнитыштисны, дай сар ныв, кылө, шуө генераллы:

— Талун войнас дас кык часын лок ме өшинь улө да стенө турк-тарк керышт, ме тэныд гез лэдза, дай пыран ме ордө.

Вот матысмис дас кык час. Салдат час джынйон кымын генералысь водзджык муніс сар ныв өшинь улö да турк-тарк керыштіс. Сар ныв өшиньсянныс мыччис гез пом, да бара салдат кавшасис сар ныв спальняö.

— Биасям огö? — юалö сылысь сар ныв.

— Мый нö бисыс? Битöгыс миянлы зэв лöсьыд.

Муртса на салдат удитіс пырны сар ныв ордö, өшинь улö воис пöрысь генерал да турк-тарк керыштіс.

— Коді нö тайö локтö? — шуö сар ныв.

— Тайö, дерт, öнтая юысь салдатыд миянлысь сёрнинымöс кывліс да локтö! Час, ме сылы юрас мыйöнкö лыя, мед йöз өшинь улын войын оз шöйт.

Сэсса босьтіс пельöсысь ва тыра лöкань да койыштігмоз шыбитіс генераллы юрас. Генерал сьöлыштіс да гортас котөрөн мөдөдчис: плешкас ыджыд йög чеччыштіс, дай став генеральскöй мундирыс срамитчис.

А салдат оліс саревна ордын асьявылөдзыс да югдандор мөдөдчис важ туйöдыс. Но мунтөдз войдөр сар нывлысь корис мыйкö на память. Сар ныв сетіс ассьыс зölөтöй чуныкытшсö да зарни узора шөвк чувкисö. Мунігас сылы сар ныв шуö:

— Аски та кадö бара волы ме ордö, сэки сёрнитчам, кызди да кор ме ордö корасьны локны.

— Ладнö, — шуö салдат, — коран кö, вола.

Коркö воис кад дас кык час гөгөр. Салдатлы неокотанин вöлі мунны сар ныв ордö.

— Но час, — шуö, — медбөръяысь ветла.

Сэсса мунігмозыс туй вылысь кутіс көзаös да сьёрсьыс нуөдіс. Кор сар ныв лэдзис өшинь пырыс сылы гез помсö, салдатыд ас пыддиыс гез помад сюрөдыс көрталіс көзаös да горөдіс:

— Лэпты!

Сар ныв лэптіс көзаös ас спальняö, чайтö, мый мусукуыс сы водзын.

— Ок, — шуо, — ёна жö нин гажöй бырис. Öдйöджык пöрччысь.

А кöза повзис да комната тырöн бакöстис.

— Мыйкö тай нö тэнад талун гөлöсыд чирöма? — шуö сар ныв, сэсся сывйыштис сйöс пемыдiнад кыкнан кинас, кöза сюрэд ки улас сюрис, да кыз тай горöдис.

Котөрöн локтисны сарскöй слугаяс да дивуйтчöны, кызди кöзаыс веськалöма сар ныв спальняö. Öдйöджык сэсь вöтлисны.

А сар ныв шогö воис да думайтö:

— Гашкö, куимнан вояс кöза воывлис: пемыдiнад мыйöн тöдан?

Шогсьöмысла сйö висьмис, некутшöм доктор оз тöд сылысь висьöмсö, корсьöны сылы нöшта бурджык докторьясöс.

Вот салдат пасьтасис докторöн, локтис сар ныв дiнö дай шуö:

— Тэ, саревна, кöзаысь сьöктöмьд! Öкмыс тöлысь мысти тэнад кöзапи чужö. Регыдджык, колökö, код сайö кö верöс сайö пет, а он кö, йöз серам улö сюран.

А сар ныв важöн нин та йылысь думайтö. Сйö салдатлы и шуö:

— Сета ме тэныд тысяча чөлкөвöй деньга, да некодлы та йылысь немтор эн висьтав.

Босьтис салдат тысяча чөлкөвöй дай шуö:

— Эм танi öти салдат, сйö быдторсö тöдö, вермас тэныд сöвет сетны, кызди петны тайö пакöсьтсьыс.

Мунис салдат трактирö, чукöртис ассьыс став ёртьяссö да некымын лунöн став тысяча чөлкөвöйтö и юис. Сэсся ас паськөмөн мунис сар ныв дiнö дай шуö:

— Менö ыстисны тэ ордö. Мыйла менö корин? Кутшöм служба колö служитны?

А сар ныв сылы и шуö:

— Вот сiдзи и сiдз... Менö пакöсьт суис, татысь мы-

жаӧс колӧ корсьны дай тайӧ пакӧсьтсӧ кыздкӧ колӧ вевт-
тыны.

Салдат сылы и шуӧ:

— Тайӧ нӧ кутшӧм служба? Таысь кокниторийыс нем-
тор абу. Кӧсйысь верӧс сайӧ сы сайӧ, кодӧ бӧр ваяс тэн-
сьыд пӧдаритӧм сарапантӧ, чулakitӧ да зӧлӧтӧй чунь-
кытштӧ, сийӧ тэнад и лоӧ жӧникыд. Сийӧ ставсьыс тась
мыжа. Но верӧс саяд мунтӧдз, тэ чулки, сарапан да чунь-
кытш вайысьыдлысь мышкусӧ видзӧдлы: мышку кучикыс
кӧ дзонь, сэк позяс сы сайӧ верӧс сайӧ мунны.

Сар ныв сетӧс салдатлы тысяча чӧлкӧвӧй награда. А
салдат бара мунӧс кабакӧ да мӧдӧс ассьыс ёртъяссӧ ви-
наӧн юктавны-гӧститӧдны.

Вот мӧдӧс кывсьыны: сар нывлӧн пӧ вошӧма зарни
узора чулкиыс да зарни сарапаныс, кодӧ вермас сийӧс
корсьны, сы сайӧ сар нывсӧ верӧс сайӧ сетас.

Ӧтчыд салдат пырис пӧкмелитчыны трактирӧ, а сэн
бара пукалоны кык генералыд да ас костаныс варовитӧ-
ны:

— Кодкӧ эськӧ судзӧдӧс кӧ меным сар нывлысь вошӧм
сарапансӧ, ме эськӧ дас тысяча денъга сета.

А мӧдыс шуӧ:

— Ме эськӧ кызы тысяча сета.

Кывзӧс, кывзӧс салдат дай шуӧ:

— Ме тӧянлы судзӧда сар нывлысь вошӧм чулakisӧ и
сарапансӧ, кӧсьянын кӧ меным сетны дас вит тысячаӧн
пайысь да содтӧд пыдди мышку кучикнытӧ лӧпатка весъ-
сянь кокбӧрляӧдзныд тасма пасъта кульны.

Кызди нӧ он кӧсйысь? Генералъяс кӧсйисны. Служивӧй босьтӧс генералъяслысь дас вит тысяча чӧлкӧвӧйӧн
пайысь, сесся кыкнанныслысь мышку кучиксӧ тасма пасъ-
та лӧпатка весъсянь кокбӧрляӧдзныс кулис да суйис ас
зептас.

Вот локтӧс ӧти генералыс сар ордӧ дай шуӧ:

— Ме вайи саревналысь вошом сарапансö. Öнi быть ме сайö лоö сетны саревнатö. Ме сийöс куим юра гундырлысь мырдди.

Сэсся локтис мöд генералыс, вайис сийö сар нывлысь чулкисö дай сарлы и шуö:

— Ме тайö чулкисö квайт юра гундырлысь мырдди... Öнi быть ме сайö лоö сетны саревнатö.

А сар налы шуö:

— Кодi вермас корсьны саревналысь вошом именнöй чуныкытшö, сы сайö и сета ассьым нылöс.

Вот кык генерал мунисны салдат ордö дай шуöны:

— Вай, служивöй, отсав корсьны саревналысь вошом чуныкытшö, мый коран — сийö и сетам.

— Кöсйисянныд кö веськыд кок лапанытö вундыны, ме сета чуныкытш джынйөн пайö. А свадьба выланыд менö дружкаö босьтöй.

Генералъяс шуöны: «Кок лапатö кö керыштам, сапöг пытшкад сийö оз тöдчы». Жугöдис салдат саревналысь чуныкытшö кык пельö дай сетис генералъяслы, а сы пыдди кыкнанныслысь керыштитесь веськыд кок лапанысö да зептас суйис.

Вайисны генералъяс чуныкытш джынъяс сар ордö дай шуöны:

— Вот и чуныкытш вайим. Öкмыс юра гундырлысь ыджыд бойөн мырддим, муртса ловнымöс эг пуктöй, сöмын вот тышкасиганым чуныкытшыс шöри чегис.

Сар тшöктис пывсян ломтыны, сэсся зятёпуясöс пывсьыны чукöстис:

— Свадьба водзвылын, — шуö, — пывсьыны колö.

Генералъясöс и шогöдис: кызди кульöм мышкуяснад да кералöм кок лапаяснад йöзкöд пывсян? Сарыд аддзас да мöдас юасьны.

Лэччисны пывсянö. Генералъяс мышкусö мöдарö бергöдöны да кок лапанысö дзебöны. Салдат аснаукөн локтис, пöрччисис да пырис тшöтш пывсянö:

— Ме, — шуö, — тшöтш локті жöник пывсянö пывсыны, гашкö, и ме шогма сарлы зятъпу вылö. Менам рубеч ни дубеч туй некытöн абу.

— И миян, — шуöны зятъпуяс, — некутшöм рубеч ни дубеч туй абу.

— Ноко, петкöдлöй мышкунытö да кок лапанытö.

Видзöдліс сар зятъпуяс мышкö, а налön мышку кучикныс тасма пасьта кыкнанныслön вундöма коклябөрöдзыс, видзöдліс кок вылас, некоднанныслön веськыд кок лапаяс абу.

Сэсся петаліс салдат пывсян кöджас, перйис зепсьыс генералъяслыс кульöм мышку кучикнысö, кералöм кок лапаяснысö да сарлы петкöдліс:

— Со, — шуас, — сарапан да чулки доныс тэнад зятъпуясыдлön, а со и чунькытш доныс.

Ылöдчöмысь сарыд тшöктіс генералъяслыс юръяссö керыштны. Сійö жö луннас свадьба вöчис: служивöй сайö ассьыс нывсö сетіс. А служивöйлы зэв неокота вöлі гöтрасьнытö.

Вот, кор водтöдісны пир бöрын том гозьяös узыны, служивöй мöдіс шуны сар нывлы:

— Меным колö ывлаö петавны, вай гез кузя öшинь пырыд лэдзлы менö.

Служивöй лэччис гез кузя, пыраліс сарскöй гидö, кыс-кис сэсь медыджыд сюра межсö, гез помад кöрталіс дай горöдіс: «Бөр лэпты!» А ачыс öдйöджыка пышйис. Воис мöд карö, пырис öти кабакö, а сэні поп, саломщик, дякөн, старшина да урадник вина юöны.

Служивöй налы и шуö:

— Коді кöсьянный дарöвöй вина юны? Коді медуна вермас юны, сылы тысяча чöлкөвöй сета дай ас тшöт вылö юктала.

Вот мöдіс служивöй найös юктавны: поп, дякөн, саломщик, старшина да урадник дарöвöй винатö мöдісны

кисътны стопка вылō стопка. Юисны да юисны, уна юом-ла ставныс сотчисны.

Сэссия служивōй шуō кабащиклы:

— Но мый, кōзяин, мōдам вōчны? Тэнō ѓд мыждасны, кытчō воштам тайō шойяссō?

Кабащик шуō:

— Бōрō катōдам да сэтчō гуалам, мед йōз оз аддзывны.

Вот сōвтисны шойяссō вōв доддѓ да мōдисны вōрō кайны. Мунисны да мунисны, пемдис. Кутшōмкō ѓтка керка тыдовтчис. Пырисны керкаō, а сэнi сизим рōзбойник грабитōм деньгаōн юксѓны, а пōрысь старука налы ужын пуō.

Салдат сылы и шуō:

— Вай, матушка, мыйōнкō вердышт.

— Верда ме тiянōс, — ропкō старука, — вот пьянлōн деньга юксяс да кыкнаннѓтō виасны.

Кабащик повзѓмысла мōдис тiравны, места вылас оз ѓшйы, а салдатлы веськодѓ, сiйō зырис ѓти рōзбойникōс, пуксис тшѓтш пызан дорō да ас ѓртыслы и шуō:

— Тайѓяс тай зѓв скупѓсь. Оз кō ужнайтōдны, миян асланым на эм закускаыс. Мун, пырт додѓсьыд ѓти яй туша, да жаритам.

Кабащик петалис, пыртiс доддѓсь урадниклысь шой да пызан вылас и пуктiс. Рōзбойникѓяс чуймисны. А салдат исыштiс шойсѓ дай шуō ѓртыслы:

— Тайō тай абу нин свежѓй, мун мōд яй туша пырт.

Кабащик петалис да старшиналысь шойсѓ пыртiс.

— Ок, и тайō абу свежѓй. Мун нѓшта ѓти яй туша пырт. Бōрiы медся свежѓйсѓ да медся гасасѓ.

Кабащик петалис да поплысь шойсѓ пыртiс. Бара исыштiс салдат дай шуō:

— Ок тай, став яйным дуксѓма. Свежинка видлытѓ ог жѓ водѓ узыны? — сэссия ѓртыслы шуō: — Мун вайлы татчѓ пуртѓястѓ да вилкиястѓ. Этайѓяслōн, — индис рōзбой-

никъяс вылö, — дерт на, яйныс свежöй. Вай тайöясöс и сёям. Сизим тушаыд, гашкö, миян кыкыдлы ужнайтнытö тырмас жö.

А рöзбойникъяс эз мöдны сэн вугравны: мыйöн кылісны, мый салдат көсйö найöс сёйны, öдийö öд пышйисны. Сідзи став грабитöм деньгасö пызан вылас и эновтісны.

Салдат кабащиккöд узис вөр керкаын, сэсся став деньгасö сөвтисны доддьö да водзлань мöдöдчисны.

Мунісны, мунісны, да кутшöмкö барин воча лоис.

— Мый, — шуö, — нуан, служивöй?

— Деньга.

— Вай мекöд картіön ворсам, — барин көсйис став деньгасö воны служивöйлысь.

Пуктіс служивöй первой скон вылö деньга тыра додьсö да дзоньнас баринлы ворссис. Мöд скон вылö салдат шынельсö пуктіс дай сійöс тшöтш ворссис. Сэсся корсис, корсис да салдатскöй сүмка пыдöссьыс пань сюри, и сійöс пуктіс скон вылö да тшöтш ворссис. Водзö салдатлы немтор вылö лои ворсны дай шуö:

— Вай медбөръя скон картіасям. Кодным коднымöс вермам, сылы тайö паньнас бекъяс öтчыдысь кучкыны.

Ворсісны, ворсісны, дай тайö разын салдат вермис баринöс:

— Но, — шуö, — барин-господин, пөрччы гачтö да лöсьöдлы бектö. Мед кабащик свидетелялас, а ме öтчид кучка.

Барин пөрччис гачсö, а салдат тай пань мышкөн сылы небыдінас кыдзи кучкас! Барин вылö-вылö чеччыштіс, доддьö зурасис, да кувтöдзыс лои, а кабащикыд ёна кучкөм шысьыд дзикöдз пельтöммис да гортас пышйис. Салдат сэсся вöв доддьö пуксьöдіс баринлысь шойсö да барин ордö вöвсö веськөдіс.

Вот аддзисны баринлысь локтöмсö слугаяс да баринöс встречайтöны, сы водзын копрасьöны. Барин чöв олö, оз шыась.

— Унмовсьома тай баринным, колö барынялы висьтавны, — шуöны слугаяс. Вайöдісны барыняös, видлісны, а барин кулöма.

А салдат мöдöдчис водзö. Пуксис сэсся шойччыны да закуситыштны. Видліс — сумкаын немтор абү, видліс — табак көшельын немтор абү, видліс — зепгьясын грöш деньга абү. Сэсся дум вылас уси, мый баринлы öд ставсö ворссис.

— Час, — шуö, — косала барин гöтыр ордö, оз-ö көть мужик кулöмыс вöсна öтчыд тшыг кынöмös верд.

Мыйön косіс, сылы паныдасис Сьмерт.

— Тэнö пыр мунан туй вывсьыд, служивöй, некыдзи ог вермы суöдны, а кор ачыд косін, öні меным и сюрин. Енсянь эм приказ: тэнö мöритны да чöртгьяслы строктöг казачитны сетны. Уна нин тэ таладор югыдас пöрадоксö дзутин.

Салдат көсйыліс Сьмерткöд споруйтчыны: кыдзи и мый... А Сьмерт кузь косанас öвтыштіс дай виис.

Вот вайöдіс салдатös Сьмертыс ад öдзös дорö да чöртгьяс дінö тойыштіс. Чöртгьяс кыскисны служивöйös ыджыд чöрт дорö да юалöны: кутшöм служба сетны служивöйлы? Ыджыд чöрт салдатлы тшöктіс ва кыскавны да ад би пестыны.

— Ме, — шуö, — тіянлы абү слуга ни казак. Нэм чöж таладор югыдын сарлы да генералгьяслы казачиті, да öні тіянлы, чöртгьяслы, тшöтш казачит? Мед меным вöлі быд лун шкалик вина да табак восьмушка. Оз кө ло ме ногөн, став ад гураннытö мöдарö путкыльта.

Весь олö служивöй, ад кузьята пöкаживайтö, би оз песты ни ва оз кыскав, а чöртпиян кө сы дінö матыстчасны уджавны ыстыны: öтикös егыштö, мöдös дечалö, коймöдлы сетö пель дінас, нельöдös чужйыштö.

Пöгибö воисны служивöй мортөн чöртгьяс, медбöрын ыджыд чöртлы норасисны.

Локтіс ыджыд чөрт сы дінө, а служивöй сывъя пуөн ветлөдлө да ад гурансö мерайтö, тувъясөн пасъялө.

— Мый нö, служивöй, вöчан? — юаліс сылысь ыджыд чөрт.

— Ме öблөжка места мерайта: татчö ыджыд вичко көсья стрöитны да тiянöс, чөртъясöс, юрбитны велöдны.

Повзис ыджыд чөрт.

— Вичко, — шуö, — татчö миянлы оз ков. Вичко стрöитöмнад тані эн дур. Миян вичкотöгыс зэв гажа.

Котөрөн муніс ыджыд чөрт да думайтö: «Мый вöчны служивöйкөд? Кыдзи сысысь мездысьны?» Сэсся ад вылыс öшиньöд горзö Енлы:

— Мыйла нö татшöм вичко стрöитысьяссö адö мөдöдан? Ме дзикөдз сійөн пöгибö вои.

Ыджыд чөрт адысь салдатöс тшöктіс вöтлыны: мед райö каяс.

А служивöй шуö:

— Ме некытчö тась ог мун, мен и адын зэв лöсьыд. Вичко стрöитны заводиті, да коді сійöс метöг эштöдас?

Кызкө силаөн удайтчис жö салдатöс вöтлыны. А салдатлы сійö вöлі и колö. Кайис ряд. А сэнi ад дорысь на гажтöм: ставныс лöсталан плешка да дзор старикъяс да сё чукура чужöма старукаяс. Ветлөдлө салдат райскöй садті да думайтö, кыззи сійö тані мөдас овны, кор куритчыны ни вина юны оз позь? Вот корсис салдат сывъя пу да мөдіс мерайтчыны да метка тувъяс тувъявлыны.

— Мый нö, служивöй, көсьян вöчны? — юалöны сылысь плеша святöйяс.

— Ме, — шуö, — татчö көсья кабак стрöитны да заводитны винаөн да макоркаөн тöргуйтны.

Вот кывсис Енлы, мый служивöй райö кабак стрöитö, да чукöстіс сійöс:

— Кыдзи тэ лысьтан райö кабак стрöитны да табакөн вузасян лавка восьтыны? Став райса пöрадоксö тай мөдін путкыльтны.

А салдат сылы шуо:

— Кыдз нō кабактōг позьō? Ме ōти здукōн кабактō стрōита да став святōйястō тэнсьыд усьтōдзныс юктала.

Но мый вōчан салдаткōд? Повзис Ен дай шуо:

— Вай дугды, служивōй, эн дур. Кыдзи нō святōйясōс вина юны велōдан? Окотитан кō, бōр ыста му вылō овны, но сōмын кабактō татчō эн стрōит.

Вот Ен чукōстис Сьмертōс дай сылы шуо:

— Мун ōдйōджык нуōд бōр служивōйōс му вылō да некор сйōс водзō эн мōрит, ни адō, ни райō вайōдны эн лысьт.

Мунис салдат му вылō, и ōни на кōнкō олō да чудацитō.

Солдат и два генерала

Однажды солдат зашёл в трактир вина выпить, а там два генерала сидят и между собой разговаривают. Один говорит:

— Царская дочь, конечно, за меня замуж пойдёт, я молодой и красивый. Я сегодня её в самый дорогой трактир пригласил.

А другой говорит:

— Конечно, за меня пойдёт, я хоть и пожилой человек, но с большим чином и смелый. Я на завтра её в самый дорогой трактир пригласил.

Солдат слушал, слушал и говорит:

— Где вам, болванам, на царской дочери жениться. Вот если я захочу, немедленно на царской дочери женюсь.

Генералы рассердились на то, что болванами их обозвали, по три раза солдата по щеке ударили и прогнали из трактира. Генералам ведь солдата бить можно.

Рассердился солдат и говорит:

— Погодите, я над вами посмеюсь.

Вот молодой генерал отправился в дорогой трактир, куда пригласил царскую дочь. А солдат раньше пошёл к хозяину трактира и нанял соседнюю с генеральской комнату.

Пришла к молодому генералу царская дочь. Генерал позвал трактирщика и говорит:

— Принеси мне восьмирублёвых две бутылки вина и самые дорогие закуски.

А солдат, слышно, из другой комнаты кричит:

— Эй, трактирщик! Неси мне самое дорогое вино, вместо восьми рублей я по десять заплачу.

Генералу стало жалко по десять рублей платить.

Трактирщик и говорит генералу:

— Я служивому всё вино отнесу: он дороже платит.

— Тогда самого дешёвого носи две бутылки.

Солдат из-за стенки опять кричит:

— Я, трактирщик, тебе за рублёвые бутылки по три рубля заплачу. Неси сюда ещё и все самые дешёвые вина.

Так генералу и не удалось царскую дочь угостить. Поговорили, поговорили между собой, и говорит, слышно, царская дочь:

— Приходи сегодня в двенадцать ночи в мою спальню. Как придёшь под окно, стукни, а я тебе верёвку спущу, и ты по ней поднимешься.

Вот приближается двенадцать часов. Солдат на полчаса раньше генерала пошёл под окна царской дочери и стукнул. Царская дочь спустила верёвку, и солдат по ней вскарабкался в спальню. Царская дочь и говорит:

— Огонь засветим?

— Нет, — говорит, — не засветим. Ещё отец с матерью увидят. Нам и без света хорошо.

Вот побыли немного, и слышно, кто-то постучал под окнами. Царская дочь и говорит:

— Кто это идёт?

— Наверняка, это тот проклятый солдат идёт. Сейчас что-нибудь ему на голову сброшу.

Взял солдат переполненную лохань царской дочки и с окна сбросил на голову генералу. Генерал, плюясь, домой побежал, на лбу большая шишка вскочила, да и весь генеральский мундир испачкался.

До раннего утра солдат пробыл у царской дочки, до света он оделся и собрался старым путём обратно. Но до ухода говорит царской дочке:

— Подари мне что-нибудь на память.

Царская дочь подарила золотом шитый сарафан. Так она и не узнала, что вместо генерала к ней солдат приходил.

На другой день старый генерал пригласил царскую дочь в дорогой трактир угоститься и вина выпить. А солдат опять заранее нанял соседнюю комнату и говорит трактирщику:

— Генералу ни дорогое, ни дешёвое вино не давай, что он попросит, всё мне неси.

Вот генерал подозвал трактирщика и говорит:

— Принеси мне две бутылки по восемь рублей.

А солдат, слышно, кричит из-за стенки:

— Всё дорогое вино, трактирщик, мне неси, я по десять целковых за бутылку заплачу.

Генералу стало жалко по десять рублей платить, он и говорит:

— Принеси тогда мне две бутылки рублёвого вина.

А солдат опять из-за стенки кричит:

— Неси, трактирщик, сюда всё дешёвое вино, я тебе вместо рубля по три целковых заплачу.

Жалко стало генералу за рублёвые бутылки вина по три рубля давать. Так генералу и не удалось царскую дочь угостить. Посидели, поговорили, и царская дочь, слышно, говорит генералу:

— Сегодня ночью в двенадцать часов приди под моё окно, стукни в стенку, я тебе верёвку спущу, и поднимешься ко мне.

Вот подошло к двенадцати часам. Солдат на полчаса примерно раньше генерала пришёл под окна царской дочери и стукнул. Царская дочь из окна протянула верёвку, и опять солдат вскарабкался к ней в спальню.

— Свет зажигать будем? — спрашивает у него царская дочь.

— Зачем нам свет? И без света хорошо.

Только успел солдат зайти к царской дочке, под окно пришёл старый генерал и постучался.

— Кто это идёт? — говорит царская дочь.

— Это наверняка тот самый пьяница-солдат — наш разговор слышал и идёт! Сейчас я ему чем-нибудь в голову кину, чтобы по ночам под чужими окнами не бродил.

Затем взял из угла лохань с водой и сбросил генералу на голову. Генерал сплюнул и бегом домой отправился: на лбу большая шишка вскочила, да и весь генеральский мундир измарался.

А солдат у царевны до раннего утра пробыл и перед рассветом собрался старым путём. Но перед уходом у царской дочки попросил что-нибудь на память. Царская дочь дала золотое кольцо и шёлковые чулки с золотыми узорами. Перед его уходом царевна и говорит:

— Завтра в это же время опять приходи ко мне, тогда и договоримся, когда и как ко мне свататься будешь.

— Ладно, — говорит солдат, — если просишь, приду.

Вот и время к двенадцати подошло. Солдату уже неохота идти к царской дочери.

— Ну, — говорит, — в последний раз схожу.

По пути поймал козла и с собой повёл. Когда царская дочь спустила из окна верёвку, солдат вместо себя привязал козла к концу верёвки и крикнул:

— Поднимай!

Царская дочь подняла козла в спальню, думает, любовник перед ней.

— Ох, — говорит, — сильно же я соскучилась. Быстрее раздвайся.

А козёл испугался и на всю комнату заблеял.

— Что-то у тебя голос сегодня охрип? — говорит царская дочка, потом обняла его в темноте обеими руками, козлиные рога под руки попались — она как закричит.

Прибежали царские слуги и удивляются, как козёл попал в спальню царской дочки. Быстрее прогнали оттуда.

А царская дочь в тоску впала и думает: «Может, все три ночи козёл приходил: в темноте как разберёшь?»

С горя она заболела, никакой доктор не знает её болезнь, стали искать лучших докторов.

Вот солдат оделся доктором, пришёл к царской дочке и говорит:

— Ты, царевна, от козла забеременела! Через девять месяцев у тебя козлёнок родится. Быстрее за кого-нибудь замуж выйди, а то люди засмеют.

А царская дочь давно уже об этом думает. Она солдату и говорит:

— Дам я тебе тысячу целковых, и никому об этом не рассказывай.

Взял солдат тысячу целковых и говорит:

— Есть тут один солдат, он всё знает, может тебе совет дать, как из этого срама выйти.

Пошёл солдат в трактир, собрал всех своих друзей и за несколько дней всю тысячу целковых пропил. Затем в своей одежде пошёл к царской дочери и говорит:

— Меня послали к тебе. Зачем меня звала? Какую службу надо сослужить?

А царская дочь и говорит:

— Вот так и так... Меня осрамили, виновного за такой срам надо найти, и этот срам как-то прикрыть.

Солдат и говорит:

— Это какая же служба? Легче этого ничего нет. Обещайся выйти замуж за того, кто обратно принесёт подаренные тобой сарафан, чулки, золотое кольцо, он и будет твоим женихом. Он за всё виноват. Но до того, как выйти замуж, у того, кто принесёт чулки, сарафан и кольцо, спину посмотри: если кожа на спине целая, тогда можно за него замуж выходить.

Царская дочь выдала солдату тысячу рублей в награду. А солдат опять пошёл в кабак и стал своих друзей вином поить-угощать.

Вот слух пошёл: у царской дочери, мол, пропали чулки с золотым узором и золотой сарафан; кто сможет найти, за того царь дочку замуж отдаст.

Однажды зашёл солдат в трактир похмелиться, а там опять сидят два генерала и между собой разговаривают:

— Если бы кто-нибудь достал для меня пропавший сарафан царской дочери, я бы десяти тысячную денежку отдал.

А второй говорит:

— Я бы двадцать тысяч отдал.

Слушал, слушал солдат и говорит:

— Я добуду вам пропавшие чулки и сарафан царской дочери, если обещаетесь отдать мне по пятнадцать тысяч и вдобавок кожу со спины от лопаток до пяток шириной с ремень.

Как не обещаться? Генералы обещались. Служивый взял с генералов по пятнадцать тысяч целковых, затем содрал со спин кожу шириной с ремень от лопаток до пяток и положил в карман.

Вот пришёл один генерал к царю и говорит:

— Я принёс пропавший сарафан царевны. Теперь придётся за меня царевну отдать. Я это у трёхголового гунды* отобрал.

* Гундыр — многоголовое чудовище.

Потом пришёл второй генерал, принёс чулки дочери царю и говорит:

— Я эти чулки у шестиголового гундыра отобрал... Теперь придётся за меня царевну отдать.

А царь им и говорит:

— Кто сможет найти именное кольцо царевны, за того и выдам свою дочь.

Вот два генерала пошли к солдату и говорят:

— Давай, служивый, помоги найти пропавшее кольцо царевны, что попросишь, то и дадим.

— Если обещаетесь правую ступню отрубить, я дам по половинке кольца. А на свадьбу меня дружкой возьмите.

Генералы говорят: «Если ступни отрубим, в сапогах не будет видно». Сломал солдат кольцо царевны пополам и отдал генералам, а взамен отрубил у обоих по правой ступне и положил в карман.

Принесли генералы по половинке кольца царю и говорят:

— Вот и кольцо принесли. У девятиголового гундыра с большим боем отобрали, чуть души не положили, только вот в битве кольцо пополам сломалось.

Царь велел баню топить, затем будущих зятьёв в баню позвал:

— Перед свадьбой, — говорит, — попариться нужно.

Генералы и закручинились: как с ободранными спинами и отрубленными ступнями с людьми попаришься? Царь увидит и будет спрашивать.

Спустились в баню. Генералы спины отворачивают и ступни прячут. Солдат сам по себе пришёл, разделся и тоже в баню зашёл:

— Я, — говорит, — тоже пришёл в женихову баню париться, может, и я подойду царю в зятя. У меня ни рубца, ни ушиба нет нигде.

— И у нас, — говорят кандидаты в зятя, — тоже никакого следа нет.

— Ну-ка, покажите спины и ступни.

Посмотрел царь на спины будущих зятьев, а у обоих кожа со спины вырезана шириной с ремень до самых пяток, посмотрел на ноги, у обоих правой ступни нет.

Затем вышел солдат в предбанник, вытащил из карманов кожу с генеральских спин, отрубленные ступни и царю показал:

— Вот, — говорит, — цена сарафана и чулок от твоих зятьев, а вот цена кольца.

За враньё царь велел генералам головы отрубить. В тот же день свадьбу сыграл: за служивого свою дочь выдал. А служивому-то неохота было жениться.

Как уложили после пира молодую пару, служивый стал говорить царской дочери:

— Мне нужно на улицу сходить, спусти меня в окно на верёвке.

Служивый спустился по верёвке, зашёл в царский хлев, вытащил оттуда самого большерогого барана, к верёвке привязал и крикнул: «Поднимай обратно!» А сам убежал поскорей. Пришёл в другой город, зашёл в кабак, а там поп, псаломщик, дьякон, старшина и урядник вино пьют.

Служивый им и говорит:

— Кто хочет на дармовщину вина выпить? Кто больше всех выпьет, тому тысячу целковых дам и за свой счёт напою.

Вот стал служивый их поить: поп, псаломщик, дьякон, старшина и урядник дармовое вино стали наливать стопку за стопкой. Пили, пили, от такого пьянства все сгорели.

Затем служивый и говорит кабатчику:

— Ну что, хозяин, будем делать? Тебя ведь обвинят, куда денем трупы?

Кабатчик говорит:

— В лес отнесём и похороним, чтобы люди не видели.

Вот погрузили трупы на сани и в лес поехали. Ехали, ехали, стемнело. Видят: одинокая избушка стоит. Вошли в дом, а там семеро разбойников награбленными деньгами делятся, а старуха ужин им варит.

Солдат ей и говорит:

— Давай, матушка, чем-нибудь покорми нас.

— Накормлю я вас, — брюзжит старуха, — вот сыновья закончат деньги делить и обоих убьют.

Кабатчик от страха задрожал, места себе не находит, а солдату всё равно, он потеснил одного разбойника, сел к столу и своему товарищу говорит:

— Эти скупердяи если ужином не накормят, у нас своя закуска есть. Иди принеси с саней одну тушу, мясо пожарим.

Кабатчик вышел, занёс труп урядника и на стол положил. Разбойники удивились. А солдат понюхал труп и говорит:

— Это уже несвежее, иди другую тушу занеси.

Кабатчик вышел и занёс труп старшины.

— Ох, и это несвежее. Иди ещё одну тушу занеси. Выбери самое свежее и жирное.

Кабатчик вышел и занёс труп попа. Опять понюхал солдат:

— Ох, оказывается, всё мясо испортилось. Не попробовав свежинки, спать не ляжем. — И товарищу говорит: — Иди, принеси сюда ножи и вилки. У этих, — показал на разбойников, — конечно, мясо ещё свежее. Вот их и съедем. Семь туш, может, нам на двоих поужинать хватит.

А разбойники дремать не стали: как услышали, что солдат хочет их съесть, быстро удрали. Все награбленные деньги на столе и оставили.

Солдат с кабатчиком переночевали в лесной избушке, затем все деньги погрузили на сани и дальше отправились.

Шли, шли, и какой-то барин навстречу попался.

— Что, — говорит, — везёшь, служивый?

— Деньги.

— Давай со мной в карты сыграем, — захотелось барину все деньги выиграть у служивого.

Поставил служивый на первый кон сани с деньгами и всё барину проиграл. На второй кон шинель солдат поставил — и её проиграл. Искал, искал, и на дне солдатской сумки ложка нашлась, поставил её на третий кон и тоже проиграл. Больше солдату не на что стало играть. Он и говорит:

— Давай последний кон сыграем. Кто кого обыграет, тому этой ложкой по ягодице один раз ударить.

Играли, играли да и обыграл на сей раз солдат барина:

— Ну, — говорит, — барин-господин, снимай штаны да приготовься. Пусть кабатчик свидетелем будет, а я разок ударю.

Барин снял штаны, а солдат как ударит доньшком ложки по мягкому месту! Барин высоко-высоко подскочил, о сани ударился, тут и умер, а кабатчик от звука удара совсем оглох и домой убежал. Солдат тогда посадил на сани труп барина и к его дому коня направил.

Вот увидели приезд барина слуги и хозяина встречают, кланяются. Барин молчит, не отзывается.

— Заснул барин, надо барыне сказать, — говорят слуги. Привели барыню, глядят, а барин-то мёртвый.

А солдат отправился дальше. Сел отдохнуть, подзакусить. Посмотрел — в сумке ничего нет, проверил — в кисете ничего нет, потрогал — в карманах денег ни гроша. И вспомнил, что барину всё проиграл.

— Сейчас, — говорит, — вернусь к его жене, мужа поминая, может, накормит голодное брюхо.

Только повернул назад, навстречу ему Смерть.

— Ты всё в пути, служивый, никак догнать не могу, а

когда сам вернулся, мне и попался. От Бога есть приказ: тебя заморить и чертям бессрочно казачить отдать. Много уже на этом свете порядка нарушил.

Солдат хотел со Смертью поспорить, как и что... А она длинной косой махнула и убила.

Вот привела солдата Смерть к адским вратам и толкнула к чертям. Черти притащили служивого к большому чёрту и спрашивают: какую службу дать служивому? Большой чёрт приказал солдату воду носить и адский огонь разжигать. А тот говорит:

— Я вам не слуга и не казак. Весь век на этом свете царю и генералам казачил, да теперь ещё вам, чертям, казачить? Чтобы мне каждый день был шкалик вина и табаку осьмушка. Если не будет по-моему, всю адскую яму наизнанку выверну.

Бездельничает служивый, по аду похаживает, огонь не разжигает, воду не таскает, а если чертенята к нему подойдут на работу звать — одного ёкнет, другого тыкнет, третьему в ухо даст, четвёртого пнёт.

Замотались со служивым черти, в конце концов пожаловались большому чёрту.

Пришёл большой чёрт к нему, а служивый с деревянной саженью ходит и адову яму меряет, колышками размечает.

— Что же, служивый, делаешь? — спрашивает у него большой чёрт.

— Место под обложку* меряю: здесь хочу церковь построить и вас, чертей, молиться научить.

Испугался большой чёрт.

— Церковь, — говорит, — здесь нам не нужна. Ты с этим не балуйся. Нам и без церкви весело.

Убежал бес и думает: «Что делать со служивым? Как от него избавиться?» И через верхнее окошко ада кричит Богу:

* Обложка — нижний венец дома; фундамент.

— Зачем таких строителей к нам присылаешь? Я совсем с ним замучился.

Большой чёрт велел солдата из ада выгнать: пусть в рай поднимается.

А служивый говорит:

— Я никуда отсюда не пойду, мне и в аду хорошо. Церковь начал строить, а кто без меня её закончит?

Но удалось всё же солдата выгнать. А ему то и надо было. Поднялся в рай. А там скучнее, чем в аду: седые старики да старухи, и у всех над головами нимбы светятся. Ходит солдат по райскому саду и думает, как он здесь жить будет, если ни курить, ни вино пить нельзя? Вот нашёл солдат деревянную сажень и стал мерить, колышки-метки забивать.

— Что, служивый, хочешь делать? — спрашивают у него плешивые святые.

— Я, — говорит, — хочу здесь кабак построить и на-чать вином да махоркой торговать.

Вот дошло до Бога, что служивый в раю кабак строит, он и позвал его:

— Как ты смеешь в раю кабак строить и табачную лавку открывать? Весь райский порядок развалишь.

А солдат ему отвечает:

— Как без кабака можно? Я в момент кабак построю и всех святых твоих до упаду напою.

Ну что поделаешь с солдатом? Испугался Бог и говорит:

— Давай, прекращай, служивый, не балуйся. Как же святых научишь вино пить? Если хочешь, обратно вышлю на землю, но только кабак здесь не строй.

Вот Бог позвал Смерть и говорит ей:

— Иди, обратно отведи служивого на землю и никогда больше его не убивай, ни в ад, ни в рай приводить не смей.

Ушёл солдат на землю и теперь ещё живёт где-то и чудачит.

БЫТОВОЙ МОЙДЪЯС

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Поп да кык салдат

Коркө сиктын оліс өти поп. Поп вөлөм зэв радейтө йөз нянь вылын көрөстуйтчыны. Крам празникыд кө локтө, куйм лун гортас тшыгйөдчас, медем унджык йөз ордысь апыштны. А Рөштво да Ыджыд лун славитөм водзвылад поп дзонь вежонөдз тшыгйөдчас, и вежөн чөж мирскөй кошта вылын вердчас.

Вот коркө воис Ыджыд лун славитөм. Ветлө поп керка-ысь керкаө. Öти керкаө пырас, сёяс. Мөдлаө пырас, сёяс. Тадзи рытөдз став керкасö кытшовтіс да быд керкаын сёй-ис. Вот сёйөмыд и лои кынөм вывтыс. Дарөвөй няньыд горш поплы и клячасис рушку пытшкас. Öдуянитіс, зэлөдіс кынөмсö, öтарö ни мөдарö оз пет, и лолыштны оз сет. Быг-лясьö поп да ойзö.

— Кула, матушка... Кынөмөс топөдіс. Ветлы өдйөджык гөгинь дорö.

Локтіс гёгинь. Видлаліс, видлаліс, куим пывсян пывсьодіс, а поплён кынёмыс век өткодъ. Сэсся гёгинь сылы и шуё:

— Тэнад, батюшко, тайё абу радёвой кынём висьом: тыдалё, нёбасян.

— Вот срамьд, — шуё попададьялы поп, — кывсяс кё аркирей пельөдз, мый лоё! Служба вылысь вётлас. Кага вайысьяслы вичкоын служитны ни вёлтарё пырны оз позь.

— Мун кытчөкө бокө ветлы, гусьон ректысь, некод оз и тодлы, — велөдө попөс попададьяс.

Мөдөдчис поп туйё. Попададьяс сылы пирөг-шаньгаяс сумкаё тэчис.

Муніс, муніс поп да туй вылысь аддзё кулом мортөс. Паськөмыс куломлөн сэтшөм-татшөм, а сапөгыс снитки вель.

— Ог жё коль снитки вель сапөг. Час, пөрччөда да сумкаё сюя.

Пондіс сійё сапөгсө кулома кокысь пөрччөдны, но некыз оз шед. Сэсся поп керыштіс куломалысь кокъяссө пидзөс вуйёныс да сумкаас и суйис.

Муніс, муніс, да сылы кык салдат паныдасисны, служба вылысь гортаныс локтёны.

— Мый нё, батюшка, сумкаад нуан? Вердышт миянлысь, служивой йёзлысь, тшыг кынёмнымөс, — шуёны служивойяс.

Поп ачыс сёйыштіс, а служивойясөс эз верд. Служивой аддзыліс поп сумкаысь сапөга кокъястө да мөд служивойыслы шуё:

— Вай, тайөс, попсө, неуна велөдыштам.

Сэсся мөдөдчисны куимөн өтилаын дай вой улө өти трактирө воисны. Куимнанныс пырисны узыны трактирщик ордө. Служивойяс пөлатё водісны, а поп нёровтчис паччөрө: кынём висигад өд шоныдінын любөджык. Войнас трактирщиклөн и мөскыс куканясис. Ывлаыс вөлі көдзыд да куканьсө, мед оз кынмы, керкаас катөдісны.

Войнад öти служивöйыд лэччыліс пöлатьсьыс, гусьöник босьтіс виль чужöм куканьсö, катöдіс паччөрö да пуктіс поп кок дінö. Ачыс паччөр дорад пуксис дай попöс чук-салö:

— Тэ нö, батюшко, мый вöчан? Миянлысь тшöтш юр-нымöс янöдан. Войнас тэ куканьöс вайöмыд тай.

Поп быдсөн чуймис, видліс кок увсьыс: збыльысь сэнi куйлö виль чужöм кукань. Повзис поп:

— Меным, служивöй, кагатö вайны оз позь. Прöстöй морт кö ничево ещö, а ме öд поп. Мый та йылысь шуас аркирей?

— Сійö öд и эм, — шуö служивöй, — морт нога кага кö эськö, колöкö, немтор на, а тайö öд кукань вайин.

— Мый нö, служивöй, мöдам вöчны? Вай кызкö мезды.

— Сетан кö сё чöлкөвöй деньга, шаньга тыра сумкатö да содтöд восьмушка табак, став срамсö тайö ас вылö бось-та, а тэнö мезда.

Сетіс поп служивöйлы сё шайт деньга, шаньга тыра сумкасö да табак восьмушка. Салдат сылы и шуö:

— Час мында нөрöвитышт: кор кöзяеваыс чорыда ун-мовсясны, öдйöджык гортад пышйы, а ме сэсса тані ачым ставсö ладмöда.

Вот куйлö поп паччöрын, виччысьö, кор ставныс чо-рыда унмовсясны. Сэк служивöйыд ыстіс мöд служивöйсö поп дорö, а ачыс дзебсис пöлать подлöсö лук мешöкъяс сайö.

— Кытчö нö тэ, батюшка, воштін менсьым служивöй төварышсö? Тыдалö, тэ сійöс виин, со сылөн сапöга ко-кыс тэ сумкаысь сюри. Пырысь-пыр жö начальствоны явита да тэнö тюрмаö пуксьöда.

Поп повзис дай шуö:

— Эн бедуйт менö, служивöй! Мый босьтан босьт, а судö эн сет.

Тадзи и мѡд служивѡйыс поплысь пѡрѡяліс сѣ чѡлкѡвѡй деньга да табак восьмушка. А поплы тшѡктіс узянінысь пышйыны. Дерт нин, попыд сѣсся эз мѡд сѣні пукавыны: юртѡг-садѡг гортас котѡртіс.

Асывнас служивѡйяс садѡмисны, паччѡр дорад пуктісны кералѡм кокѡястѡ поп сумкаысь дай шуѡны трактирщиклы:

— Кывзы, кѡзяин. Тѣнад куканыд сѣйѡма миянлысь коймѡд ѣртнымѡс. Судѡ сѣтам али сѡмын мынтысян?

Видзѡдліс трактирщик паччѡрѡ, а попыд збылысь абу. Сѣні сѡмын сапѡг пара, да сапѡг пытшкѡсас кок черлы выйѡныс кокыс сѡмын кольѡма. Повзис трактирщик дай шуѡ:

— Энѡ, служивѡйяс, менѡ бедуйтѡ. Мый босѡтанныд босѡтѡ, а судѡ энѡ сетѡй.

Сѣтіс трактирщик служивѡйяслы кыксѣ шайтѡн морт вылѡ да дзонь вежон винаѡн найѡс юкталіс.

А служивѡйяс вежон чѡж дарѡвѡй вина юѡм бѡрын водзѡ мѡдѡдчисны татшѡм йѡйясѡс корсьны да ассьыныс кынѡмнысѡ вердны.

Поп и два солдата

Жил в одном селе поп. Очень любил он чужим хлебом поживиться. Если храмовый праздник подходит, три дня дома голодает, чтобы у людей больше хапнуть. А перед Рождеством и Пасхой поп до недели голодает, и неделю за мирской сѣт питается.

Вот пришла Пасха. Ходит поп из дома в дом. В один дом зайдѣт, поест. В другой зайдѣт, поест. Так до вечера все дома обошѣл, в каждом доме поел. Вот переел выше живота. Дармовой хлеб жадному попу поперѣк встал. Вздую живот, ни туда ни сюда не идѣт и вздохнуть не даѣт. Катается поп и стонет:

— Помру, матушка... Живот схватило. Сходи побыстрей к бабке.

Пришла повитуха. Смотрела, смотрела, в трёх банях парила, а у попа живот всё одинаковый. Тогда повитуха и говорит ему:

— У тебя, батюшка, не рядовая болезнь: видно, беременный.

— Вот срам-то, — говорит попадьё поп, — если до ушей архиерея дойдёт, что будет! Со службы выгонит. Роженицам ни в церкви служить, ни в алтарь входить нельзя.

— Иди куда-нибудь на сторону, тайком освободись, никто и не узнает, — учит попа попадьё.

Отправился поп в дорогу. Попадья ему пироги, шаньги в сумку положила.

Шёл, шёл поп и на дороге видит мёртвого человека. Одежда у мертвеца так себе, а сапоги совсем новые.

— Не оставляю же совсем новые сапоги. Сейчас сниму и в сумку положу.

Стал он сапоги с ног мертвеца снимать, но никак не получается. Отрубил тогда поп ноги мертвецу по колени и в сумку положил.

Шёл, шёл, и встретились ему два солдата, со службы домой идут.

— Что, батюшка, в сумке несёшь? Накорми наши, служивых людей, голодные животы, — говорят солдаты.

Поп сам поел, а служивых не накормил. Служивый увидел в сумке попа ноги в сапогах и другому говорит:

— Давай этого попа проучим.

Отправились втроём и к ночи к трактиру пришли. Зашли к трактирщику переночевать. Служивые на полати легли, а поп завалился на печку: когда живот болит, в тепле милее. Ночью у трактирщика корова отелилась. На улице холодно было, и телёнка, чтобы не замёрз, в дом

занесли. Ночью один служивый слез с полатей, тайком взял новорождённого телёнка, поднял на печку и положил попу в ноги. Сам на край печи присел и попа будит:

— Ты, батюшка, что делаешь? Наши головы тоже позоришь. Ночью, оказывается, ты телёнком разродился.

Поп аж удивился, потрогал под ногами: точно, лежит новорождённый телёнок. Испугался поп:

— Мне, служивый, детей рожать нельзя. Если простой человек, ещё ничего, а я ведь поп. Что на это архиерей скажет?

— То-то и оно, — говорит служивый, — если человеческого вида ребёнок, ещё ничего, а ты ведь телёнка родил.

— Что, служивый, будем делать? Спаси меня.

— Если дашь денег сто целковых, сумку с шаньгами и вдобавок осьмушку табаку, весь срам на себя возьму, а тебя спасу.

Отдал поп служивому сто рублей денег, сумку с шаньгами и табаку осьмушку. Солдат ему и говорит:

— С часок подожди: когда хозяева крепко заснут, скорей домой беги, а я потом сам все дела улажу.

Вот лежит поп на печи, ждёт, когда все крепко уснут. В это время служивый послал другого солдата к попу, а сам спрятался на полатях за мешками с луком.

— Куда ты, батюшка, подевал моего товарища? Видно, ты его убил, вот и ноги в сапогах в твоей сумке нашлись. Немедленно начальству сообщу и тебя в тюрьму засажу.

Поп испугался и говорит:

— Не вводи меня в беду, служивый! Что возьмёшь, забирай, а под суд не отдавай.

Так и другой служивый у попа взял обманом сто рублей денег и осьмушку табаку. А попу велел удирать. Конечно, поп уж не стал там сидеть: без памяти домой побежал.

Утром служивые проснулись, на край печки положили отрубленные ноги из поповской сумки и говорят трактирщику:

— Слушай, хозяин. Твой телёнок нашего третьего товарища съел. В суд пойдём или так заплатишь?

Глянул трактирщик на печку, а попа действительно нет. Только пара сапог, и в сапогах ноги по колени остались. Испугался трактирщик и говорит:

— Не вводите меня в беду, служивые. Что возьмёте, берите, а под суд меня не отдавайте.

Дал кабатчик служивым по двести рублей на человека и целую неделю вином их поил.

А служивые после недельной пьянки на дармовщину отправились дальше: дураков искать и себя кормить.

Курöг пöжысь мужик

Мöдöдчис öтчыд мужик барин ордö могөн. Восьтис ворота öдзöссö, кöсийис эськөн воськовтны, но джöмдис подворотняс да уси. А сэнi вöлöм баринлөн курöгъясыс кокасьöны, да öти курöг и лязсис. Кутисны мужикöс да пыртисны барин ордö.

Бариныс вöли кытчöкö мунöма, барыняыс öтнас. Скöрмис барыняыд мужик вылö:

— Кыдз, — шуö, — лысьтiн вины менсьым курöгöс? Менам сийö вöли быд лун кольк вайö. Меным мед вöли сэтшöм жö курöгöс вайöма.

— Эн шогсьы, барыня, — шуö мужик, — ме виöм курöг пыдди тэныд сё курöг пöжа, и ставныс найö мöдасны зэв бура кольк вайны.

Барынялы лои зэв нимкодъ:

— Кыдзи, — шуö, — тэ сийöс вöчан?

— Босьта, — шуö мужик, — сё кольк. Пукта ас улö дай

пöжа, кыдзи курöгъяс пöжлöны. Сöмын тэд, барыня, рöскодтор лоö ас вылад лэптыны. Меным ковмас дзик торъя керка, медым тöлысьöн-джынийöн сэтчö ни öтик морт эз пыравлы.

Торъя керка пыдди барыня тшöктис сетны пывсян.

Сэсса мужик и шуö барынялы:

— Тшöкты меным вурны шоныд пась, ньöб шоныд шарп, шоныд гын сапöг да паськыд кушак. Сёян ковмас медся бурыс да медся чöскыдыс, да быд лун чекверть вина. Oz кө кут тырмыны да, содтöд сёян кута корны, быть сетны. Медым сёянсö пыр ваялис öти морт. Дон ыджыдöс ог и босьт: курöг виöмысь тыр прöща, став сетöм көм-паськөмсö бөр не босьтны да содтöд сё шайт деньгаөн.

Барыня рад: öти курöг пыдди дядьö көсийö пöжны сёös, и ставыс мöдасны кольк вайны. Сетис барыня дядьöлы сё кольк да ыстис пывсянö.

А дядьöыд абу йöй: вöчис пывсян пельöсö турун вылö поз, пуктис сэтчö кызь кымын кольк да пуксьöдис кольк пöжны прамöй курöгöс, а ачыс вина юö, чайöн балуйтчö да жаритöм яй сёйö, ёртъяссö тшöтш винаөн гöститöдö.

Регыд сылы чекверть винаыд эз кут тырмыны. Висьталисны барынялы, мый вина колö содтыны. Содтис барыня нöшта öти чеквертьöн лун.

Тадзи дядьö дарöвöй вина да закуска дорын поводнöя пöжсис да ассыйс суседъяссö вердис-юкталис. Дядьö вич-чысис, кор прамöй курöглөн пияныс пöжсясны. Пöжис, пöжис курöгыд да позтырысь сöмын кык пи петис, а мукö-дыс ставыс гöлышöн мунисны.

— Мун, — шуö сийö барыня служанкалы, — нулы да петкöдлы барыняыдлы тайö кык курöгписö да регыдджык бөр вай. Дырджык кө он вай, менам мам сьölöмöй шо-гысла потас.

Барыня босьтис, нимкодясьö да дивуйтчö, кыдзи мужик ас улас курöггьясöс пöжö. Кадыс унакодь нин прöйдитис. Служанка барынялы и шуö:

— Мамыс пырысь-пыр жö бөр корис кыкнан писö. Тöдан öд кутшöма мам сьölöмыд гажтöмтчö ас челядь вöснайд.

Тадзи бара прöйдитис мыйкö дыра кад. Барыня пыр юасьö:

— Дыр-ö нö став чипаныс оз пöжсьы?

А дядьö пыр барскöй вина юö, дарöвöй нянь сёйö да суседьясöс гөститöдö. Но коркö воис кад, мый тайö делöсö колö помавны. Пöрьясьöмтö кö казьяласны, не чöскыд сёян-юан дон нöйтасны. Кыдзи эськö вöчны?

Дядьö корис ассьыс ёртгьяссö:

— Но, — шуö, — друггьяс, кузякодь ме тiянöс барскöй нянь-солөн прöста вердi да чöскыд сёян-юанөн гөститöдi. Öнi тiян черöд менö барскöй плетьысь мездыны. Тавой би тшукöдöй тайö пывсянас да менö кыскöй ывлаö. Ме мöда шыбласьны сотчан пывсянö бөр пырны, тi менö кутöй пась пöлаöd. А кор пывсяныс ставнас öзгьяс, да оз мöд позьны кусöдны, сэки вöлись юөртö барыняös пывсян öзйöм йылысь.

Ёртгьясыс сiдзи и вöчисны. Кор пывсяныс зэв ёна öзйис, юөртiсны барыняös, а курöг пöжысь дядьöös кыс-кисны ывлаö. Став йöзыс кутöны сiйös, а сiйö усьласьö-чепсасьö öзйöм пывсянö, биас веськыда и пырö да курöг моз клуткö: «Клут, клут, клут! Клут, клут, клут, клут!»

А барыня сэни сулалö да горзö:

— Ой, кутöй, а то биас веськыда пырас! Со öд кутшöма мам сьölöмыд тöждысьö аслас челядь вöсна!

Ёртгьясыс сiйös нöшта чорыджыка кутöны: кодi пась пöлаöдыс, кодi кушакöдыс, а сiйö пыр усьласьö да курöг гөлөсөн клуткö.

Сотчис пывсяныс дзоньнас, сöмын местаыс коли.

Ёна зэв шогсис да жалитіс барыня, мый курөгъяс сотчисны. Сійö эськö мöдысь на вöлі тшöктö дядьöлы ме-дасьны пöжны, но тайö разын дядьö эз нин кутчысь. Босьтіс сійö шоныд пась да гын сапöг, содтöд сё шайт деньга да гортас мöдöдчис.

Как мужик цыплят высиживал

Отправился однажды мужик к барину по делам. Открыл ворота, хотел шагнуть, но споткнулся и упал. А там, оказывается, у барина курочки были, и одну курочку мужик задавил. Схватили его и завели к барину.

Барин куда-то ушёл, барыня одна была. Рассердилась она на мужика:

— Как ты, — говорит, — посмел убить мою курочку? Мне она каждый день яйца несла. Чтобы мне такую же курочку принёс.

— Не горюй, барыня, — говорит мужик, — я вместо убитой тебе сто курочек высижу, и все они будут яйца нести.

Барыня обрадовалась:

— Как, — говорит, — это сделаешь?

— Возьму, — говорит мужик, — сто яиц. Положу под себя и высижу, как куры высиживают. Только тебе, барыня, придётся на себя расходы взять. Мне понадобится отдельный дом, и чтобы в течение полутора месяцев туда никто не заходил.

Вместо отдельного дома барыня приказала выделить баню.

И говорит мужик барыне:

— Вели для меня сшить тёплую шубу, купи тёплый шарф, валенки и широкий кушак. Еда нужна будет самая лучшая и самая вкусная, и каждый день — четверть водки.

Если не будет хватать и добавки стану просить, сразу же давай. Чтобы еду носил один и тот же человек. Цену большую не возьму: за убийство курицы полное прощение, выданную одежду назад не брать, и вдобавок — сто рублей деньгами.

Барыня рада. За одну курочку мужик хочет сто высидеть, и все станут яйца нести. Дала барыня мужику сто яиц и послала в баню.

А дядя — не дурак: сделал в углу бани на сене гнездо, положил туда яиц двадцать и посадил на яйца нормальную курицу, а сам вино пьёт, чаем балуется и жареное мясо ест, друзей тоже вином угощает.

Скоро ему четверти вина не стало хватать. Передал барыне, что вина надо прибавить. Прибавила барыня ещё по четверти в день.

Так мужик на дармовом вине да закуске жил и своих соседей кормил-поил. Всё ждал, когда у курицы цыплята вылупятся. Высиживала, высиживала курица и из всего гнезда только два цыплёнка вылупились, остальные голышами получились.

— Иди, — говорит он служанке, — отнеси и покажи барыне этих двух цыплят и поскорее принеси обратно. Да долго не ходи, а то материнское сердце от горя лопнет.

Барыня взяла, радуется и удивляется, как это мужик цыплят высиживает. Времени много уже прошло. Служанка барыне и говорит:

— Наседка немедленно просила принести обоих цыплят. Знаешь ведь, как материнское сердце тоскует по своим детям.

Опять прошло какое-то время. Барыня всё спрашивает:

— Когда же все цыплята вылупятся?

А мужик барское вино пьёт, дармовой хлеб ест и сосе-

дей угощает. Но время пришло, это дело кончать надо. Если обман раскроют, вкусные кушанья дорого обойдутся — побьют. Что же делать?

Позвал он своих друзей:

— Ну, — говорит, — друзья, долгонько я вас барским хлебом-солью бесплатно кормил. Теперь ваш черёд меня от барских плетей избавить. Этой ночью ткните огоньком в баню и тащите меня на улицу. Хотя я и буду бросаться обратно в горящую баню, вы меня держите за полы шубы. А когда баня разгорится, и невозможно будет потушить, только тогда сообщите барыне о том, что баня загорелась.

Друзья так и сделали. Как баня посильней разгорелась, сообщили барыне, а мужика-наседку вытащили на улицу. Весь народ держит его, а он бросается-рвётся в горящую баню, прямо в огонь лезет и как курица квохчет: «Клут, клут, клут! Клут, клут, клут, клут!»

А барыня там стоит и кричит:

— Ой, держите, а то прямо в огонь полезет! Вот ведь как материнское сердце печётся по своим детям!

Товарищи его ещё крепче держат: кто за полу шубы, кто за кушак, а он всё бросается и куриным голосом квохчет.

Сгорела вся баня.

Сильно горевала барыня, что цыплята сгорели. Она ещё просила мужика наняться наседкой, но на этот раз он уже не взялся. Взял тёплую шубу и валенки, вдобавок сто рублей денег и домой отправился.

Кык вок

Олісны-вылісны кык вок — Иван да Василей. Иванлөн вöлі öти мөс, а Василейлөн кызь мөс. Иванлысь öти мөссö ош косяліс, да мөстөг коли. Муніс сійö вокрыс ордö да шуö:

— Тэнад кызь мөс, лишöд öти мөс мен гöльлун вылö.

Озыр вок эз мoгмöд Иванöс.

— Часлы, — думайтö Иван, — ме тэнö, скупердйöс, ворсöдышта.

Вöчны нинöм. Косьтіс Иван кулöм мөс кучиксö чажа-кылан веркыдöдз, суйис мешöкö да мöдöдчис карö ву-завны.

Муніс-муніс да, пемдіс. Колö кытчöкö сылы вöзйысь-ны. Локтіс сійö поп керка дорö да кильчö вывсянь öшинь пырыс керка пытшкöсас кыйкнитіс: а сэн попаддя мусу-кыскöд вина юö. Пырис Иван керкаö да узыны юаліс, а попаддя öщöпекөн сійöс керкаысь колляліс. Вöчны нинöм. Лэччö Иван кильчö содйöд, а сылы поп паныдасис.

— Мый нин, — шуö, — тэ ветлан?

— А ме, — шуö, — сідзи и сідзи, узыны юасьлі, да ма-тушкаыд тэнад эз лэдз.

Пыртіс попыд Иванöс. Иван пуктіс лабич улö кучик тыра мешöксö, а поп и юалö:

— Мый нö сэн тэнад мешöкад?

А Иван и шуö:

— Менам мешöкын «быдсөн тöдысь».

А поп и шуö:

— Вай юалам, мый висьталас тэнад «быдсөн тöдысьыд».

Мужик кок нырнас личкыштіс кос кучик тыра мешöкö, мешöк пытшкын рутш-ратшмуні. Поп шуö:

— Мый нö висьталіс?

— Тэнад пачад эм быдсяма сёян-юан.

Поп шуё:

— Талун өд кослун да, некутшом чөскыдтор матушка менам эз пöжав.

Видзöдліс пачö, а сэнi ульлунъя сёян жаритöма да пражитöма. Сёйисны. Поп тшöктö Иванлы нöшта мыйкö юавны «быдсөн тöдысьлысь». Тувкнитіс Иван мешöк бокö да шуö поплы:

— Тэнад пач саяд чөскыд вина дозъяс эмöсь.

Поп божитчö, абу пö мян некутшом вина. Видлісны пач костысь, да збыльысь сюрисны вина дозъяс. Юыштісны öтвылысь, да поп бара тшöктö юавны, мый нöшта висьталас «быдсөн тöдысьыд».

Тувкис Иван кок нырөн кучик мешöкö дай шуö:

— Тэнад матушкаыдлөн мусукуыс сундук пытшкад дзебсьöма.

Восьтісны сундук вевт, а сэн кузь юрсиа дякөн пукалö: мужик сүöмысь попаддя сундукас сійöс дзебöма. Найö зэв öдйөн крапнитісны сундук вевт да бөр томналісны дякөнöс.

Поп и мöдіс шуны Иванлы:

— Сетан кö меным тайö «быдсөн тöдысьтö» да тайö морт тыра сундуксö йöрданö лэдзан, сета тэныд витсё шайт.

Сетіс Иван сотчөм кучик тыра мешöк поплы да сы вöлөн-доддьөн мöдіс лэччöдны ю дорö морт тыра сундук. А сундук пытшкөсын пукалысь мöдіс кевмысьны:

— Лэдз, — шуö, — бур морт, ме тэд сета кыксё шайт.

— Мый нö ме вöча тэ кыксё шайтөн, кор аслам витсё шайт зептын?

— Но, сідзкö, витсёös жö сета, сöмын эн вöйт.

Лэдзис Иван сундукысь дякөнöс, босьтіс сылысь витсё шайт, а тыртөм сундуксö брунгис йöрданö.

Гортас воис да муніс Василей вок ордö пудовняла.

— Мый нö тэ вöчан пудовнянас? — юалö вокуыс.

— Деньга колö мерайтны, мөс кучикөс вузалі, да додь тыр деньга сетісны.

Сійö жö луннас Василей начкис ассъыс став мөсъяссö да кучикъяссö нуис вузавны базар вылö. Сулалö Василей кучик чукөрөн ас додь дорын, а сылысь юалöны:

— Донысь-ö нö кучиктö вузалан?

— Кызь додь деньга кора ставыс вылö.

— Тэнад төварыд и пöлтинник доныс оз сулав, — шуö-ны сылы.

Василей зэв ёна скөрмис да локтіс гортас. Войнас Василей шуис вины Иванöс. Иван баба дінас ас местаас водтöдіс мамсö. А ачыс водіс паччөр вылö да мөдіс пöрысь моз ружтыны. Войын Василей пыраліс Иван ордö да пуртөн сутшкис Иван пыдди мамыслы. Ачыс муніс гортас. Иван доддяліс вöв, мамлысь шой пуксьöдіс вöв доддьö да мөдöдчис карö. Муніс-муніс да кабакö воис. Пырис кабакö да парта вина ньöбис, а сэсся и шуö кабащиклы:

— Менам доддын мам пукалö, мед неуна шоналыштас, юктöд сійöс öти шкаликөн.

Кабащик юктöдіс да юктöдіс, а поконча оз ю. Кабащик скөрмис да сулеяөн тувкöдіс покончалы вомас. Пырас кабащик, а Иван сылы и шуö:

— Мыйла нö эз ю, гашкö, тэ виин менсьым мамсö да? Петісны да видлісны, а мамыс сылөн збыльысь кулöма. Иван шуö кабащиклы:

— Он кө сет мен куимсё шайт, судö сета.

Кабащик шуö:

— Сета куимсётö, сöмын некодлы эн висьтав.

Босьтіс Иван куимсё шайт, дзебис мамсö кладбище вылö да локтіс бөр гортö. Василей вокыс аддзис сійöс дай шуö:

— Ме тай нö тэнö вилі, а тэ век на ловъя?

Иван шуö:

— Тэ виин менсьым мамös, а ме сійös лэччöдi базар былö да куимсёйсь вузалi.

Горш вок сійö жö луннас виис ассьыс бабасö да мöдöдчис базар былö. Базар вылын сылысь юалöны:

— Мый нö тэ вузалан?

— Ме покончаös вузала, куимсё шайт кора.

Кутiсны Василейös да пуксьöдiсны тюрмаö. Коркö пукалiс, да бөр гортас лэдзисны. Василей вöлi зэв скөр Иван былö: гортö воём бöрын вурис сійös мешöкö да мöдiс лэччöдны вöйтны юö. Кыскис, кыскис Василей морт тыра мешök да зэв ёна мудзис. А вичкоын буретш кылö öбöдня сьылöны.

— Час, — шуö, — пырала вичкоö да молебен сьылö-дышта.

Пырис Василей вичкоö, а сэк костi Иван пондiс мешök пытшкын горзыны:

— Менö пуктöны городскöй гөлöваö, а ме ог пуксьы!

Сэки вöлi дас кык мöскөн мунö базар былö мясник. Сійö кылiс Иванлысь горзöмтö дай шуö:

— Ме кösья пуксьыны карса гөлöваö.

— Окота кө, пуксьы ме местаö.

Иван ас местаас пуксьöдiс мешök пытшкö мясникös, а ачыс босьтiс сылысь дас кык мöссö да мöдöдчис гортлань.

Василей петiс вичкоысь, лэптiс морт тыра мешök пельпом былö и шыбитiс юö. Локтiс Василей гортас да бара аддзис Иванös:

— Ме тай нö тэнö öнi на юö шыбитлi, а тэ бара нин ловъя?

Иван и шуö:

— Кор менö тэ шыбитлiн ваö, ме вöлi сэки мöдар югыдын и мен сетiсны дас кык мös.

Василей и шуö:

— Вай регыдджык вур менö мешöкö да шыбит юö, ме сэсь сё мös öтпырйысь вайöда.

Иван вурис сійöс мешöкö да мöдiс ю дорö, а сылы паныд поп воча сюрис да юалö:

— Мый нуан?

— Вокöс мöдöда мöдар югыдö мöсьясла.

Поп шуö:

— Менö тшöтш босьтö.

— Кыксё шайт кö сетан, босьтам, а он кö, ог босьтö, — шуö сылы Иван.

Сетiс поп Иванлы кыксё шайт да пуксис мешöкö.

Лэччöдiс Иван горш попöс да горш вокöс йöрдан дорö да кыкнансö бузнитiс йöрданö:

— Вот, — шуö, — тiянлы и сё мöс.

Два брата

Жили-были два брата — Иван да Василий. У Ивана была одна корова, а у Василия двадцать коров. У Ивана единственную корову медведь задрал, и тот совсем без коровы остался. Пошёл он к брату и говорит:

— У тебя двадцать коров, выдели одну на мою бедность.

Богатый брат не помог Ивану.

— Сейчас, — думает Иван, — я тебя, скупердяя, прочу.

Высушил Иван шкуру мёртвой коровы, чтоб скрипела, положил в мешок и отправился в город продавать.

Шёл, шёл, и темнота настигла. Надо к кому-то на ночлег проситься. Подошёл к поповской избе и с крыльца через окно внутрь заглянул: а там попададя с любовником вино пьёт. Зашёл Иван в дом и ночевать попросился, а попададя поленом его из дома прогнала. Делать нечего. Спускается Иван по лестнице, а ему поп навстречу.

— Что, — говорит, — ты ходишь?

— А я, — отвечает, — переночевать попросился, да матушка твоя не пустила.

Завёл поп Ивана. Иван положил под лавку мешок со шкурой, а поп и спрашивает:

— Что у тебя там в мешке?

А Иван и говорит:

— У меня в мешке «всё знающий».

А поп спрашивает:

— Давай спросим, что скажет твой «всё знающий».

Мужик носком надавил на мешок с сухой шкурой, в мешке захрустело. Поп спрашивает:

— И что он говорит?

— У тебя в печке всякое кушанье есть.

Поп говорит:

— Сегодня ведь пост, и ничего вкусного матушка моя не испекла.

Посмотрел в печку, а там скоромное нажарено-напечено. Поели. Поп и велит Ивану ещё что-нибудь спросить у «всё знающего». Ткнул Иван по мешку и говорит попу:

— У тебя за печкой бутылки со сладким вином есть.

Поп божится, мол, нет у нас никакого вина. Проверили за печкой, и впрямь нашлись бутылки с вином. Выпили вместе, и поп опять велит спросить, что ещё скажет «всё знающий».

Ткнул Иван носком по мешку со шкурой и говорит:

— У твоей матушки любовник в сундуке спрятан.

Открыли крышку сундука, а там дьякон с длинными волосами сидит: чтобы муж не застал, попадья его в сундук спрятала. Они быстро захлопнули крышку сундука и заперли дьякона.

Поп и стал говорить Ивану:

— Если отдашь мне этого «всё знающего», а сундук с человеком в прорубь опустишь, дам тебе пятьсот рублей.

Отдал Иван мешок с обгорелой шкурой попу и на конных санях повёз к реке сундук с человеком. А сидящий в сундуке стал умолять:

— Отпусти, — говорит, — добрый человек, я дам тебе двести рублей.

— Что мне с твоими двумястами делать, когда у самого пятьсот рублей в кармане?

— Ну, тогда пятьсот дам, только не топи.

Выпустил Иван из сундука дьякона, взял у него пятьсот рублей, а пустой сундук швырнул в прорубь.

Вернулся домой и пошёл к брату Василию за пудовней.

— Что ты будешь делать с пудовней? — спрашивает брат.

— Деньги надо взвесить, коровью шкуру продал, дали воз денег.

В тот же день Василий зарезал всех своих коров и шкуры на базар повёз продавать. Стоит Василий возле своих саней у груды шкур, а у него спрашивают:

— Почём шкуры продаёшь?

— Двадцать возов денег прошу за всё.

— Твой товар и полтинника не стоит, — говорят ему.

Василий разозлился и домой вернулся. Ночью решил он убить Ивана. А Иван на своё место к жене положил мать, сам лёг на печку и стал кряхтеть, как старик. Когда стемнело, Василий пришёл к Ивану и ножом ударил. Не знал, что там мать лежит. Сам пошёл домой. Иван же запряг лошадь, труп матери посадил в сани и отправился в город. Ехал, ехал, до кабака доехал. Зашёл в кабак и четверть вина купил, потом и говорит кабатчику:

— У меня в санях мать сидит, пусть немного согреется, выпьет шкалик.

Кабатчик поил, поил, а покойница не пѣёт. Кабатчик рассердился и бутылкой ударил покойницу по губам. Заходит кабатчик, а Иван ему и говорит:

— Как не пила, может, ты убил мою мать?

Вышли, проверили, а мать и впрямь мертва. Иван и говорит кабатчику:

— Если не дашь мне триста рублей, в суд подам.

Кабатчик говорит:

— Дам триста, только ты никому не говори.

Взял Иван триста рублей, похоронил мать и домой вернулся. Брат Василий увидел его и говорит:

— Я же тебя убил, а ты всё ещё живой?

Иван говорит:

— Ты мать убил, а я отнёс её на базар и продал за триста рублей.

Жадный брат в тот же день убил свою жену и на базар отправился. На базаре у него спрашивают:

— Что продаёшь?

— Я покойницу продаю, триста рублей прошу.

Схватили Василия и посадили в тюрьму. Отсидел он, и домой егопустили. А Василий был очень зол на Ивана: вернувшись домой, зашил его в мешок и потащил к реке топить. Тащил, тащил Василий мешок с человеком и устал сильно. А в церкви как раз обедню поют.

— Сейчас, — говорит, — зайду в церковь и молебен закажу.

Зашёл Василий в церковь, а тем временем Иван из мешка стал кричать:

— Меня ставят городским головой, а я не хочу!

Проходил мимо мясник с двенадцатью коровами. Он услышал крики Ивана и говорит:

— Я хочу быть городским головой.

— Если хочешь, садись на моё место.

Иван посадил на своё место в мешок мясника, а сам взял у него двенадцать коров и домой направился.

Василий вышел из церкви, поднял мешок с человеком на плечо и бросил в реку. Вернулся Василий домой и опять Ивана увидел:

— Я же тебя только что в воду бросил, а ты опять живой?

Иван и говорит:

— Когда ты меня в воду бросил, я на тот свет попал, мне там двенадцать коров дали.

Василий и говорит:

— Скорей зашей меня в мешок и брось в реку, я отсюда сто коров за раз приведу.

Иван зашил его в мешок и отправился к реке, а на встречу ему поп подвернулся и спрашивает:

— Что несёшь?

— Брата на тот свет посылаю за коровами.

Поп говорит:

— Меня тоже возьмите.

— Если двести рублей дашь, возьмём, а нет — не возьмём, — говорит ему Иван.

Дал поп Ивану двести рублей и сел в мешок.

Спустил Иван жадного попа и жадного брата к реке и обоих ухнул в прорубь.

— Вот вам, — говорит, — и сто коров.

Озыр да голь вок

Олісны-вылісны кык вок. Ӧтикыслӧн мӧс ни вӧв абу, да кӧкъямыс челядь, а мӧд вокыслӧн быдсӧныс эм, карта тырыс скӧт, и сӧмын гозъя олӧны.

Коркӧ голь воклӧн, няньыс быри да, челядьыс кутісны тшыгъявны. Муніс сійӧ озыр вок ордӧ нянь водзӧсавны, а озыр вок сылы оз сет:

— Тэныд нинөмөн лоö водзöстö мынтыны.

Мый керны? Гöль вок думайтис, думайтис, войнас пыралис озыр вокыс картаö, кык порсьöс начкис да шой-яссö сэтчö и колис.

Мöд лун асывнас лэччис озыр вок картаас да аддзö: кык порсь кулöма. Сэссия корис гöль вокöс дай шуö:

— Мун тайö порсь шойяссö скöt кладбищеö кыскы.

А гöль вок и шуö:

— Ме порсь шойястö гортö нуа. Челядь тшыгöсь да сёясны, некод оз и тöдлы, мый тайö кулөм порсьяс.

Нимкодьясьö гöль вок, мый озыр вокöс удайтчис пörъявны да челядьöс тшыглунысь мездыны.

А озыр воклөн гöтырыс зэв вöлі наян да шуö мужикыслы:

— Тайö, кöнкö, гöль вокыд нарошнö миянлысь порсь-ястö виис. Ме муна на ордö, налысь став сёрнисö кывза да лючки тöдмала.

Вот мöд луннас озыр вок пуксьöдис ассьыс гöтырсö ыджыд сундукö, ыджыд томанөн томналіс, корис гöль вокöс дай шуö сылы:

— Тані менам став деньгаöй. Став йöзыс тöдöны, мый ме озыр, да вөръяс ме ордö вермасны пыравны. Вай ну тайö сундуксö да видз ас ордад: тэ ордö, гöль морт ордö, вөръясыд оз пырны.

Нуис гöль вок гортас озыр вокыслысь сундуксö видзны.

Гортас гöль вок пуис порсь яй, пуксьöдис пызан сайö челядьсö дай шуö:

— Сёйö, челядь, пötтöдзныд. Тайö порсь яйыс кö бырö, озыр воклысь позяс начкыны и мукöд порсьяссö.

Озыр воклөн гöтырыс пукалö сундукын да кывзысьö. Кор кыліс порсь начкөм йылысь сёрни, эз вермы терпитнысö да горöдіс:

— Тэ, злыднийöй, и виин миянлысь порсьяссö. Вот öні петкöдла тэд гаж!

Гөгөрвоис гөль вок, мый озыр вокыс кывзысьом могогысь ассъыс гөтырсө сундукө томналөма. Сійө пачын пузьөдіс ыджыд чугун тыр ва, писькөдіс сундук вевтсө да пузьөм васө кисьтіс сундук пытшкөсас.

А озыр воклөн гөтырыс кылө сундук пытшкас горзө:
— Сотін, сотін!

Сідзи сәні сійө яйөдз пусис.

Вот мөд лун локтіс озыр вокыс дай шуө:

— Бөр сундуктө вай. Ас ордын надёжнөйджыка олас.

А гөль вок и шуө:

— Оз-ө нө позь меным петкөддыны, уна-ө тэнад озыр-луныд тайө сундукас?

Но озыр вок эз восьты сундуктө гөль вок ордын. Сөмын гортас воом мысти сійө восьтіс сундуксө да аддзис, мый гөтырыс сьлөн кулөма.

— Дерт, тайө топыда пөдлалөм вөсна пөді сундукас, — думайтө сійө, — кызкө колө регыдджык гуавны.

Вот корис озыр вок гөль вокөс дай шуө:

— Менам гөтырөй кувсис. Вай сылы горт вөч, да та-лун жө и гуалам.

Гөль вок босьтіс мерка поконча вылысь, а гортсө кык весьт кузяөн нарошнө дженъидджыка вөчис. Пуктыны мөдісны покончаөс гортйө, а поконча гортйө оз төр.

— Горт вөчигкостыс покончаыд аршын джын быдмө-ма, — шуө гөль вок.

Сідз первой луннас гуавнысө эз и вермыны. Озыр вок гөль воксө узыны корис ас ордас.

Войнас сійө вокыс узигкості лэччыліс картаө, начкис озыр воклысь медыджыд өшсө. Сэсса картаө лэччөдіс покончаөс, өшгъяс дінас сувтөдіс да киас сылы пурт пуктіс.

Мөд лун садьмис озыр вок, покончаыд керкаын абу.

Корсисны, корсисны, лэччисны карта вылө, а покончаыд начкөм өш дорын сулалө, киас сьлөн гырдоьс пурт.

Гöль вок кватитіс покончаöс да керкаö котöртöдіс, а начкöм öштö, скöт кладбищеö нуöм пыдди, бара гортас нуис.

Вот озыр вок и шуö гöль воклы:

— Вай öдйöджык гортсö эштöд, да талун дзебам нин. От кө вевъялöй дзебны, тавой öстатки скöтöс либö ась-нымöс начкас.

Вот гöль вок бара босьтіс мерка поконча вылысь. Кузь-та серти буретшöс вöчис, а пасьта сертиыс гортсö вöчис сы пасьта, медем öдзöсті петкöдны оз тöр. Вот коркö бара эштіс гортйыд, пуктісны покончаöс да пондісны керка-сьыс петкöдны, но öдзöс пыр петкöдны эз тöр.

— Нöшта öти вой ковмас гортын узытöдны, — шуö озыр вок. — Кытчö нö вой кежлас пуктам покончасö?

— Керкаад кө узытöдны полан, амбарад петкöд да том-нав.

Сідзи и вöчисны. Войнас, воыс уzigкості, гöль вок восьтыліс амбар öдзöссö, суседъяссö чукöстіс да новлісны йöртöдъяссьыс став пызьсö, сэсся покончасö сувтöдіс йöртöд дінö да киас сылы зыр пуктіс, а асьсö ставнас пызьöсьтіс.

Петіс мöд луннас озыр вок амбар видзöдлыны, покон-ча зыръя сулалö, а амбар йöртöдъясын сю ни пызь абу кольöма.

— Став пызьсö и сюсö койöма да сёйöма. Колö попла ветлыны да öдйöджык нин дзебны, — шуö озыр вок.

Вот вайöдісны попöс, висьталöны, мый сідзи и сідз, поконча гортйö оз көйы пырны, а пакöсьт вылö пакöсьт вöчö.

Поп сьылöдіс покончаöс да пырысь-пыр жö тшöктіс дзебны, а ачыс бөр гортас мöдöдчис.

Кадыс вöлі тулысьявыв, юяс воссялан кад, доддьөн ветлыны оз нин вöлі позь. Озыр вок попöс пуксьöдіс верзьö-ма вöв вылö, ачыс, сійöс кольöдöм могысь, мöд вöв вылö

пуксис, а покончаос тшöктіс ас ветлігкостыс дзебны голь вокыслы.

Голь вок босьтіс покончаос, пуксьöдіс сійös арöса чань вылö, кокъясöдыс вöв кынöм увтыс көрталіс, медым сійö оз усь, сэсся туй вылö лэдзис да кучкис чаньлы.

А чань мам вылын буретш вöлі мунö поп. Чаньыд адзис мамсö да пондіс мамыс бöрся скачөн вöтчыны, сійös суöдны. Кылісны поп да озыр вок, мый на бөрвылын кутшöмкö вöла локтö, бергöдчылісны — поконча верзьöмөн на бöрся вöтчö. Найö зэв ёна повзисны да скачөн водзö, а чань наысь оз кольччы.

Сиктö воигөн туйыс вöлі вуджö ты вомён. Тысö кө кытшовтны, суас покончаыд. Поп шуö:

— Вай веськыда ты вомöныс скачитам.

Мыйөн лэччисны ты вылö, тувсов йиыд руз-раз чеги: поп да озыр вок кыкнанныс — ваö. А йöй чаньыд на бöрся жö чеччыштіс да асьсö и покончаос тшöтш вöйтіс.

Та бöрын голь вок босьтіс озыр воклысь став овмöссö да зэв бура овмöдчис.

Богатый брат и бедный брат

Жили-были два брата. У одного ни коровы, ни лошади нет, а детей восемь человек, а у другого — всего вдосталь, в хлеву полно скотины, и живут вдвоём с женой.

Как-то вышел у бедняка весь хлеб, стали его дети голодать. Пошёл он к богатому брату хлеба одолжить, а богатый ему не даёт:

— Тебе нечем будет долг вернуть.

Что делать? Думал-думал бедный брат, забрался ночью к богатому в хлев, зарезал двух свиней, а туши там и оставил.

На другое утро спустился богатый брат в хлев и видит: две свиньи сдохли. Тогда позвал бедного брата и говорит:

— Поди, свежи свиные туши на скотское кладбище.

А бедный брат говорит:

— Я отвезу их домой. Дети голодные, всё съедят, никто и не догадается, что дохлые это свиньи.

Радуется бедняк, что удалось надуть брата-богача и спасти детей от голода.

А у богатого брата жена была очень хитрая и говорит мужу:

— Наверное, твой бедный брат нарочно убил наших свиней. Пойду я к ним, подслушаю их разговоры и хорошенько всё разузнаю.

На следующее утро посадил богатый брат свою жену в большой сундук, запер на замок, позвал бедного брата и говорит:

— Здесь все мои деньги. Все люди знают, что я богат, и ко мне могут залезть воры. Возьми ты этот сундук и храни у себя: к тебе, бедняку, воры не полезут.

Отнёс бедняк на хранение сундук богатого брата.

Дома сварил он свинину, посадил ребят за стол и говорит:

— Кушайте, дети, досыта. Если эта свинина кончится, у богатого брата можно будет прирезать еще и других свиней.

Жена богатого сидит в сундуке и подслушивает. Как услышала она о зарезанных свиньях, не утерпела и крикнула:

— Это ты, злыдень, убил у нас свиней! Вот теперь я покажу тебе!

Понял тут бедняк, что богатый брат запер в сундук свою жену подслушивать. Вскипятил он в печке большой котёл воды, просверлил крышку сундука и влил туда чугуна кипятку.

А жена богача кричит из сундука:

— Ошпарил! Ошпарил!

Так она и превратилась в варёное мясо.

Вот на другой день пришёл богатый брат и говорит:

— Дай обратно сундук. У себя надёжнее держать.

А бедный брат и просит:

— Покажи мне, много ли у тебя богатства в этом сундуке.

Но богатый брат не открыл сундука у бедного. Открыл только у себя дома, тогда и увидел, что жена умерла.

— Наверное, она умерла из-за того, что плотно было закрыто, — думает он, — надо как-нибудь побыстрее её похоронить.

Вот позвал богатый брат бедного и говорит:

— У меня жена умерла. Сделай ей гроб, и сегодня же её похороним.

Снял бедняк с покойницы мерку, а гроб нарочно сделал короче на две четверти. Стали покойницу класть в гроб, а она в гроб не влезает.

— За то время, пока я гроб делал, покойница на поларшина выросла, — говорит бедный брат.

Так в тот день они и не смогли её похоронить. Богатый брат позвал бедного ночевать к себе.

Ночью тот, пока брат спал, спустился в хлев, зарезал самого большого быка. Потом принёс в хлев покойницу, поставил к быкам и сунул в руку нож.

Проснулся богатый брат утром, покойницы нет в доме.

Искали-искали, спустились в хлев, а покойница стоит возле зарезанного быка, в руке — окровавленный нож.

Схватил бедняк покойницу и занёс в дом, а забитого быка опять отвёз домой.

Вот богатый брат и говорит бедному:

— Скорей заканчивай гроб, да сегодня похороним её.

Если не успеем похоронить сегодняшней ночью, она последнюю скотину или нас самих прирежет!

Вот опять бедняк снял с покойницы мерку. В длину сделал гроб как нужно, а в ширину сделал таким, чтобы в дверь нельзя было вынести. Закончил он гроб, положили в него покойницу и стали из избы выносить, но гроб в двери не пролез.

— Придётся ещё одну ночь продержат покойницу дома, — говорит богатый брат. — Куда мы покойницу положим на ночь?

— Если боишься оставить в избе, вынеси в амбар и запри её там.

Так и сделали. Ночью, пока богатый спал, бедный брат открыл дверь амбара, позвал соседей и вынесли они из сусеков всю муку, потом поставил покойницу к сусеку, сунул ей в руку лопату, а саму всю обсыпал мукой.

Вышел на следующее утро богатый брат в амбар и видит: покойница стоит с лопатой, а в сусеке нет ни зерна, ни муки.

— Всю муку и всё зерно раскидала и съела. Надо съездить за попом и скорее похоронить её, — говорит богатый брат.

Позвали попа, рассказывают, что так и так, покойница в гроб не хочет ложиться, пакость за пакостью учиняет.

Поп отпел покойницу и велел хоронить её сейчас же, а сам отправился домой.

Дело было весной, вот-вот вскроются реки, на санях уж нельзя было ездить. Посадил богатый брат попа верхом, сам сел на другую лошадь, чтобы его проводить, а покойницу велел бедняку похоронить, пока он попа провожает.

Взял бедный брат покойницу, посадил её на годовалого жеребца, привязал ноги под животом коня, чтоб не свалилась, вывел жеребца на дорогу и ударил.

А на кобыле, матери того жеребёнка, ехал поп. Увидел жеребёнок свою мать и пустился за нею вскачь, чтобы догнать. Услышали поп и богатый брат, что за ними какой-то всадник едет, оглянулись — покойница за ними верхом гонится. Очень они испугались и пустили своих лошадей вскачь, а жеребёнок от них не отстаёт.

Поблизости от села дорога пошла через озеро. Если ехать кругом, покойница догонит. Поп и говорит:

— Давай прямо через озеро поскачем.

Как только спустились на озеро, весенний лёд сломался: поп и богатый брат — оба в воду. А глупый жеребец тоже прыгнул за ними, и себя, и покойницу утопил.

После этого бедный брат взял всё добро богатого и очень хорошо зажил.

Поп-скупердяй да Иван-казак

Олісны-вылісны гозъя. Налён вöлі куим пи: Педөр, Василей да Иван. Коркө налөн няньыс быри. Старик и шуö пияныслы:

— Гортын ті весь оланнyd, ветлö кытчöкö нажöвитчыны.

Пудъясисны вокъяс, кодлы нажöтка корсьны мунны. Пуд уси Педөр вок вылö.

Муніс Педөр дай медасис поплы казачитны. Попыд лёк вöлöс моз уджöдіс Педөрöс, пöшти дзонь во сійöс прамöя эз вердлы. Тшыгъялöм вöсна Педөрлөн öдва лолыс гортас воис.

Мöд вонас поплы казачитны мунны пуд уси Василей воклы. Поп сійöс сідз жö дзонь во чöж лёк вöлöс моз тшыгйөн уджöдіс: öдва Василейлөн гортас лолыс воис.

Сэсся черед воис и Иванлы казачитны мунны.

Босьтис Иван кос нянь мешок да мододчис нажотка корсьны. Мунис-мунис да, сийо жо попыс паныдасис:

- Кытчө нө, Иван, мододчин?
- Ме нажотка корсьны мододчи.
- Лок мен казакө, — шуө поп.

Медасис поп ордө Иван оти во уджавны.

Коркө воис ужнайтан кад. Поп пуксис ужнайтны, а Иванос ужнайтны оз пуксьод.

— Тэ, Иван, регыджык вод. Аски колө водз турунла мунны.

Вой шөр гөгөр поп чуксалис Иванос да тшөктө вөвъяс додьявны. Ачыс пуксис да завтракайтис, а казакөс пызан сайо эз чукостлы.

Иван додьялис кык вөв: отисо поплы, а модсө аслыс. Поплысь вөвсө водзө лэдзис, а ачыс бөрынджык гөнитө. Мыйкө мында сиктысь гөнитисны да, Иван модис поплы горзыны:

— Сувтлы, батюшко, менам од бөж гезъястө вуні босьтны, додьястө зэлөдны лоо нинөмөн.

А поп сылы и шуө:

— Сиктыс абу на ылын. Одйөджык котөртлы да кык-нан бөж гезсө вай.

Иван котөрөн локтис да шуө попаддялы:

— Няньным пө вунөма да, батюшкоыд корис кык черинянь да вина бутылка.

Сетис попаддя кык черинянь, вина бутылка, да Иван котөртис попос суөдны.

— На, — шуө, — батюшко, гезъясыд.

А чериняньяс да вина бутылкасө суйис аслыс питшө-гас.

Рөдтисны найө вөрти верст нелямын-ветымын, воисны зорөд дорө, турун доддяс сөвтисны да бөр гортлань мододчисны. Модис нин пемдыны, а налы верст комын на колө мунны. Иван пукало турун додь вылын, вина юө да

чериняннöн закусывайтö. Мунісны, мунісны, поп и шуö Иванлы:

— Тэ, казак, видзöд, мед вöлыс менам туйсьыс оз кеж, веськыдвылö кежан туй воас да. А ме ачым недыр кежлö водыштла.

Водіс поп турун додь вылö дай унмовсис. Поплөн вöлыд вöлі водзынджык. Кор воис кежан туй вожыс, Иван на-рошнö кежöдіс поплысь вöвсö гортö мунан туйысь, дай мөдöдчисны тöдтөм туй вожöд. Мунісны тайö туй вожöдыд верст нелямын кымын, дай поп коркö и садьмис. Гөгөр видзöдліс да гөгөрвоис, мый мөд туй вежö веськалöмаось. Сэсся мөдіс видны казакöс.

А казак сылы и шуö:

— Кыдз нö ме кежöді? Ачыд водзын мунан, а ме тэ бөрся муна. Ачыд тэ кежöдін.

Вöчны нинөм, колö кыскö узянін корсьны да вөвъяс шойчöдыштны. Воисны найö кутшöмкö бокöвöй дерев-няö. Поп и ыстö казакöс узыны юасьны.

— Мун, — шуö, — пырав, оз-ö лэдзны шойччыны.

Пырис Иван öти купеч ордö да и шуö:

— Лэдзö миянöс попкөд шойччыны, шонтысьны.

— Милости просим, — шуö көзяин.

А казак и шуö көзяинлы:

— Ужнайтны пуксянныд да попöс ужнайтны эн пуксьöдö. Йöз нянь вылад попыд миян йöймö. Верданныд кө, дзикöдз дурмас да ставнытö кучкалас.

Лэдзалис казак вөвъясöс, додьяс дінö домалис да пы-рисны керкаö. Көзяин пуксис ужнайтны дай шуö:

— Пуксьы, Иван, пуксьы, батюшко, да ужнайтыш-тамöй.

Öтчыд тшöктөмөн йöз пызан сайö пуксьыны абу лöсьыд. Поп мөдіс виччысьны, кор сійöс мөдысь чукöстас-ны, а көзяин мөдысь сійöс эз и чукöстлы. А зэв окота мортыдлы вöлі сёйыштны. Казак да көзяин зэв топыда

ужнайтісны. Сэсса казак кайис пöлатьö, а поп сы бöрся пöлатьö жö. Казак унмовсис, а поплы тшыг кынöм вылад оз узьсы. Вот сійö казакöс мöдіс чуксавны:

— Эй, Иван, менам кынöмöй сюмалö.

А казак сы вылö скöралö:

— Кор вöлі сёйнысö пуксьöдöны, мыйла эн пуксьы? Тані öд абу матушка дінад, мед эн куражитчы.

Сэсса Иван и шуö:

— Эстөн залавка вылас рок кашник сулалö. Мун гу-
сыв дай сёй.

Лэччис поп, залавка вылысь аддзис рок кашник, но паньыс эз сюр. Сэсса бара норасьö Иванлы:

— Казак, паньыс эз сюр. Кыдзи нö ме паньтöгыс мöда сёйны?

— Пудж пöдрасник состö да кинад кватайт.

Поп пырис кинас гырничö да киыс и сибдіс. Гыр-
ничас вöлöма пузьöдöм вар, и кисö пондіс сотны. Котрав-
ны пондіс поп.

— Ой, казак, мезды, киöй дзикöдз сибдіс.

Казак сылы и шуö:

— Ак тэ, кузь юрсиа чöрт! Войбыд тай узьны он сет!
Войыс вöлі тöлыся. Иван и шуö поплы:

— Аддзан, кöтшас улас со тöчила куйлö, сэтчö кучкы,
да гырничыс и жугалас.

Поп öддзöдчöмөн кучкис гырничөн югъялан тöчилаö.
А сэнi вöлöма абу тöчила, а кöзяиныс гатшөн узьö, да
плешкыс сылөн тöлысь вылын югъялö.

Кöзйайкаыс керка тырнас горöдіс, а поп повзис, че-
пöсйис керкаысь да пышйис. Биасисны. Купеч гöтыр горзö:

— Мыйла менсьым кöзйайнöс виинныд?

А Иван сы вылö горзö:

— Кытчö ті менсьым попöс воштінныд? Онö кö пы-
рысь-пыр жö корсьö, десятскöйöс да понятöйясöс вайö-
да... Судö сета. Сетанныд кö куимсё шайт деньга да сир

бöчка — став делöсö вевття и судитчыны ог понды. А онö кö, пырысь-пыр жö муна да явита.

Иванлы куимсё шайт да сир бöчка сетисны. Сэсса сійö кыкнан вöвсö доддяліс, öти турун додьсö путкыльтіс да сы пыдди сир бöчкасö доддяс пуктіс, а мöд турун додьсö эз ректы. Турун додьсö водзöджык лэдзис, а ачыс сир додьнас мöдіс бөрвылас мунны. Тадзи Иван попöс корсьны мöдöдчис. Воис сикт помö да аддзис: попыс рынышъяс сайö дзебсьöма. Казак сылы и шуö:

— Но, — шуас, — кузь юрсиа чöртöй, делöтор вöчыштін. Öні тюрмаын пукавтöг он мын. Мыйла кöзяинсö виин?

Поп мöдіс кевмысьны Иванлы:

— Мезды, Иванушко, судö сюрöмысь... Куимсё шайт деньга сета... Сöмын кызкö вевтты тайö делöсö.

Босьтіс Иван поплысь куимсё шайт дай шуö:

— Мездä, колöкö, но куимсё шайт вылад, гашкö, оз мöдны миритчыны...

Косалис казак сиктö, поплы видзöдны, быттьöкö деньга нуны. А ачыс воліс сöмын сикт помöдзыс, сулыштіс рыныш пельöсын дай локтіс бөр поп дінö:

— Оз, — шуö, — батюшко, куимсё вылад миритчыны, нöшта куимсё чөлкөвöй содтöд корöны.

Поп сетіс нöшта куимсё шайт. Иван ветліс сикт помöдз, бара рыныш пельöсын сулалыштіс да локтіс поп дінö:

— Та мында вылад, батюшко, оз на миритчыны. Нöшта содтöд корöны.

Кыскис поп деньга мошнясö, пыркнитіс сэтысь медбөръя деньгасö да öктіс сöмын нин сё чөлкөвöй.

— На, — шуас, — ну, но мед оз нин судитчыны.

Поплы видзöдны муніс казак сиктö, а ачыс бара сулыштіс рынышъяс сайын дай бөр локтіс.

— Но, — шуас, — батюшко, тэнад деньгаыд эз нин коль, а найö пыр на содтöд корöны. Вай жö сöлам вöв доддяд да öдйöджык гортлань гөнитам.

Водіс поп додь пидёсё, казак вёвъясёс тэрмёдлө. Поп сылысь и юалё.

— Оз на, Иван, вётчыны?

— Вётчёны, — шуё, — батюшко. Регыд нин миянёс суодасны.

А поп сылы и кевмысьё:

— Дзеб менё, Иванушко. Дзоньвидзаён кё гортё воа, сё шайт сета.

Додь пидёсас вёлі тыртём мешёк. Иван сылы и шуё:

— Пыр вай, батюшко, эстчё тыртём мешёкас да эн шыась. А шыасян кё, тэнад и менам юрным вошө.

Кёрталіс Иван попёс мешёкё да вожалаён пуксис мешёк вылас. Ачыс сэсся разной гёлёсөн өтнас мёдіс сёрнитны, быттё кодъяскё найёс суөдісны, а збыльысьсё эськё некод на бёрся эз и вётчы.

Поп кылё, кыдзи вётчысьяс Иванлысь скёрысь юалісны:

— Кёні тэнад кузь юрсиа другыд? А! Тэ он висьтав? Тэ ылөдчан? — кылё, шуёны Иванлы.

Пондіс Иван беддьён кучкавны тыра мешёкё. Кучкаліс да кучкаліс, кучкаліс да кучкаліс, сэсся кутіс поплы кывмён шуавны:

— Энө нин, бур войтыр, кучкалөй... Ставсё висьтала... Висьтала, кёні кузь юрсиаыд дзебсясьё.

А поп мешёк пыр бара шөпкөдө:

— Ради Бога, Иванушко, эн висьтав. Нёшта сё шайт содта.

Коркё Иван разис мешёксё.

— Пет, — шуё, — батюшко, найё водзлань котөртісны тэно суөдны. Бөр кё косны оз слөймыны, ми удитам нин наысь пышйыны.

Поп бокъяссё ассьыс гыжъялө да okayтө:

— Ёна, Иванушко, менё нөйтісны.

Иван серöктіс дай шуö:

— Тэнö, батюшко, эз на сэтшöма... Медся кучкалö-мыс öд ме мышкö инмис.

Сэсся муныштісны неуна, да поплы казак и шуö:

— Тэнö корсьысьясыд, батюшко, бөр нин со косöны. Колöкö, дзевсьы. Пыр вай татчö сир бöчкаас. Некод тэнö тась корсьны оз кут. Сöмын чöв пукав да мый тшöкта, менсьым кывзы.

Пырис поп сир бöчкаö, а налы паныд локтö купеч, дас кык додь тöвар вайö.

— Мый нö, Иван, бöчкаад ваян?

— Ме турунла ветлі да турун зорöд дорысь чöртöс куті. Öні вузавны нуа.

— Оз-ö позь тэнсьыд чöрттö видзöдлыны? Уна-ö босьтан босьт, а меным петкöдлы сійö дикöвинкатö.

— Кыдз нö оз позь? Позьтöмтор немтор абу. Вай сё чöлкөвöй, и петкöдла.

Сэсся Иван осьтіс бöчка вевтсö да шöпнитіс поплы:

— Воськыда купеч вылас и котöрт.

Петіс сир бöчкаысь поп, ныр ни вом оз тöдчы — ставыс сир, дзик чöрт кодь и эм. Иван кучкис сылы плетьнас бок кузяыс, поп чепöсйис веськыда купеч вылö.

А купеч чегсис да юртöг-садьтöг котöртіс, кытчö кокыс нуис. Сідзи став тöварсö и эновтіс.

Босьтіс Иван дас кык додь тöвар да попкöд мөдöдчисны гортлань. Иван босьтіс поплысь нöшта нельсё шайт содтöд да сэсся медасьлөм дон — сё шайт, да дас кык додь тöварөн мөдöдчис гортас.

А попыд пывсис да мыссис, пывсис да мыссис, некыдзи сылөн яй вывсьыд сирыс оз мын. И öні на, кöнкö, пывсьö да мысьсьö, да Иван казакöс казьтылö.

Поп-скупердяй и Иван-батрак

Жили-были муж и жена. У них было три сына: Фёдор, Василий и Иван. Как-то у них хлеб кончился. Старик и говорит сыновьям:

— Чем дома зря сидеть, сходите куда-нибудь на заработки.

Жребий бросили братья, кому на заработки идти. Выпало брату Фёдору.

Пошёл Фёдор и нанялся к попу казачить. Поп заставлял его работать, как лошадь, почти год его нормально не кормил. От голода еле живой Фёдор домой вернулся.

На другой год у попа казачить выпало брату Василию. Поп его так же целый год, словно клячу, голодным заставлял работать: еле живой Василий домой вернулся.

Очередь пришла Ивану казачить идти.

Взял Иван сухарей мешок и отправился заработок искать. Шёл-шёл, тот же поп встретился:

— Куда, Иван, отправился?

— Я заработок искать отправился.

— Давай ко мне батраком, — говорит поп.

Нанялся Иван к попу на год работы.

Вот время ужина подошло. Поп сел ужинать, а Ивана не зовёт.

— Ты, Иван, быстрее ложись. Завтра нужно пораньше за сеном ехать.

Около полуночи разбудил поп Ивана и велит коней запрягать. Сам сел, позавтракал, а казака за стол не позвал.

Иван запряг двух коней: одного себе, другого попу. Поповского коня вперёд пустил, а сам позади скачет. Сколько-то от села отъехали, и Иван стал кричать попу:

— Остановись, батюшка, я ведь верёвки забыл взять, воз затянуть нечем будет.

А поп ему говорит:

— До села ещё недалеко. Сбегай, принеси верёвки.

Иван прибежал и говорит попадье:

— Хлеб забыли, и батюшка попросил два рыбника и бутылку вина.

Отдала попадья два рыбника и бутылку вина, и Иван побежал по па догонять.

— На, — говорит, — батюшка, верёвки.

А рыбники и бутылку вина положил себе за пазуху.

Проскакали они вёрст сорок-пятьдесят, доехали до стога, сено на сани погрузили и к дому направились. Стало уже смеркаться, а им ещё тридцать вёрст ехать. Иван сидит на возу с сеном, вино пьёт, рыбниками закусывает. Ехали, ехали, поп и говорит Ивану:

— Ты, казак, смотри, чтобы мой конь с дороги не свернул, когда направо поворот будет. А я сам ненадолго прилягу.

Лёг поп на сено и заснул. У попа конь впереди. Как до развилки доехали, Иван нарочно повернул поповского коня, и поехали по незнакомой дороге. Ехали они вёрст сорок, тут поп проснулся. Огляделся вокруг и понял, что на другую дорогу попали. И стал ругать казачка.

А батрак ему говорит:

— Как это я свернул? Ты впереди едешь, а я за тобой. Сам свернул.

Делать нечего, надо где-то ночлег искать и коням отдых дать. Доехали они до какой-то незнакомой деревни. Поп и посылает казачка на ночлег проситься.

— Иди, — говорит, — спроси, не пустят ли отдохнуть.

Зашёл Иван к одному купцу и говорит:

— Пустите нас с попом отдохнуть, отогреться.

— Милости просим, — отвечает хозяин.

А батрак и говорит ему:

— Как ужинать сядете, попа не зовите. На чужих хлебах поп у нас дуреет. Если ужином накормите, совсем сдуреет и всех побьёт.

Распряг казак коней, к саням привязал и зашли они в дом. Хозяин сел ужинать и говорит:

— Садись, Иван, садись, батюшка, поужинаем.

После первого приглашения за стол садиться неприлично. Поп стал ждать, когда его повторно пригласят, а хозяин второй раз и не позвал. А так хотелось поесть! Батрак и хозяин плотно поужинали. Потом батрак залез на полати, а поп за ним. Батрак заснул, а попу на голодный желудок не спится. Вот он стал казачка будить:

— Эй, Иван, я есть хочу.

А казачок на него злится.

— Когда есть сажали, почему не сел? Здесь ведь тебе не у матушки, чтоб куражиться.

Потом Иван и говорит:

— Там на залавке горшок с кашей стоит. Укради и съешь.

Слез поп, на залавке нашёл горшок с кашей, но ложки нет. Опять Ивану жалуется:

— Батрак, ложки не нашёл. Как я без ложки буду есть?

— Подверни рукава подрясника и руками хватай.

Поп залез в горшок рукой, а рука застряла. В горшке оказалась кипящая смола, и руку стало жечь. Забегал поп.

— Ой, казачок, освободи, рука застряла.

Батрак ему говорит:

— Ах ты, долгогривый чёрт! Всю ночь спать не даёшь!

А ночь была лунная. Иван и говорит:

— Видишь, под полатями точило лежит, ударь об него, и разобьётся горшок.

Поп с размаху ударил по блестящему точилу. А это

было не точило, а хозяин на спине спал, и лоб его при луне сверкал.

Хозяйка на весь дом закричала, поп перепугался, рванул из дома и убежал. Свет зажгли. Купцова жена кричит:

— Зачем моего хозяина убили?

А Иван на неё кричит:

— Куда моего попа подевали? Если немедленно не найдёте, десятского и понятых приведу... Под суд отдам. Если дадите триста рублей денег и бочку смолы — всё дело прикрою и судиться не буду. А если нет, немедленно пойду и заявлю.

Ивану триста рублей и бочку смолы дали. Он обоих коней запряг, с одних саней сено перевернул и на них бочку со смолой поставил, а другие сани не разгрузил. Сани с сеном впереди пустил, а сам на санях со смолой едет сзади. Так Иван попа искать отправился. Доехал до окраины села и видит: поп за овины спрятался. Батрак ему и говорит:

— Ну, долгогривый чёрт, наделал ты делишек. Сейчас, не отсидев в тюрьме, не отвертишься. За что хозяина убил?

Поп стал умолять Ивана:

— Спаси, Иван, от суда... Триста рублей дам... Только как-нибудь прикрой это дело.

Взял Иван у попа триста рублей и говорит:

— Спасу, если хочешь, но на триста рублей, может, не будут мириться...

Вернулся казачок в село, будто деньги отнести. А сам дошёл только до околицы, постоял у овина и обратно вернулся:

— Нет, — говорит, — батюшка, не хотят мириться за триста рублей, ещё триста целковых добавить просят.

Поп дал ещё триста рублей. Иван сходил до околицы, опять постоял у овина и пришёл к попу:

— И на это, батюшка, ещё не мирятся. Добавки просят.

Вытащил поп мошну с деньгами, вытряхнул оттуда последние деньги и набрал уже всего сто целковых.

— На, — говорит, — отнеси, но пусть уж не судятся.

Опять батрак для видимости ушёл, а сам постоял за овинами и обратно вернулся.

— Ну, — говорит, — денег у тебя уже не осталось, а они всё ещё добавить просят. Давай-ка сядем на сани и домой побыстрей поскачем.

Лёг поп на дно саней, казачок коней погоняет. Поп у него и спрашивает:

— Не гонятся за нами, Иван?

— Гонятся, — говорит, — батюшка. Скоро уж нас догонят.

А поп его умоляет:

— Спрячь меня, Иванушка. Если целым до дому доеду, сто рублей дам.

На дне саней пустой мешок был. Иван ему и говорит:

— Залезай, батюшка, сюда, в пустой мешок, и голоса не подавай. А голос подашь, и твоя, и моя головы пропадут.

Завязал Иван попу в мешок и верхом на мешок сел. А сам разными голосами стал разговаривать, будто кто-то их догнал, а на самом деле никто за ними и не гнался.

Поп слышит, как догонявшие у Ивана сердито спрашивают:

— Где твой долгогривый друг? Не говоришь? Ты обманываешь?

Стал Иван по мешку палкой бить. Бил-бил, бил-бил, потом говорит, чтобы попу слышно было:

— Не бейте больше, добрые люди... Всё скажу... Скажу, где долгогривый прячется.

А поп из мешка опять шепчет:

— Ради Бога, Иванушка, не говори. Ещё сто рублей добавлю.

Развязал Иван мешок.

— Выходи, — говорит, — батюшка, они дальше побежали тебя догонять. Если не успеют обратно вернуться, мы от них ускачем.

Поп бока чешет и охает:

— Сильно, Иванушка, меня побили.

Иван засмеялся и говорит:

— Тебя, батюшка, ещё не так... Моей спине больше досталось.

Ещё немножко проехали, и попу батрак говорит:

— Вон они возвращаются. Прячься. Залезай сюда, в смоляную бочку. Никто тебя здесь искать не догадается. Только тихо сиди и делай, что я скажу, меня слушай.

Залез поп в смоляную бочку, а навстречу им купец едет, двенадцать возов товару везёт.

— Что, Иван, в бочке везёшь?

— Я за сеном ездил и возле стога чёрта поймал. Сейчас продавать везу.

— Нельзя ли на твоего чёрта посмотреть? Сколько хочешь, возьми, а мне покажи эту диковинку.

— Как нельзя? Невозможного ничего нет. Дай сто целковых, и покажу.

Затем открыл крышку бочки и попу шепнул:

— Прямо на купца и беги.

Вылез из бочки поп, ни носа, ни рта не видно — всё в смоле, совсем как чёрт и есть. Иван ударил его плетью по бокам, поп и бросился прямо на купца.

А купец вывернулся и без памяти убежал, куда ноги понесли. Так весь товар и бросил.

Взял Иван двенадцать возов товару, и отправились они с попом домой. Иван взял у попа ещё четыреста рублей

вдобавок и плату за найм — сто рублей, да с двенадцатью возами товару домой поехал.

А поп парился да мылся, парился да мылся, никак с тела смола не сходит. И теперь ещё, наверно, парится да моется, да Ивана-казачка вспоминает.

Гуляйтись попададя

Олісны-вылісны старик гозъя. Налён вёлі Иван нима пи. Коркё налён няньыс быри. Старик гозъя и шуёны:

— Мун, Иван, ветлы нажөвитчыны.

Муніс, муніс Иван, да сылы поп паныд сюрис.

— Кытчө нө мөдін, Иван-крёстьянскөй сын? — юаліс сылысь поп.

— Ме казакө медасьны мөді.

— А ме казакөс корся, — шуө поп, — вай медась мен казачитны. Бура кө казачитан, сё чөлкөвөй сета.

— А кымын во ковмас сё чөлкөвөйыс вылө служитны?

Поп вёлі скуп да зэв наян. Ас кежас мөвпыштіс дай шуө:

— Торъя кад ог урчитөй, а лөсьөдчам сідз: менам баба окотитө велөдчыны по-немецки сёрнитны, кор велалас сёрнитны по-немецки, сэк тэнад срокыд помассяс.

Овмөдчис Иван поп ордын, быд уджсө бергөдө. А попададя ачыс дзик немтор оз вөч, сөмын вөччө да гусьон дякөнкөд мусукасьө. Мыйон поп кытчөкө мунас, дякөн пырысь-пыр локтас поп ордө да попададякөд гөститөдчөны.

Иван пондіс мөвпавны, кыдзи эськө кыйны кузь юрсия дякөнөс.

Өтпыр карта вольсалөм бөрын пуксис идзас чукөр вылө да пондіс кыйөдчыны дякөнлысь локтөмсө. Поп аддзис сійөс да юалө:

— Мый тэ, казак, видзөдан?

— Со тай кольтаястө вартөмаось, да джын сюыд кольө-
ма кольтаас. Тайө кө вель пөв вартан, быд кольтаысь ещө
пож тыр сю усьө.

Поп и шуө:

— Сідзкө, косьты паччөрын идзассө да вель пөв варт.
Любө зэв поплы, мый сылы татшөм төждысьысь ка-
зак сюри.

Коркө поп муніс кытчөкө. А попаддя пусис-пөжасис
да корис дякөнөс. Мыйон игнаисны дякөн да попаддя,
казак кыйкнитліс өшинь пырыс да мөдіс кильчө өдзөсө
игөдчыны. Повзис попаддя да шуө дякөнлы:

— Кытчө нө ме тэнө дзеба? Вай мун кай паччөрө. Сэн
косьтыны идзас нөб пуктөма, сэтчө и дзебсьы.

Кайис дякөн паччөрө да идзас нөб пытшкөсө и дзеб-
сис. Пырис Иван керкаө да шуө:

— Меным паччөрсьыд идзас колө босьтны, вартышт-
ны көсья.

— Эз на өд косьмы, — шуө попаддя.

— Кыдз нө эз косьмы? Сэсся өд вывті косьмас, — шуө
Иван. Босьтіс мездорас идзас нөб, петкөдіс пос йылө да
нөшасян паличөн мөдіс нөшавны идзас чукөрө да шуав-
ны:

— Идзасөй, идзасөй, унджык сю сет, поплөн горшыс
помтөм-пыдөстөм.

Терпитіс, терпитіс дякөн идзас нөб пытшкөсын да
пондіс ойзыны.

— Ой, — шуө, — Иван, тырмас сэсся вартны. Ме тэ-
ныд кызь вит чекверик сю сета, сөмын попыдлы немтор
эн висьтав.

Лэдзис Иван дякөнөс. Мунісны, мерайтісны кызь вит
чекверик сю. Вайө Иван мешөкъясын дзонь додь тыр сю,
поп и юалө:

— Кысь нө та мында сюсө ваян?

— Тайӧ идзассыд та мында сюис уси.

Поп нимкодясьӧ да шуӧ:

— Сідзкӧ, став идзассӧ виль пӧв варт. И карта вылӧ вольсалӧм идзассӧ тшӧтш косьты да варт, мед ӧти тусь бокӧ оз коль.

Коркӧ поп бара муніс кытчӧкӧ могӧн, а дякӧн важӧн нин попаддя ордын. Кыйӧдіс казак дякӧнлысь локтӧм. Муртса попаддя удитіс кильчӧ игнавны, казак пондіс кильчӧ ӧдзӧсӧ гольӧдчыны.

Попаддя шуӧ дякӧнлы:

— Посводзын эм тыртӧм бӧчка, мун дзебсьы сэтчӧ.

Дякӧнлысь дзебсьӧмсӧ казак аддзыліс кильчӧ ӧшинь пырыс да шуӧ попаддялы:

— Батюшкоыд тшӧктіс дьӧгӧдь бӧчка карӧ вузавны нуны.

Петкӧдіс Иван посводзысь дякӧн тыра бӧчкасӧ, сэсся петкӧдіс дьӧгӧдь тыра бӧчкасӧ да став дьӧгӧдьсӧ кисьтіс дякӧн пукалан бӧчкаас, а вывсяньыс топыда вевттис.

Муніс, муніс, да сылы паныдасис купеч, дас кык додь тӧвар вайӧ.

— Кеж, — шуӧ купечлы Иван, — чӧртӧс нуа.

Купечлы окота лои чӧртӧс видзӧдлыны дай шуӧ:

— Сӧ чӧлкӧвӧй сета, сӧмын петкӧдлы меным, кутшӧм сійӧ чӧртыс.

— Петкӧдла, — шуӧ Иван, — сӧмын эн повзыы.

Сэсся осьтіс сійӧ бӧчка вевтсӧ да пондіс кучкавны дякӧнӧс плетьӧн. Дякӧн чеччыштіс бӧчкаысь да пондіс вӧрлань котӧртны. Купеч повзӧмысла дзебсис додь саяс, а Иван мӧдіс купечлы горзыны:

— Кут чӧртсӧ, кут! Дінтіыд котӧртіс да, мыйла эн кут?

— Кутшӧм нин сэн кутӧм! — шуӧ купеч.

— Час, ме ачым котӧртла да бӧр кута, — шуӧ Иван.

— Ой, эн бара кут, — шуӧ сылы купеч, — дас кык додь тӧварсӧ ставнас сета, но чӧртӧс ме дырйи эн кут.

Локтіс казак поп ордө дас кык додь төварөн дай ошйысьö:

— Со өд дьөгөдь бөчка вылад мыйта төвар сетісны.

А дякөн, сир бөчкаысь петөм бөрад, съөд бес моз котөртіс гортас да, гашкө, дас пывсян пывсис да мыссис. Öдвa сэсся дьөгөдьыд и мыніс.

Коркө поп бара кытчөкө муніс, а дякөн бара нин котөртө попаддя дорө. Поп казак ылысянь аддзис дякөнлысь локтөмсö да кильчө өдзөссö дзольк игналіс, а ачыс сэсся сувтіс өдзөс саяс да попаддя моз вөсни гөлөсөн пондіс өдзөс пыр дякөнкөд сёрнитны.

— Ог төд, — шуө, — лысьта ог талун тэнö лэдзны. Бара өд казакыд суас да тешитас. Талун войнас лок да кум өшиньöд и пыр, ме сэтчө локта.

Вот кутіс вой матысмыны. Казак шуө поплы:

— Ме талун, батюшко, кумад вода, керкаад вывті жар, дай гутьяс дөзмөдчөны.

Водіс казак кум өшинь дорө, ачыс лэчыд пурт босьтіс да виччысьö дякөнлысь локтөм. Мыйөн дякөн сюйис юрсө кум өшиньö, казак сылысь пуртөн пельсö чирс вундіс, дякөн ойзігтырйи гортас котөртіс да висьны водіс.

Кывсис попаддялы, мый дякөн мусукуыс зэв ёна висьö. Сійö пөжаліс гөснеч пыдди чөскыд черинянь да шуө казаклы:

— Ну дякөн ордө да сет сылы мясянь тайö гөснечсö.

Босьтіс Иван черинянь, перйис сэсь став черисö да сөйис, а сэтчө пунктіс дякөнлысь вундөм пельсö и нуис.

— На, — шуө, — отеч дякөн, матушка гөснеч тэд ыстіс.

Босьтіс дякөн чериняньсö да синсö шармөдіс. Зэв ёна скөрмис попаддя вылө. Сэсся казаклы и шуө:

— Мун ыстыв матушкатө асьсö мекөд прөщайтчыны, гашкө, кула да.

Локтіс попаддя дякөн ордө. А дякөн ружтө да сылы шуө:

— Вай, матушка, важ любö кузяыд медбöрьяысь кöть окасям.

Пондiс попаддä висьыськöд окасьны, а дякөн тай кыдз курччас сылысь кывсö.

Попаддä горзыны ни сёрнитны оз вермы, сöмын мык-талö да кияснас öвтчö. Поп оз гөгöрво, мый лои попад-дякöд.

А казак сылы и шуö:

— Но, батюшко, гöтыртö велöдi по-немецки сёрнит-ны. Со кутшöм чига öнi сийö по-немецки сёрнитö. Менам казачитан сроkyд помасис, вай рöштшöт вöчам.

Неокота вöли эськö поплы мынтыны сё чöлкöвöй да лэдзны донтöм казакöс, но Иван водзö казачитны эз кольччы.

Гулящая попадья

Жила-была старая чета. И был у них сын по имени Иван. Как-то весь хлеб в доме вышел. Старики и говорят:

— Иди, Иван, на заработки.

Шёл, шёл Иван, и поп ему навстречу попался.

— Куда собрался, Иван-крестьянский сын? — спросил у него поп.

— Я в казачки наниматься отправился.

— А я как раз батрака ищу, — говорит поп, — нанимайся ко мне казачить. Хорошо отслужишь, сто целковых дам.

— А сколько лет придётся на сто целковых служить?

Поп был очень скупой и хитрый. Про себя подумал и говорит:

— Давай так сговоримся: у меня жена хочет научить-ся по-немецки разговаривать, как научится по-немецки говорить, так и твой срок закончится.

Поселился Иван у попа, всякую работу делает. А попадѣя только прихорашивается да тайком с дьяконом любитсѣ. Как поп куда-нибудь уедет, дьякон тут как тут, придѣт в дом и с попадѣёй угощается.

Иван стал думать, как бы долгогривого дьякона подловить.

Однажды в хлеву подстелил, сел на солому и стал слѣдить, когда дьякон придѣт. Поп увидел его и спрашивает:

— Что ты, казачок, смотришь?

— Да вот снопы обмолотили, и половина зѣрен осталась в снопах. Если второй раз это обмолотишь, с каждого снопа ещё по решету зерна выпадет.

Поп и говорит:

— Тогда просуши на печке солому и ещё раз обмолоти.

Любо попу, что ему такой рачительный казачок попался.

Как-то поп уехал по делам. А попадѣя напекла-наварила и позвала дьякона. Как только заперлись дьякон с попадѣёй, батрак заглянул через окошко и стал в дверь стучаться. Испугалась попадѣя и говорит дьякону:

— Куда же я тебя спрячу? Давай, поднимись на печку. Там вязанка соломы на просушку положена, туда и прячься.

Поднялся дьякон на печку и в вязанку соломы спрятался. Зашѣл Иван в дом и говорит:

— Мне с печки нужно солому взять, хочу обмолотить.

— Не просохло ещё, — говорит попадѣя.

— Как не просохло? Так ведь и пересохнет, — говорит Иван, взял в охапку вязанку соломы, вынес на поветь и кичигой стал бить по соломе да приговаривать:

— Солома, солома, больше зерна дай, у попа-то глотка бездонная.

Терпел, терпел дьякон в вязанке соломы и заохал.

— Ой, — говорит, — Иван, хватит молотить. Я тебе двадцать пять четвериков зерна дам, только попу ничего не говори.

Отпустил Иван дьякона. Пошли, отмерили двадцать пять четвертей зерна, и везёт Иван в мешках целый воз. Поп и спрашивает:

— Откуда столько зерна везёшь?

— Это с соломы столько выпало.

Поп радуется и говорит:

— Тогда всю солому по новой обмолоти. И то, что в хлеву подстелено, тоже подсуши и обмолоти, чтобы ни одного зерна в стороне не осталось.

Как-то поп опять ушёл по делам, а дьякон давно уж у попадьи. Выследил казачок приход дьякона. Только успела попадья крыльцо запереть, батрак стал в дверь стучаться.

Попадья говорит дьякону:

— В сенях есть пустая бочка, иди, спрячься туда.

Казак в окошко крыльца увидел, как дьякон спрятался, и говорит попадье:

— Батюшка велел бочку с дёгтем в город отвезти, продать.

Вынес Иван из сеней бочку с дьяконом, потом бочку с дёгтем и весь дёготь вылил в бочку, где сидел дьякон, а сверху плотно закрыл.

Ехал, ехал, и ему повстречался купец, двенадцать возов товара везёт.

— Посторонись, — говорит Иван купцу, — чёрта везу.

Купцу захотелось на чёрта посмотреть, он и говорит:

— Сто целковых дам, только покажи мне, какой он, чёрт-то.

— Покажу, — говорит Иван, — только не испугайся.

Потом открыл крышку бочки и стал дьякона плетью избивать. Дьякон выскочил из бочки и к лесу побежал. Купец с перепугу за воз спрятался, а Иван кричит:

— Держи чѣрта, держи! Рядом пробежал, почему не поймал?

— Какое уж там ловить! — говорит купец.

— Сейчас, я сам сбегаяю и обратно поймаю, — говорит Иван.

— Ой, не лови, — говорит ему купец, — двенадцать возов с товаром отдам, но чѣрта при мне не лови.

Приехал батрак к попу с двенадцатью возами с товаром и хвастается:

— Вот на бочку дѣгтя сколько товару дали.

А дьякон вылез из бочки с дѣгтем, как чѣрный бес прибежал домой и, может, десять бань парился да мылся. Еле дѣготь отчистился.

Вот опять поп куда-то уехал, а дьякон бежит к попадѣ. Поповский казачок издалека его увидел и двери крыльца щѣлк — запер, а сам встал за дверью и попадьиным тонким голосом стал с дьяконом разговаривать.

— Не знаю, — говорит, — посмею ли я тебя сегодня впустить. Опять ведь батрак застанет и натешится. Этой ночью приходи и залезь через окошко чулана, я туда подойду.

Вот ночь стала приближаться. Батрак и говорит попу:

— Я сегодня, батюшка, в чулане лягу, в доме жарко, да и мухи мешают.

Лѣг казачок к окошку чулана, острый нож взял и ждѣт прихода дьякона. Как только тот сунул голову в окошко, казачок у него ухо — чик! — и отрезал. Дьякон, охая, домой побегал и болеть залѣг.

Дошло до попадьи, что любовник сильно болеет. Она испекла гостинец — вкусный рыбник — и говорит батраку:

— Отнеси дьякону и отдай от меня этот гостинец.

Взял Иван рыбник, вытащил оттуда всю рыбу и съел, а туда положил отрезанное ухо дьякона и отнёс.

— На, — говорит, — отец-дьякон, матушка гостинец тебе прислала.

Взял дьякон рыбник и глаза вытаращил. Сильно разозлился на попадью. Потом казачку и говорит:

— Иди, пришли ко мне матушку саму со мной попросяться, может быть, помру.

Пришла попадья к дьякону. А дьякон стонет и говорит ей:

— Давай, матушка, по старой любви в последний раз расцелуемся.

Начала попадья с больным целоваться, а дьякон как откусит ей язык.

Попадья ни кричать, ни разговаривать не может, только мычит и руками машет. Поп не понимает, что случилось с попадьею.

А казачок ему и говорит:

— Ну, батюшка, твоя жена научилась по-немецки разговаривать. Видишь, как шустро она сейчас по-немецки говорит. Мой батрацкий срок закончился, давай расчёт сделаем.

Не хотелось, конечно, попу сто рублей платить и отпускать дешёвого батрака, но Иван дальше казачить не остался.

Поп-дяк да Катерина

Олісны-вылісны крестьянин гозъя. Мужиксö шулісны Иванён, а бабасö Катеринаён. Отчыд Катериналён воис нимлун. Сійö зэв мичаа пасьтасис да петіс вичкоö.>Addзис сійös поп дай вежыс сёлөн петіс.>Addзис дякөн дай сёлөн вежыс петіс.>Addзис саломщик дай сёлөн тшётш вежыс петіс Катерина мичлун вылö.

Служба эштöм бöрын поп котöртліс Катерина бöрся да шöпнитіс сылы:

— Ме талун тэ ордö рытйысьны вола. Ысты мужиктö кытчöкö удж вылö.

Эз зевайт и дякөн; сійö сідзжö котöртліс Катерина бöрся да шöпнитіс:

— Ме талун тэ ордö рытйысьны вола.

Сідзжö и саломщик удитіс шöпнитны Катеринылы вичкоысь петігөн, мый талун сійö рытйысьны волас.

Катерина ставныслы кöсйысис. Вот воис коркö вой шöр кад. Иван рыгнас на лэччис мельничаö. Кильчöын, кылö, поп пондіс гольöдчыны. Восьтіс Катерина поплы кильчö öдзöс. Поп терпитнысö оз вермы: тэрмасьö регыджык окыштны Катеринаöс.

— Эштан на. Первой самöвар пуктам да чай юыштам, — шуö Катерина.

Пондіс пуктыны Катерина самöвар, а сэки кодкö гиль-голькерис кильчö öдзöсö.

— Вот, кутшöмкö чöртöс войын новлöдлö, — ропкыштіс поп да дзебсис тувйын öшалысь сарапан сайö.

Керкаö пырис дякөн:

— Ок, — шуö, — сёрмысьсьöма тай. Тэнад самöвар и быдсөн нин дась, — и пондіс дякөн тэрмöдлыны Катеринаöс öдйöджык би кусöдны да водны.

— Чай юыштам да пырысь-пыр водам, — шуö Катерина. — Самöвар сувтöдöма, да чай ютöг оз жö позь.

Пуксисны пызан сайö, а кильчö öдзöсö сэк кодкö бара гиль-голькерис.

— Код чöртöс нин новлöдлö татшöм сёр каднас, — ропкыштіс дякөн да дзебсис шкапö.

Керкаö пырö саломщик. Сійö быдсөн гажмöма, тэрмöдлö Катеринаöс öдйöджык би кусöдны.

— Час, чайсö юыштам да вöлисти нин. Войыс öд кузьна, — шуö сылы Катерина, и пондіс ньöжйöникөн, тэрмасьтöг чай кисьтавы.

Сэки кодкö бара гиль-голькерис кильчö öдзöсö. Вölöмкö, Катеринойн мужикыс мельничаысь локтö.

— Ой, кытчö öнi ме воштыся? Тайö, тöдöмысь, мужикыд локтö, — шуö саломщик.

— Мун пöлать подлöсö дзевсьы, — шуö Катерина, — войнас би кусöдöм бöрти гусьöникöн и петан.

Пырис керкаö Иван, Катериналöн мужикыс, да пондiс пöрччысьны. Саломщиклöн куйлигад друг бокыс луддзис. Сийö кöсйис эськö ньöжйöникöн гыжйыштны луддзöминсö. Паччöр дорын вöли пукалö кань. Сийö чайтiс, мый пöлать подлöсын шыр гыжöдчö, да кыдзи тай уськöдчас саломщик ки вылö. Саломщик керка тырöн авöстiс. Сэк Иван босьтiс тувсьыс ассьыс пицальсö да чургöдiс пöлатьлань.

— Кутшöм куття нö кавшасьöма пöлать подлöсас? Он кö пыр лэччы сэсь, лыя!

— Эн жö бара лый, тайö ме танi, — мыччысис саломщик да лэччис джоджö.

Иван буруника дубитыштiс да пачöсайтыштiс сийöс, купайтiс первой сир бöчкаын, сэсся суйлис гөн тыра мешöк пытшкö, а медбöрын йöртiс сийöс гидö да гөгöрбок игналис.

Пондiсны Иван гозъя чай юны пуксьыны. Сэки каньыс налöн бара кылис, мый тувйын öшалысь сарапан улын кодкö бара гыжöдчö. Кань чайтiс, мый тайö шыръяс гыжöдчöны, уськöдчис сарапан вылö да поплысь кисö парсыштiс. Поп мый вынсьыс горöдiс сарапан увсянь. Иван бара босьтiс тувйысь пицальсö да пондiс мотяжитчыны* сарапанлань.

— Кутшöм куття сэнi, пет, колöкö, бурөн!

Поплы быть лои петны сарапан улысь. Босьтiс Иван попöс шошаöдыс, купайтiс сир бöчкаын, суйлис сэсся гөн тыра мешöкö да бөръявылыс йөткис сийöс гидö, саломщик дiнö.

* Мотяжитчыны — витны, метитны.

Дякөн сулаліс, сулаліс шкапын, мортыдлөн сьölöмыс кын нисьö сыв, виччысьö Иванлысь унмовсьöм. Друг сылы, бусöсь шкапын сулалігад, окота лои несйыны. Мортыд пыксис, пыксис да нем виччысьтöг — чик! — кылö несйис. Сэки Иван бара босьтіс пищальсьö да шуис:

— Кутшöмкö куття кольöма на менам керка пытшкöсö. Пет регыдджык шкапсьыс, а он кö, лыя!

Петіс дякөн шкапысь. Иван дубитіс да пачöсайтыштіс сійöс, купайтіс сир бöчкаын, сэсся сүйліс гөн тыра мешöкö да йöртіс гидö, поп да саломщик дінö.

Мöд лун асывнас попаддя, дякөнича да саломщица мöдісны керкаысь керкаö ветлöмөн корсьны ассьыныс мужикъяснысö. Пырисны и Иван ордö, а найö гозъя вöлі буретш öбедайтны лöсьöдчöны.

— Энö аддзылöй миянлысь мужикъяснымöс? — юалöны найö.

— Аддзывны эг аддзылöй, — нюмъялöны Катерина гозъя, — локтö, матушкаяс, миянкöд öбедайтны пуксьöй.

Пуксисны пызан сайö попаддя, саломщица да дякөнича. Сөйöны и ошкöны Иванлысь йöвсö:

— Чöскыд йöлаöсь жö, Иван, тэнад мöсьясыд. Он вузав миянлы рöд вылö?

— Вузала, — шуö Иван. — Попаддялы чернукöс, дякөничалы калюшöс, а саломщичалы визюкöс. Вайö сө чөлкөвöйөн мöскысь, сэсся любöйöс нуöдöй ме гидысь.

Босьтіс Иван куимсө шайт да лэччöдіс найöс гидö вузалан скöтинаöс видлыны. Восьтіс гид öдзöссö, а сэтысь петісны бес кодь гöнаöсь да сьöдöсь — поп, дякөн да саломщик.

— Вот, — шуö, — тіян верöсьясыд. Нуöдö регыдджык гортаныд.

Священники и Катерина

Жила-была крестьянская чета. Мужа звали Иваном, а жену Катериной. Однажды у Катерины подросли именины. Нарядилась она и вышла в церковь. Увидел поп и позарился на неё. Увидел дьякон и тоже позарился. Увидел псаломщик — и он позарился на Катерину красоту.

Как окончилась служба, поп подбежал к Катерине и шепнул ей:

— Я сегодня вечером приду. Пошли мужа куда-нибудь на работу.

Не зевал и дьякон, тоже подбежал к Катерине и шепнул:

— Я сегодня к тебе вечером приду.

И псаломщик успел шепнуть Катерине при выходе из церкви, что сегодня он вечером придёт.

Катерина всем пообещала. Вот и полночь пришла. Иван вечером ушёл на мельницу. На крыльце, слышно, поп стучится. Открыла Катерина попу дверь. А ему не терпится: торопится поскорее поцеловать Катерину.

— Успеешь ещё. Сначала самовар поставим, чаю попьем, — говорит Катерина.

Стала ставить самовар, а в это время кто-то торкнулся в двери.

— Вот какого-то чёрта по ночам носит, — пробурчал поп и спрятался за сарафан, висевший на вешалке.

В дом вошёл дьякон:

— Ох, — говорит, — припоздал. У тебя и чай, и всё уже готово, — и стал торопить Катерину побыстрее свет потушить да лечь.

— Чаю попьем да сразу и ляжем, — говорит Катерина. — Самовар поставлен, да, чаю не попив, ложиться нельзя.

Сели за стол, а в двери кто-то опять постучался.

— Какого чёрта носит в такое позднее время, — пробурчал дьякон и в шкаф спрятался.

В дом вошёл псаломщик. Он был уж навеселе, торопит Катерину свет побыстрее погасить.

— Сейчас, чаю попьем да потом уж. Ночь ведь длинная, — говорит ему Катерина и неторопливо чай разливает.

В это время опять кто-то постучался в двери. Оказывается, муж Катерины с мельницы идёт.

— Ой, куда деваться? Это наверняка твой муж, — говорит псаломщик.

— Иди, в углу полатей прячься, — говорит Катерина, — ночью, как свет погасим, тайком выйдешь.

Зашёл в дом Иван, муж Катерины, и стал раздеваться. У псаломщика вдруг бок зачесался. Он было хотел тихонько почесаться. А на краю печки сидела кошка. Она подумала, что на полатах мышь скребётся, да как бросится. Псаломщик на весь дом заорал. Тогда Иван схватил с вешалки ружьё и на полати направил.

— Какой там святочный дух на полати забрался? Если немедленно не спустишься, пристрелю!

— Не стреляй, это я здесь, — выглянул псаломщик и спустился на пол.

Иван хорошенько отдубасил его да оттеревил, выкупал вначале в смоляной бочке, затем сунул в перьевой мешок, а потом выкинул в хлев и запер.

Стала чета за стол садиться, чай пить. А кошка опять слышала, что кто-то скребётся под сарафаном на вешалке. Кошка подумала, что это мыши скребутся, бросилась на сарафан и руку у попа царапнула. Поп что есть мочи закричал из-под сарафана. Иван опять взял с вешалки ружьё и стал целиться в сторону сарафана.

— Что за святочный дух там, выйди по-хорошему!

Пришлось попу выйти из-под сарафана. Взял Иван попа за шиворот, искупал в смоляной бочке, сунул в перьевой мешок и под конец затолкал в хлев, к псаломщику.

Дьякон стоял, стоял в шкафу, ни жив ни мёртв, ждал, когда Иван заснёт. Вдруг ему захотелось чихнуть, — шкаф-то пыльный. Терпел, терпел и всё-таки чихнул. Тогда Иван взял ружьё и говорит:

— Какой-то святочный дух ещё остался в моём доме. Выходи скорее из шкафа, а нет — пристрелю!

Вышел дьякон из шкафа. Иван отдубасил, оттрепал его, искупал в смоляной бочке, потом сунул в перьевой мешок и в хлев запер, к попу и псаломщику.

На другой день утром попадья, дьяконица и псаломщица стали, переходя из дома в дом, искать своих мужей. Зашли и к Ивану, а супруги как раз завтракать собираются.

— Не видели наших мужей? — спрашивают они.

— Видеть не видели, — улыбаются супруги, — садитесь, матушки, с нами завтракать.

Сели за стол попадья, псаломщица и дьяконица. Едят и хвалят молоко Иваново:

— Вкусное же молоко, Иван, у твоих коров. Не продашь ли нам для роду?

— Продам, — говорит Иван. — Попадье чёрную, дьяконице безрогую, псаломщице пятнистую. Давайте, — говорит, — по сто целковых, потом любую уведите из моего хлева.

Взял Иван триста рублей и отвёл их в хлев скотину смотреть. Открыл двери хлева, а оттуда вышли, как бесы мохнатые да чёрные, — поп, дьякон и псаломщик.

— Вот, — говорит, — ваши мужья. Отведите быстрее домой.

Поп да сълөн казак Мөмөт

Важөн олісны-вылісны поп гозъя. Вот өтчыд поп казакөс корсьны мөдөдчис. Видзөдө, а сылы паныд Мөмөт локтө.

— Кытчө, батюшкоыс, мөдөдчөма?

— Казакөс корсьны.

А Мөмөт сылы и шуө:

— Босьт менө казачитнытө, донтөг медася: куим во служитөмысь — куим печик. Первой во бөрын чаль чуньон печикта, мөд во помасьом бөрын нимтөм чуньон печикта, а коймөд во помасьом бөрын водз чуньон печикта.

А поплы нимкодъ, мый йөй мужик куим во кежлө куим печикысь медасьө. Печикыд печик и эм: денъга мынтыны оз ков.

— Медала, — шуө поп. — Удж менам абу сьөкыд: нянь изны, скөт вөдитны, пес керавны, войын вөръясысь амбар видзны. Вердны мөда зөръя рокөн, а узылыны мөдан конюшняын.

Өтчид поп казакөс ыстө вөрө:

— Мун, — шуө, — Мөмөт, ветлы пес керавны.

Муніс Мөмөт вөрө, кераліс сыв кузьта өти краж, сэсы югыдөн на и гортас воис. А поп сылысь и юалө:

— Уна-ө нө, Мөмөт, пестө кералін?

— Сыв пес кералі.

Мөд лун Мөмөт кераліс сыв кузя куим краж. Гортас воис, да поп бара юалө:

— Кымын сыв, Мөмөт, талун пестө кералін?

— Талун куим сыв.

— Сідзкө, аски унджык нин керав.

Коймөд луннас Мөмөт муніс да сыв кузя вит краж кераліс. Гортас лэччис да поп бара юалө:

— Но, талун кымын сыв пестө кералін?

— Талун вит сыв кералі.

Коркө поп Мөмөтөс и песла ыстас. А Мөмөт сылысь и юалө:

— Ставсө, өкмыснан сывсө вая, али ог ставсө?

— Дерт, ставсө.

Муніс Мөмөт, сөвтис вөв доддьө өкмыснан кражсө да поп өшинь улө грымкылө додсьө пөрөдіс.

— Петав, — шуө, — батюшко, пестө примитны!

Петіс поп да Мөмөтөс видө:

— Ак, тэ, мөмөт, мөмөт. Көні нө тэнад өкмыс сыв пескыд?

А Мөмөт сылы шуө:

— Кыдзи нө абу өкмыс сыв, стөч өкмыс сыв кералө-ма да?

Узясны да аскинас поп бара ыстө Мөмөтөс пес керавны:

— Öні, — шуас, — таdzi эн нин керав.

Муніс Мөмөт вөрө. Пөрөдіс дас вершөка нэмөвөйся пожом, увйис, мурталіс өкмыс сыв кузьта, сэсся чинтіс йылөдыс.

— Но, — шуө, — батюшко, талун өти лунөн өкмыс сыв кералі. Öні дзик прамөй пес нин.

Мөд луннас поп ачыс доддясис да вөрө песла кайис тшөтш казак бөрся.

— Көні нө, казак, пескыд?

— Тані, батюшко, стөч өкмыс сыв, — индіс казак өкмыс сывъя кер вылө.

Бара поп пинясьө:

— Ак, тэ, мөмөт, тэ, мөмөт! Пукты вөв вылас да лэччөд.

Мөмөт петкөдіс өкмыс сывъя керсө ас пельпом вылас да сэсся шыбитіс вөв мышку вылө. Вөлыс сэтчө и лямаліс да кулі.

— Ак, тэ, мөмөт, тэ, мөмөт! — пинясьө поп. — Код йөй нө вөв мышку вылө кер сөвтывлө. Колі өд доддяс пуктыны.

А Мөмөт балябөжсө гыжъялө да шуө:

— Мед тэ, батюшко, водзджык сідз висьталін, мый доддяс колө пуктыны. Тэ шуин, вөв вылас пө пукты. Кыдзи кöзяин тшөктö, ме сідзи и вөчи.

Но мый сэсся Мөмөткөд вөчан? Скөраліс-скөраліс поп дай шуө:

— Виин кö менсьым вөлөс, öні ас вылад и лэччөд пестö.

Мөмөт зэв кокнипырысь босьтіс пельпом вылас öкмыс сывъя кертö да мөдөдчис гортö. Мунігас бергөдчыліс да поплысь юалö:

— Кытчö нö, кöзяин, пестö ректа, керка дорад али ыж гид дорад?

Поп сылы ылісянь нин горөдіс:

— Ыж гид дорас ректы.

Казак вайис кертö поп керка дорөдз да gryмкылö сувтөдіс ыж гид стен бокö. Ыж гиыд киссис. Поплөн став ыжъясыс лямалісны.

Воис поп да пинясьö казак вылö:

— Ак, тэ, мөмөт, тэ, мөмөт! Мыйла нö ыж гидсö кисьтін?

— Ме эг кисьт, ме сöмын пестö стен бокас сувтөді.

Олісны-олісны, дай поп шуö казаклы:

— Мун, Мөмөт, посводзö чуж изны петав, аски матушка сур пуны кöсйö.

Изіс да изіс, изіс да изіс Мөмөт, мый изö, сійöс вочасөн и сейö. Став изöм пызьсö сейис. Сэсся пырис керкаö да шуö поплы:

— Батюшко, чужйыд изсис.

Петісны чуж видлыны, а чужйыд абу.

— Көні нö, Мөмөт, тэнад чужйыд?

— Ме жö посни пызьөдз изі. Сэтшöма изі, ставыс бусö пöрис.

Нöшта öти мешöк чуж сетіс изны поп Мөмөтлы. Сійö изігмозыс став чужтö бара сейис. Скөрмис поп:

— Мөмөт, тэ, мөмөт! Чуж изны он куж!

Сэсся поплы аслыс лои пуксыны изки дорё да чуж изны.

Коркё сэсся поп казаккёд мёдісны картупель гуавны. Картупель гуавны нуисны, дай зырныс вунёма. Поп термёдлө казакёс:

— Мун, Мёмёт, гортё котортлы да зыр вай.

Локтіс Мёмёт, керкаё пыртёдз видзёдліс ёшинь пырыс да аддзис: попаддя корёма дякёнёс да гёститёдё. Сійё кильчё ёдзёсё голь-голькерис. Дякён повзис дай шуё:

— Кытчё нё ме воштыся, попыд, кылё, локтё?

— Кай ёдйёджык пёлать подлёсё. Сэні эмось лук мешёкъяс. Пыр ёти тыртём мешёкё да лук мешёкъясыскёд орччён и сувт.

Дякён пырис мешёкё да лук мешёкъяс дінё лажмёдчис.

Керкаё пырис Мёмёт. А попаддя сылысь и юалё:

— Мый нё, Мёмёт? Мыйла бёр косін?

— Батюшкоыд ёти лук мешёк тшёктіс вайны гуё суюны.

Кайис казак пёлать подлёсё, грымкылё джоджё чёвтіс дякён тыра мешёксё. Сэсся босьтіс мешёксё пельпом вылас, посводзысь зыр тшапкис да муніс поп дорё.

— Вайи, — шуё, — батюшко, зыртё. Со матушкаыд лук мешёк ыстіс да тшётш тшёктіс картупелькёд ётлаё гуавны. Картупельыскёд пё мед оз сорсы, мешёкнас и быдсён тшёктіс суюны.

Гуалісны поп да Мёмёт кузь юрсиа дякёнёс, попаддялысь мусуксё. Вот дякён куйліс, куйліс картупель гуын, сэсся петіс мешёкысь да картупель гу мудёдсё мёдіс парсавны. Кодйис, кодйис, дай юрыс төрмён розь лои. Мёмёт казяліс картупель гуысь дякёнлысь кодйысьёмсё да поп дорё котөрөн:

— Ой, — шуё, — батюшко, дякёныд миянлысь картупель гутё лэптё, тыдалё, гусявны көсйё картупельтё.

Поп котöртö картопель гу дорö, весиг пöдрасникась-нысö эз вевъяв, а Мöмöt сы бöрся гез кöлышкаөн. Дякö-ныд картопель гу мудöдсö муртса вевъяліс розьöдны да ортсö петны, кыдзи сы вылö уськöдчис поп:

— Ак, — шуö, — сэтшöм-татшöм, йöзлысь картопель гу лэптан! — и заводитіс дякөнöс пöвсавны да юрсіöдыс пачöсайтны. А дякөн сылы воча кучкис. Поп горзö казаклы:

— Эй, Мöмöt, мый сулалан? Кучкав тшöтш!

Дякөн тузитö попöс, и Мöмöt мöдіс тшöтш попöс гез кöлышкаөн нöйтны. Дякөнлы öтчыд кучкö, поплы — куимысь. Дякөнлы — кыкысь, поплы — витысь. Тыш эштöм бöрын поп шуö казаклы:

— Ак, тэ, мöмöt, тэ, мöмöt! Колі öд дякөнсö нöйтны, а тэ, Мöмöt, менö кучкалан.

— А ме нö мыйöн тöда? Кöзяин кыдзи тшöктö, сідзи ме и вöчи. Тэ шуин: «Кучкав пö», а эн урчит, мый дякөнöс колö кучкавны.

Муніс поп гортас да дзонь вежалун чöж висис да бокъяссö гыжъяліс.

Олісны, олісны дай попöс беда суис: поплөн пачсьыс сёяныс мöдіс вошласьны. Öтчыд воши дай мöдысь воши: поп да попаддя тшыгъялöны, а пачын сöмын пыр тыртöм кашникъяс кольöны. Вот поп казакыслы и шуö:

— Кывзы, Мöмöt, тэ бурджыка кильчö öдзöстö кара-улит. Кутшöмкö вөръяс воывлöны миянö да пачысь став сёянсö ректöны. Конюшняысь вудж узылыны посводзö.

Мöмöt мöдіс лун и вой караулитны, коді поп пачысь сёян гусявлö. А ачыс стрöка кыйöдас, пыралас керкаö да став сёянсö пачсьыд здукөн ректыштас.

Коркö öти асылын поп да Мöмöt вартны петісны, а сэк попаддя чукöстіс ассьыс мусуксö — кузь юрсиа дякөнöс, да мöдісны койтны да гөститöдчыны.

Мöмöt босьтіс чап, öтчыд шеныштіс, öти чап көв ори, мöдысь шеныштіс, мöд чап көв ори.

— Вай, — шуё, — батюшко, гортё котёртлам чап көв вурыштны: тані шыла ни нырагез абу.

Локтісны гортё, а попаддьялөн кильчёйс игналёма. Мөдісны игөдчыны. Сэк кості казак өшиньөд кыйкнитліс да аддзис, кызди попаддя нуис пызан вылысь чөскыд сёняњяс, дякөнөс дзебис шкапё. Пырисны керкаё.

— Вай, — шуё, — матушка, ме өбедайтышта, а казак сы кості чап көвњяс вурыштас.

Кватитчис, а пачын сёяныд абу.

— Ак, тэ, — шуё поп, — мөмөт, тэ, мөмөт, омөля тэ вөрњясысь керка видзан. Бара нин вөрњяс волёмаөсь.

А Мөмөт поплы шуё:

— Ме талун, батюшко, вөтөн аддзылі, быттьөкө вөрыд воліс, кыскаліс пачсьыд став сёянтё да шкапад пукталіс и ачыс тшөтш шкапад пуксис.

Восьтісны шкапсё, и збыльысь сэні сёян гырничњяс, пирөг-шаньгаяс, и кузь юрсиа дякөн сэні жё пукалө. Поп аддзис дякөнөс да уськөдчис:

— Ак, — шуё, — коді вөлома сёян гусялысьыд, менсьым пач ректысьыд!

И мөдісны поп да дякөн юрси на юрси пачөсайтчыны. Дякөн томджык да вермө попөс. Поп мөдіс казаклы горзыны:

— Эй, Мөмөт, мый тэ чөв сулалан? Босьт укватсө да кучкав тшөтш.

Мөмөт кватитіс укват да мөдіс попөс и дякөнөс кыкнансө өтмоз тувкөдны да ойкөдны. Öдйөн тай янсалісны.

— Ак, — шуё поп, — мөмөт, тэ мөмөт! Ме тшөкті дякөнөс кучкавны, а тэ менө тшөтш ойкөдан.

— А мен кыз көзяин шуис, сідзи и вөчи. Тэ өд ачыд кучкавны тшөктін да эн урчит, кодөс кучкавнысө.

Бара дзонь вежон чөж поп куйліс вольпасьын, гыжњяліс асьыс нөйтөм бокњяссө.

Вот коркө поп керка бара пакөсьт суис. Попаддьялөн

посводзсьыс нөкйыс мөдіс вошласьны. Пуктас нөк тыра кашник, а асывводзын кашникыс тыртөм. Мөмөт попад-
дя нөк кашник вөсна зэв оз маитчы: кайлас войын ко-
нюшняысь посводзё, нөксё чунялас, а кашниксё бок вы-
лас путкыльтас. Бара поп чуксалё казакёс отсөг вылө:

— Тэ, Мөмөт, конюшняысь узылыны кай посводзё.
Кодкө матушкалысь быд вой нөксё кашниксьыс гусялө.
Колө вөрсё кыйны.

— Ладнө, — шуө казак, — тшөктан кө, кыйода. Меысь
вөр оз удит.

Вот Мөмөт вой улө водіс посводзё. Кор поп да попад-
дя чорыда унмовсисны, сійө пыраліс керкаас, босьтіс ен
джаджсьыс Микөла-угодниклысь образсё да петкөдіс сійөс
посводзё. Сэсся став нөксё кашниксьыс ачыс чуняліс, а
Микөла-угодниклысь паръяссө да усьяссө нөкйөн
мавтыштіс, сэсся ачыс ыджыд гөлөсөн мөдіс горзыны:

— Батюшко, петав! Вөръястө суи!

Чепөсйис поп посводзё, видзөдө — нөк кашник
тыртөм, а Микөла-угодниклөн став чужөмыс нөкйөсь.

— Суи, — шуө, — батюшко, Микөла угодникөс нөк
кашник дорысь... Сэсся ачылө тодан, мый вөчан.

А попыд збыльысь чайтіс Микөла-угодник вылө,
босьтіс образтө да мөдіс швачөдны да кок улас талявны.

Олісны, олісны, да коркө поп да попаддя гөститны
мөдөдчисны. Поп шуө казаклы:

— Тэ, Мөмөт, ми гөститігкості ов лючки да өдзөсьястө
бура видз, а медся нин амбар өдзөстө бура видз, медым
вөръяс менсьым нинөм эз гусявны.

Мыйөн поп гозъя мунісны гөститны, Мөмөт восьтіс
амбар өдзөстө, корис сиктысь мужикъясөс да тшөктіс став
няньсө да эмбурсө новлыны. Сэсся перйис амбар өдзөссө
да амбар өдзөснас котөртіс попөс корсьны. Поп сійөс ад-
дзис да юалө:

— Мый нин лои, Мөмөт? Кыдзи лысьтін амбар өдзөстө эновтны?

— Амбар пыткад, батюшко, шыръяс гыжөдчөны. Ме котөрөн локті юавны, мый керны. А амбар өдзөстө бура тшөктін видзны да, мед, мися, татчө волігкості некод сійөс оз гусяв, сьөрысь вайи.

— Ак, тэ, мөмөт, тэ, мөмөт! Колө өд амбарсьыс сюсө видзны, а оз амбар өдзөссө. Гашкө, өнөдз менсьым став няньсө нин гусялісны.

Котөртісны амбар видзөдлыны: збыльысь нинөм абу кольөма, ставсө гусялөмаось. Скөралө поп гөгөрвотөм казак вылө, а Мөмөт правдайтчө:

— Тэ өд, батюшко, эн амбартө, а амбар өдзөстө тшөктін видзны. Кыдз көзяин тшөктіс, ме сідз и вөчи: көзяинлысь кыв вуджны оз позь.

Вот коркө воис казачитөмлы первой срок. Колө казаккөд рөштшөт вөчны өти во уджалөмысь. Мөмөт соссө пуджис дай шуө:

— Кад, батюшко, меным первой воысь удждон мынтыны. Вай лөсьөдлы плештө. Кодар бокас печикта?

Лөсьөдіс поп шуйга плешсө. Мөмөт колс! — кылө чаль чуньөн печиктіс, да сэтшөма печиктіс, мый поп вылө-вылө качліс да көтшас улөдз тумбыльтчис, шуйга син гурансьыс синколькыйс джоджө чеччыштіс.

— Но, — шуө, — батюшко, өти во уджалөмысь рөштшөтын.

А поп, гашкө, и куим сутки чөж садьтөгыс куйліс тайө печиктөмысь.

Вот пукалө көртөда чужөма син пөла поп дай думайтө, кызди мездысьны казақысь? Кыдзи мездысьны нөшта кык печикысь? Мөмөт чаль чуньнас на печиктіс, да со мый лои, а нимтөм чуньнас да водз чуньнас кө печиктас, сэки мый лоө?

Вот чукөстіс казакөс поп дай шуө:

— Мун, Мөмөт, ветлы да вöрсалысь скöтсö вайöд: сійö меным кык во чöж нин руга* эз мынтыв.

Муніс, муніс Мөмөт, пырис сьöд вөр шөрö, кераліс медся ыджыд пожом пусö да мөдіс кырссыны. Кыліс вöрса чер шытö, локтіс сы дінö.

— Кутшөм могөн нö, Мөмөт, локтін ме прикодö? Мый-ла тайö пусö кырссян?

— Ме локті тiянöс, вöрса челядьöс, пывсьöдыштны. Со, — индіс пожом кер вылö, — вöча татысь аслым бедь, медем тайö бедьнас тiянöс пывсьöдны.

Повзис вöрса:

— Мыйысь, Мөмөт, татшөм пакöсьтсö миян юр вылö көсйиыян?

— Ачыд төдан, мыйысь. Кык во поплы руга абу мын-тöмьд. Вай стадасьыд кык медбур мөстö, прөстита. Он кө, бура пывсьöда, вöрса пиянлысь, мышъястö.

Балябөжсö гыжйыштіс вöрса дай шуö казаклы:

— Вай первой выннымöс бертам. Кодным лоам ёнджык, сылы и руга мынтыны. Вай чунь крукөн кыскасям.

Гез көлышкаысь вöчисны кытш дай зэлöдчисны чунь крукөн кыскасьны. Мөмөт гез кытшсö домаліс пожом мырйö. Зэлöдчис да зэлöдчис вöрса, оз вермы Мөмөтöс чунь крукөн кыскыны.

— Но, — шуö, — Мөмөт, чунь крукнад тэ меысь ёнджык. Сідзкө, мөд ног сила бертны видлам. Öні кык-нанным шутөвтам. Кодным ёнджыка вермам шутөвтны, сылы и руга мынтыны.

Шутөвтіс вöрса, став вöрыс быдсөн төвзыштлис, и Мөмөт муртса кок йывсьыс эз усь — сэтшөм гораа сійö шутөвтіс.

— Но, — шуö, — öні сэсся тэ, Мөмөт, шутөвт.

А Мөмөт шуö:

— Ме кө, вöрса, шутөвта, тэнад син гурансьыд син-мыд чеччыштас. Синмыд кө жаль, көртав синтö.

* Руга — вот; видз-муөн пöльзуйтчöмысь дон; рочөн кө и десятина.

Көрталіс вөрса ассыыс синсө да мөдіс виччысьны Мөмөтлысь шутөвтөм. Мөмөт босьтис муысь зор да кыз тай свиснитас вөрсалы юрбөрас, сылөн синсьыс быдсөн би петалис.

— Но, — шуө Мөмөт, — өтчыд шутөвті, мөдысь шутөвта ог?

— Сө ен могысь, — шуө вөрса, — сэсся, Мөмөт, эн нин шутөвт: өтчыд шутөвтөмысь менам синъясөй муртса эз чеччыштны.

Сетіс вөрса Мөмөтлы ассыыс кык скөтина — кык ошкөс. Воис Мөмөт поп ордө, өти ошсө йөртіс конюшняө, а мөдсө — мөс картаас. Поп абу рад, мый Мөмөт гортө ловйөн воис.

— Но, — шуө, — Мөмөт, вайөдін вөрсалысь скөтсө?

— Вайөді, конюшняад да картаад йөрті.

Мөд луннас лэчисны картаад, да ошъясыд поплысь став мөссө да вөвсө косявлөмаөсь. Ошъясөс бөр тшөктіс казаклы вөтлыны. Бара поп пуксис да шогалө, думайтө: кытчө казакөс ыстыны, мед ловйөн бөр оз во?

— Ветлы, — шуө, — Мөмөт, Ыджыд вад дорө чөртъяслысь оброк перйыны. Куим во нин оброк ни руга мен эз мынтыны.

Муніс Мөмөт Ыджыд вад дорө, пуксис берег вылас да мөдіс нырагез гартны. Сэки вад пытшкөсысь бырснитіс чөртпи дай юалө:

— Мый тэ, Мөмөт, вөчан?

— Ме нырагез гарта, тیانлысь ваднытө көсья шыръявны да тیانөс, васа бесъясөс, пывсьөдыштны. Мыйла поплы оброк ни руга абу мынтылөмныд?

Чегсис беспи да васа дедөыс дінө котөртіс:

— Ой, дедө! Мөмөт локтөма да оброк корө, шуө: онө кө пө шапка тыр деньга сетө, ваднытө шыръяла да став васа бесъяссө пывсьөда.

Петіс беспи Мөмөт дорө дай шуө:

— Дедö тшöктö тэныд мекöд бертчыны. Кодным код-нымöс вермам, сылы и оброк лоö мынтыны.

Мöмöт сылы шуö:

— Тэкöд нö, чöрт кусынькöд, ачым ог жö мöд вер-масьны. Со эстөн пу дорас менам шöркост вокöй куйлö. Мун ськöд бертчöй. Сöмын сийö неуна пельтöм да оз кыв, сёрнитны заводиттöдз колö сылы кучкыны.

Мöмöт индiс пу улын куйлысь ош вылö. Чöртпи мунiс, кучкис куйлысь ошлы да горöдiс:

— Вай, — шуö, — вермасям.

Ошкыд тай кыз сы вылö уськöдчас. Парсалас да курч-чалас, парсалас да курччалас, беспилөн öдвa лолыс кольö да котөрөн лэччас дедыслы норасьны:

— Мöмöтыд ачыс эз бертчы, шöркост воксö меным паньд ыстылiс.

Сэсся бара беспи петiс берегö, оброк деньга эз петкöд:

— Дедö тшöктiс котралöмөн панйысьны. Кодным öдйöджык вад гөгöр кытшовтам, сылы и оброк мынтыны.

— Тэкöд, чöрт кусынькöд, ачым ог жö мöд панйысь-ны! Тэнö öд и менам ичöt вокöй на панъяс, — шуö Мöмöт.

Сэсся пыралiс вөрö, кыйис кык көчöс, öтисö мешöкö суйис, а мöдсö мездорас босьтiс.

— Но, — шуö, — чöрт кусынь, панйысь менам ичöt воккöд, — сэсся лэдзис öтик көчöс да кинас швач-швач-керис. Көч котөртiс. А чöртпи кывсö öшöдöмөн кашкö-котөртö, мед эськö сийöс оз панйыны. Вот кытшовтiс чöртпи вад гөгöрыс, а сэк костi Мöмöт кыскис мешöксьыс мöд көчсö да мышкас тапкöдö:

— Молодеч, — шуö, — менам ичöt вокöй, чöртпиöс панйин.

Бара чöртпи котөрөн лэччис васа дедыс дiнö да вись-талö:

— Менö панйис Мöмöтлөн ичöt вокыс.

Вот петiс беспи дай бара на оброк деньга оз вай.

— Со, — шуё, — дед менам ыстіс ассыс комын пудья паличсё: кодным вылёджык качёдлам, сылы и оброк.

Мёмёт сувтіс комын пудья көрт палич дорё да кымөр вылё видзёдё, а шыбитны оз шыбит.

— Мый нё, Мёмёт, сэсса виччысян, он шыбит?

— Час, — шуё, — эсійё кымөр пластсё виччысьышта да сэтчё паличсё дзёлёда, мед сэсса бёрсё оз усь.

Чегсис чөртпи, кватитіс паличсё да дедлы норасьё:

— Тэнсьыд паличтё, дедё, Мёмётыд кутліс кымөр вылё шыбитны. Муртса вевъялі пышйёдны.

Аддзё пöрысь васа, мый Мёмөткөд силаён венласьны он вермы, да тшөктіс петкөдны оброк деньга. Сэк кості Мёмөт розьёдіс шапка пыдөссё, улысас гу кодйис да мешөк пуктіс. Öти мешөк деньга петкөдіс да кисьтіс чөртпи Мёмөт шапкаө, эз тыр, мөд мешөк кисьтіс, эз тыр, коймөд мешөк петкөдіс да, вöлисти тырис.

— Но, — шуё Мёмөт чөртпи, — ну поп ордөдз тайё деньга мешөксё.

Вот мөдөдчисны Мёмөт да чөртпи поп ордө. Туй вылас налы паныдасис розя шөра ыджыд изки.

Беспи Мёмөтлысь юалё:

— Мый нё тайё татшөм гөгрөсыс?

— Тайё менам дедөлөн сикөтш молльыс.

Мунісны, мунісны да беспи агас аддзис.

— Мый нё, Мёмөт, татшөмыс?

— Тайё менам дедрөн сикөтшыс.

Мунісны, мунісны да беспи рыныш аддзис.

— Висьтав, Мёмөт, тайё мый татшөмыс?

— Тайё менам дедрөн вөралан шапкаыс.

Сэсса воны кутісны поп ордө, да Мёмөт беспиөс гортас ыстіс. Гортас мунігөн беспи рыныштё шапкаалис, агастё сьылиас сикөтш пыдди суйис, изкитё сьылиас жё көрталіс да вадйё мөдіс дедыс дорё лэччыны. Изкиыд ва пыдөсё кыскё, рынышыд да агасыд ва веркөсё кыпөдоны. Пес-сис, пессис беспи да сэтчё и джагаліс.

Воис Мөмөт поп ордö да деньга мешöктö крапкис, джодж шөрö чөвтис:

— Вайи, — шуö, — чөртъясыдысь оброктö.

Попыд деньга вылад абу рад, сөмын сылөн öти дум, кызди казак печикысь плешсö мездыны? Көть кытчö сійöс эз ыстыв, некытчö Мөмөт эз йөрмы. Сэсся поп да попад-
дя думыштисны пышйыны. Поп вöчис аслыс зэв ыджыд кузов (пестер), став дона көлуйсö сөвтис сэтчö да шуö попададьялы:

— Тайö Мөмөтысь ловъя юрөн он жö мын. Аски жö сыысь гусьөн кытчөкө пышъям.

А Мөмөт кывліс налысь сёрнисö. Мыйён поп да попададья унмовсисны, ректіс поп кузолысь став эмбурсö да няньсö, сэсся ачыс пырис кузов пышкас да вевттьысис. Асывнас зэв водз поп да попададья кузоласисны да мөдісны гортысь пышйыны. Пышйисны, пышйисны да көсйисны сёйны, шойччыштны пуксьывны. Öні пö öд казакыд оз нин суöd. А Мөмөт сэк кузовсянь горөдіс:

— Батюшко, менö тай колинныд!

— Со öд Мөмөтыд, тыдалö, казялöма пышйöмнымöс да вөтчö ми бөрся. Мед эськө оз жö суöd.

Пышйисны да пышйисны, пышйисны да пышйисны, поводнöя жаялісны.

— Но, матушка, вай жö пуксьыштлам шойччыштны да сёйыштам. Öні öд казакыд оз жö нин, көнкö, суöd.

А Мөмөт бара горөдіс кузовсянь:

— Батюшко, эн коль! Тайö ме, Мөмөт, локта!

Поп да попададья бара мөдісны Мөмөтысь пышйыны, а асьныс думайтöны: «Таысь тай некытчö он удит. Шойччыштны ни сёйыштны оз лэдз». Көтөртисны да көтөртисны, джуджыд бужöда ю дорö воисны, сэтчö вой суис. Попыд кузовсö пөрччис, бужöд дорö шойччыны пуксис да шуö:

— Но Мөмөтлы миянös öні не суödдыны нин.

А Мөмөт сэк кості петіс поп кузолысь да шуö:

— Но, батюшко, öдвa мe тiянöс вeрми суöдны. Мe чайтi, мый мeнö дзикöдз нин колинныд.

Поп да попаддä шогö воисны: бара Мöмöтысь эз удитны. Вот поп, попаддä да казак лöсьöдчисны ю дорö узыны водны. Поп и шуö:

— Узыны водтöдз öд ужнайтлывлöны.

Босьтiс поп кузов вевтсö, а кузовыс тыртöм. А Мöмöt кыскис питшöгысь öти тупöсь да нуръясьыштiс. А поплы да попаддäлы этатшöма мудзöм бöрад тшыглы лoи водны.

— Тэ, Мöмöt, юдорланыс водан, матушка — вöрладорланыс, а мe — шöракостаныд, — шуö поп.

Мудзöм бöрад поп да попаддä зэв чöскыда унмовсисны да немтор эз кывлыны, кыдзи Мöмöt попöс юдорланыс вештыштiс, а ачыс поп да попаддä костö водiс. Коркö садьмис попаддä, думайтö, мый сы бокын куйлö аслас попыс, да сылы бокас тувкöдö:

— Мый нö зевайтан? Тойышт сiйöс ваас да мынам сыысь, немөн мынтöмысь.

Мöмöt тойыштiс попöс бужöд йивсянь ваö.

Асывнас садьмис попаддä да юалö Мöмöтлысь:

— Көн нö, казак, миян батюшконым?

— Мe сiйöс ваö быгыльтi. Ачыд тай войнас тшöктiн сiйöс ваö йöткыны.

Мöмöt чеччис да шуö попаддäлы:

— Но, менам öнi кeжлö казакалöм срок эштiс. Поплы казачитi, а попаддäлы казачитны ог кöсйы.

Сэсся Мöмöt шапкасö лэптылис да водзö мöдöдчис.

Поп и его батрак Момет

Давно когда-то жила-была поповская чета. Вот однажды пошёл поп искать себе казачка. Видит — идёт ему навстречу Момет.

— Куда, батюшка, направляешься?

— Батрака искать.

А Момет ему и говорит:

— Бери меня казачить, задёшево наймусь: за три года службы — три щелбана. За первый год — мизинцем щёлкну, за второй год — безымянным пальцем, за третий год службы — указательным.

Попу в радость, что дурак-мужик на три года служить за три щелчка нанимается. Щелбан — щелбан и есть: деньги не надо платить.

— Найму, — говорит поп. — Работа у меня нетяжёлая: хлеб молоть, за скотом ходить, дрова рубить, по ночам охранять амбары от воров. Кормить буду овсяной кашей, а спать будешь в конюшне.

Однажды посылает поп казачка в лес.

— Иди, — говорит, — Момет, дров наруби.

Пошёл Момет в лес, срубил кряж с одну сажень и ещё засветло вернулся домой. А поп у него и спрашивает:

— Много ли, Момет, нарубил дров?

— Сажень нарубил.

На другой день Момет срубил три кряжа длиною в сажень. Вернулся домой, и поп опять спрашивает:

— Сколько саженей нарубил, Момет?

— Сегодня три сажени.

На третий день пошел Момет и срубил пять кряжей длиною в сажень. Вернулся домой, поп опять спрашивает:

— А сегодня сколько нарубил?

— Сегодня пять саженей нарубил.

Посылает поп Момета привезти из лесу дрова. А Момет у него спрашивает:

— Все девять саженей привезти или не все?

— Конечно, все.

Отправился Момет в лес, сложил в сани все девять кряжей, привёз и под окном у попа опрокинул сани.

— Выходи, — кричит, — батюшка, дрова принимать!

Поп вышел, ругает Момета:

— Ах, ты, балда, балда. Где же твои девять сажений дров?

А Момет:

— Как же не девять, как раз девять сажений на-рублено.

Переночевали. На следующий день поп опять посылает Момета дрова рубить:

— Теперь, — говорит, — так уж не руби.

Отправился Момет в лес, срубил десятивершковую вековую сосну, очистил от сучьев, отмерил в длину девять сажений и укоротил с вершинки.

— Ну, — говорит, — батюшка, сегодня за один день нарубил девять сажений! Теперь уже дрова как надо.

Наутро поп сам запряг лошадь и поехал в лес за дровами вслед за казаком.

— Где же, казак, дрова?

— Здесь, батюшка, как раз девять сажений, — показывает батрак на девятисаженное бревно.

— Ах, ты, балда, балда! Положи на лошадь да вези.

Момет вынес на своих плечах девятисаженное бревно и бросил на спину лошади. Лошадь тут же и сдохла.

— Ах, ты, балда, балда! — ругается поп. — Какой же дурак кладёт брёвна на лошадь! Надо было на сани положить.

Момет затылок чешет и отвечает:

— Ты бы, батюшка, так раньше и сказал, что нужно в сани положить. А ты сказал: положи, мол, на лошадь. Как велел хозяин, так я и сделал.

Что тут поделаешь с Мометом? Сердился-сердился поп и сказал:

— Если ты лошадь у меня убил, теперь на себе и тащи дрова!

Момет легко поднял на плечо бревно в девять сажень и отправился домой. По дороге повернулся к попу и спрашивает:

— Куда, хозяин, сложить дрова — около избы или около овчарни?

Кричит поп издалека:

— У овчарни разгрузи!

Батрак принес бревно к дому попа и, поднажав, приставил к стенке овчарни. Овчарня развалилась. У попа все овцы погибли.

Пришёл поп, ругается:

— Ах, ты, балда, балда! Зачем овчарню развалил?

— Я не разваливал, я только к стенке дрова приставил.

Жили они, жили, и поп говорит батраку:

— Иди, Момет, в сени молоть солод, завтра матушка пиво варить собирается.

Молол-молол, молол-молол Момет, что наметет, то тут же и съест. Все намолотое съел. Вернулся в избу и говорит попу:

— Батюшка, солод смололся.

Пошли посмотреть, а солода-то нет.

— Где же, Момет, твой солод?

— Я его в мелкую муку смолол. Так смолол, что он весь в пыль превратился.

Еще мешок солоду дал поп Момету. А тот, что намолот, то и съел. Рассердился поп:

— Балда ты, балда! Солод молоть не умеешь!

И пришлось попу самому сесть к мельнице и молоть солод.

Однажды поп с батраком пошли картошку в ямы убирать. Отнесли картошку, а заступ и забыли. Торопит поп батрака:

— Сбегай, Момет, домой, принеси заступ!

Вернулся домой Момет, перед тем как зайти в избу, посмотрел в окно и видит: попадья позвала дьякона и утöщает. Постучался в наружную дверь. Дьякон испугался и говорит:

— Куда я спрячусь? Поп, слышишь, идёт.

— Лезь скорее на полати. Там есть мешки с луком. Залезь в пустой мешок и встань рядом с мешками с луком.

Залез дьякон в пустой мешок и рядом с мешками с луком присел. Входит Момет в избу, попадья его и спрашивает:

— Что тебе, Момет? Зачем вернулся?

— Батюшка велел один мешок с луком принести, в яму положить.

Полез батрак на полати, шмякнул на пол мешок с дьяконом. Потом взвалил этот мешок на плечи, в сенях захватил заступ и пошёл к попу.

— Принёс, — говорит, — батюшка, заступ. А вот матушка послала ещё мешок с луком, велела убрать в яму вместе с картошкой. А чтобы не перемешался, так в мешке и велела положить.

Схоронили поп и Момет долгогривого дьякона, любовника попадьи. Лежал-лежал дьякон в картофельной яме, вылез из мешка и стал царапать землю, наваленную на яму. Рыл-рыл, и дыра получилась, голову можно просунуть. Заметил Момет, как дьякон из ямы откапывается, бегом к попу:

— Ой, — говорит, — батюшка, дьякон нашу яму откапывает: видать, картошку украсть хочет!

Поп бегом к картофельной яме, даже подрясник не успел надеть. А Момет за ним следом с мотком верёвки. Дьякон только успел прокопаться да наружу вылезти, как на него накинүлся поп:

— Ах, — говорит, — такой-сякой, чужую яму откапыва-

ещь! — и принялся дьякона бить да за волосы таскать. И дьякон в ответ ударил попа. Тот кричит батраку:

— Эй, Момет, что стоишь? Бей тоже!

Дьякон тузит попа, и Момет стал попа бить мотком верёвки. Раз ударит дьякона, три раза — попа. Два раза дьякона, пять раз — попа. Кончилась драка, поп и говорит батраку:

— Ах ты, балда, балда! Надо было дьякона бить, а ты, Момет, меня бил...

— Я-то откуда знаю? Как велел хозяин, так я и делал. Ты сказал: бей, мол, а не сказал, что дьякона надо бить.

Пошёл поп домой, целую неделю болел и бока себе почёсывал.

Жили-жили, пришла к попу беда: из печки еда стала пропадать. Раз пропала, другой раз пропала: поп с попадъёй голодают, а в печке только пустые горшки остаются. Вот и говорит поп батраку:

— Слушай, Момет, ты лучше карауль наружную дверь. Воры какие-то к нам ходят и всю еду из печки выгребают. Перейди из конюшни спать в сени.

Принялся Момет дни и ночи караулить, кто у попа из печки еду ворует. А сам выберет время, когда никого нет, войдёт в избу и все горшки одним духом очистит.

Однажды утром пошли поп и Момет молотить, а попадья позвала своего любовника — долгогривого дьякона — и стали миловаться да угощаться.

Момет взял цеп, раз махнул, один ремень оборвался, второй раз махнул, второй ремень оборвался.

— Давай, — говорит, — батюшка, сбегаете домой, ремешок цепи подшить: здесь ни шила, ни дратвы нет.

Побежали домой, а крыльцо у попадьи заперто. Стали стучаться. Батрак заглянул в окно и видит, как попадья со стола собрала вкусную еду, а дьякона в шкаф спрятала. Вошли в избу, и говорит поп:

— Дай, — говорит, — матушка, я пообедаю, а тем временем казачок ремешок цепа подошьёт.

Спохватился, а в печке еды-то нет.

— Ах ты, — говорит поп, — балда, балда, плохо ты от воров дом стережёшь. Опять воры у нас были.

А Момет отвечает попу:

— Батюшка, я сегодня во сне видел, будто вор приходил, из печки повытаскал еду, всё в шкаф поставил и сам туда спрятался.

Открыли шкаф, и правда, в шкафу горшки с едой, пироги, шаньги, и долгогривый дьякон там же сидит. Увидел поп дьякона и набросился на него:

— Ах, — говорит, — вот кто, оказывается, крал у меня еду, мою печь выгребал!

Схватились тут поп и дьякон и давай за волосы друг друга таскать. Дьякон моложе, одолевает попа. Поп стал кричать батраку:

— Эй, Момет, что ты стоишь? Возьми ухват и тоже бей.

Схватил Момет ухват и начал попа и дьякона одинаково тыкать да колотить. Быстро же разнялись.

— Ах, — говорит поп, — балда ты, балда! Я ж велел дьякона колотить, а ты заодно и меня бьёшь.

— А мне как хозяин сказал, так я и сделал. Ты мне велел бить, а не сказал, кого.

Опять целую неделю лежал поп в постели, чесал свои избитые бока.

Как-то опять в попов дом беда пришла. У попадьи в сенях стала сметана из горшков пропадать. Поставит горшок, полный сметаны, а к утру он пустой. Момет за горшки попадьи не переживал: встанет ночью, пройдёт в сени, сметану съест и горшок опрокинет набок. Опять поп зовёт батрака на помощь.

— Ты, Момет, из конюшни спать переходи в сени.

Кто-то у матушки каждую ночь крадёт сметану из горшков. Надо поймать вора.

— Ладно, — отвечает казачок, — коли велишь, покараулю. От меня вор не уйдёт.

Вот Момет лёг на ночь в сени. Когда поп с попадъёй крепко заснули, он вошёл в избу, снял с божницы образ Николая-угодника и вынес его в сени. Всю сметану из горшков опять поел, а у Николы-угодника губы да усы сметаной вымазал, сам кричит громким голосом:

— Батюшка, выйди! Поймал воров!

Кинулся поп в сени, смотрит — горшок пустой, а у Николы-угодника всё лицо в сметане.

— Поймал, — говорит, — батюшка, у горшка со сметаной Николу-угодника. А что с ним делать, сам знаешь.

А поп и вправду подумал на Николу-угодника, схватил образ и стал бить и ногами топтать.

Жили-жили, как-то собрались поп и попадья в гости. Говорит поп казачку:

— Ну, Момет, пока мы в гостях, живи хорошо и двери карауль, а особенно амбарную дверь хорошо стереги, чтобы воры у меня ничего не украли.

Как только ушла поповская чета в гости, Момет открыл двери амбара, позвал из деревни мужиков и велел им растащить весть хлеб и имущество. Потом дверь от амбара взял на плечи и побежал с амбарной дверью искать попа. Увидел поп его и спрашивает:

— Что случилось, Момет? Как смел ты оставить амбар?

— Батюшка, внутри амбара мыши шуршат. Я и прибежал спросить, что делать. А дверь от амбара ты велел хорошо караулить, так я взял её с собой, чтобы никто не украд, пока я тебя разыскиваю.

— Ах ты, балда, балда! Караулить надо рожь в амбаре, а не амбарную дверь. Может, у меня уже весь хлеб украли!

Побежали они к амбару: правда, ничего не осталось, всё вынесли. Сердится поп на непонятливого казачка, а Момет оправдывается:

— Ты ведь, батюшка, не амбар, а дверь от амбара караулить велел. Как хозяин велел, так я и сделал: хозяйское слово переступить нельзя.

Вот прошёл первый срок отработки. Надо с казаком рассчитаться за год работы. Момет засучил рукав и говорит:

— Пора, батюшка, заплатить мне за первый год работы. Подставляй-ка лоб. В какую сторону лба тебя щёлкнуть?

Подставил поп левую сторону лба. Щёлкнул Момет мизинцем, да так щёлкнул, что поп высоко-высоко взлетел и свалился в дальний угол комнаты, из левой глазницы глаз на пол выскочил.

— Ну, — говорит, — батюшка, за один год работы мы с тобой в расчёте.

А поп, может, и трое суток без памяти лежал от этого щелчка.

Вот сидит кривой поп с повязкой на глазу и думает, как освободиться от казачка. Как избежать ещё двух щелчков? Момет только мизинцем щёлкнул, и вон как получилось, а что же будет, когда он безымянным и средним пальцами щёлкнет?

Позвал казачка и приказывает:

— Поди, Момет, сходи и приведи от лешего скот: он мне уже два года оброк не платил.

Шёл, шёл Момет, зашёл в чёрный лес, срубил самую большую сосну, принялся ее окоривать. Услыхал леший звуки топора, приходит к нему.

— С каким делом, Момет, в мой приход заявился? Зачем дерево чистишь?

— Я пришёл вас, лесных детей, попарить. Вот, — по-

казал он на сосновое бревно, — сделаю из этого бревна себе палочку, чтобы этой палочкой вас парить.

Испугался леший:

— За что, Момет, такую пакость на нашу голову обещаешь?

— Сам знаешь, за что. Два года попу оброк не платил. Давай из своего стада двух самых лучших коров, прощу. Не дашь, хорошо попарю, лесные ребята, ваши спины.

Почесал затылок леший и говорит казачку:

— Сначала силой померимся. Кто из нас сильнее, тому и оброк платить. Давай на пальцах потягаемся.

Сделали они из обрывка верёвки кольцо, взялись тягаться на пальцах. Момет привязал конец верёвки к сосновому пню. Напрягся, напрягся леший, не может перетянуть Момета на пальцах.

— Ну, — говорит, — ты сильнее меня, Момет, на пальцах. Тогда иначе силами померимся. Сейчас свистнем оба. Кто из нас сильнее свистнет, тому и оброк платить.

Свистнул леший, весь лес взвихрился, и Момет едва с ног не свалился — так сильно тот свистнул.

— Ну, — говорит, — теперь ты свистни, Момет.

А Момет и говорит:

— Если я, леший, свистну, у тебя на лоб глаза выскочат. Если глаза жаль, лучше завяжи.

Завязал леший глаза и стал ждать, когда Момет свистнет. Момет взял сосновый кол да как «свистнет» лешего по затылку, у того аж искры из глаз.

— Ну, — говорит Момет, — разок я свистнул, ещё надо?

— За ради бога, — говорит Леший, — не свисти больше, Момет: от одного-то раза у меня чуть глаза не выскочили.

Дал леший Момету свою скотину — двух медведей. Возвратился Момет к попу, одного медведя запер в конюшню к лошадям, а другого в коровник. Поп не рад, что Момет вернулся домой живым.

— Ну, — говорит, — Момет, привел скотину лешего?

— Привел, в конюшню и в коровник завёл.

На другой день пошли в подклеть, а медведи растерзали всех поповских коров и лошадей. Велел батраку обратно гнать медведей. Сел поп, горюет-думает: куда батрака послать, чтоб живым не вернулся?

— Сходи, — говорит, — Момет, к Большому озеру, вытащи у чертей оброк. Три года ни оброку, ни руги* не платили.

Пришел Момет к Большому озеру, сел на берегу и стал сучить дратву. С самого дна выныривает чертёнок и спрашивает:

— Что ты, Момет, делаешь?

— Дратву сучу, хочу вашу трясину в петлю связать и вас, водяных бесов, попарить. Почему попу ни оброка, ни руги не платили?

Чертёнок к деду-водяному побежал:

— Ой, дедушка! Момет пришел и оброк требует, говорит: если не дадите денег полную шапку, вашу трясину в петлю завяжу и всех водяных бесов попарю.

Вернулся чертёнок к Момету и говорит:

— Велел наш дедушка тебе со мной бороться. Кто кого осилит, тому и оброк платить.

Момет ему отвечает:

— С тобой, чёртовой извилиной, не буду же сам бороться. Вон там, под деревом, мой средний брат лежит. Иди с ним поборись. Только он немного глуховат и не слышит. Перед тем, как с ним заговорить, ударить его нужно.

Момет показал на лежавшего под деревом медведя. Пошел чертёнок, ударил медведя и крикнул:

— Давай поборемся!

Медведь как на него накинется! Драл-кусал, драл-кусал, бесёнок еле жив остался, побежал к деду жаловаться:

* Руга — годичное содержание попу и причту от прихода.

— Момет сам не боролся, среднего брата против меня послал.

Вышел бесёнок опять на берег, но денег оброчных не принёс:

— Дедушка велел бегать наперегонки. Кто скорее из нас пробежит вокруг озера, тому и оброк платить.

— С тобой, чёртовой извилиной, не стану же сам бегать наперегонки! Тебя и меньший мой брат перегонит, — говорит Момет.

Сходил он в лес, поймал двух зайцев, одного положил в мешок, а другого на руки взял.

— Ну, — говорит, — чёртова извилинка, состязайся с моим меньшим братом, — одного зайца выпустил и рукой хлопнул. Заяц побежал. А чертёнок, высунув язык, хрипит-бежит, как бы его не перегнали. Вот пробежал чертёнок вокруг озера, а тем временем Момет вытащил из мешка другого зайца, по спине хлопает:

— Молодец, — говорит, — мой меньший брат, перегнал чертёнка.

Опять чертёнок бросился к водяному деду и говорит:

— Меня младший брат Момета перегнал.

Вернулся чертёнок, опять оброчных денег не принёс.

— Вот, — говорит, — дедушка свою тридцатипудовую палицу прислал: кто из нас выше кинет, с того и оброк.

Встал Момет возле той палицы и смотрит на тучу, а кидать — не кидает.

— Чего, Момет, ждёшь, не бросаешь?

— погоди, — говорит, — вон облачко подожду и туда палицу закину, чтоб обратно уже не упала.

Чертёнок палицу схватил, побежал к деду жаловаться:

— Твою палицу, дедушка, Момет на тучу собрался закинуть. Еле успел утащить.

Видит старый водяной, что силой с Мометом ничего не поделаешь, и велел вынести оброчные деньги. А тем

временем Момет продырявил свою шапку, вырыл под нею яму и положил мешок. Вынес чертёнок один мешок денег и высыпал в Мометову шапку, не наполнилась шапка, высыпал второй мешок, не наполнилась, вынес третий мешок, только тогда наполнилась.

— Ну, — приказывает Момет чертёнку, — тащи к попу этот мешок с деньгами.

Отправились Момет и чертёнок к попу. По дороге попался им большой жернов с дырой. Бесёнок и спрашивает Момета:

— Что это такое круглое?

— Это бусинка из ожерелья моего дедушки.

Шли, шли, и увидел бесёнок борону.

— Что это такое, Момет?

— А это ожерелье моего дедушки.

Шли, шли, и увидел бесёнок овин.

— Скажи, Момет, что это такое?

— Охотничья шапка моего дедушки!

Стали подходить к дому попа, и Момет отослал бесёнка домой. На обратном пути надел бесёнок овин на голову, борону повесил вместо ожерелья на шею, и жернов туда же привязал и стал спускаться в озеро к деду. Жернов тянет на дно, овин и борона поднимают наверх. Бился-бился бесёнок да так и задохнулся.

Вернулся Момет к попу, с грохотом кинул мешок с деньгами на середину избы:

— Принёс, — говорит, — оброк с чертей.

А поп и деньгам не рад, одна у него дума, как свой лоб от казаковых щелчков вызволить? Куда ни посылал, нигде Момет не теряется. Надумали поп с попадьею бежать. Сделал себе поп большой пестерь, все ценные вещи в него уложил и говорит попадье:

— От этого Момета живым не уйти. Завтра убежим от него тайком.

А Момет слышал их разговор. Как только поп с попадъёй уснули, он из поповского пестеря вытащил все вещи и хлеб, забрался в него сам и закрылся. Ранним утром поп с попадъёй надели пестери и сбежали из дома. Бежали-бежали и захотели поесть-отдохнуть. Теперь, мол, не нагонит нас казачок! А Момет кричит из пестеря:

— Батюшка, меня же оставили!

— Вот ведь Момет увидел наш побег и за нами гонится. Как бы он нас не догнал!

Бежали-бежали, бежали-бежали, изрядно притомились.

— Ну, матушка, давай присядем, отдохнём да поедим. Теперь уж не догонит нас казачок.

А Момет опять крикнул из пестеря:

— Батюшка, не оставляй! Это я, Момет, иду!

Поп с попадъёй снова бегом пустились от Момета, а сами думают: «Никуда от него не убежишь. Ни поесть, ни отдохнуть не даёт». Бежали-бежали, прибежали к реке с обрывистым берегом, там их настигла ночь. Поп снял пестерь, сел у обрыва отдохнуть и говорит:

— Ну, теперь Момету нас не догнать.

А Момет вылез из поповского пестеря и говорит:

— Ну, батюшка, еле я вас догнал. Я уж думал, совсем вы меня оставили.

Поп с попадъёй в тоску впали: опять не смогли от Момета убежать. Вот поп, попадья и батрак готовятся к ночлегу на берегу реки. Поп и говорит:

— Перед сном надо поужинать.

Открыл поп пестерь, а пестерь пустой. Момет вынул из-за пазухи каравай хлеба, закусил. Попу с попадъёй так и пришлось лечь голодными.

— Ты, Момет, ляжешь к реке, матушка — к лесу, а я — посредине, — говорит поп.

С усталости поп с попадьёй сладко заснули и не слышали, как Момет передвинул попа к реке, а сам лёг между ним и попадьёй. Проснулась попадьа, думает, что рядом с ней поп лежит и тычет его в бок:

— Что зеваешь? Столкни его в воду и избавимся от него, постылого.

Толкнул Момет попа с обрыва в воду.

Утром проснулась попадьа и спрашивает Момета:

— Где же, казачок, наш батюшка-то?

— А я его в воду толкнул. Сама же ночью велела.

Встал Момет и говорит попадье:

— Ну, у меня на этот раз кончился срок. Попу казачил, а попадье казачить не хочу.

Приподнял шапку и дальше пошёл.

Мужик да барин

Оліс-выліс öти барин. Муніс öтчыд барин базар вылö да ветымын шайтысь öти мужиклысь ньöбис жонь. Мöд мужик аддзис баринлысь жоньысь ветымын шайт мынтöм да мöдіс шензыны. Локтіс тайö мужикыс гортас да гöтырыслы и шуö:

— А тöдан, баба, мый талун ме аддзылі?

— Мый?

— Ветлі базар вылö да аддзылі: öти барин ньöбис жонь да дзонь ветымын шайт мынтіс ичöтик жоньысь. Вай жö ми нуам да сійö бариныслы вузалам ыджыд петуктö. Жонь серти кö, уна и сьöм сетас.

— Ну, ну, — шуö бабаыс.

Локтіс мужик барин ордö, сьöрсыйс петукöс вайис.

— Босьт, — шуö, — барин, петукöс вузала.

— А донысь-ö нö вузалан? — юаліс барин.

— Сё шайтысь сета.

— Ак тэ, бöлбан! Сё шайт та вылö?

— А мый нө, дона али мый? Тöрыт тай нө базарын ичöтик жонь вылö ветымын шайт сетін? Жонь сертиыд кö, та вылö сё шайтыд этша на лоö.

Скөрмис барин, кучкаліс мужиксö да вöтліс, а петуксö мырддис.

— Но ладнö, коркö казгытыла тэд петук мырддьöмтö, — шуис дядьö да гортас мөдöдчис.

Гортас вежис ассыыс паськөмсö, пасьтасис плöтникö, босьтис сьöрас чер, пила да мөдіс барин öшинь увті ветлыны да горзыны:

— Кодлы колö шоньд керка вöчны? Вöча сэтшöмөс, мый төв шөр төлын ломтытöг лоö шоньд.

Кыліс барин да чукöстис мужикöс:

— А сямман кö, — шуö, — сэтшöм шоньд керка вöчны, вöч меным.

— Кыдз нө ог сяммы? Эстөн быдмö шоньд вөр. Сэсь кö керкатö стрöитан, төвбыд керка пытшкөсыд ломтывтöг лоö шоньд.

Барин дивуйтчö:

— Көнi нө збыль сэтшöм шоньд вöрыс быдмö? Меным он петкöдлы?

— Мый нө огыс? Петкöдла, колökö.

Пуксисны вöv доддьö да вөрö пырисны.

Вöрын мужик пөрöдіс зэв ыджыд пожöм. Первой увйис, öтар помсянныс кузяла ногыс пусö поткөдіс да пу тувйöн потассö пулысь паськөдіс.

Барин видзöдіс, видзöдіс да суйис кисö пу потасö: кöсйис видлыны, збыльысь-ö пу пытшкөсыс шоньд. Мыйöн барин суйис кисö, мужик чер тышкөн чеччöдіс тувсö, а баринлөн кийс топаліс кер потас костö.

Та бöрын мужик уськөдчис сы вылö да мөдіс кучик орсөн баринöс пöвсавны..

— Водзö нöйтан он мужикöс, нöйтан он? Мыйла менсьым петукöс босьтін?

Пöвсаліс да пöвсаліс баринöс сьölөм бурмытöдзыс да медбöрын энöвтіс. Мунигмозыс мужикыд баринлы шуö:

— Вот, барин. Öтчыд пöвсалі нин тэнö. Он кө сет меным петукöс да содтöд сё шайт, мöд пöрийö на нöйта да таысь на ёнджыка шонта.

Коркö гортсаыс кватитчисны, корсисны сійöс да перйисны кисö пу тшемилöысь.

Водіс барин вольпасьö да висьны пондіс.

Сэк кості мужик ветліс гортас, докторөн пасьтасис, быд сикас турун öктіс да мöдіс барин керка дорын ветлöдлөмөн горзыны:

— Коді висьö? Кодöс колö лечитны, быд висьöмысь бурдöда!

Кыліс барин мужиклысь гөлöс да тшöктіс керкаö чукöстны.

— Кутшöм морт тэ лоан?

— Ме доктор: быд висьöмысь верма бурдöдны.

— Сідзкö, вай менö бурдöд, ме зэв ёна вися.

— Мый нö ог бурдöд... Тшöкты пывсян ломтыны.

Ломтісны баринлы пывсян.

— Но, барин, пывсяныд гөтов. Лэччам пывсянö. Сöмын мукöдьяс медым некод оз лэччыны. Йöз син улö веськалан да, бара тшыкöдасны.

Лэччисны барин да мужик пывсянö кыкөн. Барин пöрччисис. Мужик сылысь юалö:

— Мый нö, барин, татшöм жаринас кө мöда мазьөн тэнö мавтны, терпитан-ö? Мед ёна он мöд пессьыны, ог-ö ки-коктö көртыштлы?

— Позьö көртыштлыны.

Кöрталіс мужик гезйөн ки-коксö баринлысь, а сэсса, мазьөн мавтöм пыдди, кыскис кучик орс да мöдіс пасьтöм баринöс плетявны.

Пöвсаліс да пöвсаліс, пöвсаліс да пöвсаліс. Ачыс нöйтö да шуалö:

— Водзö мöдан он мужикöс нöйтны? Мыйла мужик-лысь петуксö мырдин?

Бара сьölöм бурмытöдзыс да ки мудзтöдзыс нöйтис баринöс да мунігас сылы и шуö:

— Но, барин. Кык пöрйö нин тэнö пöвсалі. Он кö бөр сет менсьым петукöс да содтöд кыксё шайт кö он мынты, нöйта коймöдысь, нöшта ёнджыка на нöйта.

Баринлөн нöйтöмла öдвa лолыс колис. Казяліс, мый мужиккöд ворсны оз позь, он кö кыв кут, мужикыд и коймöдысь нöйтас. Сетіс барин мужиклысь мырддьом петуксö да содтöд мужиклы ыстіс кыксё шайт.

Мужик и барин

Жил-был один барин. Поехал раз барин на базар и у одного мужика купил за пятьдесят рублей снегиря. Второй мужик увидел, как барин заплатил пятьдесят рублей за снегиря и стал удивляться. Пришёл этот мужик домой и жене говорит:

— А знаешь, жена, что я сегодня видел?

— Что?

— Был я на базаре и видел, как один барин купил снегиря и целых пятьдесят рублей заплатил за маленькую птичку. Давай-ка мы отнесём этому барину и продадим большого петуха. Не сравнить же со снегирём, поди, много денег даст.

— Неси, неси, — говорит жена.

Пришёл мужик к барину, петуха принёс.

— Возьми, — говорит, — барин, петуха, — продаю.

— А задорого ли продаёшь? — спросил барин.

— За сто рублей отдам.

— Ах ты, болван! Сто рублей за это?

— А что, разве дорого? Вчера на базаре за маленько-

го снегиря пятьдесят рублей отдал? А за этого ста рублей ещё мало будет.

Рассердился барин, побил мужика и прогнал, а петуха отобрал.

— Ну ладно, вспомнишь ещё, как петуха отобрал, — сказал мужик и домой отправился.

Дома поменял свою одежду, оделся плотником, взял с собой топор, пилу и стал ходить под окнами барина и кричать:

— Кому нужно тёплый дом срубить? Сделаю такой, что среди зимы можно не топить, — и так тепло будет.

Услышал барин, позвал мужика:

— Если сумеешь, — говорит, — такой тёплый дом сделать, сделай мне.

— Как не сумею? Там вон растёт тёплый лес. Если из него дом построишь, всю зиму в доме тепло будет без подтопки.

Барин удивляется:

— Где ж на самом деле такой лес растёт? Мне не покажешь?

— А отчего ж нет? Покажу, если хочешь.

Сели в сани и в лес поехали.

В лесу мужик свалил большую сосну. Сначала обрубил сучья, из конца в конец расколол дерево и деревянный клинышек в расщеп вставил.

Барин смотрел, смотрел и сунул руку в расщеп: хотел проверить, действительно ли внутри дерева тепло. Только барин сунул руку, мужик выбил обухом клин, руку и прищемило.

Тогда мужик набросился на барина и стал кожаной плетью его лупить.

— Будешь ещё мужика бить? Почему у меня петуха отобрал?

Лупил, лупил барина, пока сердце не натешилось, потом бросил. Перед уходом и говорит:

— Вот, барин. Один раз уже отлупил тебя. Если не отдашь мне петуха и сто рублей впридачу, ещё раз побью, побольше этого разогрею.

Дома у барина спохватились, нашли его и вытащили руку из расщепа.

Лёг барин в постель — заболел.

А мужик сходил домой, доктором переоделся, всяких трав набрал и стал возле дома барина ходить, кричать:

— Кто болеет? Кого лечить надо, от любой болезни вылечу.

Услышал барин голос и велел лекаря в дом позвать.

— Что за человек будешь?

— Я доктор: от любой болезни могу вылечить.

— Тогда меня вылечи, я очень сильно болею.

— Что не вылечить... Вели баню затопить.

Затопили баню.

— Ну, барин, баня готова. Пойдём. Только другие пусть не идут. На глаза людям попадётся, опять сглазят.

Спустились барин и мужик в баню вдвоём. Барин разделся. Мужик у него спрашивает:

— Что, барин, на таком жару если буду мазью натирать тебя, стерпишь ли? Чтобы сильно не метался, давай свяжем руки-ноги.

— Давай.

Связал мужик барину руки-ноги верёвкой, а потом вместо того, чтобы мазью мазать, вытащил кожаную плеть и стал барина по голому телу бить.

Лупил-лупил, лупил-лупил. Сам бьёт и приговаривает:

— Будешь ещё мужика бить? Почему у мужика петуха отобрал?

Опять, пока душа не натешилась и руки не устали, барина бил и, уходя, сказал ему:

— Ну, барин, дважды я тебя лупил. Если не отдашь

моего петуха и вдобавок двести рублей не заплатишь, в третий раз побью, ещё сильнее.

Барин от побоев еле жив остался. Понял, что с мужиком играть нельзя, если не сдержишь слова, мужик и в третий раз побьёт. Отдал барин отобранного петуха и вдобавок послал мужику двести рублей.

Барин да кузнеч

Мунё өти барин, а сэні кузнеч дорчө.

— Здорово, кузнеч. Мый доран?

— Көрт тув дора.

— Донён-ө көрт тув?

— Сё шайтөн көрт тув.

Баринлы зэв дивё лои: сё шайтөн кө быд көрт тув, кымын сё шайт нажөвитас луннас кузнечыд!

— Час, — шуё барин, — муна да кузнеча восьта. Тайё тай му дорсыыд ыджыджык нажөтка вайё.

Лөсьөдіс барин кузнеча. Ачыс кузнеч пыдди, а слугасө пушкан дорё сувтөдіс.

Мунё вөлі сійё кузнеча дорті дядьё да кежис кузнечаө:

— Дор, — шуё, — меным телега чөрс.

— Дора.

— Уна-ө босьтан?

— Сё шайт.

Слуга пушкан дінын сулалё, а барин телега чөрс дорё. Дорис, дорис, нем төлк эз босыт: кал ни закал, став көртыс сотчис.

— Оз, — шуё, — тась телега чөрсыд пет, вай лучшө телега шына дорам.

— Шына кө и шына, — шуё мужик.

Дорис да дорис барин телега шына, да бара немтор оз артмы: став көртыс сотчис.

— Оз, — шуö, — телега шынаыд тась пет, вай лучшö телега трубича дорам.

— Трубича кö и трубича, — шуö мужик.

Дорис да дорис барин телега трубича, бара немтор эз артмы: кал ни закал, став кöртыс сотчис.

— Телега трубичаыд, — шуö, — татысь оз пет, вай лучшö вöв подков вöчам.

— Подков кö и подков, — шуö мужик.

Дорис, дорис барин вöв подков да и бара немтор оз артмы. Сэсся гусьöн шöпнитіс слугаыслы:

— Мун, — шуö, — öдйöджык петав да гусяв мужикыслысь телега чöрссьыс чокасö, пырт да ва воръяс татчö чöвт.

— Но, — шуö, — мужик, вöв подковыд тась оз пет, вай лучшö телега чока дорам.

Дорис да дорис, дорис да дорис, кöртыс чунь пом кодьнин сöмын коли.

— Час, — шуö, — нöшта öтчыд донöдла, сэсся и гöтов лоö телега чокаыд.

Зэв ёна донöдіс да чöвтіс сотчöм кöртторсö ва тыра ворйö, сэсся клещинас ворйысь корсис гусялöм телега чокасö да сетіс мужиклы.

— Вот, — шуö, — тэныд телега чока. Вай сэсся меным за труды сё чöлкöвöй.

— Ладнö, — шуö мужик, — час петала да вая: сьöмöй телегаö кольöма.

Петіс мужик телега дорö, а сэк кості барин шуö аслас слугаыслы:

— Кор мужик ваяс сьöмсö, тэ пыр мöд шуавны: «Нöшта содтышт!» И кытчöдз оз мун, пыр кор содтöд.

Мужик петаліс телега дорö, босьтіс сэсь вölös кучкалан орс да кыдзи тай кутіс баринös жаритны мышку кузяыс.

А баринлөн слугаыс сулалö сэні да пыр öтитор шуалö:

— Нёшта содтышт, нёшта содтышт!

Тадзи мужик ки мудзтёдзыс лупитіс баринёс да муніс гортас.

А барин скёралё ас слугаыс вылө:

— Ак, — шуё, — тэ мөмөт. Мездөм пыдди нёшта горзан: «Нёшта содтышт».

Нёйтис барин ассьыс слугасё и кузнечасё эновтис.

Эз нин сэсся та бёрын некор кузнеч удж вылө вежгыв.

Барин и кузнец

Едет барин мимо кузницы, а там кузнец работает.

— Здорово, кузнец. Что куёшь?

— Гвоздь.

— А почём гвоздь?

— По сто рублей.

Барин очень удивился: если сто рублей за каждый гвоздь, сколько сотен заработает за день кузнец!

— Сейчас, — говорит барин, — пойду и кузницу открою. Это, оказывается, больше, чем земля, прибыли приносит.

Сделал барин кузницу. Сам за кузнеца, а слугу к мехам приставил.

Ехал мимо мужик и свернул к кузнице:

— Скуй, — говорит, — мне тележную ось.

— Скую.

— Много ли возьмёшь?

— Сто рублей.

Слуга у мехов стоит, а барин у тележной оси. Ковал, ковал, никакого толку: ни накала, ни закала, всё железо сгорело.

— Не выйдет, — говорит, — из этого тележной оси, давай лучше тележную шину скуём.

— Шину так шину, — говорит мужик.

Ковал, ковал барин тележную шину, опять ничего не выходит: всё железо сгорело.

— Не выходит, — говорит, — тележная шина из этого, давай лучше тележную ступицу скуём.

— Ступицу так ступицу, — говорит мужик.

Ковал, ковал барин тележную ступицу, опять ничего не вышло: ни накала, ни закала, всё железо сгорело.

— Тележной ступицы, — говорит, — из этого не получится, давай лучше подкову сделаем.

— Подкову так подкову, — говорит мужик.

Ковал, ковал барин подкову, и опять ничего не получилось. Тогда тихонько шепнул слуге:

— Сходи побыстрее да своруй чеку из оси мужиковой телеги, занеси и в корыто с водой брось.

А мужику говорит:

— Подковы из этого не получится, давай лучше тележную чеку скуём.

Ковал-ковал, ковал-ковал, железа всего с кончик пальца осталось.

— Сейчас, — говорит, — ещё разок раскалю, и готова будет тележная чека.

Очень сильно раскалил и бросил сгоревшую железку в корыто с водой, потом клещами вытащил из корыта украденную у мужика чеку и ему же и дал.

— Вот, — говорит, — тебе тележная чека. Давай теперь мне за труды сто целковых.

— Ладно, — говорит мужик, — сейчас выйду, принесу: деньги в телеге остались.

Вышел мужик к телеге, а в это время барин слуге говорит:

— Как мужик принесёт деньги, ты всё приговаривай: «Ещё прибавь!» И пока не уйдёт, всё проси добавки.

Мужик сходил к телеге, принёс оттуда плетъ, которой коней стегают, и как начал барина ожаривать по спине.

А слуга барина стоит и одно приговаривает:

— Ещё прибавь, ещё прибавь!

Так мужик, пока руки не устали, лупил барина и потом домой поехал.

А барин на своего слугу злится:

— Ах, — говорит, — ты, придурок. Вместо того, чтобы освободить, кричишь: «Ещё прибавь!»

Побил барин своего слугу и кузницу забросил.

Не завидовал больше работе кузнеца.

Иван-дурак

Олісны-вылісны гозъя. Налён вёлі куим пи. Кыкыс тёлкаось, а коймёдыс дзик йой — Иван-дурак. Ыджыд вокъяс гөрёны-көдзёны да ыжъяс видзёны, а Иван-дурак паччёрын куйлё да төрөканъяскөд воюйтө.

Вот коркө вокъяс асывсянь ыжъяс видзны мөдөдчисны да Иванлы шуёны:

— Тэ, дурак, кор пөжассяс, вай миянлы сёян да пажын кузов.

Босьтис Иван пажын кузов, тырыс сэтчө пось нянь сөвтис дай мөдөдчис вокъясөс корсьны. Мунө да өтарө-мөдарө дзоръялө. Луныс вёлі шондіа. Мыйон сійө петис сикт помө, аддзис ассъыс вуджөрсө. Кымынысь Иван воськовтас, сымынысь и вуджөрыс воськовтас. Вот Иван-дурак ас кежас мөвпалө: «Кутшөм морт нө тайө ме бөрся вөтчө, ньөти воськов меысь оз кольччы? Дерт, көнкө, коньөрлөн кынөмыс сямалө, ме кузов вылө вежгө». Мөдіс Иван-дурак кузовысь нянь кыскавны да ас вуджөрлы шыблавны. Тадзи став няньсө кузовсьыс шыблаліс. А вуджөр пыр вөтчө.

— Аттө! Кутшөм пөтлытөм рушку. Кузов тыр нин верді, а сійө век эз пөт, и пыр на нянь корө!

Сэсся скөрмис да тыртөм кузовнас вуджөрлы шыбитіс.

Воис вокъяс дінö. Вокъясыс сылысь и юалöны:

— Мый нин, Иван-дурак?

— Тiянлы пажын кузов вайи.

— Көнi нö кузолыд да няньыд?

— Ме вöли кузолөн локта да, ме дiнö кутшöмкö морт кöвъясис. Сiйö ставсö сейис.

— Кутшöм морт нö сэтшöмыс? — юалöны вокъяс.

— Со тай мекöд орччөн сулалö, — индiс Иван ас вуджөр вылас.

Скöрмисны вокъяс йöй вок вылö, кучкалiсны сiйöс да асьныс гортö пажнайтны лэччисны, а Иванöс ыжъясöс видзны колисны.

Пукалö Иван да ыжъясöс видзö. А ыжъяс чöв оз овны: öтарö да мöдарö разöдчöны, Иванлысь оз кывзыны. Иван скöрмис ыжъяс вылö:

— Мыйла нö тiян синъясыд пыр бокö видзöдöны?

Мöвпыштiс Иван, кыдзи эськö вöчны, медем ыжъяс öз разöдчыны. Сэсся став ыжсö öти-öтикөн куталiс, кыскалiс налысь синъяссö да öтчукөрö чукöртiс. Ыжъясыс пондiсны öти местаын сулавны.

Вот локтiсны пажнайтанiнысь вокъяс да уськöдчисны Иван вылö:

— Мый нö тэ, дурак, вöчöмыд? Мыйла ыжъясыд синтöмöсь?

— Нинöм налы синсьыс, этшаджык мöдасны пышъявны. Мыйöн тi пажнайтны лэччинныд, став ыжыс öтарö-мöдарö разöдчисны. А ме сэсся чукөртi найöс да синъяс-нысö и кыскалi. Мед водзö оз разöдчыны.

Нöйтiсны да нöйтiсны дуракöс, чорыдакодь нöйтiсны.

Öтчыд вокъяс Иван-дуракöс пöгребö ырöшла ыстiсны. Петiс Иван пöгребö да ырöш лагунысь тувсö кыскис. Видзöдö Иван да пöгреб öдзöс дорын ыж баксö.

— Ыжöй, ыжöй, эн, колöкö, баксы, эн дöзмöд менö.

Ыж оз дугды, пыр баксö. Скöрмис Иван да ырöш ла-

гун тувнас ыжлы лыйис. Эз инмы да, мөд лагун тувсө кыскис да лыйис, сэсся коймөд лагунысь да нельöдысь. Ыж котöртис. Иван мунис лагун тувъяс бөр корсявны, да сэк кості став ырöшыд ортсö петис.

— Көнi нö, Иван, ырöшыд? Мыйла эн вай? — юалöны вокъяс.

— Ме лагун тувнас ыжлы лыйи да, сэк кості ырöшыс ортсö петöма. Мед, колöкö, эз пет дай.

Бара ёнакодь нöйтисны Иванöс.

Коркö кык вок Иван-дуракöс ыстисны карö мыйсюрö праздник кежлö ньöбавны. Быдторсö ньöбаліс Иван: пызанъяс, панъяс, чашкаяс, куль мешök тыр сов. Ньöбöм төварыд дзик додь тырыс лои. Мөдöдчис гортас, а вöлыс öдва осьлалö, сійö вöлі сідз нин омöль, а грузнад муртса-муртса нин тувчалö. Пукалö Иван да ас кejas мөвпалö, кыдзи öдйöджык гортö воны.

— Вöв нель кока и пызан тшöтш нель кока. Пызаныд и ас кокнас вермас мунны, а тані, доддын, сöмын вöвлы сьöктöд.

И лэдзис доддынсь пызансö туй шөрö, а ачыс водз-лань мөдöдчис. Мунö водзö, а сы юр весьтын артельöн ракаяс лэбалöны да кравзöны. Иван и шуö:

— Коньөръяслөн, тыдалö, кынöмныс сямалöмä, сійөн и горзöны.

Сэсся Иван карысь ньöбöм став сёянсö кыскаліс, тэ-чис блюдъяс вылö, туй шөрö пукталіс да мөдіс ракаясöс гөститöдны:

— Сёйö, коньөръяс, кынöмныд öд тiян, көнкö, сямаліс.

Мөдöдчис водзö, воис сотчöм эрда местаö. Син улас сылы мыр чукөр уси.

— Ок, тайö молодеच्याсыс тай нö шапкатөмөсь. Коньөръя-слөн öд юрныс кынмас. Час жö ме тiянöс шапкаöда.

Сэсся додьсьыс кыскаліс став ньöбöм көрчагаяссö, гырничьяссö да öшлис мыръяс вылö.

— Но өні, коньөръяс, ставныд шапкааёсь.

Воис Иван ю дорё да вёвсё мөдіс юктавны, а вёв юны оз кёйы.

— Мый нё, вёлёй, он ю? Дуб али мый ваис?

Сэсса доддысь кыскис сов мешөксё да дзоньнас кисьтіс юё, солаліс васё, а вёлыс век оз ю. Иван скөрмис:

— Мый нё сэсса чатрасян, он ю? Дзонь куль мешөк солалі, а тэныд век на дуб.

Сэсса скөрйивтіыс кучкис вёлыслы, да вёлыс сэтчө и чергысис. Ньобём товарысь Иван ордё сөмын колис нин пань чукөр. Көрталіс сійё пань чукөрсё мешөкас дай гортлань мөдөдчис. А паньясыд гия-голякылёны: драк-драк-драк. Кывзё Иван да сылы кажитчө, быттьөкө паньясыд сійёс «дурак-дуракөн» нимтёны. Скөрмис Иван паньяс вылө, шыблаліс туй вылө да мөдіс талявны:

— Ме тіянөс жё ас мыш вылын кыска, а ті нёшта нимтысьны лысьтанныд!

Тадзи став паньсё туй вылын таляліс.

Воис гортас да шуё:

— Ставсё ньөби, мый тшөктивлінныд.

— Аттьө тэд, дурак. А көні нё товарыд?

— Пызанъясыд асьныс нель кокаёсь, асьныс локтёны; буракё, неуна бөрө колисны. Сёянторъястө да блюдь-ястө рака-чойяслы коли. Совтө, вёлыд эз мөд юны да, юё солалі; паньясыд нимтысьёны да, туй вылө шыблалі; гырнич-көрчагаястө, туй бокса молодечьяс вөлі кынмёны да, налы шапкаөді.

Скөрмисны вокъяс Иван вылө да шуёны:

— Пырысь-пыр жё косав да көрчагаяссё көть вай!

Муніс Иван сотчөм мыръяс дінө, өктіс гырничьяс, көрчагаяс, пыдөсьяссё налысь жутліс, сэсса пысаліс ставсё майөг йылө да гортас мөдөдчис.

Гортө воём мысти вокъяс поводнөя сійёс пөвсалісны, сэсса праздник кежлө асьныс мунісны карё ньөбасьны, а Иванөс горт овны колисны.

Пукалө Иван паччöрын да кывзö, кызди лагунъясын сур овмö да дзизгö.

— Сурö, сурö, дугды, эн дзизгы, эн, колöкö, менö дöзмöд!

Сур оз кывзы Иванлысь: пыр дзизгö да дзизгö. Скöрмис Иван да став сур дозъяссö путкыляліс, быдсөн джоджыс сурөн ойдіс, а ачыс сöліс сур вийöдан ворйö да вокъяс челядькöд мöдіс пыжын моз джодж кузя шывкъявны. Воисны вокъяс, бара поводнöя кодъ сійöс видісны да нöйтісны.

Вот коркö вокъяс гöститны мöдöдчисны, а Иванöс гортын овны кольöны. Вокъяс муніганыс шуöны:

— Тэ, Иван, ми ветлігкості ыж кучикъястö посйив свезьö косътыны öшлы, челядьöс ывлаö пальöдчыны петкöдлы, ми воигкежлö öти ыж начкы да пу.

Иван шуö:

— Кутшöм ыж нö начка? Ме öд ог куж бöрйынысö.

— Мыйкö тай он куж! Карта вылö лэччан да, кутшöм ыж тэ вылö видзöдлас, сійöс и начкы.

Иван-дурак вокъясыслысь тшöктöмсö ставсö сорис да гудраліс: первой ывлаö ыж куясöс пальöдчыны петкöдіс, сэсся вокъясыслысь челядьсö посйив свезяс öшлис, а медбöрын карта вылö лэччис. Öдзöсöд юрсö суйис да шуис: «öсьт, öсьт!» Видзöдö: кутшöм ыж сы вылö медпервой видзöдлас. А ыжъяс стадаөн сы дінö котöртісны да видзöдöны. Став ыжсö и начкис Иван.

Вот воисны вокъяс гöститанінысь да юалöны:

— Көні нö, дурак, ыж кучикъясыд?

— Ме найöс пальöдчыны ывлаö петкöді.

— Көні нö, дурак, челядьыд?

— Асьныд тшöктінныд да, ме найöс посйив свезьö косътыны öшли.

— А көні нö, дурак, ыжъясыд?

— Асьныд шуинныд, кутшöм ыж пö мелань бергöдчас

да видзёдлас, сійөс и начкы. Ме карта вылө лэччи да, ставыс ме вылө видзөдөны, ме ставнысö и начкалі.

Вокъяс вывті нин ёна скөрмисны. Кватитісны Иван-дуракös, вурисны куль мешөкө да нуисны йөрданö сійөс вөйтны. Куль мешөксö берег дорö колисны, а асьныс йөрдан видлыны ю вылө лэчисны. Буретш сійö кадас берег пөлөн вөлі гөнитö тройкаа купеч.

Иван дурак мөдіс горзыны:

— Ой, менö мырдысьөн сарö пуктöны, а ме саравны ог куж! Ой, ог пуксьы!

Кыліс купеч да сылы нимкодь лои:

— Кывзы, дурак. Сарö кө пуктöны, кыдзи нö он пуксьы? Пет куль мешөксыйд, тэ пыдди ме сэтчö пыра. Мед менö сарö пуктасны.

Пырис Иван пыдди купечыд куль мешөкө. Иван сійөс зэв топыда көрталіс, ачыс пуксис купеч тройкаа вөлö да гортас гөнитіс. Кык вокыд локтісны да, кыкисны морт тыра мешөктö ю вылө да, йөрданö брунгисны. Мөдөдчисны вокъяс гортö, а налы паныд тройкаа вөлөн локтö Иван-дурак, вокъяс водзын ошйысьö:

— Со өд кутшөм мича вөвъясöс нажөвиті. Сэтчö татшөм вөлыд уна на коли.

Вокъяслы збыльысь лои завидь. Найö кевмысьöны Иванлы:

— Вай регыдджык вур мянөс куль мешөкө да йөрданö лэдз! Сэтысь ми став вөвсö өтитөг вайөдам.

Вурис Иван вокъяссö куль мешөкө да йөрданö быгльөдліс. Сэсся муніс гортас вокъяслысь сур юны да найös казъывны.

Иван-дурак

Жили-были супруги. У них было три сына. Двое умных, а третий, Иван, совсем дурак. Старшие братья пашут-сеют и овец пасут, а Иван-дурак на печке лежит и с тараканами воюет.

Вот как-то братья с утра отправились овец пасти и Ивану говорят:

— Ты, дурак, как хлеб испечётся, принеси нам кузовок с обедом.

Взял Иван кузовок, доверху туда горячего хлеба положил и отправился братьев искать. Идёт и в разные стороны поглядывает. День был солнечный. Как только за деревню вышел, увидел свою тень. Сколько раз Иван шагнёт, столько раз и тень шагнёт. Вот Иван про себя и думает: «Что за человек за мной гонится, ни на шаг от меня не отстаёт? Наверняка беда-лага есть хочет, на мой кузовок зарится». Стал Иван-дурак из кузовка хлеб вытаскивать и своей тени бросать. Так весь хлеб и раскидал. А тень всё гонится.

— Надо же! Какое ненасытное брюхо. Полный кузовок скормил, а он всё не насытится, всё хлеба просит!

Рассердился Иван и пустым кузовком в тень бросил. Пришёл к братьям. Братья у него и спрашивают:

— Ну что, Иван-дурак?

— Вам кузовок с обедом принёс.

— Где же хлеб?

— Я с кузовком шёл, и ко мне какой-то человек привязался. Он всё и съел.

— Что за человек такой? — спрашивают братья.

— Вон со мной рядом стоит, — показал Иван на свою тень.

Разозлились братья на дурного парня, побили его и домой обедать пошли, а Ивана оставили за овцами присматривать.

Сидит Иван и овец пасёт. А овцы смирно не стоят: туда-сюда расходятся, Ивана не слушаются. Иван разозлился на овец:

— Почему ваши глаза всё время в сторону смотрят?

Подумал Иван, как бы сделать так, чтобы овцы не разбредались. Потом всех овец по одной переловил, повытаскивал у них глаза и в кучу собрал. Овцы теперь на одном месте стоят.

Вот пришли с обеда братья и набросились на Ивана:

— Что же ты, дурак, сделал? Почему овцы без глаз?

— А зачем им глаза, меньше бегать будут. Как только вы обедать ушли, все овцы в разные стороны разбрелись. А я собрал их и глаза повытаскивал. Чтобы больше не расходились.

Били да били дурака, крепко побили.

Однажды братья послали Ивана в погреб за квасом. Спустился Иван в погреб и из лагунка затычку вытащил. Смотрит: возле дверей погреба овца блеет.

— Овца, овца, не блей, не зли меня.

Овца не перестаёт, всё блеет. Рассердился Иван и затычкой от лагунка кинул в овцу. Не попал, из другого лагунка затычку вытащил и кинул, потом из третьего, из четвёртого. Овца убежала. Иван пошёл затычки от лагунок искать, а за это время весь квас вытек.

— Где, Иван, квас? Почему не принёс? — спрашивают братья.

— Я затычкой от лагунка в овцу кинул, и за это время квас вытек. А нечего было вытекать.

Опять побили Ивана.

Как-то братья послали дурака в город, кое-что к празднику прикупить. Всё купил Иван: столы, ложки, чашки, мешок соли. Купленных товаров полную телегу набралось. Направился домой, а конь еле шагает, и так уж он никудышный, а с грузом и вообще еле-еле идёт. Сидит Иван и про себя думает, как до дому побыстрее доехать.

— Конь на четырёх ногах, и стол на четырёх ногах. Стол может своими ногами идти, а здесь, на телеге, только коню ноша.

Спустил стол с телеги на середину дороги, а сам дальше отправился. Едет дальше, а над его головой стаей вороны летают и каркают. Иван и говорит:

— Бедняжки есть, наверное, хотят, потому и кричат.

И всю купленную в городе еду Иван вытащил, по тарелкам разложил, на дорогу поставил и стал ворон угощать.

— Ешьте, бедняжки, есть, наверно, хотите.

Дальше отправился, доехал до горелого места. На глаза кучка пней попалась.

— Ох, эти молодцы, оказывается, без шапок. У бедолаг ведь головы помёрзнут. Сейчас я вам шапки надену.

И из телеги все купленные корчаги и горшки вытащил и надел на пни.

— Ну, бедолаги, теперь вы все в шапках.

Доехал Иван до реки и стал коня поить, а конь пить не хочет.

— Что, конь, не пьёшь? Не солона, что ли, вода?

Из телеги вытащил мешок соли, весь высыпал в реку, посолил воду, а конь всё не пьёт. Иван и рассердился:

— Что голову воротишь, не пьёшь? Целым мешком посолил, а тебе всё не солоно.

Со злости ударил коня, конь там и дух испустил. Из купленного товара у Ивана остались только ложки. Связал ложки в мешок и домой направился. А ложки стучат: драк-драк-драк. Слушает Иван и кажется ему, будто ложки его обзывают: «дурак-дурак». Рассердился Иван на ложки, побросал на дорогу и топтать стал:

— Я вас на спине тащу, а вы ещё обзываться смеее! Так все ложки на дороге и растоптал.

Пришёл домой и говорит:

— Всё, что сказали, купил.

— Спасибо тебе, дурак. А где же товар?

— Столы четвероногие, сами идут, немного отстали.

Еду и блюда воронам-сестрицам оставил. Конь не стал пить, так я реку посолил; ложки обзываются, я их на дороге оставил; вдоль дороги молодцы мёрзли, на них горшки-корчаги надел.

Рассердились братья на Ивана и говорят:

— Немедленно вернись и хоть корчаги принеси!

Пошёл Иван к горелым пням, собрал горшки, корчаги, днища у них пробил, все надел на кол и домой отправился.

Как домой вернулся, братья изрядно его отдубасили и сами поехали в город — к празднику покупки делать, а Ивана оставили домовничать.

Сидит Иван на печке и слушает, как в лагунках пиво доходит и жужжит.

— Пиво, пиво, перестань, не жужжи, не зли меня!

Пиво Ивана не слушает: всё жужжит и жужжит. Рассердился Иван и всю пивную посуду перевернул, весь пол залило пивом. А дурак сел в корыто и с детьми братьев стал, как в лодке, кататься. Вернулись братья, опять изрядно его обругали и побили.

Вот как-то братья погостить собрались, а Ивана оставляют домовничать. Братья, уходя, и говорят:

— Ты, Иван, пока мы ходим, овечьи шкуры на повесть повесь сушиться, детей на улицу выведи погулять, к нашему приходу одну овцу забей и свари.

Иван говорит:

— Какую овцу забить? Я ведь выбрать не сумею.

— Что там не сумеешь! В хлев спустишься, и какая овца на тебя посмотрит, ту и забей.

Иван-дурак все наказы братьев перепутал: сначала на улицу вывел овчины погулять, затем детей на повети повесил сушиться, а потом в хлев спустился. В дверь голову

просунул и сказал: «Осьт-осьт!» Какая овца первая на него посмотрит? А овцы стадом к нему подбежали и смотрят. Всех овец и забил Иван.

Вот вернулись братья из гостей и спрашивают:

— Где же, дурак, овчины?

— Я их вывел на улицу погулять.

— Где же, дурак, дети?

— Как сказали, я их на повети повесил сушиться.

— А где же, дурак, овцы?

— Сами сказали, какая овца к тебе обернётся и посмотрит, ту и забей. Я в хлев спустился, и все на меня смотрят, я всех и зарезал.

Братья уж очень сильно разозлились. Схватили Ивана-дурака, зашили в мешок и отнесли к реке — в проруби утопить. Мешок на берегу оставили, а сами спустились на реку прорубь проверить. Как раз в это время скакал вдоль берега на тройке купец.

Иван-дурак стал кричать:

— Ой, меня насильно царём хотят поставить, а я царствовать не умею! Ой, не сяду!

Услышал купец, обрадовался:

— Слушай, дурак. Если на царство сажают, как не сядешь. Выйди из мешка, я вместо тебя туда заберусь. Пусть меня на царство сажают.

Забрался купец вместо Ивана в мешок. Иван крепко его завязал, сам сел в тройку купца и домой поехал. Братья вернулись, оттащили мешок с человеком к реке, в прорубь бросили. Отправились домой, а им навстречу Иван-дурак на тройке едет, братьям хвастается:

— Вот каких красивых коней заработал. Там таких ещё много осталось.

Стало им завидно. Они упрасивают Ивана:

— Давай быстрее зашивай нас в мешок и опусти в прорубь! Оттуда мы всех до одного коней приведём.

Зашил Иван братьев в мешок и в прорубь скатил. Потом ушёл домой пиво пить да братьев поминать.

Мужик да нель поп

Важөн олісны-вылісны гозъя. Налён и няньныс быри. Бабаыс и мөдіс шуны мужикыслы:

— Мун ветлы да капкан пукты, оз-ө шед кутшөмкө звер.

Кайис дядьö вөрö, пуктіс капкан, да съöd руч шедіс. Мөдөдчис дядьö руч куөн базар выlö, шойччигмоз пырис кабакö дай шуö кабащиклы:

— Он-ө ньöб руч ку менсьым?

Кабащик шуö:

— Ньöба куим четверть винаысь.

Старик сетіс кабащиклы ассъыс руч кусö куим четверть винаысь.

Юис öти четвертьсö, дуб ни дэб* эз мунлы, юис мөдсö, неуна гажмыштіс, а коймөдсö юис да поводнöя коддзис. Мужиклы паныдөн пызан сайын вöлі пукалöны куим поп и дивуйтчöны, кысь пö мужиклы та мында деньгаыс. Найö пыр видзöдісны мужик юöm выlö. Мужикыдлөн кор юсис коймөд четвертьыс, чеччис пызан сайысь, шапкасö лэптыштліс да кабащиклань юрнас довкнитіс:

— Кöзяин, рöштшöтын.

— Рöштшöтын, рöштшöтын, — шуö сылы кабащик.

Попъяслы зэв лои дивö, мый мужикыд куим четверть винаысь сöмын шапкасö лэптыштліс и грöш эз мынтысь. Вöтчисны попъяс мужик бöрся дай юалöны сылысь:

— Кыдз нö тэ сьöm мынтытöгыс винасö юин?

А мужик налы и шуö:

— Ме кöть мыйта ог ю, некор ог мынтысьлыв. Шапкаöс кö лэптыштла, менсьым некод некутшöм дон оз босьт.

— Сідзкö нö, вай вузав миянлы шемöса шапкатö.

— Вузала, — шуö мужик, — сетанныд кö куимсё шайтөн мортысь.

* Дуб ни дэб — көр ни гөс; дубавны, дэбавны — сідзкө, воштыны көрсө.

Босьтiс мужик попъяслысь öкмыссё шайт да локтiс гортас, а попъясыд зэв радпырысь мунiсны гортаныс да мöдiсны ошйысьны гöтыръясныс водзын.

Попъясыс ас костын вöлыны рöдняяс — свöякъяс. Шапкасö первой босьтiс ыджыд свöяк дай шуö:

— Часлы, первой ме ветла карö да гуляйтышта тайö шапканас.

Мунiс сийö карö, пырис медся дона трактирас, чукöртiс гöститöдны став тöдсаяссö да шуö:

— Мыйта колö, сы мында и юö, ме ставнытö юктала ас тшöт вылö.

Юисны да сёйисны гöсьтыяс кыксё шайт дон. Сэсся поп чеччис пызан сайысь, шапкасö лэптыштлiс да юрнас гогнитлiс кабащиклань:

— Кöзяин, тэкöд ми рöштшöтын...

Кабащик кватитiс попöс кузь пöлаöдыс да шуö:

— Кыдзи нö рöштшöтын! Сьöмтö эн на мынтыв да.

Поп ас кежас мöвпыштiс: «Гашкö, шапкасö неногөн шапкаавсис». Шапкасö сэсся мöдарö бергöдiс, бара лэптыштлiс да кабащиклань юрнас гогнитлiс:

— Öнi öд рöштшöтын нин?

— Кыдзи нö рöштшöтын? — скöрмис сы вылö трактирщик. — Вай мынтысь, а он кö, судö сета.

Вöчны нинöм: поплы лои мынтыны кыксё шайт. Сийö пиньсö йирöмөн мунiс гортас да свöякъяслы нинöм эз висьтав.

Сэсся шапкасö босьтiс мöд попыс, сiдзжö карö мунiс. Пырис бара жö медся дона трактирас да юис нельсё шайт дон аслас тöдсаясыскöд. Юсьöм бöрын шапкасö лэптыштлiс да юрнас гогнитлiс трактирщиклы:

— Кöзяин, тэкöд ми рöштшöтын...

— Кыдз рöштшöтын, деньгатö эн на мынтыв да?

Локтiс поп гортас зэв скöр и коймöд свöякыслы немтор эз висьтав.

Босьтіс шапкасё коймод поп. Муніс сійо карё, чукортіс став тодсасё, пырисны медыджыд магазинас, да зэв уна товар ньобаліс. Ньобасьом бёрын поп шапкасё лэптыштіс, юрнас гогнитыштіс дай петігмозыс шуис:

— Кёзяин, ми тэкөд рөштшөтын...

— Кыдзи рөштшөтын? — кватитіс купеч сійос кузь пёлаодыс да прикащикьяссё чукөстіс. — Вай пырысь-пыр жё мынтысь.

Бөчны немтор: быть лои мынтысьны. Сійо пиньсё ийрёмөн муніс гортас да шуө свёякьясылы:

— Менө дядьөыд тайө шапканад көкьямыссё шайт дон рөскодө воштіс.

Мөд поп шуө:

— Менө нельсё шайт дон.

А коймод поп шуө:

— Менө сійо кыксё шайт дон пөръяліс.

Мунісны найө шогвывтіныс кабакө, юисны да пондісны сёрнитны, кыдзи эськө пөръясьомысь мужикөс вины.

Сэн вөлі пукалө служивөй морт. Кыліс сійо попъясылысь сёрнисө да котөртіс мужик ордө:

— Тэнө куим поп вины локтөны, — шуө сійо мужиклы, — вод өдйөджык пызан вылад, вевттьысь скатертьөн да лэччысь кулөма улө, а бабаыд мед пондас покони́к вылын моз бөрдны. Кор ме мөлөтөн тэд плешкад котшнитышта, сэк чеччы. Сэсся ачыд аддзан мый лоө.

Мужик сідзи и вөчис: водіс покони́кө, бабаыс сы дінын пондіс лыддьөдлөмөн бөрдны. А салдатыд петіс да дзёбсис посводзас. Пырисны куим поп мужик ордө да уськөдчисны сы вылө. Сэк посводзысь пырис салдат дай шуө:

— Кулөм мортөс мөд пөв оз вилывлыны, верма, колөкө, сійос ловзьөддыны, сё шайтөн кө мынтысянныд.

Мынтысисны попъяс сё шайтөн мортысь. Салдат корис покони́к гөтырлысь мөлөт да надзөникөн тотшнитыштіс мужиклы плешас. Мужик звирк чеччыштіс пызан вылысь дай шуө:

— Уп, зэв дыр узьсьöма! Пасибö, служивöй, тэд ловзьö-
дöмьд былö.

А попъяс сэн сулалöны да шензьöны:

— Вай жö вузав миянлы тайö мөлөттö.

— Кыдз нö вузала, — шуö мужик, — тайö мөлөтыс менö
вердö и юкталö.

— Тысяча чөлкөвöй сетам, — шуöны попъяс, — вай
регыдджык вузав.

Босьтис дядьö попъяслысь тысяча чөлкөвöй и салдатöс
зэв бура аттьöалис: көсйысис сийöс во чöж вердны-юктав-
ны да табакөн куритöдны. А попъяс зэв нимкодпырысь
мунисны гортаныс.

Коркö кывсис: сэтшöм-сэтшöм карын пö кувсьöма зэв
озыр да ыджыд генерал, код пö вермас генералöс бөр
ловзьöдны, сылы лыдтöм-тшöттöм деньга лоö сетöма сар
казнаысь.

Попъяслөн синтясңыс öзйисны уна деньга былö.
Мунисны найö сийö карас, пырисны озыр генерал керкаö
да шуöны:

— Көн нö покони́кыс? Ми сийöс пырысь-пыр бөр
ловзьöдам.

Пырисны найö покони́к куйланінö да мөлөтөн гене-
раллы плешас котшнитыштисны. Генерал эз чеччы. Куч-
кисны мöдысь — оз чеччы. Ёнджыка кучкисны, бара эз
чеччы. Сэсса мый вынсьыс переменаөн пондисны кучкав-
ны кулöм генераллы плешас, покони́клөн юр чашкаыс
жуглысис. Гөгөрвоисны попъяс, мый мужикыд бара найöс
пörъяліс, и асьныс зэв öдйö пышйисны сийö карсьыс.
Воисны гортаныс и бара мужикöс вины көсийöны. Мужик
ордö локтöдз, куимнанныс кабакö пырисны вина юышт-
ны, да ас кежаныс сёрнитöны:

— Öнi нинöм былö нин ог веритчö, мунам да пырысь-
пыр жö виам.

А салдат, мужиклөн другыс, вöлі каба́кын жö пукалö.
Сийö кыліс попъяслысь сёрнисö да котöртис мужик ордö:

— Тэнö бара нин вины локтöны попъясид. Томнась керка пытшкад, а ме öдзöстö понда караулитны.

Мужик томнасис гөгөрбок, а салдат видзö сылысь öдзöссö: оз лэдз попъясöс мужик ордö пырны.

— Часлы, — шуö öти поп, — ме öшинь пырыс пырала да сійöс виа.

Жугöдiс поп мужиклысь öшиньсö да мöдiс кавшасьны керка пытшкöсö öшинь пырыс. А мужик черөн сапнитiс поплы юрас, да сэтчö сійö и кулi. Кык поп сулалiсны, сулалiсны туй вылын дай дöзмисны виччысьны.

— Öтнас тай свöякыд немтор вöчны эз вермы. Часлы, ме пырала отсөг вылö, — шуö öти попыс.

Вот и пондiс сійö кавшасьны öшинь пыр мужик ордö, а мужикыд бара черөн юрас сапнитiс. Виччысис, виччысис туй вылын коймöд поп да шуö:

— Свöякъяс менам, дерт, юсисны, öнöдз мужикöс вины оз жö тырмы. Часлы, ме тшöтш пырала.

Вот коймöд поп пондiс кавшасьны öшинь пыр мужик керкаö, а мужик бара черөн сöтыштiс сылы юрас. Пуксьöдiс мужик öти поплысь шойсö скамья вылö, быттöкö ловъяös, а мукöдъяссö дзебис, сэсса чукöстiс салдатöс.

— Вай, служивöй, мезды менö тайö кузь юрсиа чöртсьыс. Быдсөн кучкалiс и таялiс менö, и бөр мунны оз кöсйы.

Салдат кучкис поплы пель бокас: поп грымнитчис джоджö. Мужик сылы и шуö:

— Вывтi ёна, служивöй, кучкин. Видзöдлы, сылы кувтöдзыс лои. Мед ог мыжмöй, шыбит мун шойсö юкмöсö.

Салдатыд вöлi код. Сійö кватитiс поплысь шойсö, босьтiс пельпом вылас, котöртiс да брунгис юкмöсö. Сэк мужикыд скамья вылö пуксьöдiс мöд попыслысь шойсö да ваөн киськалiс, быттöкö ваысь кайöма. Салдат аддзис сійöс да шуö мужиклы:

— Ме тай нö тайö кузь юрсиасö öнi на юкмöсö шыбитi, а тайö бара нин танi, — сэсся кватитiс сийö мöд поплысь шойсö да ю выlö котöртiс. Кайис салдат мужик ордö, а мужикыд сэк костi коймöд поплысь шойсö пуксьöдiс скамья выlö да ваон киськалiс. Салдат код юр-нас эз гөгөрво да дивуйтчö:

— Тайö кузь юрсиаыс тай бара нин танi! Вай мем четверть вина. Ме тайöс виль пöв лэччöда ю выlö да асывводзöдз сэн пукала, медем коймöдысьсö васьыс оз нин пет.

Шыбитiс салдат коймöд поплысь шойсö юкмöсö да асывводзöдз юкмöс дорын пукалiс. Югдандорыс вичкодор туйтi сийö мöдiс сиктö кайны. Сиктын вöли асья звöнитöны. Локтö салдат да ас кежас мөвпалö: «Öнi кузь юрсиаыд васьыд сэсся оз нин пет...» А сэк буретш сийö сиктса попыс вöли мунö вичкоö асья съывны. Салдат аддзис поптö да думайтiс, мый бара нин сийö юкмöсысь петöма. Сэсся кватитiс попöс коскöдыс, ю выlö котöртiс да юкмöсö увлань юрөн и сийöс тшöтш шыбитiс. Вичко стөрöж звöнитiс, звöнитiс да звöнитiс, а поп век на вичкоö оз лок.

— Час, — шуö, — ветла гортас, дерт, матушкаыскöд узыöны на.

Пырис поп ордö, а попаддя шензьö:

— Батюшкоыд, — шуö, — важөн нин вичкоö мунiс.

Сiдз поп эз и сюр. А салдат мунiс мужик ордö; зэв бура сэсся овмöдчисны, и öнi, көнкö, олöны да выlöны.

Мужик и четыре попа

Жили-были супруги. Хлеб у них кончился. Бабка и стала говорить мужу:

— Сходи, капкан поставь, не попадётся ли какой зверь. Пошел мужик в лес, поставил капкан и чёрно-бурую

лисицу поймал. Отправился он с лисьей шкурой на базар, по дороге зашёл в кабак и говорит кабатчику:

— Не купишь у меня лисью шкуру?

Кабатчик отвечает:

— Куплю за три четверти вина.

Старик отдал кабатчику лисью шкуру за три четверти вина.

Выпил одну четверть, ни туда ни сюда не пошло, выпил вторую, немного захмелел, а третью выпил и изрядно опьянел. Напротив мужика сидят три попа и удивляются, откуда, мол, у мужика столько денег. Когда у мужика была выпита третья четверть, встал он из-за стола, приподнял шапку и в сторону кабатчика головой кивнул:

— Хозяин, в расчёте.

— В расчёте, в расчёте, — говорит ему кабатчик.

Попы очень удивились, что мужик за три четверти вина только шапку приподнял и ни гроша не заплатил. Погнались они за мужиком и спрашивают у него:

— Как ты, денег не заплатив, вино выпил?

А мужик им и говорит:

— Я сколько ни пью, никогда не расплачиваюсь. Если шапку приподниму, у меня никто никакую плату не просит.

— Тогда продай нам чудесную шапку.

— Продам, — говорит мужик, — если дадите по триста рублей с человека.

Взял мужик у попов девятьсот рублей и пошёл домой, а попы очень довольные пошли к себе и стали хвастаться перед жёнами.

Попы между собой были родственники — свояки. Шапку сначала взял старший свояк и говорит:

— Я первый пойду в город и погуляю с этой шапкой.

Пошёл он в город, зашёл в самый дорогой трактир, собрал всех знакомых и говорит:

— Сколько надо, столько и пейте, я всех пою за свой счёт.

Выпили и съели гости на двести рублей. Потом поп встал из-за стола, приподнял шапку и головой кабатчику кивнул:

— Хозяин, мы с тобой в расчёте...

Кабатчик схватил попа за длинную полу и говорит:

— Как в расчёте? Денег ещё не платил.

Поп про себя подумал: «Может, шапку не так надел». Шапку наоборот повернул, опять приподнял и кабатчику головой кивнул:

— Ну теперь уж в расчёте?

— Как в расчёте? — рассердился трактирщик. — Давай плати, а нет, в суд подам.

Делать нечего: попу пришлось заплатить двести рублей. Он скрипя зубами пошёл домой и своякам ничего не сказал.

Потом шапку взял второй поп, также в город пошёл. Зашёл опять в самый дорогой трактир и выпил на чetyреста рублей со своими знакомыми. Как выпили, шапку приподнял и головой кивнул трактирщику:

— Хозяин, с тобой мы в расчёте...

— Как в расчёте, если денег ещё не платил?

Пришёл поп домой очень злой и третьему свояку ничего не сказал.

Взял шапку третий поп. Пошёл он в город, собрал всех знакомых, зашли в самый дорогой магазин и очень много товару накупил. После покупок поп шапку приподнял, головой кивнул и, выходя, сказал:

— Хозяин, мы с тобой в расчёте...

— Как в расчёте? — схватил купец его за длинную полу и приказчиков позвал. — Давай немедленно плати.

Делать нечего: пришлось платить. Он скрипя зубами ушёл домой и говорит своякам:

— Меня этот мужик с шапкой в расходы втянул на восемьсот рублей.

Второй говорит:

— Меня на четыреста.

А третий говорит:

— Меня он на двести рублей обманул.

Пошли они с горя в кабак, выпили и стали решать, как бы за обман мужика убить.

Там сидел служивый человек. Услышал разговор попов и побежал к мужику:

— Тебя три попа убивать идут, — говорит он мужику, — ляг скорее на стол, накройся скатертью и притворись мёртвым, а жена пусть плачет, как над покойником. Когда я молотком тебя по лбу стукну, тогда вставай. Сам увидишь, что будет.

Мужик так и сделал: лёг покойником, жена стала рядом с ним плакать-причитать. А солдат вышел и спрятался в сенях. Вошли три попа к мужику и бросились на него. Тогда из сеней зашёл солдат и говорит:

— Мёртвого второй раз не убивают, могу, если хотите, его оживить на время, ежели по сто рублей заплатите.

Заплатили попы по сто рублей с человека. Солдат попросил у жены покойника молоток и тихонько стукнул мужика по лбу. Мужик вскочил со стола и говорит:

— Уф, очень долго спал! Спасибо, служивый, тебе за то, что оживил.

А попы стоят там и удивляются:

— Продай нам этот молоток.

— Как же продам, — говорит мужик, — этот молоток меня кормит и поит.

— Тысячу целковых дадим, — говорят попы, — давай быстрее продавай.

Взял мужик у попов тысячу целковых и солдата хорошо отблагодарил: обещал его целый год кормить-поить и табаком угощать. А попы, радостные, пошли по домам.

Как-то слух прошёл: в таком-то городе умер очень богатый и важный генерал. Кто, мол, сможет генерала оживить, тому без счёта денег будет дадено из царской казны.

У попов глаза разгорелись на большие деньги. Пошли они в город, зашли в дом к генералу и говорят:

— Где же покойник? Мы его немедленно оживим.

Зашли они, где покойник лежал, и молотком генералу по лбу стукнули. Генерал не встал. Ударили второй раз — не встаёт. Сильней ударили, опять не встал. Потом из всех сил стали попеременно бить мёртвому генералу по лбу, у покойника череп раздробился. Поняли попы, что мужик их опять обманул и быстренько убежали из этого города. Вернулись домой. Перед тем, как к мужику пойти, втроём зашли в кабак вина выпить, и между собой разговаривают:

— Теперь уже ничему не поверим, пойдём и сразу убьём.

А солдат, друг мужика, тоже в кабаке сидел. Он услышал разговор попов и побежал к мужику:

— Тебя опять убивать идут попы. Запрись в доме, а я стану двери караулить.

Мужик запер всё, а солдат охраняет двери: не даёт попам к мужику зайти.

— Сейчас, — говорит один поп, — я в окошко залезу и его убью.

Разбил поп окно и стал карабкаться в дом через окошко. А мужик топором тяпнул попа по голове, тот там и умер. Два попа стояли, стояли на дороге и устали ждать.

— Один свояк ничего не смог сделать. Сейчас я пойду на помощь, — говорит один из попов.

Вот стал он карабкаться через окно к мужику, а мужик опять по голове топором тяпнул. Ждал, ждал третий поп на дороге и говорит:

— Свояки у меня, наверно, напились, нельзя же так долго мужика убивать. Сейчас я тоже зайду.

Вот третий поп стал карабкаться через окно в дом мужика, а мужик опять топором его тяпнул по голове. Посадил мужик труп одного попа на скамью, будто живого, а остальных спрятал, потом позвал солдата.

— Давай, служивый, избавь меня от этого долгогривого чёрта. Вконец меня избил и истоптал, а уходить не хочет.

Солдат ударил попа в ухо: поп грохнулся на пол. Мужик ему и говорит:

— Слишком сильно, служивый, ударил. Видишь, до смерти. Чтобы вины за тобой не было, иди, брось труп в прорубь.

Солдат был пьян. Он схватил труп попа, взял на плечо, побежал и ухнул труп в прорубь. Тогда мужик посадил труп второго попа и водой облил, будто тот из воды вылез. Солдат увидел его и говорит мужику:

— Я же только что этого долгогривого в прорубь бросил, а он опять здесь, — схватил труп попа и на реку побежал. Поднялся к мужику, а мужик за это время труп третьего попа посадил на скамью и водой облил. Солдат спяну не понял и удивляется:

— Этот долгогривый опять уже здесь! Дай мне четверть вина. Я его снова спущу к реке и до утра просижу там, чтобы в третий раз уж не вылез из воды.

Бросил солдат труп третьего попа в прорубь и до рассвета у проруби просидел. Под утро по дороге мимо церкви стал подниматься в село. В селе заутреню звонили. Идёт солдат и про себя думает: «Теперь долгогривый из воды уже не выйдет...» А тогда как раз из этого села поп шёл в церковь заутреню служить. Солдат увидел попа и подумал, что опять он из проруби вылез. Схватил его за пояс, на реку побежал и в прорубь вниз головой бросил.

Церковный сторож звонил, звонил, а поп всё в церковь не идёт.

— Сейчас, — говорит, — схожу домой, конечно, с матушкой спят они ещё.

Зашёл к попу, а попадья удивляется:

— Батюшка, — говорит, — давно уже в церковь пошёл.

Так поп и не нашёлся. А солдат пошёл к мужику, и очень хорошо они зажили и теперь, наверно, живут да поживают.

Горш поп

Öти сиктын вöлі зэв горш поп. Корасны кö попöс гöститны, дзонь лун гортас оз сёйлы и попададьясы сійö луннас нёмтор пуны-пöжавны оз тшöкты, медым сылы йöз ордын унджык сёйны шедö.

Быдсөн мездьсьöны горш попысь, но некыдзи мездьсьны оз вермыны.

Вот öти мужик и шуö гöтырыслы:

— Став сиктын горш попön пöгибайтöны. Часлы, ме сійös велöдышта, мед этшаджык мöдас горшасьны. Аски менам нимлун. Тэ, гöтыр, шаньгаяс да пирөгьяс пöжав аски кежлö, а ме попöс кора гöститны. Кор поп локтас гöститны, ме тэныд кута тшöктыны самöвар пуктыны. А тэ киняулад пуктан вир тыра гадь да мекöд кутан пиясьны. Ме сэсся босьта пурт да сутшка тэныд вир тыра гаддяд. Тэ уськöдчы джоджö да кулём улö лэччысь. Кор сэсся тэныд куимысь кучка плетьön, тэ пырысь-пыр пукты миянлы самöвар. Сэки ачyd аддзан, мый лоö.

Вот мöд лун асывнас мужик чукöстic попös ас ордас нимлун вылö. А поп пиньясьö попададьяс вылö:

— Мыйла, — шуö, — талун пуин-пöжалін, кор нимлун вылö колö мунны!

Локтіс поп мужик ордö, а мужик сійöс ылісянь на встречайтö.

— Лок, лок, батюшко, милöсти просим.

Пуксисны пызан сайö. Мужик тшöктö самöвар пуктыны гöтырыслы. Öтчыд тшöктіс, мöдысь тшöктіс, коймöдысь тшöктіс, а гöтырыс самöвар оз пукты, весиг сёрнитнысö оз кöсйы.

Мужик кватитіс пызан вылысь пурт, уськöдчис гöтырыс вылö да, поплы видзöдны, сутшкис веськыд киняулас. Гöтырыс уси да вир мöдіс визувтны. Поп повзис:

— Мый нö, — шуö, — тайö вöчин? Виин тай?

— Немтор, батюшко, — шуö мужик, — ме тайöс пыр тадзи велöда. Ловзяс да шöвк кодь мортыс лоö. Ме базарысь ньöби сэтшöм орс, сійөн пырысь-пыр позяс бөр ловзьöдны.

Мужик кыскис пöлать подлöссьыс кузь орс, куимысь кучкис бабаыслы.

— Тырмас, — шуö, — тэныд ме водзын шванитчыны. Чеччы да батюшколы самöвар сувтöд.

Кучкöм бöрын баба звирк чеччыштіс, чышкыштіс вирöссьöм бокъяссö да котөрөн петіс мöд керкаö платтьöсö вежны. Сэсся вежсис да зэв пöслукпырысь самöвар мöдіс сувтöдны.

Поплы зэв дивö лои. Сылөн вежыс петіс пурт вылö да орс вылö.

— Вай, — шуö, — меным вузав пурттö да орстö, менам баба частöкодь жö ыръянитчывлö. Уна-ö коран?

— Мукöдлысь кö уна босьті, а тэныд, батюшко, витсё шайтысь сета.

Сетіс поп мужиклы пурт да орс вылö витсё шайт, войöдз гөститіс мужик ордын, сэсся гортас мöдöдчис.

Гортас воис да попададьяыслы и шуö:

— Пырысь-пыр жö, матушка, меным самöвар сувтöд.

Попаддя куйлö вольпасын, дыш сылы войын самö-

вар сувтöдны. Öтчыд тшöктіс, мöдысь тшöктіс, коймöдысь тшöктіс, а попаддя и кивыв оз вартлы.

Скөрмис поп, босьтіс ньöбöм пуртсö да сутшкис попаддялы бокас. Попаддя усис дай куліс. А поп нимкодясьö.

— Немтор, — шуö, — эн ло. Плетяла да регыд на чеччан.

Сэсся поп кватитіс мужиклысь ньöбöм орссö да кучкис попаддялы. Öтчыд кучкис — эз чеччы, мöдысь кучкис — эз чеччы, коймöдысь кучкис — век оз чеччы.

— А тэ мужик гöтыр дорысь на ёнджыка ыръянитан? — горöдіс поп да мый вынсьыс мöдіс кучкавны. Гашкö, сёысь дорывы кучкис, быдсөн кучикыс попаддялөн потласис, а сійö век оз чеччы.

Гөгөрвоис поп, мый мужик сійös ылöдліс. Пуксис дай думайтö, мый вöчны.

— Час, — шуö, — тайö пуртсö да орссö нуа дякөн ордö, сылөн гöтырыс ыръянитысь жö. Муна да дякөнös пörъяла.

Муніс поп дякөн ордö дай шуö:

— Ме, отеч дякөн, ньöби зэв бур добра — гöтыр ыръянитöмысь лекарство.

Дивö лои дякөнлы да юалö:

— Мый нö сэтшöмыс? Велöд менö ыръянитысь гöтырös велöдны.

Поп пондіс висътавлыны:

— Вот, — шуö, — менам эм зэв бур лекарство — пурт да орс. Сöмын сійö витсё шайт сулалö.

— Кольлы, — шуö дякөн, — меным сійö орссö да пуртсö. А дон серти ладмöдчам.

Сетіс поп пуртсö и орссö дякөнлы. Дякөнлы зэв окота лои видлыны тайö диковинкасö. Коркö рытын сійö шуö гöтырыслы:

— Вай самöвар меным пукты.

— Код нö татшöм сёрөн самöвар сувтöдлывлö? Водны нин пöра, — ыръянитны пондіс дякөн гöтыр.

— А тэ нёшта и ыръянитан, — скөрмис дякөн, — час, ме тэнсьыд ыръянитан рутё вётла.

Сэсса босьтис пурт да сутшкис гётырыслы бокас. Дякёнича уси да кулі.

А дякөн сэтчө сералё:

— Тэныд, — шуё, — эм на лекарствоыс. Регыд чеччан.

Босьтис сэсса поплысь вайём орс да мөдіс гётырсө кучкавны. Ётпыр кучкис, мөдысь кучкис, коймөдысь кучкис — гётырыс оз чеччы. Кучкаліс да кучкаліс, кучкаліс да кучкаліс, и вөлисти гөгөрвоис, мый сійёс пөръялісны. Мый керны?

— Час, — шуё, — нуа тайё пуртсө да орссө саломщиклы.

Локтис саломщик ордё да шуё:

— Аддзан, кутшөм бур добра ме ньёби. Көть тысяча чөлкөвөй мед сетасны, некодлы ог вузав.

Саломщиклы зэв дивё лои:

— Мый нё, — шуё, — сэтшөм дона тэнад пуртыд да орсыд?

Дякөн висьталіс саломщиклы, мый сідз и сідз... Тайё пуртөн да орсөн ыръянитан морттуй позьё вежны.

— Кольы инёсь, — шуё саломщик.

Дякөн петөм бёрын саломщик мөдіс чиршөдлыны ассьыс гётырсө, самөвар пуктыны тэрмөдлө...

— Мый тэ, йөймин али мый? — пинясьё саломщича. — Коді нё вой шөр кадын самөвар сувтөдлө? Вод да узь.

— А, тэ нёшта и ыръянитан, — скөрмис саломщик да кучкис гётырыслы дякөнөн вайём пуртөн. Саломщича сэтчө и усис да куліс. А саломщик сералё:

— Этайё лекарствосө кө видлан, регыд чеччан да самөвар пуктыны котөртан. Сэсса саломщик кватитис орс да мөдіс бабасө орсөн кучкавны. Баба оз чеччы. Видзөдліс, а бабаыс збыльысь кулома. Пуксис дай мөдіс думайтны, мый

водзö вöчны. Сэсса саломщик котөрөн муніс дякөн ордö, а дякөн ас гöтыр шой дiнас пукалö да сiдзи жö шогсьö. Сэсса öтлаын котөртiсны поп ордö, а поп на моз жö гöтыр шой дiнас пукалö да шогсьö.

Сiйö жö войнас гöтыръяснысö гуалісны да сöвет кутны чукөртчисны, мый вöчны мужиккöд.

Тöлкуйтiсны, тöлкуйтiсны, шуисны мужикöс мешöкö суйны да йöрданö шыбитны.

Локтiсны мужик ордö, суйисны сiйöс ыджыд мешöкö, зэв топыда көрталісны да лэччöдiсны ю вылö, йöрданö суйны.

Воисны йöрдан дорö, а йöрданыд и кымöма, а сьöрсьыс пыридз ни чер эз босьтны. Мый керны? Поп и шуö дякөнлы да саломщиклы:

— Вай югдытöдзыс войдөр пыридзла да черла гортö ветламöй, а мешöксö татчö йи вылас кольлам.

Сiдзи и вöчисны. Куимнанныс кайисны сиктö пыридз да чер корсьны, а мужикöс көрталöмөн йи вылö öтнасöс колисны.

Буретш сiйö туйтiыс параа вöлөн озыр купеч вöлі гөнитö. Кыліс мужик вöла доддялысь локтöмсö да ыджыд гөлөсөн мөдiс горзыны:

— Ой, ог пуксьы, ог пуксьы! Нинöмысь ог пуксьы!

Чуймис купеч, разис морт тыра мешöксö дай шуö:

— Мый нö тэ, йöй мужик, горзан?

— Кыдз нö он горзы, — шуö сылы мужик, — мырдысьөн карö нуöдöны, исправникö көсiйöны пуктыны. А ме ог көсiы.

Купечлы завидь лои: сылы вöлі зэв окота исправникö пуксьыны да шуö:

— Пуктасны кө, ме пукся.

Мужик көрталіс сiйöс мешöкö, а ачыс сöліс параа вöv вылö да гортас гөнитіс, и öні олö-вылö да поп-дяк вылын сералö.

Жадный поп

В одном селе был очень жадный поп. Если пригласят попа в гости, целый день дома не ест и попадае варить-печь не велит, чтобы у чужих больше съесть.

Как могут, избавляются от жадного попа — избавиться не могут.

Вот один мужик и говорит жене:

— Всем селом от жадного попа пропадаем. Дай-ка я его проучу, чтобы меньше жадничал. Завтра у меня именины. Ты, жена, шаньги и пироги испеки к завтрашнему дню, а я попа приглашу в гости. Когда поп придёт, я велю тебе самовар поставить. А ты под мышками зажёмешь пузырь с кровью и начнёшь со мной ругаться. Я тогда возьму нож и ударю по пузырю с кровью. Ты падай на пол и прикинься мёртвой. Когда тебя трижды ударю плетью, ты немедленно поставь нам самовар. Тогда сама увидишь, что будет.

Вот на следующий день мужик позвал попа на именины. А поп ругает попадью:

— Почему, — говорит, — наварила-напекла сегодня, когда на именины нужно идти?

Пришёл поп к мужику, а мужик издалека ещё его встречает:

— Иди, иди, батюшка, милости просим.

Сели за стол. Мужик велит жене ставить самовар. Раз попросил, второй раз сказал, третий раз приказал, а жена самовар не ставит, даже говорить не хочет.

Муж схватил со стола нож, бросился на жену и, как показалось попу, воткнул нож в подмышку. Жена упала, и кровь потекла. Поп перепугался:

— Что ты, — говорит, — наделал? Убил ведь!

— Ничего, батюшка, — говорит мужик, — я её всегда так учу. Оживёт и как шёлковая станет. Я на базаре купил такую плеть, которой немедленно можно оживить.

Мужик из угла полатей вытащил длинную плетъ, трижды ударил жену.

— Хватит, — говорит, — тебе передо мной чваниться. Встань, батюшке самоварь ставь.

После ударов жена вскочила, окровавленные бока вытерла, выбежала в другую комнату одежду менять. Переоделась и покорно самовар поставила.

Попу удивительно и завидно стало.

— Продай, — говорит, — мне нож и плетъ, моя жена тоже частенько взбрыкивает. Много ли запросишь?

— У кого другого взял бы больше, а тебе, батюшка, за пятьсот отдам.

Отдал поп мужику за нож и плетъ пятьсот рублей, до ночи угощался и домой отправился.

Пришёл домой и попадье говорит:

— Немедленно, матушка, поставь мне самовар.

Попадья лежит в постели, лень ей среди ночи самовар ставить. Раз приказал, два приказал, в третий раз приказал, а попадья и не пошевелилась.

Разозлился поп, взял купленный нож и воткнул попадье в бок. Попадья упала и померла. А поп радуется.

— Ничего, — говорит, — с тобой не случится, плетью огрею, быстро вскочишь.

Схватил поп купленную у мужика плетъ и ударил попадью. Раз ударил — не встаёт, второй раз ударил — не встаёт, в третий раз ударил — всё не встаёт.

— А, ты даже больше мужицкой жены упрямишься? — закричал поп и изо всей силы стал избивать. Может, сто раз подряд ударил, аж кожа у попадьи полопалась, а она всё не встаёт.

Понял поп, что мужик его обманул. Сел и думает, что делать.

— Сейчас, — говорит, — этот нож и плетъ отнесу дьякону, у него жена тоже упрямая. Пойду его обману.

Пошёл поп к дьякону и говорит:

— Я, отец дьякон, замечательные вещи купил — от упрямства жены лекарство.

Удивился дьякон и спрашивает:

— Что это такое? Научи меня, как упрямую жену одолеть.

Поп стал рассказывать:

— Вот у меня есть замечательные лекарства — нож и плеть. Только они пятьсот рублей стоят.

— Оставь мне плеть и нож, — говорит дьякон, — а о цене сговоримся.

Отдал поп нож и плеть дьякону. Тому очень захотелось проверить диковинку. Как-то вечером и говорит жене:

— Давай, поставь мне самовар!

— Кто так поздно самовар ставит? Ложиться пора, — заупрямилась жена.

— А, ты ещё и упрямишься, — разозлился дьякон, — сейчас дух упрямства из тебя изгоню.

Взял нож, ударил жену в бок. Дьяконица упала и умерла.

А дьякон смеётся:

— Есть на тебя лекарство. Быстро встанешь.

Взял принесенную попом плеть и стал жену хлестать. Раз ударил, второй раз ударил, третий раз ударил — не встаёт жена. Бил-бил, бил-бил и понял, что его обманули. Что делать?

— Сейчас, — говорит, — отнесу нож и плеть псаломщику!

Пришёл к псаломщику и говорит:

— Видишь, какие замечательные вещи я купил? Хоть тысячу рублей дадут, никому не продам.

Псаломщик удивился:

— С чего бы, — говорит, — нож и плеть у тебя такие дорогие?

Дьякон рассказал псаломщику, что так и так, этим ножом и плетью можно упрямый характер сломить.

— Оставь тогда, — говорит псаломщик.

Как дьякон вышел, псаломщик стал жену свою струнить, самовар ставить требует.

— Ты сдурел, что ли? — ругается псаломщица. — Кто это в полночь самовар ставит? Ложись и спи.

— А, ты ещё и упрямишься, — разозлился псаломщик и ударил жену принесённым дьяконом ножом. Псаломщица упала и умерла. А псаломщик смеётся:

— Если это лекарство попробуешь, быстро встанешь и побежишь самовар ставить.

Схватил псаломщик плетё и стал жену плетью охаживать. Жена не встаёт. Посмотрел, а она на самом деле мёртвая. Сел и стал думать, что дальше делать. Потом псаломщик к дьякону побежал, а дьякон так же у трупa жены сидит и горюет. Потом к попу побежали, а поп, как и они, у трупa жены горюет.

В ту же ночь жён похоронили и совет собрали, решают, что делать с мужиком.

Толковали, толковали, решили мужика в мешок сунуть и в прорубь бросить. Пришли к мужику, запихали его в мешок большой, туго завязали и спустились к реке, к проруби.

Пришли туда. Прорубь-то замерзла, а они с собой ни пешни, ни топора не взяли. Что делать? Поп и говорит дьякону с псаломщиком:

— Давайте, пока не рассвело, за пешней и топором сходим, а мешок здесь на льду оставим.

Так и сделали. Втроем поднялись в село пешню и топор искать, а мужика завязанного на льду оставили.

Как раз по той дороге на паре лошадей богатый купец ехал. Услыхал мужик упряжку и дурным голосом закричал:

— Ой, не сяду, не сяду! Ни за что не сяду!

Удивился купец, развязал мешок и спрашивает:

— Что ты, мужик-дурак, кричишь?

— Как не кричать, — говорит мужик, — насильно в город увозят, хотят в исправники посадить. А я не хочу.

Купцу завидно стало: очень хотел исправником стать. Он и говорит:

— Если посадят, я сяду.

Мужик завязал его в мешок, сам сел в упряжку и уехал домой. И теперь живёт-поживает.

Кыдзи поп чань пöжис

Отчыд поп ыстіс казакöс ягö пес керавны. Казак гортö локтігас босьтіс туй боковысь зэрамач тшак дай сьörсьыс лэччöдіс.

— Мый нö татшöмсö, казак, вайин? — юалö сылысь поп.

— Тайö, — шуö, — батюшка, сэтшöм кольк, кодöс пöжан кö, чань петас.

— Сідзкö, велöд менö, кыдзи колö тайö пöжнысö? — шуö поп.

— Мый нö сэн кужнысö. Пöжсьысь курöг моз лажгöдчы, сöмын эн курöг моз клуткы, а вöв моз гөрды да нель вежон чöж пукав. Вот тэныд и чань пöжсяс.

Пуксис поп чань пöжны, пукалö да вöв моз гөрды. Öти вежон пукаліс, мöд вежон пукаліс, коймöд вежон пукалö.

— Но мый, батюшка, пöжсьö-ö? — юалö сылысь казак.

— Пöжсьö, дерт, кыдзи оз пöжсьы.

Нельöд вежон тыригас казак бара вөрö кайліс. Сэсся кутіс ловъя көчöс дай пöла улас гортас вайис.

— Но, — шуё, — батюшка, пöжсян срокыд тырис нин. Мыйкö артмыны кö, колö нин артмыны.

Сэсся öдзöссö восьтыштис дай шуö:

— Öнi, батюшка, куим пöв бергöдчы поз вылад да пöдрасник пöлатö лэптыв, ме сэсся видзöдла, мыйкö артмис-ö эз.

Поп куим пöв бергöдчис да тшакыд швач потi. Сэки казак лэдзис ас пöла увсьыс кöчöс. Кöч джодж кузя триньбринь; сэсся восьса öдзöс пыр ывлаö дай вöрö гөнитис.

— Ак, прамöй чань öд и пöжсьöма, — дивуйтчö поп, — аддзылiн, бöр кокъясыс водз кокъяс сертиыс мый кузяöсь! А бур и вöв тась лоис, эз кö эськö пышйы.

Как поп жеребёнка высидел

Однажды поп послал казачка в лес дрова рубить. Казачок на обратном пути взял у обочины гриб-дождевик и домой с собой принёс.

— Что же ты такое принёс? — спрашивает у него поп.

— Это, — говорит, — батюшка, такое яйцо, из которого, если высидишь, жеребёнок вылупится.

— Тогда научи меня, как надо высиживать, — говорит поп.

— А чего ж тут не уметь? Ты, как курица-наседка, сядь, только не квохчи, а, как лошадь, ржи и четыре недели сиди. Вот тебе и жеребёнок вылупится.

Сел поп жеребёнка высиживать и, как лошадь, ржёт. Одну неделю сидит, вторую неделю сидит, третью неделю сидит.

— Ну что, батюшка, высиживается ли? — спрашивает у него казак.

— Высиживается, конечно, как не высиживается.

К концу четвёртой недели казак опять в лес сходил. Поймал зайца и под полой принёс домой.

— Ну, — говорит, — батюшка, срок кончился. Если всё правильно, уже должно получиться.

Потом дверь приоткрыл и говорит:

— Теперь, батюшка, трижды повернись на гнезде и полу подрысника приподними, а я посмотрю, получилось ли.

Поп трижды повернулся, гриб — хлоп! — раскололся. Тогда казачок из-под полы зайца выпустил. Заяц по полу скок-поскок, потом — через открытую дверь на улицу и в лес ускакал.

— Ах, хорошего жеребца я высидел, — удивляется поп. — Видал, задние ноги по сравнению с передними насколько длиннее! Хороший бы конь получился, если бы не убежал.

Макар да сизим вок

Олісны-вылісны пёрысь гозъя. Налён вёлі сизим пи, а кёкъямысёдыс тёлктём, сямтём Макар. Сизимнан вокыс сыысь юксисны, торйён сюрёсасисны, а пёрысь бать-мамёс Макарлы вердны колисны. Вокъяс Макарлён озырёсь, деньгааёсь, а Макарлён дедыслён на стрёйтлём киссьём керкаыс да батыскёд тшётшъя куим кока пёрысь Карко. Таысь кындзи, немтор абу. Макарлы аслыс сёйны нинём, и пёрысь бать-мамёс нинёмён вердны.

Вот коркё воис тулыс, кёдзан кад. Вокъяс Макарлён бур вёвъяснысё доддялісны да му вылө ид кёдзны кайисны. Тшётш и Макар кёдзны Карконас мёдөдчис. Лётіктісны да лётіктісны, коркё и найө му вылө воисны. Видзөдліс Макар вокъяс му вылө: налён важөн нин гёрсьёма-көдзсьёма, сюыс вундан выйөдз воёма, а сійө

вöлисти на гөрны заводитö. Гөрисны да гөрисны пöрысь Каркокöд, вокъясыс сэк кості став сюсö вундісны да гумла выlö нуисны, а Макар век на гөрö. Мый керны? Макар эськö абу дыш, да вöлыс сэтшöм-татшöм. Коркö-некоркö муыс сылөн гөрсис, да кöйдысыс кöдзнысö абу тырмымөн. Сэсся кыскис Макар питшөгсьыс нянь шөрöм да мöдіс нуръясьны, сёйигмозыс лэбачъяслы нянь крöшки-яссö коявны. Буретш вöлі поп мунö Макар му дорті. Аддзис Макарлысь крöшки шыблалöм да юалö:

— Мый нö, Макар, вöчан?

— Ме нянь кöдза.

— Кыдзи нянь кöдзан? Пöжалöм нянь оз кöдзлыны.

А Макар сылы и шуö:

— Тусьöн кö кöдзан, тусьöн и воас, а пöжалöм няньөн кö кöдзан, пöжалöм няньөн шептасяс.

Поплы, öти-кö, дивö, а мöд-кö, завидь.

А Макар водзö ыштöдлö:

— Тадз кö кöдзан, сёрöмасьны, вартны ни изöдчыны оз ков, тупöсьөн шептасяс, сöмын нянь кудъяд сöвт да сёй.

Попöс завидь босьтіс Макар удж выlö.

— Мун, Макар, öдйöджык котöртлы матушка дінö, корсылысь кык вöв, кык гөр да кык агас, катöд унджык пöжалöм нянь да мöдам ме изъя му выlö пöжалöм нянь кöдзны.

А Макар сылы и шуö:

— Ветла эськö, батюшко, да мем, лёк паськöма мужикыдлы, матушкаыд оз дöверит вöвъястö да гөр-агастö. Паськöмнаным вежсьылам.

Макар сетіс ассьыс киссьöм паськöмсö поплы, а ачыс поп паськöмөн пасьтасис да муніс попаддя дінö, висьталіс:

— Батюшко карысь куим судта керка ньöбис, сьöмыс эз тырмы да тшöктіс мекöд ыстыны куим сюрс шайт.

А попаддя сылы и шуö:

— Сета эськö, да менам став деньгаыс сöмын кык сюрс сизимсё шайт. Часлы, дякөнлысь да саломщиклысь уж-дысьла.

Босьтис Макар попаддялысь куим сюрс шайт дай гортас муніс.

Поп виччысис, виччысис Макарöс, рыт нин воис, а Макар век абу.

— Мый нö тайö Макарыскöд лои? Муніс да воши. Час, ачым гортö лэччыла, — шуö поп.

Лэччис поп гортас да попаддяыслысь юалö:

— Макар татчö эз волы?

— Воліс, — шуö попададя, — тэ тшöктöмыд, да сылы куим сюрс шайт сеті.

Гөгөрвоис поп, мый Макарыд сійöс зэв чорыда пörъяліс, да котөрөн муніс Макар му вылö. Меысь пö оз на удит, му вылас вöлысла локтас да сэк сійöс и кыя.

Сэк кості Макар пасьтасис нывбаба паськөмөн, муніс му вылас да заводитіс агсасьны. Воис сы дорö поп дай юалö:

— Тэ нö коді? Мыйла тайö му вылас локтін? Тайö муыс öд Макарлөн!

— Ме Макарлөн чой. Сійö кытчөкö муніс да вошис, а ме со мусö агсавны локті.

Поп шуö:

— Макар вокыд менсьым куим сюрс шайт деньга пышйöдіс. Деньга пышйöдөмсьыс тэныд лоö сы пыдди мынтысьны. Лок ме ордö строшничавны*, а он кö, судөн босьта.

Муніс Макар поп ордö строшница пыдди.

Поплөн вöлі куим невеста ныв, ставныслы нин верöс сайö петан кад.

Поп шуö строшничалы:

* Строшница — кутшөмкö кад вылö, срок вылö медасьöм морт.

— Миян слугаяслы лишнӧй вольпась абу заптӧма. Тэ кутан узылыны менам нывъяс дӑнын.

Овмӧдчис Макар поп ордын, пусьӧ, пӧжасьӧ, скӧт дӑнын вӧдитчӧ, а войын поп нывъяс дӑнын узылӧ. Зэв нимкодъ попаддьялы, и зэв дӧвӧленӧсь поп нывъяс выль строшничаӧн.

Казяліс поп, мый делӧыс абу лючки: нывъясыс сылӧн номсасьны мӧдісны.

— Мый нӧ тайӧ, — юалӧ сійӧ попаддьяслысь, — мыйкӧ тай нӧ делӧыс неладнӧ нывъясыдкӧд. Абу-ӧ миян «строшничаным» зон?

— Абу жӧ ӧд, — шуӧ попаддя.

А поплӧн оз веритчы. Сійӧ тшӧктіс ломтыны пывсян да ыстіс строшничакӧд ӧтлаын пывсьыны матушкасӧ.

— Мун, — шуӧ, — матушка, лэччы пывсьыны строшничакӧд, да лючки приметит пывсянас, абу-ӧ сійӧ зон?

Вот лэччис попаддя пывсянӧ. Час куим пывсисны. Кор воис попаддя пывсянысь, поп сылысь и юалӧ:

— Но мый, ныв али зон строшничаяӧд?

— Дерт жӧ, ныв, кысь тэ, йӧйӧй, босьтін, мый сійӧ зон.

Ветліс поп карӧ нывъяслы жӧникъясӧс корсьны да куим купечӧс вайӧдіс.

Жӧникъяс невестаясӧс видлалісны.

— Татшӧм тӧварыд, батюшко, миянлы оз згӧдитчы, — шуисны найӧ.

— Вот строшничатӧ кӧ сетан, сійӧс пыр жӧ босьтам верӧс сайӧ.

Поп шуӧ:

— Тайӧ строшничатӧ сетны жаль, куим сюрс шайт сулалӧ, но тӑянлы сета, сӧмын менам нывъяс йылысь лӧк слава эн паськӧдӧй.

Вот сетіс поп «строшничаӧс» верӧс сайӧ ӧти купеч сайӧ.

Купеч сийöс сьöрсьыс карö нуöдiс. Коркö пируйтiсны гöсьтьяс разöдчалiсны.

«Невеста» жöниклы и шуö:

— Меным колö ывлаö петавны, а гөгöрбок игана. Вай менö гез кузя лэдзлы öшинь пырыд.

Лэдзис купеч гез кузя «невестаöс» öшинь пырыс дай виччысьö. А Макарыд сэк костi купеч картаысь петкöдiс ыджыд сюра межöс, көрталiс гез помас да горöдiс: «Лэпты!»

Лэптiс купеч, а невеста пыддиыд — сюра меж! Повзис да мöдiс горзыны. Пируйтысьяс котөрөн пырисны да жöниклысь юалöны: «Мый лои?»

А жöник сюра меж ылö индö да висьталö, мый сiдзи и сiдз — невестасö сылысь межö пöртiсны. Тöлкуйтiсны, тöлкуйтiсны да шуисны межöс вины и шойсö сылысь гусьöн куйöд чукөр улö дзебны.

А сэк костi Макар пасьтасис мужичöй паськөмөн да мунiс поп ордö:

— Но, батюшко, ме локтi тэ ордö тöдмавны, кытчö тэ воштiн менсьым чойöс. Висьталан кө, ме тэд бөр сета куим сюрс шайттö, а он кө, судитчыны мöда, тэнö жö и мыжда.

Поп висьталiс, мый сiдзи и сiдз: Макарысь чойсö сетiс верöс сайö карса купеч сайö. Мунiсны поп да Макар том ичмоньöс видлыны. Воисны купеч ордö, да Макар и юалö:

— Көнi нö менам чойöй?

Купеч первойсö дыр соссис, а медбöрын висьталiс, мый сiдзи и сiдз: невестасö сылысь лөк войтыр межö пöртiс и сiдз водзö. Макар тшöктiс виöм шойсö петкöдлыны, а сэсся купечлы да поплы и шуö:

— Но öнi тайö делöсьыд ме тiянöс явита да зэв чорыда кыкнаннытö судитасны.

Купеч шуö:

— Эн судитчы, сюрс шайт зарниөн мынта.

А поп шуö:

— Ме куим сюрс шайттö прöстита дай нöшта сюрс шайт содта, сöмын эн судитчы.

Муніс сэсся Макар ас му вылас, а вöлыс век на му йöрын сійöс виччысьö. Коньöр юлытöмысла да пöрысь-ысла öдва нин ловья.

Начкис Макар вöвсö, нуис базар выlö да пöлтин-ныкысь кучиксö и вузаліс.

Сэсся локтіс озыр вокъясыс ордö дай шуö:

— Вайlö, вокъяс, чекверикнытö, колö сьöм мерайт-ны. Вölöс начки, кучиксö вузалі да помтöм деньга сетісны.

Ветлісны озыр вокъяс Макарлысь деньга видзöдлыны да синнысö чашнитісны: збыльысь Макарлөн кыськö зэв уна деньга. Сэсся сійö жö луннас сизимнан вокыс начкисны ассьыныс став вöвъяссö и чаньяссö да кучикъяссö карö нуисны вузавны.

Сувтісны базар выlö да ньöбасьысьясöс виччысьöны.

— Уна-ö нö коранныд вöв кучикъясыд выlö? — юалісны налысь.

— Сюрс шайтөн кучик выlö, — шуöны вокъяс.

А йöзыс сöмын на вылын сералöны да шензьöны, кытысь пö воöмаöсь татчö тайö сизим йöйыс: вöв кучик выlö сюрс шайтөн корöны. Гашкö и, дзонь тöлысь чöж вокъяс вöйисны ньöбасьысьяслы вöв кучикъяс, а ньöбасьысьяс сюрс шайт пыдди куим шайтысь выlö оз сетны.

Гөгөрвоисны озыр вокъяс, мый Макар найöс пöръяліс, да мунісны сійöс вины. Сюйисны сійöс мешöкö да мөдöдчисны ю выlö, йөрданö сійöс шыбитны. Асыв-водзыс вöлі кöдзыд да йөрданыс и кынмöма, а вокъяс сьöрсьыныс чер ни пыридз эз босьтны. Мый вöчны? Шуисны гортö бөр косавны черла, пыридзясла, сэсся вöлисти Макарöс йөрданö сюйны. Споритісны, споритісны, кодлы ветлыны, и ставныс öттшötш мунісны, Макарöс öтнассö колисны ю выlö.

Макар мөдіс горзыны: «Менö мырдысьөн исправникö

пуктöны, а мем абу окота пуксьыны, да мырдысьөн карö нуöдöны!»

Сэки буретш вöлі тройкаа вöлөн гөнитö урадник. Кыліс Макарлысь горзöмсö дай шуö:

— Ме кöсья исправникö пуксьыны. Вай пет мешöк-сьыд да тэ пыдди ме сэтчö пыра.

Сідзи и вöчисны. Макар көрталіс урадникöс мешöкö, сöліс урадник тройкаö да водзлань гөнитіс. Коркö вокъяс воисны, чераöсь, пыридазöсь, писькöдісны йöрдан вом да сэтчö и брунгисны урадник тыра мешöксö.

Воисны вокъяс гортаныс. Аслыныс зэв нимкодъ, мый пörъясьысь Макарысь мынісны. А сэк кості Макар на öшинь увті журк гөнитіс да сувтіс горт дінас тройкаа вöлөн. Вокъяс чуймисны — кызди Макар ловъя, кор öні на сійöс ваö суйисны? Мунісны юасьны. Макар и шуö:

— Кор ті менö мешöкö көрталöмөн юö суйинныд, ме волі мöдар югыдö. Сэн мен сетісны дзонь стада вöв да тшöктісны бөр гортö мунны. Ме нö мый уна вöвнас вöча? Со тройка вöв доддялі да и татчö бөр локті.

Озыр вокъяс чуймисны, налы завидъ, мый Макарлы прöста тройка вöв сюрöма, сэсся и шуöны:

— Вай, Макар, көртав мянöс мешöкö, вöч ю вылö юкмöс, кысянь мöдар югыдас медся дженьыд туйыс, ми сэтысь вöвъяссö став чукөрнас вайöдам.

Көртавліс Макар ассъыс горш вокъяссö мешöкъясö, вöв доддын нуис ю вылö да колис.

Виччисисны, виччисисны озыр вокъяслөн гөтыръя-сыс мужикъясныслысь мöдар югыдысь локтöмсö. Оз локны и вöвъяс оз вайöдны. Медбöрын гөгөрвоисны, мый Макар бара пörъяліс, сэсся шуисны сійöс кутны да вины.

Вот көрталісны Макарöс гезъясөн киöдыс-кокöдыс, нуöдісны вөрö, пу бердö көрталісны да кöсийсны вины. Кватитчисны, а пурт ни чер налөн абу. Сэсся артельөн котöртісны гортаныс пуртъясла да черъясла, а Макарöс öтнасөн колисны.

Туй кузя сэки буретш вöлі мунö дөвеч-купеч. Сійö юалö Макарлысь:

— Мыйысь нö тэнö тадзсö көрталісны?

А Макар сылы и шуö:

— Менö мырдысьөн губернатор ныв былö гөтралöны, а мед невестаысь ог пышйы, со татчö көрталісны да невестала мунісны. А меным губернатор нылыд оз ков.

— Кыдз нö губернатор ныв былö он гөтрась, сійö öд лёка озыр? Вай ме тэ пыдди гөтрася.

— Окотитан кө гөтрасьны, лок сувт татчö ме пыдди. — Сэсся Макар ас пыддиыс пулань чужöмөн көрталіс дөвеч-купечöс, ас паськөмнас пасьтöдіс, а ачыс мөд туйöд гортас муніс.

Вот локтісны озыр вокъяслөн гөтыръясыд, Макар пыдди виисны дөвеч-купечöс да сэтчö пу вуж улас и дзебисны. Локтісны гортаныс и аддзöны: Макар бара дзонь-видза, да кутісны Макарлысь прöща корны.

— Прöстита, ставныд кө джын овмöс пайнытö мен сетанныд, — шуö Макар.

Жаль эськö, да быть лои сетны.

Сэсся овмөдчис Макар и пöрысь бать-мамсö кувтөдзныс зэв бура видзис.

Макар и семеро братьев

Жили-были старик со старухой. Было у них семеро сыновей, а восьмой — бестолковый, непутёвый Макар. Семеро братьев отделились, завели свои семьи, а старых родителей оставили на попечение Макара. Братья богатые, денежные, а у Макара — полуразвалившаяся избёнка, ещё дедушкой поставленная, да лошадь о трёх ногах — Карко, ровесник Макарова отца. Кроме этого нет ничего. Есть Макару самому нечего и нечем стариков — отца с матерью — кормить.

Пришла весна. Братья Макара запрягли своих откормленных лошадей и поехали ячмень сеять. Поехал и Макар на своём Карко. Трюхали, трюхали, наконец и они на поле приехали. Посмотрел Макар на поля братьев: у них давно уже вспахано, засеяно, хлеб скоро жать можно будет, а он только пахать начинает. Пахали-пахали Макар со старым Карко, братья тем временем весь хлеб убрали и на гумно свезли, а Макар всё ещё пашет. Что делать? Макар и не ленив, да лошадь у него убогая. Так ли, сяк, и у него поле допахалось, да семян мало. Достал Макар из-за пазухи ломоть хлеба и стал подкрепляться, а крошки хлебные птичкам бросает. Шёл тут поп мимо Макарова поля. Увидел, что Макар крошки кидает, спрашивает:

— Что, Макар, делаешь?

— Хлеб сею.

— Как хлеб сеешь? Печёный хлеб не сеют.

А Макар попу в ответ:

— Посеешь зерном, зерном и получишь урожай, а посеешь печёный хлеб, печёным же хлебом и заколосится.

Попу и чудно кажется, и завидно... А Макар подзадоривает:

— Если так посеешь, не нужно ни в скирды класть, ни молотить, ни молотъ, уродится хлеб караваями, знай лишь тащи на стол, режь да кушай на здоровье.

Невтерпёж стало попу от зависти и говорит он Макару:

— Сбегай, Макар, быстренько к матушке-попадье, попроси у неё двух лошадей, две сохи, две бороны да побольше печёного хлеба: будем на мою каменистую пашню печёный хлеб сеять.

А Макар ему и говорит:

— Да я бы со всем моим удовольствием, батюшка, только ведь мне, мужику в отрепьях, матушка не доверит коней и плуг-борону. Дай-ка поменяемся одеждой...

Дал Макар попу свою рвань, а сам оделся в попову одежду и отправился к попадье. Говорит ей:

— Батюшка в городе купил трёхэтажный дом, денег не хватило. Просил прислать со мной три тысячи рублей.

Попадья ему и говорит:

— Дать я дам, но у меня денег только две тысячи семьсот. Ты обожди, сейчас сбегая, попрошу взаймы у дякона и псаломщика.

Взял Макар у попадьи три тысячи рублей и отправился домой.

Поп ждал-ждал Макара, уже наступил вечер, а Макара всё нет. Что случилось с Макаром? Ушёл и пропал. Дай, думает, сам схожу домой.

Пришёл и спрашивает у попадьи:

— Макар был?

— Был, — отвечает та. — Ты велел ему дать три тысячи рублей — отдала.

Понял поп, что крепко подкузьмил ему Макар, бегом побежал к Макарову полю. «Меня, — думает он, — не перегонит, куда ему. Придёт на поле за лошадьё, тут-то я его и сцапаю».

Тем временем Макар оделся в женскую одежду, пошёл на свое поле и стал боронить. Пришел туда поп и спрашивает:

— Ты кто такая? Зачем боронишь чужое поле? Ведь поле — Макара!

Говорит Макар в ответ попу бабьим голосом:

— А я сестра Макара. Он ушёл куда-то и пропал, а я вот и пришла боронить.

Поп говорит:

— Твой брат унёс у меня три тысячи рублей денег. Тебе придётся за него платить: иди ко мне батрачкой, а не пойдёшь — под суд отдам.

Пошёл Макар к попу «батрачкой». Было у попа три дочери-невесты. Всем уже замуж пора.

Поп «работнице» и говорит:

— У меня для слуг лишних постелей не приготовлено. Ты будешь с моими дочерьми спать.

Живёт Макар у попа, готовит, печёт, со скотиной управляется, а ночью с поповнами спит. И попадья довольна новой работницей, и поповы дочки.

Заметил поп, что дело неладно: дочки его в еде привередливы стали.

— Что такое? — спрашивает он у попадьи. — Что-то неладно с дочками. Не парень ли наша «работница»?

— Не может быть, — говорит попадья.

А попу не верится. Он велел баню затопить и послал с работницей вместе попариться матушку.

— Иди, — говорит, — матушка, попарься с работницей и хорошенько присмотришься в бане, не парень ли?

Вот пошла попадья в баню. Часа три парились. Как вернулась попадья из бани, поп у неё спрашивает:

— Ну что, девка или парень работница?

— Девушка, конечно, с чего ты, дурень, взял, что парень?

Съездил поп в город, дочерям женихов подыскал — трёх купцов привез. Женихи невест осмотрели.

— Этот товар, батюшка, нам не годится, — говорят они. — Вот если работницу нам отдашь, её немедленно замуж возьмём.

Поп говорит:

— Эту работницу отдавать жалко, три тысячи стоит, но вам отдам, только про моих дочерей дурную славу не разнесите.

Вот отдал поп «работницу» за купца одного замуж. Купец «её» с собой в город увёз.

Отпировали, гости разошлись. «Невеста» жениху и говорит:

— Мне нужно на улицу выйти, а везде заперто. Спусти-ка меня по верёвке через окно.

Спустил купец на верёвке «невесту» из окна и ждёт. А Макар тем временем из хлева купца вывел большего барана, привязал к верёвке и крикнул: «Поднимай!»

Поднял купец, а вместо невесты — баран с рогами. Испугался, завопил. Гости сбежались, у жениха спрашивают: «Что случилось?»

А жених на рогатого барана показывает и говорит, что так и так — его невесту в барана превратили. Думали-гадали и решили барана убить и труп тайком под кучу навоза спрятать.

А тем временем Макар оделся в мужскую одежду и к попу пришёл:

— Ну, батюшка, я пришёл к тебе узнать, куда мою сестру дел. Скажешь, три тысячи верну, а нет — будем судиться, тебя же обвиню.

Поп рассказал, мол, так и так: сестру Макара за городского купца замуж выдал. Пошли поп с Макаром молодку навестить. Пришли к купцу, Макар и спрашивает:

— Где моя сестра?

Купец вначале отпирался, а потом рассказал, мол, так и так: невесту его злые люди в барана превратили. Макар потребовал труп показать, а потом купцу с попом и говорит:

— Ну, теперь за это дело я вас точно засужу.

Купец говорит:

— Не судись, тысячу рублей золотом заплачу.

А поп говорит:

— Я три тысячи рублей прощу и ещё тысячу добавлю, только не судись.

Отправился тогда Макар на своё поле, а лошадь всё его ждёт. Бедная, без еды, без питья, от старости еле живая.

Зарезал Макар лошадь, отнёс на базар и за полтинник шкуру продал. Потом пришёл к богатым братьям и говорит:

— Дайте, братья, четверик, нужно деньги отмерить. Коня забил, шкуру продал, денег без счёта дали.

Сходили богатые братья на деньги Макара посмотреть, глаза на лоб полезли: точно, у Макара откуда-то огромные деньги взялись. В тот же день семеро братьев зарезали всех коней и жеребят и шкуры в город отвезли продавать.

Стоят на базаре, ждут покупателей.

— Сколько за шкуры просите? — спрашивают у них.

— По тысяче рублей за шкуру, — отвечают братья.

А люди над ними только смеются и удивляются, откуда, мол, семь таких дураков явились: за лошадиную шкуру тысячу рублей просят. Может, целый месяц братья предлагали покупателям конские шкуры, а покупатели вместо тысячи рублей больше трёх не дают.

Поняли богатые братья, что Макар их обманул, и пошли его убивать. Запихали в мешок и отправились на речку, к проруби. Утро было холодное, и прорубь застыла, а братья ни пещи, ни топора не прихватили. Что делать? Решили домой вернуться за топором и пещей, потом уже Макара в прорубь опустить. Спорили, спорили, кому пойти — все вместе пошли, Макара одного оставили на реке.

Макар стал кричать: «Меня насильно в исправники сажают, а мне неохота садиться, насильно в город увозят!»

Как раз тогда на тройке урядник проезжал. Услыхал крики Макара и говорит:

— Я желаю исправником быть. Выходи из мешка, я вместо тебя залезу.

Так и сделали. Урядника завязали в мешок, а Макар сел на тройку и вперёд поехал. Пришли братья с топорами, пешнями, пробили устье проруби и мешок с урядником туда ухнули.

Вернулись братья. Веселятся, что от Макара-обманщика избавились. А тем временем Макар под их окнами проехал и возле своего дома остановился. Братья удивились, как это Макар живой, когда его только что в воду бросили. Пошли к нему. Макар и говорит:

— Когда меня в мешке-то бросили в реку, я побывал на том свете. Там мне дали целый табун коней и велели домой возвращаться. А что я с табуном коней буду делать? Вот, тройку запряг и вернулся.

Богатые братья удивляются, завидно, что Макару ни за что тройка коней досталась, и говорят:

— Давай, Макар, завяжи нас в мешки, сделай на реке прорубь, откуда на тот свет самая короткая дорога, мы оттуда весь табун перегоним.

Завязал Макар своих жадных братьев в мешки, на санях отвёз к реке и оставил.

Ждали, ждали жёны богатых братьев возвращения мужей с того света. А те не едут и коней не ведут. Поняли, что Макар опять обманул, и решили поймать и убить его.

Вот связали Макара верёвками по рукам, по ногам, отвели в лес, к дереву привязали и убить собрались. Спихнулись: ни ножа, ни топора нет у них. Все гурьбой побежали домой за ножами-топорами, а Макара одного оставили.

По дороге ехал вдовец-купец. Он у Макара спрашивает:

— За что тебя так привязали?

Макар ему и говорит:

— Меня насильно на губернаторской дочке женить хотят, а чтобы от невесты не убежал, сюда привязали и за невестой пошли. А мне губернаторской дочки не надо.

— Как, ты не хочешь жениться на губернаторской дочке? Она ведь девка богатая! Давай я женюсь вместо тебя.

— Хочешь жениться, встань сюда вместо меня.

И Макар вместо себя к дереву лицом вдовца-купца привязал, в свою одежду одел, а сам другой дорогой домой пошел. Вот пришли жены богатых братьев, вместо Макара убили вдовца-купца и там под корнями похоронили. А вернулись домой и видят: Макар опять живой, стали у Макара прощения просить:

— Прощу, если половину имущества мне дадите, — говорит Макар.

Жалко, но пришлось отдать.

Зажил Макар и старых родителей до самой смерти кормил-поил.

Мужик да поп кōза

Отчыд мужик да поп мōдōдчисны базарō ньōбасьны. Ветлōдліс, ветлōдліс мужик базар кузя, немтор эз сюр мужик деньга вылō, деньгаыс сьлōн сōмын вōлі дас ур*.

Сэсся сылы ōти старука вочаасис дай шуō:

— Буретш тэнад деньга серти менам эм тōвар, — и дас ур доныс сетіс сылы куим чуньлыс капуста кōйдыс.

— И тайō добра, — шуō мужик, — тайō пукта да, во гōгōр кeжлō сорва лōō.

А поп пыр мужик бōрвывтī ветліс. Аддзис поп, мый мужикыд капуста кōйдыс ньōбис, сійō и думайтō: «Мужик ньōбис капуста кōйдыс, кōсійō капуста вōдитны. Час, ме кōзаōс ньōба. Кōзаыд меным йōв кутас лысьтыны, и кōрым лōсьōдны сылы оз ков: мōдас мужик капуста град йōрō пыравлыны».

* Дас ур — куим кōпейка либō ōти алтын, важ ногōн кō.

Пуктіс мужикыд капуста. Капуста эськөн зэв мичаа быдмö, но поплөн көзаыс пакөститчыны град йөрö мөдіс волывлыны. Сувтөдіс мужик град гөгöрыс сыв судта потшөс, сувтөдіс кык сыв судтаос, сувтөдіс куим сыв судтаос, а поп көзаысь некыдз оз мын, дзик попыс кодь жö наян. Петас кө мужик кильчö вылö, көза йөр сайö звиркнитас, а мыйөн мужик керкаас пырас, көза бара нин йөр пытшкö пырöма да капустасö жөритö.

Скөрмис мужик поп көза вылö, сьöрсыйс босьтіс палич да водіс град бөрөздаас. Пырис поп көза капуста гусявны, а мужик чепөсйис бөрөздаысь да көзалы юр вомöныс паличөн косьöбтіс. Поп көза сэтчö и куліс.

Вот попыд мужикöс уездной судья ордö кыскис. Пырисны мужик попкөд судья ордö.

Попыд поп и эм: көтшас улад сійö оз пуксьы, сэрöг лабичас пуксис, а мужик көтшас улö курöг поз вылö лажгөдчис. Курöг позйыд вөлöма важ нин, варкаліс да, став курöгыс судьялөн лямалисны.

Скөрмис уездной судья да мужикöс сетіс губернской судö: сьöрсыйс нуөдіс сійö губернской карö.

Вот поп, уездной судья да мужик мөдісны пырны губернской судья ордö. Мужик ас кежас и думайтö: «Онi көтшас улад ог нин пуксьы; керкаас пыра да веськыда сэрöг лабичөдзыс муна, а то бара кутшөмкö пакөсьт суас».

Мужикыд сідзи и вöчис: пырис судья керкаö медводзын да веськыда сэрöг лабичö мөдөдчис. Но пакөсьтыд мужикöс и сэн вөлөм виччысьö. Губернской судья гөтырыскөд да челядыскөд пукалоны, а понсö чептөн вөлі домöма пызан кокас. Судьялөн понйыс уськөдчис киссьөм паськөма мужик вылö да сёян тыра пызансö пөрөдіс. Став дозмукыс пызан вылысь жуллысис, а судьялөн челядыс пöсь шыдөн сотчисны.

Губернской судья мужикöс кыскис столишной судья дінö. Вот пондісны воны судья керка дінö, а сылөн öшинья-

сыс восьсаоьсь. Мужик и думайтö: «Öдзöстi кö воддза моз пыра, бара кутшöмкö пакöсьт вермас лоны, час жö, восьса öшинь пырыс заводитла пырны».

Поп, уезднöй суддя да губернскöй суддя кильчö пос кузя мöдöдчисны керкаö, а мужикыд öшиньтi пондiс кавшасьны. Кутiсны сiйöс столишнöй суддялөн слугаясыс да вайöдiсны кöзяиныс дiнö.

— Ак тэ, — шуö суддя, — ме ордö тэ гусясьны пыран! Но, сiдзкö, и судита öнi ме тэнö. Öти час сета срок корсьны аслыд адвокатöс.

Петiс мужик столишнöй суддя ордысь, пуксис кильчö помас да пондiс шогсьыны. Буретш сэтi öти адвокат вöлi мунö да аддзис мужикöс.

— Мый нö, — шуö, — тэ шогсян, дядьö?

— Кыдз нö мен не шогсьыны? Столишнöй суддя менö кöсiйö судитны. Час срок сетiс адвокатöс корсьны. А кысь нö ме сiйöс аддза?

— Эн шогсьы, — шуö адвокат, — ме кö тэнö велöда, некутшöм адвокат тэд оз ков, и суддяыд судитны оз вермы. Но велöдöм пыдди меным ковмас кызь вит шайт мынтыны.

Мужик кöсiйысис мынтыны, кöть сылөн зептас грöш ни кöпейка эз вöv.

Адвокат сiйöс велöдö:

— Пыран, — шуö, — суддя дiнад да, сiйö тэнсьыд быдторсö пондас юасьны. А тэ пондан сылы пыр öти ногөн вочавидзны: «Но и што же?» да «Вот ещё!» А бöрыннас, кор мездысян, мынтысьны меным эн вунöд.

Пырис мужик судö. Суддя заводитiс сылысь юасьны:

— Тэ, — шуö, — мужик, поплысь кöзасö виин?

— Но и што же?

— Сiдзкö, мыжаөн лыддян асьтö?

— Вот ещё!

— А уезднöй суддялысь, — шуö, — курöгъяссö тэ виин?

— Но и што же?

— Сідзкө, асьтö мыжаөн лыддян?

— Вот ещö!

— А губернскойöй суддялысь челядсьö сотін, дозмукъ-яссö жуллин?

— Но и што же?

— Сідзкө, и таысь он пыксьы?

— Вот ещö!

— А ме ордö, столишнöй суддя керкаö, öшиньöд пондылін пырны гусясьны?

— Но и што же?

— Но, сідзкө, и судитны колö тэнö.

— Вот ещö!

Скөрмис суддя мужик öтветьяс вылö.

— Тэ, — шуö, — лючки сёрнит мый йылысь юалöны, а ковтöмторсö эн висьтав. Кöза виöмысь, челядь сотöмысь да курöгъясöс лязöдöмысь он пыксьы?

— Но и што же?

— Дурак тэ та бöрын! — терпенньöысь петіс суддя.

— Вот ещö!

Дзонь лунтыр допроситіс суддя мужикöс и нинöм тöлк эз босьт, сöмын асьсö мөритіс тöлктöм мужиккöд сёрнитöмөн. Медбöрын сэтшöма скөрмис да горöдіс:

— Мун, — шуö, — убирайтчы, да мöдысь ме дінö эн лысьт локны.

— Вот ещö! — пондіс пыксьыны мужик.

Вөтлісны мужикöс суддя ордысь, а сылы сійö вöлі и колö.

Гажапырысь сійö мунö кар кузя да чатрасьö, а сылы паныд öнтая адвокатыд.

— Но, кыз, — шуö, — тэнад делöыд? Ме öд шулі, мый правдайтасны.

— Но и што же?

— Öні öд абу нин судын, лючки мекöд сёрнит.

- Вот ещö!
 - Тэ öд кöсйысьлйн меным кызь вит шайт мынтыны, — корö деньга адвокат.
 - Но и што же?
 - Сидзкö, мынтысь дай прöст лоан.
 - Вот ещö!
- Тадзи мужик пöръялис суддяясöс и адвокатöс.

Мужик и поповская коза

Однажды мужик и поп отправились на базар за покупками. Ходил, ходил мужик по базару, ничего не нашлось по его деньгам, денег-то было всего три копейки*.

Тогда встретилась ему одна старушка и говорит:

— Как раз по твоим деньгам товар у меня есть, — и на три копейки дала ему три пяди капустных семян.

— И то хорошо, — говорит мужик, — это посажу, и на целый год приварок будет.

А поп всё за мужиком следом ходил. Увидел поп, что мужик капустные семена купил, и думает: «Мужик купил капустные семена, хочет капусту выращивать. Сейчас я козу куплю. Коза мне будет молоко давать, и корма готовить ей не нужно: будет на капустные грядки к мужику ходить».

Посадил мужик капусту. Капуста-то хорошо растёт, но поповская коза стала на огород ходить, пакостить. Поставил мужик вокруг изгородь в сажень высотой, потом в две сажени, потом в три сажени, а от поповской козы никак не избавится — она, как и поп, хитрая. Выйдет мужик на крыльцо, коза за изгородь скакнёт, а как только мужик домой зайдёт — опять уже в огороде и капусту жрёт.

* В оригинале: 10 ур «десять «белок», что равнялось 3 копейкам или 1 алтыну.

Разозлился мужик на поповскую козу, взял палку и лёг в борозду. Пришла коза капусту воровать, а мужик рванулся из борозды и её по голове палкой жахнул. Поповская коза там и сдохла.

Вот поп мужика потащил к уездному судье. Зашли мужик с попом к судье.

Поп он поп и есть, к порогу не садится, на лавку в красном углу сел, а мужик у порога на клетку для кур присел. Клетка для кур оказалась старой, сломалась под ним, и все куры у судьи — всмятку.

Разозлился уездный судья и мужика отдал под губернский суд: сам с ним поехал в губернию.

Вот поп, уездный судья и мужик заходят к губернскому судье. Мужик про себя и думает: «Теперь у порога уже не сяду, в дом зайду и прямо к угловой скамье пойду, а то опять какая-нибудь пакость случится».

Мужик так и сделал: зашёл в дом судьи первым и прямым к угловой скамье направился. Но пакость, оказывается, и здесь мужика ждала. Губернский судья с женой и детьми сидит, а собаку цепью к ножке стола привязали. Собака накинулась на мужика в драной одежде и стол с едой опрокинула. Вся посуда разбилась, а дети судьи горячим супом обожглись.

Губернский судья потащил мужика к столичному судье. Вот подходят к дому судьи, а у него окна открыты. Мужик и думает: «Если, как прежде, в двери зайду, опять какая-нибудь пакость может случиться, дай-ка, через открытое окно попробую залезть».

Поп, уездный судья и губернский судья по лестнице в дом идут, а мужик через окно стал залезать. Поймали его слуги и привели к хозяину — столичному судье.

— Ах ты, — говорит судья, — ко мне воровать лезешь! Ну и засужу я тебя сейчас. Один час сроку даю тебе — адвоката себе найти.

Вышел мужик от столичного судьи, сел на крыльцо и стал горевать. Как раз там адвокат проходил и мужика заметил.

— Что же, — говорит, — ты горюешь?

— Как мне не горевать! Столичный судья хочет меня засудить. Час сроку дал адвоката найти. А где я его сейчас найду?

— Не горюй, — говорит адвокат, — если я тебя научу, никакого адвоката тебе не нужно будет, и судья не сможет засудить. Но за науку придётся двадцать пять рублей заплатить.

Мужик пообещал заплатить, хоть у самого в кармане ни копейки, ни гроша.

Адвокат его учит:

— Зайдёшь, — говорит, — к судье, и он обо всём тебя будет спрашивать. А ты будешь ему всё одно отвечать: «Ну и что же?» и «Вот ещё!» А потом, как освободишься, заплатить мне не забудь.

Зашёл мужик в суд. Судья стал у него спрашивать:

— Ты, — говорит, — у попа козу убил?

— Ну и что же?

— Значит, виновным себя считаешь?

— Вот ещё!

— А у уездного судьи, — говорит, — ты кур убил?

— Ну и что же?

— Значит, виновным себя считаешь?

— Вот ещё!

— А у губернского судьи детей ошпарил, посуду перебил?

— Ну и что же?

— Значит, и от этого не отпираешься?

— Вот ещё!

— А ко мне, столичному судье, в дом через окно залезал воровать?

— Ну и что же?

— Ну, значит, судить тебя надо.

— Вот ещё!

Разозлился судья.

— Ты, — говорит, — нормально отвечай, о чём спрашивают, а ненужное не говори. От убийства козы, ошпаривания детей и раздавливания кур не отпираешься?

— Ну и что же?

— Дурак ты после этого! — вышел из терпения судья.

— Вот ещё!

Целый день допрашивал судья мужика и ничего путного не вышло, только себя уморил разговором с бестолковым мужиком. Под конец разозлился и крикнул:

— Иди, — говорит, — убирайся, и в другой раз ко мне не смей приходить.

— Вот ещё! — начал было упираться мужик.

Выгнали мужика от судьи, а ему того и надо было.

Весело идёт по городу и голову задирает, а навстречу ему тот адвокат.

— Ну, как, — говорит, — твоё дело? Я ведь говорил, что оправдают.

— Ну и что же?

— Теперь ведь не в суде уже, нормально со мной говори.

— Вот ещё!

— Ты ведь хотел мне двадцать пять рублей заплатить, — просит деньги адвокат.

— Ну и что же?

— Тогда плати и свободен.

— Вот ещё!

Так мужик обманул и судей, и адвоката.

Мужик да суддяяс

Олісны-вылісны кык вок. Өтикыс озыр, а мөдыс голь. Голь вокыслөн керка тырыс челядь, а озыр вокыслөн челядьыс эз вөв. Өтчыд озыр вокыс и шуө:

— Мыйла нө тэнад, Иван, керка тырыд челядь, а ме-
нам ньöти абу?

Озыр воклы зэв ёна вöлі колö челядьыд.

А Иван сылы и шуө:

— Коран кө менö вежаявны, мөд во та кадö пи чужас.
А озыр воклы зэв нимкодь лоис:

— Пи кө чужас, дерт жö, кора вежаявны дай сё шайт
деньга сета.

Коркö-некоркö озыр вок гөтырлөн збыльысь пи чужис. Пи чужом кузя чукөртис сійö бал: коралис купечьясö, генеральясö да став матигөгöрсä озыр йöзсö.

Иванöс вежаявны корны озыр вок эз и думышты, и бал выlö эз кор:

— Ог жö татшөм озыр да бур гөсьтьяскөд радö, öти пызан сайö, пуксьöд Иван злыдниöс.

Думайтис, думайтис Иван дай шуö ас гөтырыслы:

— Час жö, ветла вок ордö гөститны. Виль чужом ка-
гасö поздравитны.

— Кытчö нө тэ кортöгыс мунан? Кортөм гөсьтöс сьылитшуптö сеталөмөн гөститөдасны.

Локтис Иван озыр вок ордö, сэни гөститöны да кодалöны. Иван и шуö:

— Бөвтö мен, вок, он сетлы?

— Мыйла нө тэд вöлыс?

— Бөрö песла ветлыны.

Дерт, Иванлы пестö вайны вöлыд збыль вöлі колö, но öни сійö локтис мөд сикас могөн: «Гашкö пö, вок пызан сайö пуксьöдас да сур стöканөн öти сайын гөститөдас».

Вок сылы и шуö:

— Сетла вöвтö, но сийöс-заводыс выль да ог сет. Сийöс-заводтöгыс куш вöвсö босът.

Сідзи озыр вок сійöс пызан сайö эз пуксьöдлы и сур стопка эз мыччыв.

Думайтис, думайтис Иван: «Кызди жö пес вайны?» Вöлыс эм, а сийöсыс абу... Сэсся додсьö гезйөн көрталіс вöлыслы бöжас да мөдöдчис вөрö. Кераліс дзонь конда, пунктис доддьö дай вöвсö гортланьыс веськөдіс. Чой паныдасис, а вöлыс кайнысö эз вермы. Кучкис Иван вöвлы, вöv ёнджыка зэлöдчис, дай бöжыс сылөн ори. Пес тыра додсьö öд вöвлы бöжас вöлі көрталöма.

Вайöдіс Иван вок ордö вöвсö да висьталіс, мый сідзи и сідзи... Вöлыдлөн бöжыс ори.

Скөрмис ыджыд вок, Иванöс судö сетіс. Шогсьö Иван, но вöчны нинöм. Коркö кыкнан воксö корисны судö. Судö колö вöлі мунны ылі карö. Озыр вок вöла да куим лунөн воас, а Иванлы подöннад вежон чöж лоö карöдз лётиктыны. Медым суд вылö öти кадö воны, озыр вокыс Иванöс доддяс пуксьöдіс.

Мунісны, мунісны дай воймисны. Поп ордö узьны пырисны. Озыр мортыд öд быд керкаын гöсьт: пуксьöдіс поп озыр вокöс пызан сайö да сійöс медся чöскыд сёян-нас вердö, а гöль вокöс ужнайтны эз чукöст. Сійö тшыг пон моз куйлö паччöрын да видзöдö, кызди поп да сылөн озыр вокыс пель сайöдзныс чöскыд шаньгаяс куснялöны. Бергалö öти бок вылысь мөд бок вылö: чöскыд сёян көр сідзи и кыскö сійöс. А попаддядлөн вөлöма паччöрад выль чужöм кага, эз и тöдлы Иван, кызди бок вылысь бок вылö бергалігмозыд кагаыд сылөн кувтöдзыс лязаліс. И поп тшöтш сетіс сы вылö судö.

Мунісны, мунісны да бара воймисны. Узьны юасисны прöскурня ордö. Поп да озыр вок пызан сайö пуксисны да зэв чöскыда ужнайтисны, а гöль вок тшыг кынöмсö паччöрын шонтö да дульвасö нылалöмөн видзöдö йöз

ужнайтём вылө: өд сійө кык лун чөж нин сёйлытём. Видзөдө голь вок паччөр дорө лэччысьөмөн да аддзө: приступ вылын сулалө прёскур теста тыра шомөс прёскур-нялөн. Судзөдчыліс голь вок паччөрсянь, көсйис гусьөн шомөссыс уль няньсө көть нин өткымынысь чуныштны, но кызкө прөступитчис да увлань юрөн усис паччөрсянь нянь шомөсас. Нянь шомөсыд киссис. Прёскур-ня сәні пинясё:

— Мыйла менсьым святөй прёскур пөжалан шомөссө пөганөй юрнад пежөсьтін? Судитчыны мөда, — и прёскур-ня тшөтш муніс голь мужиккөд судитчыны.

Мый вөчны голь мужиклы? Мунө да шогалө, оз төд мый вөчны. Дерт нин, өні куим мыжсьыд прамөя судитасны. Туйыс вөлі мунө джуджыд пос вывті. Иван думайтө: судитасны жө пө, а гашкө, и юрөс керыштасны да. Сьмерт кө пө, мед сьмерт. Бурджык лоө, тайө джуджыд пос выв-сяньыс кө увлань юрөн кыммөм йи вылас шыбитча.

Иван сідзи и вөчис. Пос вывсянь йи вылө увлань юрөн шыбитчис, а пос увтыс мунө вөла туй, буретш сәті вөлөм төварла мунөны купеч ая-пия. Пөрысь купечыд лязмуніс, а Иван ачыс ловйөн колис. Кутіс купеч Иванөс да бара жө судө кыскис.

Төдө Иван, мый өні сійөс прамөя судитасны:

— Но, — шуас, — мый лоаныс ло...

Сэсся босьтис туй вылысь ыджыд кодь йөрыша из, чышъян пытшкө гаровтіс да питшөгас и суйис. Гашкө пө, и тайө згөдитчас.

Пырисны суддяяс дорө дай норасьоны. Озыр вок шуө:

— Менам вөвлысь бөжсө орөдіс.

Поп шуө:

— Менсьым вель чужөм кагаөс виис.

А купеч шуө:

— Менсьым батьөс лязөдіс.

Мөдісны суддяяс Иванлысь юасьны: кызди да мый.

Мыйла озыр воклысь вöв бöжсö орöдiс? Иван ставсö лючки висьталiс, кыдзи вöлi делöйс, а висьталöм помасигöн питшöгсьыс кыскылiс из тыра мешöксö да суддяяслы петкöдлiс.

Важöн суддяясыд öд вöлины сэтшöмöсь, кодi унджык деньга сетас, сы дор и судитасны. Суддяяс чайтiсны, мый мужикыд питшöгсьыс кыскылiс деньга тыра мешöк дай сы дор и судитiсны: шуисны Иванлы кольны вöвсö, кытчöдз выль бöж сылөн оз быдмы, а орöм бöжсö сетны озыр вокыслы. Озыр вок шуö:

— Ме абу сöглас сылы вöв сетны.

— Абу кö сöглас, вöв пыдди Иванлы сё шайт мынтан и вöв бöжсö ачыд быдтан, — шуисны суддяяс.

Сэсся поплысь кага виöм делö кутiсны видлавны. Иван бара ставсö лючки висьталiс, мый сiдзи, тöдлытöг лязалi кагайс. Сэсся бара питшöгсьыс кыскылiс из тыра мешöксö да мыччöдлiс суддяяс син водзö.

А суддяяслөн синмыс сiдзи и öзйö. Чайтöны, мый мужик калым пыдди деньга тыра мешöк вайöма. И бара Иван дор судитiсны. Шуисны сiдзи:

— Иван ненарошнö лязöдöма поплысь кагасö. Сы пыдди поп медым ассьыс попаддясö öти во кeжлö сетлас верöс сайö Иван сайö. Сiдзи, медым виöм кага пыдди Иван водзöссö вермас поплы мынтыны кагаөн жö.

Поп шуö:

— Ме тадзитö абу сöглас.

Суддяяс и шуöны:

— Жаль кö попаддяды, сы пыдди деньгаөн позьö мынтысьны. И шуисны, медым поп Иванлы мынтас кыксё шайт. Тадзи и орöдчисны.

Сэсся мöдiсны пöрысь купечöс лязöдöм да прöскур-нялысь шомöс пежалöм делöяс видлавны. Иван ставсö висьталiс, кыдзи мый вöлi. Сэсся бара питшöгсьыс кыскылiс из тыра мешöксö да суддяяслы ныр водзö

мыччөдліс. А суддьяслөн синъясныс сідзи и öзйöны! Налы колö öдйөджык нин судсö помавны да мужиклысь калым босътны. Чайтисны, мый питшөгас сылөн збыльысь деньга тыра мешöк.

Суддьяс шуисны купечлы:

— Мун да кай сійö пос вылас, кысянь Иван чеччыштис, да увлань юрөн шыбитчы пос вывсянь Иван вылö, водзöссö сійöс асьсö лязöд.

А купечыд и шуö:

— Мед көть тысяча чөлкөвöй сетасны, пос вывсянь увлань юрөн ог чеччышт.

— Сідзкө, куимсё шайт мынты Иванлы деньгаөн, а сійö тэнö мездас пос вывсянь увлань юрөн чеччыштöмысь.

И коймөд делö кузя мужикöс бара правдайтисны.

Вот кутисны прöскурнялысь шомöс пежалöм делö видлавны. Иван бара суддьяслы висьталіс, кыдзи вöлі делöйс, да из тыра ёкмыльсö питшөгсьыс мыччөдліс суддьяслы.

Суддьяс таdzi судитисны:

— Пежаліс кө Иван ас пöганöй юрнас тэнсьыд прöскур пöжалан шомöстö, тэ, прöскурня-матушка, мун гортад, кай паччөр вылад да Иван моз жö чеччышт увлань юрөн прöскур шомöсад. Сэки пежассьöм шомöсыд бөр весасяс.

Прöскурня шуö:

— Көть сё шайт ассиянь сета, а увлань юрөн прöскур шомöсö ог чеччышт.

— Сідзкө, мынты Иванлы сё шайт деньгаөн, сійö тэнö мездас шомöсö увлань юрөн чеччыштöмысь.

Иван ставныслысь чукөртис судөн шуом деньгасö: озыр воклысь — сё чөлкөвöй, поплысь — кыксё чөлкөвöй, купечлысь — куимсё чөлкөвöй, прöскурнялысь — сё чөлкөвöй, сэсса шапкасö лэптыштлис да гортас мөдөдчис.

Казялісны суддьяс, мый мужикыд питшөгсьыс кыс-кылöм ёкмыльсö эз коль, да сы бөрся слуганысö мөдөдісны.

Мунö мужик туй кузя, а сы бöрся суддяяслөн слуганыс котöртö:

— Эй, Иван! Вунöдін тай суддяясыдлы калымтö сетны.

Иван кыскис питшöгсыйс из тыра мешöксö да косіс суддяяс дінö:

— Вот, колö кө, тiянлы и калым! Эн кө ме дор судитö, тайöн и гöститöдi.

— Слава тебе, Господи, — шуöны суддяяс, — мый тэ дор судитсьöма! Кöть плешным дзоньöн коли!

Мужик и судьи

Жили-были два брата, один богатый, другой бедный. У бедняка полна изба ребят, а у богача детей не было.

Раз богач и спрашивает брата:

— Почему у тебя, Иван, полна изба ребят, а у меня ни одного нет?

Богатому брату очень хотелось иметь детей.

А Иван ему и отвечает:

— Если пригласишь меня крёстным — на будущий год к этому времени будет у тебя сын.

Очень обрадовался богатый брат: если-де сын родится, конечно же, позову крёстным и сто рублей денег дам.

Долго ли, коротко ли, а у жены богача и вправду родился сын. По этому случаю собрал богач бал: позвал купцов, генералов и всех ближних богатеев. А Ивана крёстным позвать богатый брат и не подумал. И на бал не позвал. «Не стану-де рядом с такими богатыми и почтенными гостями за один стол сажать злыдня Ивана».

Думал-думал Иван и говорит своей жене:

— А дай-ка я схожу к брату в гости — поздравить с рождением сына.

— Как же ты пойдёшь незванный? Незваного-то гостя по шее угостят.

Пошёл Иван к брату, а там угощаются, и все навеселе. Иван и говорит:

— Лошадь ты мне, брат, не дашь?

— А зачем тебе лошадь?

— В лес за дровами ехать.

Конечно, Ивану лошадь нужна была — дрова привезти, но сейчас он пришёл с другой мыслью: «Может быть, за стол посадит брат да угостит хоть стаканом пива». А богатый брат и отвечает:

— Лошадь дам, но хомута не дам. Без хомута бери. Хомут новый — жалко.

Так и не посадил богатый своего бедного брата за стол и не дал ему ни капли пива. Думал-думал Иван: как же дрова ему везти — лошадь есть, а хомута нет?! Сани верёвкой привязал к лошадиному хвосту и поехал в лес. Срубил большую сухостоину, положил в сани и повернул лошадь к дому. Ехать пришлось в гору, лошадь подняться не может. Ударил Иван по лошади, она напряглась сильнее, и хвост оторвался: сани-то, полные дров, были привязаны к хвосту.

Привёл Иван лошадь к брату и рассказал: так-де и так, у лошади хвост оторвался. Рассердился старший брат и отдал Ивана под суд. Горюет Иван, но делать нечего. Вот и вызвали обоих братьев в суд, а ехать было далеко, в город. У богатого брата лошади хорошие, он за три дня приедет. А Ивану пешком неделю надо будет тащиться. Чтобы на суд явиться в одно время, богач взял Ивана к себе в сани. Ехали-ехали, и ночь пришла. Остановились у попа: ведь богач везде почётный гость. Посадил поп богатого брата за стол и угощает всякой вкусной пищей, а бедного брата ужинать не позвали. Он, голодный как собака, лежит на печке и смотрит, как поп и его богатый

брат уплетают вкусные шаньги. Вертится бедняк с боку на бок — запах вкусной пищи так и дразнит. А, оказываясь, у попадьи на печке был новорождённый ребёнок. Иван и не заметил, как, вертясь с боку на бок, придавил ребёнка до смерти. И поп отдал его под суд.

Ехали-ехали, и опять ночь пришла. Спать попросились к просвирне. Поп и богатый брат сели за стол, вкусно и сытно поужинали, а бедный брат голодное брюхо на печке греет да глотает слюни, смотрит, как люди внизу ужинают: ведь он уже два дня не ел. Смотрит бедный брат и видит: на печной приступке у просвирни стоит квашня с тестом. Бедный брат потянулся с печки, хотел тайком достать теста и в рот отправить, но не удержался и вниз головой упал в квашню. Квашня опрокинулась, тесто — на пол. А просвирня ругается: почему-де у меня ты опоганил тесто для святых просвир своей головой. Судиться с тобой буду! И просвирня тоже поехала судиться с бедняком.

Что делать бедняку? Едет и горюет, не знает, что ему делать? Конечно, уж сейчас за три-то вины засудят его крепко.

А ехали по высокому мосту. Иван и думает: конечно же, засудят, может быть, и голову срубят. А смерть — так смерть. Не лучше ли с высокого этого моста кинуться вниз головой об речной лёд?

Так и сделал Иван. Кинулся вниз головой, а на льду под мостом была проезжая дорога, и как раз в это время там ехали за товаром купец с сыном. Старый купец убится, а Иван остался в живых. Поймал молодой купец Ивана и опять в суд его потянул.

Видит Иван — засудят сейчас крепче крепкого. Ну, думает, будь что будет. Взял с дороги большой камень, завернул в платок да и сунул за пазуху. Может быть, думает, и это пригодится.

Зашли к судьям, и жалуются истцы.

Богатый брат говорит:

— У моей лошади хвост оторвал!

Поп говорит:

— У меня новорождённого ребёнка убил!

А купец говорит:

— Моего отца задавил!

Стали судьи спрашивать у Ивана: как-де и почему? Почему он хвост у лошади богатого брата оторвал?

Иван всё рассказал, как следует, как дело было, а закончив рассказ, достал из-за пазухи камень, завёрнутый в платок, и показал судьям. А раньше ведь судьи были такие: судили всегда в пользу того, кто больше даст. Они подумали, что мужик из-за пазухи достаёт мешок с деньгами, и присудили в его пользу. Решили, что лошадь следует оставить в пользу Ивана до тех пор, пока не вырастет новый хвост. А оторвавшийся хвост отдать богатому брату.

Богатый брат говорит:

— Я не согласен давать лошадь.

А судьи отвечают:

— Если ты не согласен, то вместо лошади заплати Ивану сто рублей, а сам возьми лошадь и отрасти ей хвост.

Потом судьи стали решать дело об убийстве ребёнка у попа.

Иван опять рассказал, как было дело: ребёнка задавил, не заметив, и опять из-за пазухи показывает камень, завёрнутый в платок. А у судей глаза так и разгораются: думают, что у мужика в той тряпке калым*. И опять присудили в пользу Ивана — он-де не нарочно убил ребёнка, за это пусть поп свою попадью даст Ивану на год, чтоб он смог попу отплатить за убитого ребёнка ребёнком же.

* Калым — здесь: взятка.

Поп говорит:

— Я не согласен.

А судьи ему:

— Если тебе жаль попады, можешь откупиться деньгами.

И решили, чтобы поп заплатил Ивану двести рублей. На том и покончили.

Затем стали разбирать дела об убийстве купца и об опоганенной квашне просвирни.

Иван рассказал всё, как было, и опять показал камень в платке, а у судей глаза так и разгораются. Им хочется поскорее закончить дело и получить с мужика калым. Они думают, что мужик взаправду показывает из-за пазухи мешок с деньгами. Судьи и говорят купцу:

— Иди, полезай на тот же самый мост, откуда Иван прыгнул, и кинься вниз головой с моста на Ивана, его самого задави!

А купец и отвечает:

— Пусть мне хоть тысячу рублей дадут, я ни за что не кинусь с моста вниз головой.

А судья ему:

— Если так, то плати триста рублей Ивану, чтобы он освободил тебя от прыжка с моста.

Так и по третьему делу мужика оправдали.

Наконец стали рассматривать иск просвирни за опоганенную квашню с тестом для просвирок. Иван опять судьям рассказал, как было дело, и опять показал камень, завёрнутый в платок.

Судьи так присудили:

— Если опоганил Иван своей головой квашню для просвирного теста, то ты, матушка просвирня, иди домой, залезь на печку и так же, как Иван, кинься вниз головой в квашню. И тогда опоганенная квашня очистится.

Просвирня отвечает:

— Лучше сто рублей от себя дам, а ни за что не ки-
нусь вниз головой в квашню.

— А если так, заплати Ивану сто рублей, и тогда он
освободит тебя, чтоб головой вниз в квашню ты не пры-
гала, — говорят ей судьи.

Собрал Иван присуженные ему судом деньги со всех:
с богатого брата — сто рублей, с попа — двести рублей, с
купца — триста, с просвирни — сто, потом приподнял
шапку и домой отправился. Заметили судьи, что мужик
не оставил показанного им из-за пазухи мешка, и посла-
ли за ним слугу. Идёт мужик по дороге, а за ним су-
дейский слуга бежит, кричит:

— Эй, Иван, забыл ты отдать судьям калым!

Иван вынул из-за пазухи камень, завёрнутый в пла-
ток, и вернулся к судьям:

— Вот вам калым. Если бы не в мою пользу решили,
этим я угостил бы вас.

— Слава тебе, Господи, — говорят судьи, — что прису-
дили в твою пользу, хоть лбы целы остались!

Нёрымö-дядьö

Оліс-выліс Нёрымö-дядьö. Коркö сійö нинкöм кыис
да мөдöдчис базарö вузавны. Туй вылас пемдіс да öти
тöткa дорö узыны вöзйысис.

— Кытчö нö, — шуö Нёрымö, — ме ассьым нинкöмöс
пукта?

— Пукты, — шуö, — нинкöмтö чипан поз дінас. Нинöм
сылы оз ло.

Войнас, кор тöткa чорыда унмовсис, Нёрымö-дядьö
чеччыліс, торпыригöдз косявліс ассьыс нинкöмсö, пуктіс
бөр чипан поз дінö, а ачыс бөр водіс узыны. Асывнас, кор
аддзисны, мый чипангьяс нинкöмсö косявлöмaсь, Нёрымö
пондіс грöзитчыны кöзьяка вылö:

*Õксы пи́лы норася,
Баяр пи́лы песöда,
Сё шайт выlö бедуйта,
Медбур чипантö ог босьт.*

— Босьт, — шуö кöзяйка, — медбур чипанös, но норасыны эн мун.

Босьтис Нёрымö тьöткалысь чипан да мöдöдчис водзö, а вой улö бара öти тьöтка ордö узыны вöзйысис.

— Кытчö нö, — юалö Нёрымö, — вой кежас ме ассьым чипанös инала?

— Инав, — шуö, — сийös менам ыжъяс динö.

Войнас, кор тьöтка чорыда унмовсис, Нёрымö ачыс виис ассьыс чипансö, а асывнас бара грöзитчö кöзяйка выlö:

*Õксы пи́лы норася,
Баяр пи́лы песöда,
Сё шайт выlö бедуйта,
Медбур ыжтö ог босьт.*

— Босьт, — шуö кöзяйка, — медбур ыжös, но норасыны эн мун.

Босьтис Нёрымö тьöткалысь ыжсö да мöдöдчис водзö, а вой улö бара öти тьöтка ордö узыны вöзйысис.

— Кытчö нö, — юалö Нёрымö, — вой кежас ме ассьым ыжös инала?

— Инав, — шуö, — менам мöсьяс динö.

Войнас, кор кöзяйка чорыда унмовсис, Нёрымö лэччывлис карта выlö, виис ассьыс ыжсö, а асывнас бара грöзитчö кöзяйка выlö:

*Õксы пи́лы норася,
Баяр пи́лы песöда,
Сё шайт выlö бедуйта,
Медбур мöстö ог босьт.*

— Босьт, — шуö тьöтка, — медбур мöскös, но норасыны эн мун.

Босьтис Нёрымö тьоткалысь мöс да мөдөдчис водзö, а вой улас бара вöйысис öти керкаö узыны.

— Кытчö нö, — шуö, — вой кежлас ассым мöскöс инала?

— Инав, — шуö кöзяин, — менам конюшняö.

Сэсса войнас Нёрымö чеччывлис, ачыс начкис ассыс мөссö, а асывнас грöзитчö кöзяин вылö:

*Öксы пилы норася,
Баяр пилы песöда,
Сё шайт вылö бегуйта,
Медбур вöвтö ог босьт.*

— Босьт, — шуö кöзяин, — медбур вөлöс, но норасыны эн мун.

Босьтис Нёрымö кöзяинлысь вөвсö, доддялис и мөдөдчис гортас. Мунö и туй вылас нимкодъпырысь сьылö:

*Нинкөм вежи чипан вылö,
Чипан вежи баля вылö,
Баля вежи тпрутьö вылö,
Тпрутьö вежи чибö вылö!*

Сэки сылы паныдасис ош да и шуö:

— Лöсьыда сьылан, Нёрымö-дядьö. Он-ö босьт менö седок пыдди?

— Пуксьы.

Мунисны-мунисны, и налы паныдасисны кöин да руч. Найö сідз жö седок пыдди вöйысьöны. Босьтис и найöс Нёрымö. Седокъяс пукалöны доддын, а Нёрымö ямщи-чайтö да долыда сьылö:

*Нинкөм вежи чипан вылö,
Чипан вежи баля вылö,
Баля вежи тпрутьö вылö,
Тпрутьö вежи чибö вылö!*

Друг Нёрымөлөн додъсыс и заверткаыс ори. Мый керны: чер ни пурт абу — колö матыс сиктö черла котортлыны.

— Ме ог мун черла, — шуо ош, — ме выло сиктын став мужикъясыс и мосьясыс логалоны.

— Ме ог мун черла, — шуо коин, — ме выло сиктын став мужикъясыс и ыжъяс логалоны.

— И ме ог мун черла, — шуо руч, — ме выло сиктын став нывбабаясыс и чипанъясыс логалоны.

Колис Нёрымö ошкös, коинös да ручös додь дорö, а ачыс котöртис сиктö черла. Нёрымö ветлiгкостi ош, коин да руч начкисны сылысь вöвсö, став яйсö сёйисны, а сэс-ся кучик пытшкас идзас сöвтiсны, гөгöрбок вурисны да додь вож костö бөр сувтöдiсны, а асьныс вөрö пышйисны. Локтiс Нёрымö, лосьöдiс завертка, сэсся кутiс вölös вöтлыны, а вöлыс оз мун. Öтчыд кучкис, мöдысь кучкис, коймöдысь кучкис, и вöлыс бок вылас пöри. Вöлисти Нёрымö гөгöрвоис, мый седокъяс сiйös бöбйöдлöмаöсь. Шогсис-шогсис и сiдз нинöм абуйн и мунiс гортас.

Дядя Нёрымэ

Жил-был дядя Нёрымэ. Вот сплёл он как-то лапти и пошёл продавать на базар. Ночь в пути застала, вот к одной бабе и попросился переночевать.

— Куда же, — спрашивает Нёрымэ, — я свои лапти положу?

— Брось, — говорит, — лапти в курятник. Ничего с ними не случится.

Ночью, когда тётка крепко заснула, дядя Нёрымэ встал, разорвал на кусочки свои лапти, положил назад в курятник, а сам опять спать лёг. Утром, как увидели, что куры порвали лапти, Нёрымэ и стал угрожать хозяйке:

Княжескому сыну пожалуюсь,

Боярскому сыну на правёж отдам,*

* Правёж — суд, расправа.

*На сто рублей накажу,
Лучшую курицу у тебя не возьму.*

— Бери, — говорит хозяйка, — самую лучшую курицу, но жаловаться не ходи.

Взял Нёрымэ у тетки курицу и отправился дальше, а на ночь опять напросился к одной бабе переночевать.

— Куда же, — спрашивает Нёрымэ, — на ночь свою курочку помещу?

— Помести, — говорит, — её с моими овцами.

Ночью, когда тётка крепко заснула, Нёрымэ сам зарезал свою курицу, а утром хозяйке угрожает:

*Княжескому сыну пожалуйюсь,
Боярскому сыну на правёж отдам,
На сто рублей накажу,
Лучшую овцу у тебя не возьму.*

— Бери, — говорит хозяйка, — самую лучшую овцу, но жаловаться не ходи.

Забрал Нёрымэ у тётки овцу и пошел дальше, а на ночь опять к одной бабе переночевать напросился.

— Куда же, — спрашивает Нёрымэ, — на ночь свою овцу помещу?

— Помести, — говорит, — в хлев к моим коровам.

Ночью, когда хозяйка крепко заснула, Нёрымэ спустился в хлев, убил свою овцу, а утром опять угрожает тётке:

*Княжескому сыну пожалуйюсь,
Боярскому сыну на правёж отдам,
На сто рублей накажу,
Лучшую корову у тебя не возьму.*

— Возьми, — говорит тётка, — самую лучшую корову, а жаловаться не ходи.

Взял Нёрымэ у тётки корову и отправился дальше, а на ночь остановился в одном доме.

— Куда же, — говорит, — на ночь свою корову помещу?

— Заведи, — говорит хозяин, — в мою конюшню.

Ночью Нёрымэ встал, сам свою корову зарезал, а утром угрожает хозяину:

*Княжескому сыну пожалуюсь,
Боярскому сыну на правёж отдам,
На сто рублей накажу,
Лучшего коня у тебя не возьму.*

— Возьми, — говорит хозяин, — лучшего коня, но жаловаться не ходи.

Взял Нёрымэ хозяйского коня, запряг и отправился домой. Едет и по пути весело напевает:

*Лапти поменял на курицу,
Курицу поменял на овцу,
Овечку поменял на тёлушку,
Тёлушку поменял на конька!*

Встретился ему тогда медведь и говорит:

— Хорошо поёшь, дядя Нёрымэ. Не возьмёшь ли се-
доком?

— Садись.

Ехали-ехали, и встретились им волк и лиса. Они тоже в седуки просят. Взял и их дядя Нёрымэ. Седуки сидят в саях, а Нёрымэ — за ямщика и весело поёт:

*Лапти поменял на курицу,
Курицу поменял на овцу,
Овечку поменял на тёлушку,
Тёлушку поменял на конька!*

Вдруг у Нёрымэ завёртки саней порвались. Что делать: ни топора, ни ножа — надо в ближайшее село за топором бежать.

— Я не пойду за топором, — говорит медведь, — меня в селе все мужики и коровы ненавидят.

— Я не пойду за топором, — говорит волк, — меня в селе все мужики и овцы ненавидят.

— И я не пойду за топором, — говорит лиса, — меня в селе все бабы и куры ненавидят.

Оставил Нёрымэ медведя, волка и лису возле подвоя, а сам побежал в село за топором. Пока Нёрымэ ходил, медведь, волк и лиса убили его коня, всё мясо съели, а в шкуру натолкали соломы, зашили и обратно между оглоблями поставили, а сами в лес убежали. Пришёл Нёрымэ, приладил завёртки и стал коня погонять, а конь не идёт. Один раз ударил, второй раз ударил, третий раз ударил, и конь набок повалился. Тогда только Нёрымэ догадался, что седоки его обдурили. Погоревал-погоревал да так ни с чем и ушёл домой.

Коді медйой?

Олісны-вылісны гозъя. Налён вёлі мёс, вёв, ыж да меж. Ётчыд мужикыс муніс ылыс нажётка вылё, а бабаыс горт овны кольччис. Коркё-некоркё казялісны куим жулик, мый бабалён мужикыс нажётка вылё мунёма, да думайтісны сійёс пёръявны.

Первой локтіс ёти жулик.

— Мужикыдкёд, — шуё, — ётилаын уджалім. Зэв уна эмбур вайё да вонысё оз вермы, менё вёвла ыстіс.

Сетіс баба жуликлы вёвсё, а жулик нимкодясё, мый йой бабаёс ылёдны удайтчис. Недыр мысти баба дінё локтіс мёд жулик, первой жуликлён ёртыс.

— Мужикыд, — шуё, — уна эмбур вайё. Ёти вёвнад кыскынысё оз вермы да отсөг вылё мёстё корис.

Сетіс бабаыд жуликлы мёссё, а жулик нимкодясё да син саяс сералё сы вылын.

Недыр мысти баба дінё локтіс коймёд жуликыс.

— Некидыз, — шуё, — мужикыд вонысё оз вермы. Эмбур кыскыны содтёд вын колё, корис ыжтё да межтё.

Сетіс бабаыд жуликлы ыжсё да межсё, а жуликлы сійё и вёлі колё.

Коркö-некоркö воис бабалөн мужикыс нажötка вы-
лысь.

— Көнi нö, — шуö, — гöтыр, мöскыд, вöлыд, ыжыд да
межыд?

Гöтырыс ставсö висьталіс, кыдзи мый вöлі. Гөгөрвоис
мужик, мый гöтырсö сылысь сы ветлігкості йöйтöдлöмaсь.
Скöраліс, скöраліс, но вöчны немтор.

— Но, — шуö, — тэысь йöйыс некод жö, көнкö, абу
свет вылас. Кодкö кö тэ дорысь йöй сюрö — прöстита, а
оз кö — гортысь вöтла.

Нопьясис мужикыд да мöдöдчис свет вылысь йöйьясöс
корсьны.

Муніс, муніс, матысмис öти сиктö да аддзö, кыдзи öти
керка дорö чукöртчöма зэв уна йöз да öшкös сарай вылö
лэптöны.

— Мый нö тi тайö вöчанныд? — юалö мужик.

— Йирк вылö, — шуöны, — турун быдмöма да турунсö
йирны öшкös катöдам.

— Ок, йöйяс, тi, йöйяс! Кодi нö йирк вылö öшкös
катöдлö?

Öти здукөн мужик босьтiс коса, кайліс йирк вылö,
ытшкис сэсь турунсö да пуктiс öш ныр улö.

— Со, — шуö, — кыдзи колö.

Мунö мужик водзö да аддзö: гумла вылын, сю вөрök
дінын дядьö сулалö да содзнас сюсö тölöдö.

— Мый нö, — шуö, — дядьö, тэ вöчан?

— Аддзан тай, сю тölöда.

— Ок тэ, йöй, тэ, йöй! Кодi нö тадзи сю тölöдлö?

Босьтiс мужикыд зыр да öти здукөн став вөрökсö
тölöдіс.

Мунö мужик водзö да аддзö: баба киас босьтöма пож
да дугдывтöг керкаысь кильчö вылö нуалö.

— Мый нö, — шуö, — тэ вöчан, тьötка?

— Керкаысь тшын петкöдла.

— Йой тэ, йой! Коді нө пожйон тшын петкөддывлө?

Сэсся мужик босьтис чер, пач весьтас, йиркас, пискөдіс розь да кирпич труба тэчис. Аттьоаліс мужикос тьотка, а мужик мөдөдчис водзө да аддзө: öти тьотка öти керкаысь мөд керкаө дугдывтөг паньон ветлө.

— Мый нө, — шуө, — тьотка вөчан?

— Ульöла кисель, — шуө, — сөя. Ульöлыс олан керкаын, а кисельыс мөд керкаын.

— Тадзи öмөй сөйлöны. Весиг, йойй, и сөйнытö он куж.

Сэсся босьтис кисель дозсö да йөвсö сы дінö кисьтис. Аттьоаліс мужикос кисель сөйысь баба, а мужик водзө мөдөдчис.

Мунö мужик водзө. Öти керкаын, кылö, кодкө зэв ёна грымгö. Пырис керкаас, а сэні гачтөм дядьö чеччалö. Сувтөдас гачсö джодж шöрас, пыклас гөгөрбок жельясөн, а сэсся зільö чеччыштны гач пытшкас.

— Мый нө, — шуө, — тэ вөчан?

— Аддзан тай, гачася да некыдзи ог вермы.

— Ок тэ, йой, тэ, йой! Тадзи öмөй гачасьлöны?

Велөдіс сэсся дядьöс, кыдзи колö гачасьны, а ачыс мөдөдчис водзө йойтьясос корсьны.

Мунö мужик водзө да аддзө озыр баринлысь керка.

— Час, — шуө, — татчö кежала, гашкө, и тані тшöтш эмöсь йойтьясид.

Пырис мужикыд барин öградаö, а сэні баринлөн порсьыс порсьпияныскөд йирсьö.

Мужик уськөдчис пидзос вылас да пондіс порсь водзын копрасьны да сійос быд ног ыдждöдлыны. Аддзис барыня öшинь пырыс да ыстис служанкасö:

— Мун, — шуө, — петав да юав, мый сэні йой мужикыс порсь водзын копрасьö?

Петис служанка да юалö мужиклысь, мыйла сійö порсь водзын копрасьö.

— Висьтав мун барыняыдлы, — шуö мужик, — тайö порсьыс менам бабалөн чой. Аски менам пийö гöтрасьö да пир выlö корö. Оз-ö барыняыд сийöс лэдзлы порсьпи-яныскöд?

Барыня пондiс шензыны:

— Но и бöлбан жö тайö дядьöыс! Порсьöс пир выlö корö! Но мед, йöзыс мед ёнджыка сераласны.

Тшöктiс барыня параа вöв доддявны да ас платтьöнас порсьöс пасьтöдны. Пуксьöдiсны порсьöс вöв доддьö да сетiсны мужиклы. Мужикыд сэнi дыр виччысьны эз пон-ды: кучкис вöвъяслы да гөнитiс гортланьыс.

Вот воис барин гортас, а барыняыс сылөн зэв ёна се-ралö:

— Мый нö тэ сералан? — юалö сылысь верöсыс.

— Кыдзи нö он серав? Волiс кутшöмкö йöй мужик да миян порсьлы кок вылас юрбитö да сы водзын копрасьö. Шуö, тайö пö менам гöтырлөн чой, пир выlö корны пö сийöс локтi.

— А тэ сетiн сылы порсьтö?

— Медбур параа вöвтö доддялi да мöдöдi порсьöс пир выlö. Мед, мися, кöть йöзыс йöй мужик вылын ёнджыка сераласны.

— А кытысь мужикыс вöлi?

— Ме сийöс ог тöд, эг юав.

— Ок тэ, йöй, тэ, йöй! Мужикöс йöйö пуктан, а йöйыс öд тэ ачyd.

Скöрмис бариныд, мый кутшöмкö мужик сылысь ба-рынясö пöръялöма, сöлис вöв выlö да пондiс вöтчыны.

Кылис мужик, мый барин сы бöрся вöтчö. Сийö кежöдiс вöвъяссö туй бокö. Ачыс пуксис туй бокас, кымыньтiс шапкасö муö да пондiс шапка дiнын зунясьны.

Воис бариныд мужик дiнö да юалö:

— Эн-ö аддзыв вöла мужикöс? Доддяс сылөн седок пыдди порсь да порсьпиян.

— Кыдз, — шуө, — эг аддзыв? Аддзылі. Важөн кодь нин таті гөнитіс.

— А кыдзи меным сійёс суёдны? — юалё барин.

— Суёдны сійёс абу сьёкыд, — шуө мужик. — Сёмын тані туйыс уна вожёсь да верман ылавны.

Барин повзис ылалёмысь да шуө мужиклы:

— Вай вётчы сы бёрся да кут сійё дядьёсё.

— Ме мунны ог вермы, — шуө мужикыд. — Ёти-кё, ме пода, а мёд-кё, со шапка улын менам Пипиристи-сёкөл пукалё. Лэбзяс кё, сё загреки, кёзяин менё виас.

— Ме тэныд ассьым вёлёс сета, а Пипиристи-сёкөлёс видзны ачым кольчча, — шуө барин.

— Ог, ог вермы кольны йёз ки вылө Пипиристи-сёкөлёс, — шуө мужик. — Ёд сы вылө витсё шайт мынтё-ма. Лэдзан кё, мый тэнсьыд босьтан?

— Он кё веритчы, вот тэныд витсё шайт Пипиристи-сёкөл доныд. Кор бёр локтан, ме сэки бёр сета тэныд сёкөлтё.

Босьтіс мужикыд витсё шайт, сөліс барин вёв вылө да гөнитіс гортланьыс. А барин пуксис мужик шапка дінё да сёкөл-птицаёс видзё. Виччысис, виччысис, шондіыс нин увтасмыны пондіс, а мужик век на абу.

— Эз-ё нин пөръяв менё мужикыд? — думыштіс барин. — Час, видзёдла сёкөл-птицасё, пөръяліс кё, сёкөл-птицаыс коть меным кольё.

Доровтыштіс шапкасё да шапка улө видзёдө, ачыс полө, мед эськё сёкөл-птицаыд оз лэбзьи. Босьтіс медбё-рын шапкасё, а сэні, сёкөл-птица пыдди, вёв куйёд.

Скөрмис жё эськё барин, да вёчны нинём. Сэсся сьёлыштіс да косіс гортас, аслас барыня дінас.

А мужик гортас воис тройкаа вёлөн, снитки выль доддьён, содтөд сы дінё энъ порсь да дас кык порсьпи да витсё шайт деньга.

— Но, — шуө, — баба, ёні ов да нимкодясь: свет вылас тэысь йөйджыкъяс на вёлёмаёсь.

Кто самый глупый?

Жили-были муж с женой. Были у них корова и лошадь, овца и баран. Однажды мужик пошёл в дальние края на заработки, а жена домовничать осталась. Как-то заметили три жулика, что у бабы муж на заработки ушёл, и решили её обмануть.

Сначала пришёл один жулик.

— С твоим мужем мы вместе работали, — говорит. — Много добра он везёт, дойти не может, меня за лошадьё послал.

Отдала женщина жулику своего коня, а жулик радуется, что глупую бабу обмануть удалось. Через какое-то время другой жулик пришёл, товарищ первого.

— Муж твой, — говорит, — много добра везёт. На одной лошади не сможет перевезти, ещё корову на помощь попросил.

Отдала женщина корову жулику, а жулик радуется и за глаза над ней смеётся.

Через какое-то время пришёл к женщине третий жулик.

— Никак, — говорит, — муж доехать не может. Имущество тащить сил не хватает, попросил овцу и барана.

Отдала женщина жулику овцу и барана, а ему это и надо.

Вот и муж вернулся с заработков.

— Где, — говорит, — жена, лошадь, корова, овца и баран?

Жена всё и рассказала, как что было. Расстроился мужик, что в его отсутствие жену обманули. Злился, злился, но делать нечего.

— Ну, — говорит, — глупее тебя никого, наверно, на свете нет. Если глупее кто-нибудь найдётся, прощу, а нет — прогоню из дома.

Взял заплечный мешок и отправился дураков на свете искать.

Шёл, шёл, подходит к одному селу и видит: возле дома собралось множество народу — быка на сарай поднимают.

— Что это вы делаете? — спрашивает мужик.

— На крыше трава выросла, вот, быка пастись поднимаем.

— Ох, дурные вы, дурные! Кто же на крышу быка поднимает?

В один момент мужик взял косу, поднялся на крышу, скосил траву и положил быку под нос.

— Во как, — говорит, — надо.

Идёт он дальше и видит: на току возле зерна мужик стоит и горстями зерно пересыпает.

— Что ты, — говорит, — дядя, делаешь?

— Не видишь, зерно вею!

— Ох, дурак ты, дурак! Кто ж зерно так провеивает?

Взял мужик лопату и вмиг провеивал всю кучу.

Идёт он дальше и видит: женщина решето в руки взяла и то и дело из дома на крыльцо выбегает и обратно.

— Что, — говорит, — тётка, делаешь?

— Из дома дым выношу.

— Дура ты, дура! Кто же решетом дым носит?

Взял мужик топор, над печкой в потолке дыру пробил и кирпичную трубу сделал. Поблагодарила тётка его, а мужик дальше направился и видит: какая-то баба из одной половины дома в другую с ложкой бежит.

— Что, — говорит, — тётка, делаешь?

— Кисель с молоком, — отвечает, — ем. Молоко в горнице, а кисель в другой половине.

— Так разве едят? Даже есть, глупая, не умеешь.

Взял посуду с киселем и молоком залил. Поблагодарила его женщина, а мужик дальше отправился.

Идёт он дальше. В одном доме, слышно, гремит кто-то. Зашёл в избу, а там мужик без штанов скачет. Поста-вит штаны посреди пола, лучинками подопрёт, а потом в штаны пытается заскочить.

— Что ты, — говорит, — делаешь? Ох, дурак ты, ду-рак! Разве так штаны надевают?

Научил, как нужно штаны надевать, а сам дальше по-шёл — дураков искать.

Идёт и видит дом богатого барина.

— Дай-ка, — говорит, — сюда заверну, может, и здесь дураки есть.

Зашёл мужик за ограду, а там свинья с поросятами пасётся. Мужик на колени бросился и стал свинье покло-ны бить, по-всякому её величать. Увидела барыня в окош-ко, послала служанку:

— Иди, — говорит, — спроси, отчего этот дурень сви-нье кланяется?

— Иди, скажи барыне, — говорит мужик, — эта сви-нья — моей жены сестра. Завтра у меня сын женится, на свадьбу приглашаю. Не отпустит ли её барыня вместе с поросятами?

Барыня удивляется:

— Ну и болван же этот мужик! Свинью на свадьбу звать! Ну, пусть люди посмеются.

Велела барыня пару лошадей запрячь и в свою одеж-ду свинью одеть. Посадили свинью на повозку и отдали мужику. Мужик долго ждать не стал: хлестнул лошадей и домой поехал.

Вернулся домой барин, а барыня его хохочет:

— Чего смеёшься? — спрашивает муж.

— Как не смеяться! Приходил какой-то глупый му-жик и нашей свинье в ноги кланялся. Говорит, это сестра его жены, на свадьбу приехал пригласить.

— И ты отдала свинью?

— Лучшую пару лошадей запрягла и отправила свинью на свадьбу. Пусть, думаю, хоть люди над глупым мужиком от души посмеются.

— А откуда мужик был?

— Я не знаю, об этом не спросила.

— Ох, дура ты, дура! Мужика дуракомставляешь, а дура-то — ты.

Разозлился барин, что какой-то мужик его жену обманул, сел на коня и пустился вдогонку.

Услышал мужик, что барин за ним гонится. Отвёл лошадей в сторонку. Сам сел на обочину, рядом шапку на землю кинул.

Подскакал барин к нему и спрашивает:

— Не видал ли мужика с лошадьми? В повозке вместе седока свинья с поросятами.

— Как, — говорит, — не видал? Видал. Давненько уж здесь проехали.

— А я их догоню? — спрашивает барин.

— Догнать-то не трудно, — говорит мужик. — Только дорога здесь расходится, можешь заблудиться.

Барин испугался и говорит мужику:

— Давай догони и поймай их.

— Я не могу, — говорит мужик. — Во-первых, я пеший, а во-вторых, под шапкой у меня сокол-Пипиристи. Улетит, меня хозяин убьёт.

— Я тебе своего коня дам, а сокола-Пипиристи сам останусь сторожить, — говорит барин.

— Нет, не могу оставить в чужих руках сокола-Пипиристи, — говорит мужик. — За него пятьсот рублей заплачено. Если отпустишь, что с тебя взять?

— А не веришь, вот тебе пятьсот рублей, сокола-Пипиристи цена. Как вернёшься, сокола отдам.

Взял мужик пятьсот рублей, сел на барского коня и домой ускакал. А барин сел рядом с шапкой и стережёт

сокола-Пипиристи. Ждал-ждал, солнце уже закатилось, а мужика всё нет.

«Не обманул ли меня мужик? — думает барин. — Сейчас посмотрю сокола-птицу, если обманул, хоть сокол мне останется».

Приподнял шапку и заглянул, а сам боится, как бы сокол-птица не улетел. Поднял шапку-то, а там вместо сокола-птицы конские яблоки.

Разозлился было барин, да делать нечего. Плюнул, отправился к своей барыне.

А мужик вернулся домой с тройкой лошадей, новёхонькой повозкой, да вдобавок свинья, двенадцать поросят и денег пятьсот рублей при нём.

— Ну, — говорит, — жена, теперь живи да радуйся: на свете дурнее тебя ещё, оказывается, есть.

Небылича

Öти старик гозъялön вöлі куим пи. Мунісны öтчыд вөрö нажөвитчыны да вошисны. Öти вок и шуö дзоляыслы, Иванлы, йөйоватлы:

— Вокöй, кайлы пу вылö да видзöдлы, он-ö кытыськö би аддзы?

Кайис Иван пу вылö, видзöдö: зэв ылын кöнкö битор öзйö. Муніс била ыджыд вок. Воис бипур дорö, а сы дорын зэв скөр старик пукалö, ыджыд тошка, би видзö.

— Пöльö, вайышт битор!

— Небылича висьталан, сета.

— Ме ог куж.

Нöйтис сійöс пöльöыд джынвийö кувмön да вöтліс.

Муніс била йөйов Иван.

— Пöльö, вайышт битö!

— Небылича висьталан, сета.

И кутіс Иван-дурак небылича висьтаваны.

— Пуим ми өтчүд сур. Тшаныс пөрис да, шомыс сэтүс визувтны кутіс. Вөв локтіс, став шомсө юис да потіс. Вөчим ми кыдз ньөрйысь асык да асыкалім кынөмсө, а асыксьыс друг кыдз пу кутіс быдмыны. Быдмис-быдмис да енэжөдзыс воис. Кайи ме сы кузя енэжөдз, а сэн гутъяс ыло өшгясөс вежлалөны. Куталі ме гутъясөс да вежи өшгяс ыло. Көсийи бөр му ыло лэччыны, а шогмытөм вөлыд мунөма кытчөкө кыдзнад. Мый нө меным енэжас вөчнысь? Начки став өшсө, вундалі кузь-кузь сюмыс да муө лэччыны куті. Лэччи-лэччи, сюмысыс помасис, а муөдз ылын на! Но мый вөчны? Мышкөс гыжйышті, пытшөс кыйи. Кули сылысь кусө, шөралі сюмыс ыло, бара лэччыны куті. Лэччи-лэччи, а муөдз ылын на. А сэн гумла ылын мужик зырьөн нянь төлөдө. Кыялі кыдсө, кый сыысь гез, водзө лэччыны куті. Бара муөдз эг во. Чеччышті сэки му вылас, веськалі нюрө. Но, мый нө мен вөчны? А сэтчө локтіс тури да менам юр ыло поздысьны кутіс. Тшапки турисө кокөдыс. «Лэптас, — думайта, — нюрсьыс». А туриыд нетшыштчис да кокъясыс кийн колины. Мый нө мен вөчны? А нюртіыс старик мунө, зэв ыджыд тошка, вот тайө бипурсө и видзө вөлі. Тэ, сідзкө. Тшапки ме тэнө кокөдыд и петі нюрсьыс...

— Ылөдчан тэ! — торкис старикид. — Эз вөв сэтшөмыс! Ме тэнө эг кыскывлы.

— Ага! — шуө зонмыд. — Сюрин! Вот тэныд и небылица. Вай өні битө.

Сетіс битө скөр пөльөйд Иванлы да лэдзис гортас.

Небылица

У старика со старухой было три сына. Пошли они однажды в лес работать и заблудились. Один из братьев и говорит младшему, Ивану придурковатому:

— Браток, залезь на дерево и посмотри, не увидишь ли где-нибудь огня?

Залез Иван на дерево, видит: где-то очень далеко горит огонь. Пошёл за огнём старший брат. Дошёл до костра, а возле него сидит сердитый старик с большой бородой, огонь охраняет.

— Дедушка, дай огоньку!

— Небылицу расскажешь — дам.

— Я не умею.

Избил его дед до полусмерти и прогнал прочь.

Пошёл за огнём Иван придурковатый.

— Дедушка, дай огоньку!

— Небылицу расскажешь — дам.

И начал Иван-дурак рассказывать:

— Варили мы раз пиво. Чан опрокинулся, и потекло из него сусло. Подошла лошадь, выпила всё сусло и лопнула. Сделали мы из берёзового прута обруч и стянули ей брюхо, а из обруча вдруг начала расти берёза. Росла-росла и выросла до самого неба. Поднялся я по ней на небо, а там мух на быков меняют. Наловил я мух и наменял на них небесных быков. Захотел обратно на землю слезть, а негодная лошадь ушла куда-то вместе с берёзой. Что же мне делать на небе? Зарезал я всех быков, скроил из шкур длинный-длинный ремень и начал спускаться на землю. Спускался-спускался, ремень кончился, а до земли ещё далеко! Ну, что тут делать? Почесал я себе спину, блоху поймал. Снял с неё кожу, накроил ремней, опять начал спускаться. Спускался, спускался, а до земли ещё далеко. А в это время на гумне мужик веял хлеб лопатой. Наловил я мякины, свил из неё верёвку, стал дальше спускаться. Опять до земли не достал. Прыгнул я тогда на землю, угодил в болото. Ну, что мне делать? А тут прилетел журавль и принялся у меня на голове гнездо вить. Схватил я журавля за ноги. «Поднимет, — думаю, — из болота». А журавль рванулся, и ноги

у меня в руках остались. Что мне делать? А по болоту проходил в это время старик с большой бородой, вот этот самый костёр он стерёг. Ты, значит. Ухватил я тебя за ногу и вылез из болота...

— Врёшь ты! — перебил старик. — Не было этого! Я тебя не вытаскивал.

— Ага! — говорит парень. — Попался! Вот тебе небылица. Давай теперь огня.

Дал огня сердитый старик Ивану и отпустил его домой.

Баринлөн пон

Олісны-вылісны мужик да барин. Коркё воис кӱдзан кад, и мужик мӱдӱдчис барин ордӱ кӱйдис водзӱсавны. Мыйӱн матыстчис мужик барин керка дӱнӱ, уськӱдчисны сы вылӱ баринлӱн понъясыс да пондӱсны сӱйӱс пурны. Мый керны? Бергӱдчыны оз позь, и водзӱ мунны туй абу. А понъяс сӱдзи и чашӱӱны сӱйӱс. Кватитӱс сӱк мужик туй вылысь зор пом да кучкис ӱти понлы. А грекыд вылад, понйыд и ӱкӱлейтӱс. Аддзис барин, мый мужик сылысь медбур понсӱ виис, тшӱктӱс кутны мужикӱс да судӱ сӱйӱс кыскис. Суддяяс юалӱны баринлысь, кыдзи и мый судитны мужикӱс пон виӱмысь.

— А вот, — шуӱ, — кыдз судитӱ. Медым мужик кутас пон пыдди служитны, войясын амбаръяс дӱнын увтны да вӱръясӱ повзӱӱдлыны, и морт гӱлӱс медым сысянь некор сӱсся оз кывлы.

Сӱдз и судитӱсны мужикӱс: индӱсны сӱйӱс пон пыдди служитны баринлы.

Первой войсӱ мужик войбыд зӱв ӱна увтӱс барин ӱшинь улын, баринлы зӱв кажитчис увтӱмыс. Асывнас чеччис барин да тшӱктӱ слугаясыслы:

— Колӱ бурджыка вердны виль понйӱс. Ок, кутшӱм бура увтӱс сӱйӱ тавой.

Мöд войнас мужик ещö ёна увтис, войбыд баринлы узыны эз сет. Но баринлы вöлі нимкодь, мый сылы сэтшöм кöзьяйскöй бур пон сюри.

Коймöд войнас мужикыд ачыс сёрнитчис вөрьяскöд, мед найö непременно локтасны баринлысь амбарьяс гусявны. Ме кöть пö и мöда ёна увтны, менсьым увтöмöс тi пыдди пö эн пуктö, а нуö став эмбурсö. Войнас волисны вөрьяс да збыльысь амбарьяссьыс став эмбурсö нуисны. А тайö войнас мужикыд ещö на ёна увтис, войбыд лявк-сис барин öшинь улын.

— Колö бурджыка вердны вель понйöс. Тайö войнас сийö сэтшöм бура увтис, — бара тшöктö слугаяслы барин.

Асывнас петисны слугаяс баринлысь эмбур видзöдлыны, а амбарьясыд сылөн тыртöмöсь. Скöрмис барин мужик вылö да бара судö кыскис. Суд вылын баринлысь юалöны:

— Увтис эз сийö войнас тэнад вель понйыд?

— Увтис, — шуö, — вывти ёна увтис.

— Сидзкö, тэ ачyd мыжа, — шуöны судьяяс, — сылы индöма увтны, а не висьтавны.

— Тi кö сийöс он судитöй, — шуö барин, — ме сийöс ас судöн судита.

Доддялис барин вöвсö, пуксьöдис сэтчö мужикöс да мöдис сийöс нуöдны карö тюрмаö пуксьöдны. Карöдз вöлі вöлöк колö вуджны, и найö воймисны туйын. Мужик видзöдлис туй бокö да шуö баринлы:

— Видзöд жö, барин, татчö миян дорö, со, ош локтö. Мый кутам керны?

— Увт, — шуö барин, — увт!

— Мем, — шуö мужик, — увтны оз позь, а то бара менö судö кыскан. Öнi тэ ачyd увт!

И пондис барин увтны. Увтис да увтис, войбыд пыр увтис — ошкöс повзьöддис. А асывнас, югдöм бöрын нин, мужик сылы и шуö:

— Некутшöм ош эз вöv. Ме тэнö прöстö пörьяли ошнад. Менö кö збыльысь кутан тюрмаö пуксьöдны, ме öнi

став йӧзыслы висьтала, мый тавой миян барин войбыд пон моз увтіс.

— Тюрмаӧ ог пуксьӧд, — шуӧ барин, — сӧмын чӧв ов и некодды эн висьтав, мый ме тавой пон моз увті.

Барский пёс

Жили-были мужик да барин. Пришло как-то время сеять, и мужик отправился к барину семян занять. Как только подошёл мужик к барскому дому, набросились на него собаки и стали кусать. Что делать? Вернуться нельзя, и вперёд дороги нет. А собаки так и рвут его. Схватил тогда мужик с дороги кол и ударил одну собаку. И как на грех — собака околела. Увидел барин, что мужик лучшую собаку убил, приказал его схватить и в суд потащил. Судьи и спрашивают у барина, как судить мужика за убийство собаки.

— А вот, — говорит, — как присудите. Пусть мужик мне станет вместо собаки служить, по ночам возле амбаров лаять и воров пугать, а человеческого голоса чтоб от него не слышно было.

Так и присудили: назначили мужику служить барину вместо собаки.

Первую ночь мужик под окнами барина очень хорошо лаял, барину понравилось. Утром встаёт он и призывает слугам:

— Надо лучше кормить нового пса. Ох, как хорошо лаял этой ночью.

На другую ночь мужик ещё лучше лаял, всю ночь барину спать не давал. Но тому и радостно, что такой хороший дворовый пёс попался.

На третью ночь мужик сам сговорился с ворами, чтобы они непременно пришли амбары барские выносить. Я хоть и сильно, мол, лаять буду, вы не обращайтесь внима-

ния, а уносите всё добро. Ночью пришли воры — и точно — из амбаров всё добро унесли. А той ночью мужик ещё сильнее лаял, всю ночь тявкал под окнами у барина.

— Надо получше кормить нового пса. Этой ночью он так хорошо лаял, — опять приказывает слугам барин.

Утром вышли слуги барское добро смотреть, а амбары-то пустые. Рассердился барин на мужика и опять в суд потащил. На суде у барина спрашивают:

— Лаял ли новый пёс той ночью?

— Лаял, — говорит, — очень сильно лаял.

— Значит, ты сам виноват, — говорят судьи, — ему велено лаять, а не говорить.

— Если вы его не засудите, — говорит барин, — я его своим судом засужу.

Запряг барин коня, посадил мужика и повёз в город, в тюрьму. До города путь неблизкий, и ночь их застала в дороге. Мужик посмотрел на обочину и говорит барину:

— Смотри, барин, сюда к нам медведь идёт. Что делать будем?

— Лай, — говорит барин, — лай!

— Мне, — говорит мужик, — лаять нельзя, а то опять в суд потащишь. Теперь ты сам лай!

И стал барин лаять. Лаял, лаял, всю ночь лаял — медведя пугал. А утром уже, как рассвело, мужик ему говорит:

— Никакого медведя не было. Я тебя просто обманул. Если меня действительно в тюрьму посадишь, я всем расскажу, как наш барин этой ночью лаял.

— В тюрьму не посажу, — говорит барин, — только ты молчи и никому про это не рассказывай.

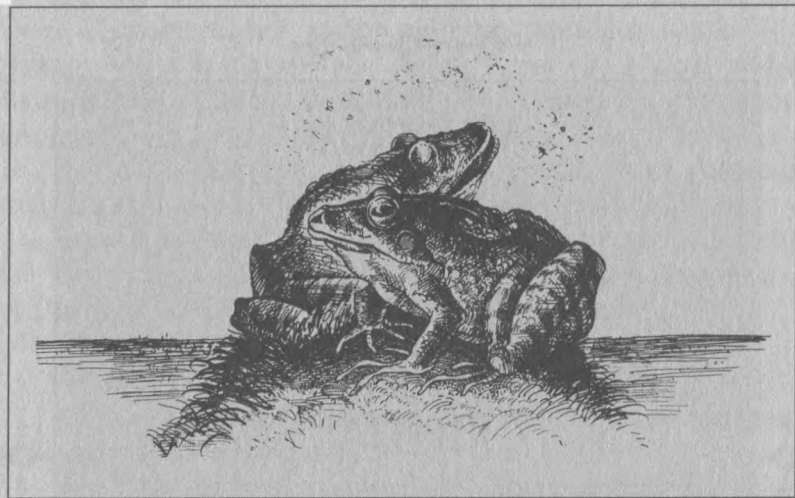

МОЙДТӨМ ВИСЬТЪЯС

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Му пуксьом йылысь

Водзын му ни енэж эз вöv, а вöлі нюр да вутшъяс сы
вылын. Ни пемöс некутшöм, ни лэбач, ни морт эз на вövны.
Эз вöv ни шондi, ни тöлысь, но век жö югыд вöлі.

Öтчyd ном зыньгöм улö петiсны нюрысь кык лягуша,
дзик öткодьöсь, омöльöсь да тшыгöсь, герчкöны тшыгныс-
ла. Кылісны налысь герчкöмсö номъяс, уськöдчисны
кымөрөн. Лягушаяс муртса вомнысö удитöны восьтавны —
номъясöс ньылавны. Нюрад олöмысь лягушаясыд та-
мышöсь, а öтиыс и дзик синтöм вöлі, сулалö ёртыс сайын,
да сылы вомас зэв этша веськалö, мыльöсыс сöмын. Син-
маыс пöтiс да ёртыслань бергöдчис, — номъяс öдöбтчас-
ны, люкасясны сылөн сiтанö да бокö лэбöны. Кыдз коть
эз ружты тшыгйысла синтöм лягуша, сiдз кынöмпöt эз и
сюр. Регыдөн номъяс гөгөрвоисны ставсö да эз кутны
лягушаяс дорö лэбавны. Сэк и синмаыс кутiс тшыгъявны.

Но синмаыд ылөдны көсйис номъястө. Чукөстис ёртсө да кайисны джуджыдджык вутш юр ылө, кыті номъяс лэбалісны. А номъясыд кутісны лэбавны уліті, вутшгяс костөд. Скөрмис сэки синма лягушаыд, тшапкис ёртсө кокөдыс. Уськөдчисны найө увлань, номъяслань, да уси-гас швачкысисны кутшөмкө чорыд да ёсьтор ылө — и йөзө пөрисны. Синмаыдлөн кык пинь чегис, найө юрас вужъясисны, пель дорас. Видліс кыскыны — доймө, пиньясыс бурдісны, сідз и колины пель дорас нэм кеж-лас. Синма лягушаыс вөлі наян, а синтөмыс — йөй. Но йөй вылас пө тай муыс кутчысө. Синтөмыс да йөйыс кутіс Енөн шусыны, синмаыс да наяныс — Омөльөн.

Кор усис Омөльыс ёсь вылас да чегис пиньяссө, — сылөн вирыс ылькнитіс, сійө вир войтгяссьыс пемөсьяс чужисны. Гырысь и посни, мича и мисьтөм. Пемөсьяссьыс өти, медмичаыс, лои аньөн. Регыдөн Омөльыд ылөдіс ас дорас став пемөссө. А мича аныд лои сылөн гөтырөн, и Омөль чукөрыд ззв өдйө содны кутіс. Гажтөм лои Енлы өтнаслы. Эз вермы гажтөмсө сэсся терпитны. Отчыд, кор Омөль кытчөкө муніс, — Енмыд гусяліс сылысь гөтырсө да оліс ськөд куим луна-воя. Омөль гөтыр вылас скөрмис, дыр корсис, сэсся гөгөрвоис да Ен дорад локтіс. Видзөдө да — куйлө сылөн рочаканыд Енкөд орччөн. Лёкысь нетшыштіс Омөльыд вутш юр да сэтшөм вынөн шургис Енмыдлы, мый мөдыс куим луна-воя куйліс кулом морт моз. А кор паляліс — казяліс орччөн гулю котырөс. Кыяліс найөс, велөдіс да ворсіс накөд. Но Омөль дорө сэсся эз петкөдчывлы, поліс дөзмөдны. Да и гулюяссө некод ылө кольнысө вөлі, — неылын Омөльлөн кырнышгяс лэбалісны, вермисны пуркөшитны.

Сэк Енмыд шуис енэж вөчны. Эз регыдөн артмы, шөрас Енмыд вөчис неыджыд розь да лэдзис сы пыр енэжө гулюяссө. Омөльлөн кырнышгяс матыстчывлісны дзик розь дорөдзыс, но сэтшөм дзоля вөлі сійө, мый пырнысө эз вермыны да лёкысь бөр лэблісны. Сэки Омөль енэжас

вѳчис мѳд розѳ, кырныштѳяс пырисны сѳтѳ, бырѳдісны став гулюсѳ. Сѳмын ѳти гулю и колис, ѳдва ловѳя удитѳс локны Ен дорѳ. Ёна шогѳ усис Ен, лѳдзис сѳйѳ гулютѳ розѳѳдыс вѳля вылѳ, а кор гулюыс бѳр локтѳс — вомас нѳйт тыдалѳс. Омѳльыд аддзис лѳбысь гулютѳ, бѳрсянныс кырнышѳс лѳдзис, и сѳйѳ кырнышыд суѳдіс гулютѳ дзик розѳ дорас да мырддис нѳйтсѳ. Удитѳс Ен кырнышѳс голяѳдыс тшапкыны да сѳтшѳма шамыртіс, мый мѳдыслѳн вомыс воссис, и нѳйтыс уси увланѳ. Нѳйтсьыс му быдмис. А кырныш вомысь киссьѳм ваысь мореяс да саридзѳяс лоисны.

Дѳзмис Омѳльыд кырныштѳ виѳмысь. Ветлѳ кымѳр кодѳ зумыш. И ѳтчыд, кор Ен кытчѳкѳ мунѳс, кайис Омѳльыд енѳжѳ, босѳтѳс Енлысь керкасѳ да розѳсѳ сѳйѳн тупкис. Кыдз Енлы бѳр Енѳжас веськавны? Дыр сулалѳс пѳдса розѳ дорын, мѳвпалѳс. А сѳсся бокѳ вешѳйс, — некыдз сулавны он вермы розѳ дорас, сѳтшѳм яр би сы гѳгѳр ѳзѳяліс, гѳгѳрбок ставсѳ югзѳѳдіс. Вешѳйс бокѳ да рочаканѳсѳ паныдалѳс, Омѳльысь гѳтырсѳ.

— Биыс тайѳ, — шуис рочаканѳыд сылы, — шѳвк кепысьѳн вайѳма, а кепысьыс вурѳма менам платѳѳысь, — и сетѳс сылы аслас платѳѳысь торсѳ.

Ен вурис кепысь аслыс, матыстчис биланѳ да шыбитѳс сѳйѳс оланѳн дорсьыс, а бисѳыс кинѳяс сѳмын лѳбѳны. Лѳбисны кинѳясыс Омѳль керка дорѳ, да узысь Омѳль став аслас кырныштѳяснас, пемѳсьяснас и овмѳснас уси му вылѳ. Рочаканѳыс кольччис енѳжѳ да лоис Ен гѳтырѳн. Чужтѳс сѳйѳ челядь гоз: нылѳс, кодѳс шуисны Ёмаѳн, да Войпель-пиѳс.

Тадз Омѳль кутѳс му вылын овны. Енѳжысь усигѳн сѳйѳ чорыда швачкысис да пельтѳммис, и век мѳвпалѳс: кыдз сылы Енлысь водзѳс босѳтны? Енѳжѳ некыдз он пыр, — Ен став розѳсѳ игналѳс, а выль розѳ писькѳдны выныс абу. Гашкѳ, наяннас мыйкѳ вѳчны позыѳ. Со ѳтчыд матыстчис сѳйѳ розѳ дорѳ, кытѳ гулюѳс ыстывлісны енѳж-

сянь вала, и кутіс виччысьны гулютö. Гулю лэбзыывлас и бөр волас, а Омöль киö оз сетчы. Кылö Омöль — дзуртыштіс енэжын зыбка, и рочакань бур сыланкыв босьтчис съывны. Вөрзис съölöмыс Омöльлөн, синва чепöсийс синсьыс, и кутіс рочаканьöс корны небыда:

— Восьтывлы öдзöстö коть неуна, сыланкывтö кыв-зыштны.

Дыр эз восьты рочакань, но сетчис жö коркö Омöльлөн корöм вылö и восьтіс öдзöссö. Тöv нырөн енэжö Омöль шувкнитіс. Чöвтис рочаканьöс и челядьсö муö. Корсис Ен оланінысь шöвк тор, син лапнитлігкості вурис аслыс кепысь, кайис пу вылö да тшапкис шондісö. Но сöмын джынйыс веськалöма, вölөм, кияс, а кор пу вывсьыс лэччыны кутіс, дзугсис увъясас: öтик ув сатшкысис Омöль-лы сітанас да эз лэдз сійöс. Тайö здукö Ен садъмис да казяліс, мый гöтырыс да челядьыс вошöмаöсь. Гораа горöдіс сійö, петіс садйö да аддзис Омöльöс. Мöдыс лөньюлö лэччысис да Енмöс корны кутіс, мед лэччыны отсалас. Но Енмыд эз отсав, а ёрис сійöс:

— Нэмтö тайö пу вылас пукавны тэныд! — горöдіс сійö, да кывъясыс сылөн гым моз гымыштісны.

Но кыліс тайö кывъяссö пельтöм Омöль, скöрмис, кыскис питшöгсьыс шонді джынсö, пöльыштіс сы вылö да шыбитіс. Шонді джынйыс лэбзис да мöд джынйыскöд орччөн сувтіс, сэсся кык джынйыс бергавны кутісны да лоины гöгрöсöсь. Öти кытш вылас Омöль чуньясысь съод туйясыс колины, Ен сійö кытшсö шуис Тöлысьөн. Дыр пукаліс Омöль ув вылын, а доймö пукалігас, чегис сійö вожсö да сійö увнас уси муö. Сысянь и быдмис Омöльлөн бöжыс.

Тадз уна кад коли. Ен öтнас оліс, гажтöмаліс. Коркö сэсся шуис му вылö лэччывлыны да виддыны гöтырсö да челядьсö. Писö, Войпельсö, суис уджаланінын, сійö сёйысь гырничьяс вöчаліс. Зэв ёна съölөм вылас воис Енлы пиыслөн уджыс, орччөн пуксис, дзор пöльö пöртчöмөн.

Видзõдыштис неуна да отсасыны кутис, гырнич вõчавны. А сэки самõй локтис омõль чукõр Омõль-юрыскõд. Омõль-ыд эз тõд Енмõс, чайтис прõстõ пõльõн, кутис ошйысыны аслас вынõн да наянлунõн:

— Менам чукõрõй вына! Ми унаõн! Вермам шондi сайõдны, паськõдчам кõ! А дзебсыны кõ ковмас, тõрам кõtь нель татшõм гырничõ!

И сэк жõ омõль чукõрыс вынсõ петкõдлис. Паськõдчис пасьтала, — шондiыс чусмис, и му вылас пемдiс. Сэсся Омõль тшõктис нель гырнич сувтõдны пõльõлы, — сiйõ сувтõдiс. Пõльõ пырысь-пыр пõдлалiс гырничьяссõ да кутис муõ гуавны. Но õти беспиян тыра гырнич жугалис, беспиян петисны да уськõдчисны пõльõкõд тышкасыны. Õти ки-на-с пõльõ шыблалiс беспиянлы изъяс да корõгъяс, мõднас — сайõдiс гырничьяссõ, гуавны тэрмасьõмõн. Изъяс сiдз и лэбисны шуйгавыв и веськыдывв. Повзисны сэсся беспиян юртõгныс, кодi йõрмис гырничьяс пиысь õтикõ, и вынныс налõн бырыштiс. Уськõдчисны пышйыны, а Ен — на бõрся вõtчыны. Разõдчисны, кодi кытчõ удитiс: кодi ваõ — васаõн лои, кодi вõрõ — вõрсаõн лои, кодi гõра йылõ; кодi ю пõлõн пышйис да чуньяссõ чегъялис, — насянь кульчуньяс ю пõлõн и колины. Омõльлõн õти отсасысь коз йылõ сибдiс, сылõн тошкõ дзугсисны да кулисны мукõд беспиян, кодъяс эз на удитны некытчõ пышйыны. Тадз Омõльлõн чукõрлы пом воис.

А муын пõжсьõ гырнич пиын ачыс Омõльыс, бесьяслõн юрыс. Кыдз кõtь оз зiль мездысыны, гырничысь петны, — оз лэдз ыджыд Ен сылы ен югыдсõ аддзõдлыны. Оз лэдз Омõльõс муыввса войтырõс кõмõдны. А йõзыс му вылын лоисны Войпельсянь да Ёмасынь. Мукõддырйиыс муракылõ му улын. Бус да из лэбõ му сьõвмõссянь. Тайõ — Омõльлõн ружтõмыс да уджыс. Сiйõ кõсiйõ му вылõ петны. Но оз вермы. И век жõ коркõ петавлас на ен югыдас, мездас чукõрсõ да вермасьлас на Енкõд.

Как была сотворена земля

Прежде ни земли, ни неба не было, а было болото и на нём — кочки. Ни зверей никаких, ни птиц. И человека тоже не было. Не было и солнца с луной, но всё-таки было светло.

Однажды под писк комаров вылезли из болота две лягушки, похожие, как две капли воды, тощие и голодные, заквакали от голода. Услышали их кваканье комары, набросились на лягушек тучей. Лягушки едва успевали раскрывать рты — комаров глотать. Оттого что жили лягушки прежде в болоте, они плохо видели, а одна была и вовсе слепая, стояла позади своей подруги, и в рот ей попадало мало комаров, только остатки. Зрячая наелась и повернулась спиной, — комары налетят, ударятся об её зад, отлетят в сторону. Как ни охала от голода слепая лягушка, но так и не наелась. Вскоре комары всё поняли и перестали летать к лягушкам. Тогда и зрячая начала голодать. Задумала она перехитрить комаров, позвала свою подругу, и забрались они на кочку повыше, где летали комары. А комары стали летать меж кочек. Рассердилась тогда зрячая лягушка, схватила подругу за лапу, бросились они вниз, к комарам. А когда упали, ударились обо что-то твёрдое с зубцами и превратились в людей. У зрячей сломались два зуба, они вросли ей в голову, возле ушей. Пробовала вытащить их — больно, зубы так и остались возле ушей навсегда. Зрячая лягушка была хитрая, а слепая — глупая. Но на глупых, говорят, весь свет держится. Слепая и глупая стала называться Еном, зрячая и хитрая — Омэлем.

Когда упал Омэль на остриё и сломал зубы, у него потекла кровь, из капель той крови выросли живые существа. Большие и маленькие, красивые и уродливые. Меж

теми созданиями один, самый красивый, стал женщиной. Скоро Омэль хитростью переманил всех на свою сторону. А красавица стала ему женою, и племя Омэля быстро увеличивалось. Скучно стало Ену одному. Не мог стерпеть он этого. Однажды, когда Омэль куда-то ушёл, Ен похитил его жену и прожил с нею три дня и три ночи. Омэль рассердился на свою жену, долго искал её, наконец догадался и пошёл к Ену. Видит — лежит его красавица рядом с Еном. Со злостью вырвал Омэль кочку и с такой силой швырнул её в Ена, что тот три дня и три ночи лежал, как мёртвый. А когда очнулся — заметил возле себя стаю голубей. Он поймал их, приручил и забавлялся с ними. Но к Омэлю больше не показывался, боясь его рассердить. Да и голубей не на кого было оставить — невдалеке летали вороны Омэля и могли напасть на них.

Тогда Ен решил создать небо. Не скоро оно получилось, в середине Ен сделал небольшую дыру и впустил через неё на небо своих голубей. Вороны Омэля подлетали к той дыре, но она была такая маленькая, что вороны пролезть не могли и злые улетали прочь. Тогда Омэль сделал на небе другую дыру, вороны через неё пролезли, истребили всех голубей. Только один голубь и остался, чуть живой успел прилететь к Ену. Очень расстроился Ен, выпустил того голубя через дыру на волю, а когда голубь вернулся на небо, в клюве у него была тина. Омэль заметил летящего голубя, вдогонку ему послал ворона. Ворон догнал голубя возле самой дыры и отнял тину. Успел Ен схватить ворона за глотку и так сдавил, что тот разжал клюв, и тина упала вниз. Из тины выросла земля. А из воды, пролившейся из вороньего клюва, возникли моря и океаны.

Разгневался Омэль. Ходит хмурый, как туча. И однажды, когда Ен куда-то отлучился, поднялся Омэль на небо, схватил избушку, в которой жил Ен, и заткнул ею

дыру. Как теперь Ену попасть на небо? Долго стоял он и думал. А потом отошёл в сторону, — невозможно было стоять возле той дыры, такое вокруг пылало яркое пламя, далеко всё освещая. Отошёл в сторону и встретил красавицу, жену Омэля.

— Пламя это, — сказала она ему, — от шёлковой рукавицы исходит, а рукавица сшита из моего платья, — и передала ему лоскуток своего платья.

Ен сшил себе рукавицу, подошёл к пламени и отбросил его от своего жилища, а пламя так и сыпало искрами. Полетели искры к дому Омэля, и спящий Омэль со всеми своими воронами, животными и домашним скарбом свалился на землю. Красавица же осталась на небе и стала женой Ена. Она родила ему детей-близнецов: дочку, которую они называли Ёмой, и сына Войпеля.

Так Омэль стал жить на земле. Падая с неба, он сильно ударился и оглох, и всё думал: как бы ему отомстить Ену? Попасть на небо невозможно: Ен закрыл все дыры, а новую дыру пробить — не под силу. Разве что хитростью что-нибудь сделать. Вот однажды подошёл он к дыре, через которую посылали с неба голубя за водой, и стал караулить того голубя. Голубь улетает и прилетает, а в руки Омэлю не даётся. Слышит Омэль — заскрипела на небе люлька, и красавица запела чудесную песню. Заныло сердце Омэля, выступили на глазах слёзы, и стал он ласково просить красавицу:

— Приоткрой двери хоть немного, дай послушать твоё пение.

Долго не открывала красавица, однако сдалась наконец на уговоры Омэля и открыла вход. Буйным ветром ворвался на небо Омэль. Скинул красавицу и детей на землю. Отыскал в жилище Ена шёлковый лоскут, в один миг сшил себе рукавицу, влез на дерево и схватил солнце. Но оказалось, схватил он только половину солнца, а когда стал спускаться с дерева, запутался в его ветвях:

один сучок вонзился в зад Омэля и не пускал его. В эту минуту проснулся Ен и заметил, что жена его и дети пропали. Громко закричал он, выбежал в сад и увидел там Омэля. Тот притворился смирным и просить стал Ена помочь ему слезть с дерева. Но Ен не помог, а проклял его:

— Вечно сидеть тебе на этом дереве! — закричал он, и слова его прогремели, как гром.

Хоть и глухой был Омэль, но расслышал эти слова, рассердился, вытащил из-за пазухи половину солнца, дунул на неё и выбросил. Полетела половина солнца и оставилась рядом с другой половиной, и тогда обе закружились и стали круглыми. На одном круге остались от пальцев Омэля тёмные пятна. Ен назвал этот круг Тэлысь — Месяцем. Долго сидел Омэль на суку, а сидеть было больно, сломал он сук и упал с ним на землю. От того сука вырос у Омэля хвост.

Много времени прошло. Ен жил один и скучал. Наконец решил он спуститься на землю и проведать жену и детей. Сына своего Войпеля он застал за работой, тот лепил горшки из глины. Очень понравилась Ену работа сына, сел он с ним рядом, обратившись в седого старика. Поглядел немного и принялся помогать делать горшки. А тут как раз прилетела бесовская орда во главе с Омэлем. Омэль не узнал Ена, приняв его за простого старика, начал хвастать своей силой и хитростью:

— Бесы мои сильны! Много нас! Можем мы затуманить солнце, если развернёмся вовсю! А если захотим скрыться — поместимся в четырёх таких горшках!

И тут же орда показала свою силу. Развернувшись вовсю — солнце перестало сиять, и на земле стало темно. Затем Омэль приказал старику поставить четыре горшка — тот поставил. Бесы со свистом влезли в горшки и уместились в них. Старик тут же закрыл те горшки и стал закапывать их в землю. Но один горшок с бесенятами раз-

бился, бесенята вылезли и бросились со стариком драться. Одной рукой старик кидал камни в бесенят, другой — оберегал горшки, торопясь зарыть их в землю. Камни так и летели во все стороны. Струсили бесенята без своего хозяина (а он оказался запечатанным в одном из тех горшков), и силы у них поубавилось. Пустились бежать, а Ен за ними вдогонку. Разбежались кто куда: кто в воду — стал водяным, кто в лес — стал лешим, кто бежал по берегу реки и пообломал пальцы — от них-то чёртовы пальцы на берегах рек и остались. Один из помощников Омэля застрял на вершине ели, в длинной его бороде запутались и погибли остальные бесенята, не успевшие никуда убежать. Так пришёл конец бесовской орде.

А в земле томится в горшке сам Омэль, главный бес. Как ни пытается он выбраться на волю, вылезти из горшка — не даёт великий Ен ему увидеть ни краешка белого света. Не даёт Омэлю воли мутить народы на земле. А все народы на земле произошли от Войпеля и Ёмы. Иногда гудит под землёй, пыль и камни летят из сердцевины земли. Это Омэль дышит, его работа. Это он пытается вырваться на землю. Но не может. Однако когда-нибудь да вырвется он на белый свет, освободит свою орду и поборется с Еном.

Юрка

Эжва берегын шувгõ пемыд парма. Маджа керõс бокшаын сулаліс коркõ маджаса багатыр Юркалõн неыджыд керка. Юрка вõлі зэв вына, но прõст да весиг неуна йõйоват. Ковмас, шуам, Юркалы песла вõрõ ветлыны, босьтас сійõ ассьыс ыджыд черсõ, керыштас квайт весът кыза конда чинтавтõг, пуктас пельпом вылас, гортас вайõ. Ков-

мас чери кыйны, керыштас вöрысь сизим сыв кузя потш шатин вылас. Косаыс Юркалөн вöлі сыв кузя. А оліс öтнас — татшöм багатырыдды эз сюр гöтырыс ни Маджаысь, ни Эжва йылысь. Тадз и оліс Юрка, уджаліс сьöлöмсянныс, кыйис-виис, выннас эз вывтiась, кытчöдз öти лёктор эз ло.

Öтчыд мыль петіс Юркалы коскас да мучитны кутіс багатырöс. Лун куйлö сійö гортас, вежон куйлö, тöлысь куйлö — уджавны оз вермы. Бырис Юркалөн нянныс, мукöд сёян-юан помасис, а орччаяс, рöк вылад, эз отсавны. Петіс Юрка чотігмоз керкасьыс, скöt йирсянінö кызкö кыссис, тшапкис ыж чукöрысь öти ыжöс и гортас нуис. А кор бурдіс Юрка, йöз скöt гусялöмысь сідз эз и эновтчы. Первой посни пемöсьясöс гусявліс орччаяслысь, а сэсся и гирысьöдз воис. Тöдмалісны, дерт, орччаяс Юркалысь кузькиасьöмсö, ызгыштісны ас костаныс, но вöчны нинöм эз вермыны: он вермы вöлі Юркаöс ни вынөн, ни биөн босьтны. Öти печикөн быдөнлысь юр лысö вермис пасьвартны. А сэк кості Юрка гусясис и гусясис, некодöс эз жалит, пöрысь вежайсьыс öпrich.

Сэсся и шуисны орччаяс, он кö нин вынөн вермы, наян Юркаöс колö босьтны. Пöрысь вежайсö кутісны корны, мед Юркаöс гöсти корас, юкталас, кыз шуласны, кöм вольöс кодьöдз, кöрталас ки-коксö да орччаяссö чукöстас, а сэн сэсся тыдовтчас. Юркалөн вежайыс дыр эз кöсйысь, сійö бура тöдіс Юркалысь вынсö, тöдіс, мый нинöм кö оз артмы, Юрка öтик печикөн юр лысö пасьвартны вермас, сэсся коркö сетчис жö да корис Юркаöс сур юны. Нем думайттöг Юрка локтіс гөститны. Вежайыс дзонь лагун ён сур пуöма. Гажмис Юрка, синмыс куньсьö, а вежайыс век кисьталö и кисьталö. Усис Юрка сьökыд тагсьыд, джодж пасьтала шевкнитчис, и багатырскöй выныд маджаса ён сурысь нюкыльтчис. Шкоргыны кутіс, керкаыс тіралö. А пöрысьыд висьталіс орччаяслы, мый

Юрка сы дорын эбõстõм куйлõ, ки-кокыс кõрталõма. Кипелясисны орччаяс, котõрõн локтисны. А Юрка кутис унйивсыыс нюжмасыны, кокныыдика легнитис кияснас, и став гезйыс оръясис. Чепõсйисны весьõпõрõм орччаяс гортъясаныс, а Юрка эз на и садмы, сõмын мõдар бок вылас бергõдчис. Вайисны сэк орччаяс виль гезъяс, вильыс кõрталисны Юркаõс, да сэтшõм топыда, мый сõмын чужõмыс восьсõн коли, ставнас гезъяснас тõбисны.

Сõмын мõдõдчисны, мед Юркаысь мынтõдчыны, вежайыс шуõ, мед вир кисьттõг Юркаõс виасны. Сйõ пõ кõсйысис орччаяслы отсавны сõмын пõдтасны кõ, либõ õшõдасны кõ Юркаõс. Думыштчисны орччаяс, кыдз Юркаõс õшõдан: пармаын ни õти пу оз лыбõд та сьõкта тушатõ — и шуисны пõдтыны Маджаса тыын. Кыскисны ты дорõ кык изки, вайисны Юркаõс сы дорõ, петкõдисны шõрас да изкиастõ кокас кõрталисны. А вына Юрка, сõмын шкоргис, эз и чайт, мый сьмертыс юр весьттйыс лэбалõ. Пõрõдисны маджасаяс Юркаõс пыжнас, а асьныс зэв õдйõ береглань сыныштчисны. Гызис тыыд, примитис жер вомас Маджа керõсса багатырõс. Но кõдзыд ваысь палялис Юрка, орьõддис вывсыыс гезъяссõ, кияснас шенасыны кутис. Со нин мыччысис ты веркõсас да берег вылын сулалысыяслы кабырсõ петкõддис: ог на пõ тайõ тыас вõйысьõн ло. Весьõпõрõм орччаяс пышъялисны. Но эз нин сюр вына багатырлы Маджа керõсõд гуляйтны. Паськыд сывйõн виччысис мича багатырõс аслас ваувса сарствоын Куль-Васа: сьõкыд изкияс кыскисны Юркаõс ва пыдõсõ. Эбõсысь усьõм Юрка вõйис, эз во берегõдз.

Но кыдзи мыжысь мынтõдчыны? Гõсьтõн виисны Юркаõс лышкыд кõзяин ордын и кõзяин отсõгõн. Чукõртчисны пõрысыяс да шуисны, мед багатырлõн лолыс эз кут водзõс босьтны, сылы колõ став сиктõн козин вõчны. Сиктса став олысысянь чукõртисны содз тыр пызьõн,

пестісны ты бокин ыджыд бипур, ыджыд пörтйын пуисны рок. А сэсся тылань чужомён горөдісны:

— Лөг эн кут миян вылө, вына Юрка, ми тэ вылө ог жö кутöй!

А роксö став сиктөн сёйисны. Тадз бурасисны Маджасаяс багатыркөд, кодөс асьныс жö виисны. Нэм кежлö ланьтис Маджа керөсса багатыр, а Маджасаясly нэм кежлö ним коли: «маджаса рок сёйысьяс».

Юрка

На берегу Эжвы шумит дремучая парма. На косогоре маджинской кручи стоял когда-то небольшой дом богатыря Юрки. Юрка был человек необыкновенной силы, но добродушный и даже придурковатый. Понадобится, скажем, Юрке в лес по дрова, возьмет он свой большущий топор, срубит шестивершковую сухостоину во всю длину дерева, положит на плечо, несёт домой. Понадобится ему рыбу удить, срубит в лесу семисаженную жердь для удилица. Коса у Юрки была саженная. А был он холостой — для такого богатыря не нашлось жены ни в Мадже, ни по всей верхней Эжве. Так и жил Юрка, трудился честно, промышлял охотой, своей силой не злоупотреблял, пока не вышел один нехороший случай.

Однажды вскочил у Юрки на пояснице чирей и стал мучить богатыря. День лежит он в своей избе, неделю лежит, месяц лежит — не может работать. Вышел у Юрки весь хлеб, другие запасы тоже подобрались, а соседи, на беду, не помогают. Пошёл Юрка прихрамывая из избы, доплёлся кое-как до поскотины, ухватил в стаде овечку и унёс домой. А как поправился Юрка, привычка красть чужой скот так за ним и осталась. Принялся он сначала воровать у соседей мелкую скотину, а потом дошёл и до крупной. Узнали, конечно, соседи про такие дела, пошу-

мели меж собой, но поделать ничего не могли: ни силой, ни огнём было Юрку не взять. Одним щелчком мог он разбить череп любому соседу. А Юрка меж тем всё воровал и воровал, не щадил никого, кроме своего старика-крёстного.

Наконец соседи решили: если нельзя взять Юрку силой, надо взять хитростью. Уговорили старика-крёстного позвать Юрку в гости, напоить, как говорится, в стельку, связать верёвками руки-ноги и известить соседей, а там видно будет. Юркин крёстный долго не соглашался, он хорошо знал силу Юрки, знал, что в случае неудачи тот одним щелчком может размозжить ему череп, однако в конце концов согласился и зазвал Юрку в гости. Ничего не подозревая, Юрка пришёл. Крёстный сварил ему целый чан крепкого пива. Охмелел Юрка, ко сну его клонит, а крёстный все подливает и подливает. Свалился Юрка, раскинулся на полу. Подкосила богатыря маджинская крепкая брага. Захрапел так, что весь дом задрожал. А старик известил соседей, что лежит у него Юрка беспомощный, по рукам и ногам связанный. Вооружились соседи, побежали. А Юрка во сне начал потягиваться, двинул легонько руками, и верёвки сразу лопнули. Кинулись в страхе соседи по домам, а Юрка даже и не проснулся, только во сне повернулся с боку на бок. Принесли тогда соседи новые верёвки, снова связали Юрку, да так крепко, что только одно лицо ему и оставили, всего укутали верёвками.

И только было двинулись, чтоб расправиться с Юркой, как крёстный потребовал, чтоб казнь была без крови. Он, мол, с тем и согласился помогать соседям, если Юрку утопят или повесят, а не иначе. Подумали соседи, как повесить Юрку: ни одно дерево в парме его не выдержит, — и решили утопить в Маджинском озере. Притащили к озеру два жернова, перевезли к нему Юрку,

вывезли на самую середину и привязали жернова к ногам. А могучий Юрка все храпел и храпел, даже не подозревая, что смерть витает над его головой. Опрокинули маджинцы лодку с Юркой, а сами поскорее поплыли к берегу. Заволновалось озеро, приняв в свою пасть богатыря с маджинской кручи. Но от холодной воды протрезвел Юрка, разорвал верёвки, заработал руками. Вот появился он на поверхности озера и погрозил стоявшим на берегу соседям кулаком: всё одно, мол, в этом озере ему не утонуть. Соседи разбежались в страхе. Но богатырю уже не суждено было гулять по маджинской круче. С распростёртыми объятиями ожидал красавца-богатыря Куль-Васа в своем подводном царстве: тяжёлые жернова тащили Юрку на дно. Обессилевший Юрка утонул, не доплыв до берега.

Но как загладить вину? Гостем был Юрка, у хозяина и при помощи самого хозяина убит. Собрались старики и решили: чтобы душа богатыря не стала мстить за такую обиду, нужно всем селением принести жертву. Со всех жителей села собрали по горсти муки, развели на берегу озера костёр, в большом котле сварили кашу. А потом обратились лицом к озеру и крикнули:

— Не сердись на нас, могучий Юрка, мы на тебя тоже не сердимся!

А кашу всем селом съели. Так помирились маджинцы с богатырём, которого сами же убили. Навеки заснул богатырь маджинской кручи, а за маджинцами навеки осталась кличка «маджинские кашееды».

Тёдысь зонка

Вёліс ёти тёдысь, зэв нин арлыда. Ётчыд висьмис: оз сёй, оз ю, некодлы кыв оз шу, сёмын ышлолалё да быд ышловзигён шуалё:

— На! На! На!

Мунісны коркõ пиыс да монъыс вартны, а гортас ко-
лис дас арõса пиныс. Сійõ чачаясõн ворсис, висъысь бõрся
видзõдис, горт олис. Кыліс зонмыд, мый тõдысь броткõдчõ,
да сы дорõ шыасис:

— Пõльõ, кодлы тэ õтторъя вõзъян? Вай, бурджык,
меным!

— На! — шуис сылы пõльыс, ыджыда лолыштис да
кулис.

А пиыд бать-мам дорас гумла вылõ котõртис.

— Мамõ, — горõдис налы, — ме õнi быдтор кужа вõчны!
Мõс пель вундавын! Ыжтъясõс тшыкõдны! Места вылысь
вõрзъывтõг ветлыны! Весиг тõлысь гусявын верма!

— Кõн нõ тэ быдторъяс велõдчин? — юалõны зонка-
лысь бать-мамыс.

— А пõльõ õтторъя кодлыкõ шуалõ: «На! На! На!» Ме
и кори: «Вай меным, пõльõ...»

Эновтисны бать-мамыс вартõмтõ, локтисны гортас да
зэв жара пачсõ ломтисны. А кор пескыс ломзис, суйисны
сэтчõ биас пинысõ и пачсõ топыда пõддалисны.

— Но, — батыс шуõ, — тэ, вежа войõ скõт тшыкõ-
дысь, тõлысь да шондi гусявылысь, пукалышт сэсся пачын...

Зонкаыд и сотчис пачад.

Мальчик-колдун

Жил один колдун, очень уж стар был. Однажды он
заболел: не ест, не пьёт, ни слова не говорит, только взды-
хает да с каждым вздохом приговаривает:

— На! На! На!

Пошли как-то его сын и сноха молотить, а дома ос-
тался их десятилетний сын. Он играл, присматривал за
больным, делал кое-что по хозяйству. Услыхал мальчик,
как колдун приговаривает, и обратился к нему:

— Дедушка, кому ты всё время даёшь? Дай лучше мне!

— На! — ответил ему старик, вздохнул глубоко и умер.

А сын побежал на гумно к родителям.

— Мама, — закричал он им, — я теперь всё умею делать! Коровам уши резать! Напускать порчу на овец! Ходить не сходя с места! Даже месяц могу украсть!

— Где же ты всему этому научился? — спрашивают мальчика родители.

— А дедушка всё говорил кому-то: «На! На! На!» Я и попросил: «Дай мне, дедушка...»

Бросили тут родители молотьбу, вернулись домой и растопили печь. А когда дрова разгорелись, сунули своего сына в огонь и дверцу плотно прикрыли.

— Ну, — сказал отец, — ты, в святую ночь портящий скотину, крадущий месяц и солнце, посиди теперь в печке...

Мальчик там и сгорел.

Тöдысь да сьлөн гöтыр

Паныдасисны öтчьд кык тöдысь и вермасьны кутісны, асьыныс вынсö видлавны. Öтиыс шуö:

— Ме тэысь унджык тöда, тэысь ёнджык, сизим нечистöй вылын медыджыдыс да.

А мöдыс оз сетчы:

— Ме, — шуö, — кöть и öти дзоля нечистöй вылын ыджыд, тэныд ог сетчы.

Вензисны-вензисны, шуисны сэсся босьтны ва кöшön да видлыны, кодныс ёнджык.

Вот öтиыс и шуö мöдыслы:

— Юан тайö васö и пыр жö тшöкмунан.

А мöдыс шуö:

— А тэ юан — гортöдзыд воны он удит, кулан.

Юисны. Өтиыс сэн жѳ усис, куліс. Мѳдыс воис горт-
ѳдзыс, удитіс гѳтырыслы шуны: эн пѳ видз менам кулѳм
бѳрын шой дорын каньѳс ни понйѳс, — и тшѳтш уси да
куліс. А рытланьѳ нин вѳліс. Водтѳдіс сылысь шойсѳ гѳты-
рыс ен пельѳсѳ, вевттис дѳраѳн. Зэв ѳна бѳрдіс шогысла,
сэсся водіс паччѳрѳ да ланьтіс: понма-каня сідз и колис-
ны керкаас.

Вой шѳр воис. Камгысис-чеччис кулѳма лабич вылысь,
матыстчис пачлань, а гѳтырыс вѳлѳм юрнас ортсын узьѳ.
Кулѳмаыд сылысь пельсѳ и курччас. Садьмас дойсыйс
бабаыд, видзѳдѳ: мужикыс сулалѳ пачлы паныдѳн, кѳсйѳ
улыс тшупѳд вылѳ кайны, да кийс морѳс вылас кресталѳ-
ма, китѳгыс оз вермы кайнысѳ.

— Но, — шуѳ сылы, — сюрин ѳні меным, эн кѳ кыв-
зысь!

А бабаыд кватитас нянь зыр, йѳткавны кутас, йѳткыш-
тас — усьѳ кулѳмаыд, бара чеччас, бара паччѳрѳ кайѳ.
Сідз войбыд и ноксис кулѳмакѳд, и зырийсылысь лопсѳ
кулѳмаыд ставнас йирис. Но петук чукѳстчис, камгысис
кулѳма джоджѳ, а сэк кості керка ѳдзѳс вѳссьѳ, пырѳ
кутшѳмкѳ пѳльѳ и шуѳ:

— Лэччы паччѳрсьыд... Өні сэсся тэныд нинѳм нин оз
вѳч...

Дыр оз лысьт бабаыд лэччыны, сэсся коркѳ лэччас
жѳ. Кулѳм мортыдлѳн весиг быг петѳма вѳмсьыс. Босьтіс
сйѳ пѳльѳыд кулѳмалысь кияссѳ, кѳрталіс сотчѳм шабді
пратьѳн, водтѳдіс кулѳмаѳс бѳр лабич вылѳ ен ув пельѳсѳ
и мѳдѳдчис.

А бабаыд тшапкас сйѳс дукѳс бѳждорѳдыс:

— Эн коль менѳ татчѳ! Ог лысьт татчѳ кольччыны!

— Мекѳд тэныд, — шуѳ пѳльѳыд, — некыз муннысѳ
оз позь, тэ кольччы, эн пов, ѳні сйѳ оз сувт, а тэ сйѳс
гортад куим вой, кыз колѳ, видз...

— Кыдз тэнѳ шуѳны? — бабаыд юалас.

— Микёла милёстивой, — шуас пёльёйд да вошас.

Кык вой видзас бабаыд гортас кулёматö, — оз чеччыв-лы, коймод луннас гуалас. А кор гуас кутісны лэдзны гортсö, сійö му пырыс и муніс, — сөмын розь колис. Тöдысьясыд, шуоны, кулом бöрас век му пырыс мунöны...

Колдун и его жена

Встретились однажды два знахаря и стали состязаться, свою силу пробовать. Один говорит:

— Я больше тебя знаю, я сильнее тебя, потому что над семью нечистыми главный.

Другой не сдаётся:

— Я, — говорит, — хоть и над одним маленьким нечистым на́больший, а тебе не уступаю.

Спорили-спорили, порешили, наконец, взять по ковшу воды и проверить, кто из них в самом деле сильнее.

Вот первый и говорит:

— Выпьешь эту воду и сейчас же захлебнёшься.

А второй отвечает:

— А ты выпьешь — до дому дойти не успеешь, помрёшь.

Выпили. Первый тут же упал, умер. Второй добрёл до дому, успел сказать своей жене: не подпускай, мол, после смерти к моему телу ни кошку, ни собаку, — тоже упал и умер. А дело уж было к вечеру. Положила жена тело в передний угол, под божницу, прикрыла холстом. Долго плакала с горя, потом легла на печь и уснула: собака с кошкой так и остались в избе.

Наступила полночь. С грохотом встал с лавки мертвец, подошел к печке, а жена его, оказывается, спала головой наружу. Мертвец и откусил у неё ухо. Проснулась от боли баба, видит: стоит муж против печки, пытается влезть на нижний приступок, да руки на груди сложены крестом, вот влезть и не может.

— Ну, — говорит он ей, — попалась теперь ты мне, если меня не послушалась!

А баба схватила хлебную лопату, принялась его отталкивать, толкнёт — упадёт мертвец, опять поднимется, опять карабкается на печку. Так провозилась она с мертвецом всю ночь, и всю лопату мертвец изгрыз. Но вот прокричал петух, с шумом грохнулся мертвец на пол, а в это время открывается дверь, входит в избу какой-то старик и говорит:

— Слезай с печки... Теперь уж ничего он тебе не сделает...

Долго не решалась баба, однако всё-таки слезла в конце концов. У мертвеца даже пена выступила изо рта. Взял незнакомый тот старик его руки, связал их обгорелой прядью льна, уложил мертвеца назад на лавку, под божницу, и пошёл прочь.

А баба ухватила его за полу кафтана:

— Не оставляй меня здесь! Не смею я здесь остаться!

— Со мной тебе, — отвечает старик, — идти никак нельзя, ты останься, не бойся, он теперь не встанет, а ты его в избе все три ночи, как нужно, продержи...

— Как же тебя зовут? — спросила баба.

— Никола милостивый, — ответил старик и пропал.

Две ночи продержала баба в избе мертвеца — не вставал, на третий день похоронила. А как стали опускать гроб в могилу, так он сквозь землю и прошёл — только дыра осталась. Колдуны, говорят, после смерти всегда сквозь землю проваливаются...

Салдат да кулёма

Окота лои өти салдатлы гортас ветлыны. Вөзйысьны сійө кутіс, и лэдзисны сійөс гортас, а гортыс ылын вөлі. Вөвсө салдатлы сетісны пөрысьөс да шогмытөмөс: сы ылын мунігөн срок джынйыс коли, а гортөдзыс ылын на. Мый тан вөчан? Сувтіс өти сиктын өти пөчө дорө войколөн, пөчө веськаліс шань: вердіс-удіс салдатөс. А мөд луннас, мыйөн садьмис салдат, вузаліс ассьыс вөвсө, ньөбис аслыс бур вөлөс, прөщайтчис пөчөкөд и дзик нин туйө мөдөдчис, да пөчөыд шуө:

— Кывзы менө, пиук! Тайө вөвнад гортөдзыд зэв өдйө воан, сөмын «но» ни «тпру» сылы эн шу. Горт дорад воигөн ачыс сувтас. Бөрсө локтігөн вөв вузалысь дорас эн пыр, — бурыс сыысь нинөм оз ло, а ме дорө быть пырав, — сытөг эн мун!

Кывзіс салдат пөчөлысь висьталөмсө да туйө петіс. И бур вөвнад зэв өдйө гортөдзыс воис. Гөститыштіс недыр гортас и бөр мөдөдчис; бара сійө сиктад воис, көні сійө пөчөыд олө. Сөмын вөвтө бергөдіс сылөн керкалань, а вөлыд петитчө, оз мун некыз, сідз и видзөдө важ көзяин дорас, сылөн погостө мунны. Салдатыд лөкысь плетялө-швичкө вөвтө, а вөлыд некодарө. Мудзмөныс нөйтчис салдатыд, но вөлыд век жө важ көзяин ордас вайөдіс.

— Тпру! — горөдіс салдатыд. — Сулав, лешак!

Сөмын тайө кывъястө шуис, вөлыд уси дай куліс. А салдат пырысьтөм-пыр сійө шань пөчө дорад котөртіс.

— Но кужин овны, — шуө сійө сылы, — эськө бурсө эн виччысь. Вөлыс өд вузалысьсылөн нылыс вөлі. А ачыс сійө — еретник, и нывьясыс — еретничаяс. Öні тэнө кулөм еретничаясылы салтыр лыддыны корасны, тэ мун, но виччысь, мед кулёмаыс эз сөй тэнө. Тэнө кө вины вермас, — сійө ловзяс. Но тэ эн пов: мыйөн керкаас пыран — паччөрас кай, визьнит гөгөрыд да сійө кытшас босытчы сал-

тырсõ лыддыны. Ёна кõ зырны кутас, тойлав нянь зырьõн, а мыйõн медводдза петук чукõстчас, лэччы да водтõд сийõс гортъяс, сийõ бõр кулас.

Эз на удит пõчõ ставсõ висътавны салдатлы, локтисны нин куломалы салтыр лыддыны корны. Колльõдигас пõчõ удитис на шõпнитны сылы:

— Мыйõн лыддян, асывводзсяньыс ме дорõ лок.

Вайõдисны салдатõс кулома дорõ. И аддзõ: куйлõ гортйын зэв мича том ныв. А рыт нин воис. И куломатõ кор лыддьõдны босътчис салдат, сийõс ськõд игналисны керкаас. Тõд вылас уськõдис салдат пõчõлысь шуõмсõ, кайис паччõрõ, гижтис гõгõрыс нянь пуртõн кытш, пурт шыбитис и бõр салтырõ босътчис, лыддьõ. Стõч вой шõрнас кулома чеччис гортйысь, керкати ветлыны кутис, а сэсся паччõрõ уськõдчис, но кайнытõ оз вермы: киясыс торкõны, крестõн пуктõма, а вомсьыс веж быг петõ. Но лолалõ салдат вылõ, зэв нин матын, и пондис салдат тойлавны сийõс нянь зырьõн. Тойыштас, сийõ джоджõ усяс, чеччас и бара кавшасьõ. Сидз и ноксис ськõд салдат медводдза петукъясõдз, а кыз найõ чукõстчисны, — грымгысис еретичаыд джоджõ. Лэччис сэки салдатыд паччõрысь, водтõдис куломаõс бõр гортъяс, ен ув пельõсõ, а ачыс ланьтис и узис югдытõдз. Муртса югдыштис, — кылõ сийõ, кодкõ зэв гораа камгõ õдзõсас. Восьтис, — а водзас куломалõн батьыс. Кутис юасьны, кыз салдатлы узьсис, кутшõм вõтъяс вõталис.

— Зэв бура узи, — салдатыд шуõ.

Тадзи куим вой салдатыд коллялис кулома дорын, и куимнан войсõ чеччывлис мõдыс гортсьыс, сы дорõ паччõрас кайис, а салдат водзсасис нянь зырьõн. А коймõд вой бõрас — усьõ-чеччõ, котõртис пõчõыс дорõ, — а сийõ õдва ловъя, куйлõ паччõрын, ружтõ.

— Мый нõ, пõчõ, висьмин али мый?

— Дзик эбõсысь уси, куим вой эг узь. Ме õд куим вой

кулёмаыскөд бертчи, важөн нин эськө тэнö сёйис. Но сыысь тэ эн на мын. Регыд тэнö гуасыны корасны. Тэ эн пыксыы, мун! Мунан дзебнысö погост вылас, он на во — пемдыны кутас. Тэ сэки вöвъястö лэдзав, и туй бокас ад-дзан кык пожом. Кай öтик вылас, а водзö ачыд аддзан, мый лоö...

Сідз и эм, корисны салдатöс кулёмаöс дзебны, погост вылö нуны. Салдат эз пыксыы, муніс. Сетісны сылы пара вöв, доддяліс пес доддьö, гортсö сэтчö пуктіс и мөдөдчис. Муніс-муніс, воис ю дорö. Видзөдö салдат — пос ни вуджас абү. А пемдыны кутіс. Уськөдіс төд вылас пöчöлысь шуөмсö, лэдзалис вöвъяссö, а ачыс пу вылö кайис. И вот вой шөр воис. Гортйысь кулёма чеччö, а вöвъяс пöрисны кык нылö и куимнанныс кутісны салдатöс корсьны. Дыр эз и корсьны, кулёма пыр казяліс сійöс:

— Со сійö, пу йылас пукалö! Öні мянысь оз нин мун!

Уськөдчисны куим чой пулань, кутісны йирны пинь-яснаныс, рутшкакылö пуыс, лайкъявны пондіс. «Но, — думайтö салдат, — помасис олөмöй!»

Сöмын думыштіс — петук чукөстчис. Кулёма гыпкысис муö, а нывъяс бөр пöрисны вöвъясö. Салдат лэччис пу вылысь, водтөдіс покончаöс бөр гортъяс, вöвъясöс доддяліс и мырдөн вуджөдіс ю вомөн варччөмөн. А шойна вылын сетіс кулёмаöс поплы, прöщайтчис ськөд да бөр муніс пöчö дорö. Пырö, а пöчö öдва лолалö, öти кыс — ставнас вирöсь.

— Мый нö тэкөд, пöчö?

— Кык пожöмыс — менам кокъясöй вöліны, — шуö сылы пöчö, метөг тэнö кулёмаыс эськө сёйис, сідз нин менсьым кокöс лыөдзыс йирис. А öні мун служба вылад, тэ сэсся меным он ков...

Прöщайтчис салдат пöчөкөд да муніс служба вылас.

И бара вой шөр кад воис. Чеччис кулёма вичкоын, а гөгөр некод абү. Уськөдчис корсьны, тась и сэсь кор-

сис — некод абу. Сэссия кайис кёлөкөльня вылө да мый вынсьыс кутіс бовгыны. Садьмис бовгөмысь поп.

— Тыдалө, — шуө, — узьсьөма, чөртыд, бовгөны кө!

Котөртіс сійө вичкоө и сөмын паперть вылө кайис, поконча уськөдчис сы вылө да сөйис. Сөмын кокъясыс и колины, йирис сапөг чөр вийөныс. А кулөма бара кайис кёлөкөльня вылө, водзө бовгө. Садьмис бовгөмсьыс са-ломщик:

— Ок, бара на менам, чөртыд, узьсьөма! Бара поп пи-нясьны кутас!

Пасьтасис кыздсюрө и котөрөн вичкоө. А кулөма вич-чысьө нин: сөмын сійө паперть вылө — дзик чөрйөдзыс сійөс сөйис. Сөмын кокыс сапөгас и колис. Но петук чу-көстчис, и кулөма гыпкысис муө.

Асывбыд попаддя виччысис попөс обедайтны. Лун шөр нин регыд, а поп век абу. Ветліс саломщик ордө, а сійө абу жө на волөма. Сэссия мунісны гөтыртьяс вичкоө, и ад-дзисны сэн: кык кок гоз чурвидзө паперть вылын су-лалысь сапөгтьясысь. А накод орччөн крукыльтчөмөн, ставнас веж быг пиын, куйліс рытнас вайөм кулөмаыс. Йөзыс кор чукөртчис, кулөмаөс сьылөдтөг гуалісны, а вичкосө век кежлө сиптісны.

Солдат и покойница

Захотелось одному солдату дома побывать. Стал он проситься, и отпустили его на месяц, а дом был очень далеко. Лошадь солдату дали старую и негодную: пока он на ней ехал, половина срока прошла, а до дому ещё дале-ко. Что тут делать? Остановился он в одной деревне пе-реночевать у старухи, старуха оказалась добрая: накор-мила солдата и напоила. А на другой день, как только проснулся, продал солдат свою лошадь, купил доброго

коня, распрощался со старушкой и уж совсем в путь собрался, как та старушка ему и говорит:

— Послушай меня, сынок! На этом коне ты до дому домчишься скоро, только не говори ему ни «тпру», ни «но». Подъезжая к дому, он и сам остановится. На обратном пути к прежнему хозяину лошади не заезжай — добра тебе от этого не будет, а ко мне обязательно — без этого не уезжай!

Выслушал солдат старушкины советы и тронулся в путь. И на добром коне очень скоро доехал до дому. Погостил некоторое время и поехал обратно; опять приезжает в деревню, где жила та самая старушка. Только он повернул коня к её дому, а тот никак не идёт, норовит к старому своему хозяину, на самый погост. Солдат злится, хлещет лошадь, а лошадь ни в какую. До устали бился солдат, но конь всё равно привёз его к дому своего бывшего хозяина.

— Тпру! — закричал солдат. — Стой, лешак!

Только он выкрикнул эти слова, конь сразу же упал и сдох. А солдат побежал к той доброй старушке.

— Ну, сумел выкрутиться, — говорит ему она, — а то не видать бы тебе добра. Ведь лошадь эта была дочка того, кто тебе её продал. А сам он — колдун, и дочери его — колдуньи. Теперь тебя позовут читать псалтырь над умершей колдуньей, ты иди, но берегись, чтоб покойница не съела тебя. Если она сможет тебя убить, она оживёт. Но ты не бойся: как войдёшь в избу — сразу залезай на печку, прочерти вокруг себя черту и в этом кругу принимайся читать псалтырь. Если очень налезать будет — толкай её хлебной лопатой, а прокричит первый петух — слезай и уложи её в гроб, она снова умрёт.

Не успела всего и рассказать старушка солдату, как пришли звать его читать над покойницей псалтырь. На прощанье старушка успела ещё шепнуть ему:

— Как отчитаешь, пораньше утром приходи ко мне.

Привели солдата к покойнице. И видит он: лежит в гробу очень красивая молодая девушка. А наступил уж вечер. Как только солдат начал читать над покойницей, его заперли одного с ней в избе. Вспомнил солдат советы старушки, влез на печку, провёл хлебным ножом черту вокруг себя, нож бросил и опять взялся за псалтырь, читает. Ровно в полночь покойница встала из гроба, начала ходить по избе, а потом кинулась на печку, но влезть не смогла: руки ей мешали, крестом были сложены. Из рта у покойницы жёлтая пена течёт, дышит она на солдата, уже совсем близко, и принялся солдат отталкивать её хлебной лопатой. Оттолкнёт, она упадёт на пол, подыметесь и снова лезет. Так и провозился с ней солдат до первых петухов, а как они прокричали — грохнулась кодунья на пол. Тогда солдат слез с печки, уложил покойницу обратно в гроб, под божницу, а сам заснул и проспал до самого рассвета. Чуть стало светать — слышит он, что кто-то громко колотит в дверь. Открыл — а перед ним отец покойницы. Стал он расспрашивать, как солдату спалось, какие сны снились.

— Очень хорошо спал, — отвечает ему солдат.

Так провёл солдат возле покойницы три ночи, и все три ночи вставала она из гроба, лезла к нему на печь, а он спасался от неё хлебной лопатой. А после третьей ночи помчался со всех ног к своей старушке — а та, еле живая, лежит на печи, кряхтит.

— Что, бабушка, заболела?

— Совсем сил лишилась, три ночи не спавши. Ведь я все три ночи боролась с покойницей, не то она давно б тебя съела. Но только ты от неё не избавился. Скоро позовут тебя хоронить. Ты не отказывайся, иди! Поедешь хоронить на погост, ещё не доедешь — темнеть начнёт. Ты тогда лошадей распряги, а возле дороги увидишь две сосны. Заберись на вершину одной из них, а дальше узнаешь, что будет...

И верно, позвали солдата покойницу хоронить, на погост везти. Солдат не упрямился, пошёл. Дали ему пару лошадей, запряг он их в дровни, гроб на них поставил и поехал. Ехали-ехали, приехали к реке. Смотрит солдат: ни моста нет, ни брода. А темнеть начинается. Вспомнил он советы старушки, распряг лошадей, а сам на дерево влез. И вот наступает полночь. Из гроба встаёт покойница, а лошади обернулись двумя девушками, и все втроём принялись искать солдата. Недолго искали, покойница сразу его углядела:

— Вон он, на вершине дерева сидит! И теперь ему от нас не уйти!

Бросились тут три сестры к дереву, принялись его зубами грызть, трещит дерево, качаться начинает. «Ну, — думает солдат, — кончилась моя жизнь!»

Только подумал — петух прокричал. Покойница грохнулась оземь, а девушки опять стали лошадьми. Солдат слез с дерева, уложил покойницу обратно в гроб, лошадей запряг и заставил их через речку перебраться вплавь. А на кладбище сдал покойницу попу, распрощался с ним и поехал назад к старушке. Входит, а старушка еле дышит, одна нога у нее вся в крови.

— Что с тобой, бабушка?

— Две сосны — это мои ноги были, — говорит ему старушка, — без меня съела бы тебя покойница, и так прогрызла мне ногу до самой кости. А теперь поезжай к себе на службу, больше ты мне не нужен...

Распрощался солдат со старушкой и уехал на службу.

И вот опять наступила полночь. Встала покойница в церкви, а кругом — никого. Бросилась искать, везде искала — нет никого. Тогда полезла она на колокольню и стала изо всей силы звонить в колокол. Проснулся от звона поп.

— Видно, — говорит, — проспал я, чёрт возьми, если уже звонят!

Побежал он в церковь и только вступил на паперть, как покойница набросилась на него и съела. Одни только ноги и остались, обкусала по самые голенища. А сама опять залезла на колокольню, звонить продолжает. Проснулся от того звона псаломщик:

— Ох, опять я, чёрт возьми, проспал! Опять поп ругаться будет!

Оделся кое-как да бегом в церковь. А уж покойница ждёт: только он на паперть, — по самые голенища его съела. Одни только ноги в сапогах и остались. Но тут прокричал петух, и покойница замертво грохнулась оземь.

Всё утро ждала попадья своего мужа обедать. Полдень скоро, а попа всё нет. Сходила к псаломщику, а тот тоже ещё не приходил. Тогда пошли жёны в церковь и нашли там две пары ног, торчали они из стоявших на паперти сапог. А рядом с ними лежала, скрючившись, вся в жёлтой пене, привезённая вчера покойница. Когда собрался народ, покойницу похоронили без отпевания, а церковь навсегда закрыли.

Водзöсыд кык пома

Локтис коркö öти сиктö кöнöвал да ошйысьö:

— Ме кер пыр муна. Öти помас пыра, мöдöдыс пета.

Уна йöз чукöртчис — видзöдлыны, кызд кöнöвал кер пыр мунас.

— Но, видзöдöй! — горöдис кöнöвалыд. Паськöм кулис, öти кер помас пырис, мöдöдыс петис. Сы шöрö öти дядьö веськалис, турун доддьöн мунö. Видзöдö — йöз чукöртчöма, юасьö:

— Мыйсяма дикöвина тiян танi?

Сылы и висьталöны, со пö мортыс кер пыр мунис.

Ыджыд дивө кажитчис дядьöйдлы. Шуö, мый тшöтш видзöдлыны көсйö. Матыстчис матöджык, юасьö, көнi пö сийö мортыс, кодi кер пырыс мунис.

— А со, — шуöны, — бара нин тайö помас пырис.

— Öвсьöй, — шуö дядьöйд, — сийö кер увтiыс му кузя-ыс кыссьö. — И горöдiс көнöвалыдлы: — Эй, тэ, чеччы ли мый ли! Мый нйитас туплясян, йöзсö ылöдлан?

Ёна скöрмис көнöвал дядьö вылад:

— Ме, — шуö, — тэнсьыд кывъястö ог вунöд.

Да кыз горöдас, мый турун доддьыс сотчö. Видзöдлiс дядьöйд — збыль сотчö туруныд. Котöртiс додь дорад, вöвсö лэдзалö, да тэрмасигад ступень көвсö разьны оз вермы, и ковмис гужтö керыштны. Вöлыд и гыпкысис. Көнöвалыд, вöлөм, дядьöйдлы синсö вежöма, да дядьöйд, гужтö керыштöм пыдди, вöв голяад чернад сötöма. А туруныд кутшöм вöлiс, сэтшöм и коли, абу и öзйывлöма.

— Но, — шуö көнöвалыд, — ме тэныд шуи, мый кывъястö ог вунöд. Водзöсыд водзöса, сийö кык пома.

Одолжение о двух концах

Пришел как-то в одну деревню коновал и бахвалится:

— Я сквозь бревно пройду. В один конец войду, из другого выйду.

Собралось много народа — посмотреть, как пройдет коновал сквозь бревно.

— Ну, смотрите! — крикнул коновал. Скинул одежду, в один конец бревна вошёл, из другого вышел.

И случился тут один мужик, ехал он с возом сена. Видит — народ собрался, спрашивает:

— Что это у вас тут за диковинка?

Ему рассказали, что вот человек сквозь бревно прошёл. Показалось это мужику за великое диво. Говорит,

что тоже хочет посмотреть. Подошёл поближе, спрашивает, где тот самый человек, что сквозь бревно прошёл.

— А вот, — говорят, — сейчас опять вошёл в этот конец.

— Бросьте, — говорит мужик, — он под бревном по земле ползёт. — И закричал коновалу: — Эй, ты, вставай, что ли! Чего в грязи валяешься, народ обманываешь?

Очень рассердился коновал на мужика:

— Я, — говорит, — твоих слов не забуду.

Да как закричит, что сено на возу горит. Посмотрел мужик — действительно, горит сено, побежал к возу, распрягает коня, да второпях не смог рассупонить, и пришлось разрубить гужи. Лошадь и грохнулась. Оказалось, что коновал отвёл мужику глаза, и мужик, вместо того чтобы разрубить гужи, ударил топором по лошадиной шее. А сено как было, так и осталось, оно вовсе не горело.

— Ну, — говорит коновал, — я тебя предупреждал, что твоих слов не забуду. Одолжение за одолжение, оно о двух концах.

Накажитӧм теш

Ӧтчыд арнас вит мужик вӧралісны. Олісны ставныс ӧти вӧр керкаын. Нёлыслӧн вӧралігас век бур прӧмыс вӧлі, витӧдыслы зэв гежӧда кыйдӧс сюрліс: то гоз ур лыяс, то дзик нинӧм оз сюр. Мукӧд вӧралысьыс сы вылын сералісны да ӧтдортчисны сыыс.

Ӧти рытӧ чукӧртчисны став кыйсьысьыс керкаӧ, кутісны шмонитны шудтӧм вӧралысь вылын:

— Уна-ӧ кыйин, ёртӧй? Тэ, тыдалӧ, сьӧла-урсӧ жали-тан. Бырӧмысь полан али мый?

Тадз найӧ сералісны сы вылын рытивбыд. Сэсса кыйсьысьыд скӧрмис да шуис:

— Кеслõй, кеслõй пиньнытõ! Мед каитчыны эз ков-
мы-а! Ме тїянлысь кывъястõ ог вунõд.

Сїйõ кõнõвал вõлі да неуна тõдысь.

Мõд луннас нель вõралысьыс мунїсны вõравны, а ви-
тõдыс, тõдысьыд, вольпасяс на коли, узьõ на вõлі. Кый-
сисны, кыйсисны нель вõралысьыд, веськалісны зэр улõ.
Дзебсисны пуяс улõ, но зэр эз коб, кисьтїс пыр ёнджыка,
регыд ваыс лои кыйсьысьяслы пїдзõсõдзыс. Кайисны найõ
пу вылõ, а ваыд пыр содõ. Найõ ещõ вылõджык, а ва на
бõрся. Дзик йылõдзыс воисны, — вот-вот ваыс воас.
Кутїсны вõралысьяс пõдны, а кайны некытчõ сэсся. Кõть
прõпадитан.

Õти на пиысь и шуõ:

— Тайõ кõнõвалыд вõчис тõрытья сералõмсьыд.

И ставõн горзыны кутїсны:

— Эн, ёртõй, йõрт! Ловъяснымõс мезды! Босът, кõсьян
кõ, кõть став прõмыснымõс!

Усьны ваыд кутїс. А сэсся и дзик воши, быттьõ эз и
вõв. Лэччисны нельнаныс, видзõдõны да, вõлõм дзик вõр
керка боканыс пукалõмаõсь. Пырисны керкаас — кõнõвал
пукалõ, ур кульõ.

— Шулі тїянлы, — сїйõ на дорõ шыасис, — мый каит-
чанныд кывъясьыд. Со õд мыйõдз воны позьõ!

Дыр нель ёрт варовитны эз кутны, сетїсны став
кыйдõссõ кõнõваллы, но сїйõ эз босът, косõдіс:

— Оз ков меным, — шуõ, — тїян прõмысныд, менам
аслам уна. А водзõ вылõ эн ошїысьõй.

Наказанная насмешка

Однажды осенью лесовали пятеро мужиков. Жили они
все в одной охотничьей избушке. Четверым охотникам
всё время везло — улов был хорошим, пятому добыча

попадалась редко: то пару белок подстрелит, то вовсе ничего не добудет. Остальные охотники смеялись над ним и сторонились неудачника.

Вечером как-то собрались охотники в избушке, принялись подтрунивать над неудачливым товарищем:

— Много ли наловил, друг? Ты, видать, жалеешь белок да рябчиков. Боишься, чтоб не ubyло их, что ли?

Так подсмеивались они над ним целый вечер. Наконец охотник рассвирепел и сказал:

— Зубоскальте, зубоскальте! Не пришлось бы вам каяться! А этих слов я вам не забуду.

Он был коновалом и немножко знахарем.

На другой день пошли четверо охотников на промысел, а пятый, знахарь, остался в постели, он ещё спал. Охотились-охотились те четыре охотника, попали под дождь. Укрылись под деревьями, но дождь не переставал, лил всё сильнее, скоро вода стала охотникам по колено. Влезли они на дерево, а вода всё прибывает. Они ещё выше, а вода за ними. До самой верхушки влезли — вода вот-вот подойдёт. Стали охотники захлёбываться, а выше и лезть некуда. Хоть пропадай!

Один из них говорит:

— Это коновал всё подстроил за то, что мы посмеялись над ним вчера.

И начали они кричать:

— Друг, не дай погибнуть! Спаси наши души! Возьми, если хочешь, хоть всю нашу добычу!

Стала спадать вода. А вскоре и совсем спала, будто и не было её никогда. Слезли те четверо, смотрят: оказывается, сидели они возле самой охотничьей избушки. Входят в избушку — коновал сидит, беличью шкурку сдирает.

— Говорил я вам, что каяться за свои слова будете. Вот до чего можно дойти!

Долго болтать четыре друга не стали, отдали свою добычу коновалу, но тот не взял, отказался:

— Не нужна мне, — говорит, — ваша добыча, у меня своей много. А впредь не бахвальтесь.

Кыйсьысь да вöрса

Муніс öти вöралысь ылö вöрö, сиасис да кыйсьыны кутіс. Оліс вöрын вежон гөгöр и уна нин звер-пöтка кыйіс.

Öтчыд зэв ылö ветліс ордым кузя, рытланьыс сöмын воис пывсянас, ломтіс сійöс, пуис аслыс сёян да ужын бöрын водіс узыны. Войнас садьмис, горшыс косьмö, а ваыс пывсянас абу. Казьтыштіс сійö, мый пывсян дорас ю визувтö, но мудзысла дыш лои петнысö, да и шуис го-раа:

— Көть нин вöрсаыс юкталіс ли мый ли!

Шуны эз удит, мыччысис кер кыза ки да көш сетіс.

— Код нö тэ? — юалö вöралысьыд.

— Кодлысь юнытö корин, ме сійö и эм.

Войбыд ланьтнысö эз и вермы вöралысь, а муртса югдыштіс — муніс гортас и некодлы нинöм эз висьтав, мый ськöд вöрас лоис.

Недыр мысти бара сійö мöдöдчис вöравны, көсйис кодöскö ёрт вылö босьтны, но бöрас шуис, мый öтнаслы бурджык лоö: босьтіс пищаль да нянь, чукöстіс понсö и мöдöдчис. Рытланьыс воис пывсянöдз, асывнас чеччис, сёйыштіс, кытшовтіс став лэчьяссö — нинöм абу шедöма лэчьясö. Воис пывсянö, пусис, вöчис ён гезйысь петля да водіс узыны. А войнас бара горшыс косьмыны кутіс, а ю дорö мунны дыш, сійö и мöдысь шуис:

— Көть нин тэ, вöрса, юны сетін.

Бөръя кывсö на шуны эз удит, тшын петан розьысь кер кыза ки мыччысис. Чеччыштис вöралысь, петлясö ки гөгöрыс шыгыртис, а помсö крепыда көрталіс джоджö. Сэсса пищаль босьтис да понсö чукöстис. Понйыс уськöд-чис вöрса вылö, косявлыны сійöс кутис. Повзис вöрсаыд, корны кутис:

— Лэдз менö, бур морт! Ставсö, мый көть он кор, сета!

— Вöч сідз, — вочавидзö кыйсьысьыд, — мед вöралігөн меным век удайтчис.

Вöрсаыд көсйысис, и вöралысьыд лэдзис сійöс. И збыль: сэксянь кувтöдзыс кыйсьысьылы вöралігөн везитис.

Охотник и леший

Пошёл один охотник далеко в лес, поставил силки и начал охотиться. Прожил он в лесу около недели и уж порядочно наловил дичи и зверья.

Однажды ходил он очень далеко по тропе, вернулся только к вечеру в свою баньку, затопил её, сварил себе еду и после ужина лёг спать. Ночью проснулся — пить захотелось, а воды в баньке не оказалось. Вспомнил он, что возле самой баньки речка течёт, но от усталости выходить не захотел да и сказал вслух:

— Хоть бы леший дал мне напиться, что ли!

Не успел и договорить, как показалась рука величиной с бревно и подала ему ковш.

— Кто ты? — спрашивает охотник.

— Я тот, у кого ты пить просил.

Не смог больше в ту ночь охотник заснуть, а чуть рассвело — пошёл домой и никому ничего не сказал о том, что случилось с ним в лесу.

Некоторое время спустя надумал он опять в лес идти

охотиться, хотел было взять с собой кого-нибудь в товарищи, но потом решил, что одному лучше будет; взял ружьё и хлеба, кликнул собаку и пошёл. К вечеру дошёл до своей баньки, утром встал, позавтракал, обошёл все свои силки — ничего не попало. Вернулся в баньку, сварил пищу, сделал из очень крепкого каната петлю и лёг спать. А ночью опять пить захотелось, а на речку идти неохота. Он и скажи во второй раз:

— Хоть бы ты, леший, дал мне напиться.

Договорить ещё не успел, как из дымника показалась рука толщиной с бревно. Охотник вскочил, набросил петлю на руку, а конец накрепко привязал к полу. Потом взял ружьё, кликнул собаку. Набросилась собака на лешего, стала его рвать. Испугался леший, взмолился:

— Отпусти меня, добрый человек! Дам тебе всё, чего ни попросишь.

— Сделай так, — отвечает охотник, — чтобы в лесовании была мне всегда удача.

Леший обещал, и охотник его отпустил. И верно: с той поры тому охотнику везло в лесовании до самой его смерти.

Кыйсьысь да Чукля

Овлісны-вывлісны коркё гозъя. Муніс өтчыд мужик аслас угоддьясё вёравны. А угоддьясыс ылын вёліны, да запас босьтіс сьёрсьыс вель уна. Муніс-муніс, воис коркё керка дорас. И медводз сьёла кыйны босьтчис: быд туй вылё сиасис, ветлө, пөтка чукөртө. Прөмысыс уна вөлі вөрас: сьёла, дозмөр, тар, ур. И прөмыс зэв бур лои.

Өтчыд рытнас локтө керкаас узыны. Зэв ёна сійө луннас мудзис. Пуксис и шуө аслыс:

— Ок, зськө ёрт кё вөлі, мыйта звер-пөтка ме кыйи!

Сэсся пес поткѳдліс, ва вайис и ужын аслыс лѳсьѳдіс.
Эз на удит ужнайтны, кодкѳ керка дорас матыстчис да
чукѳстіс:

— Эй, кѳзяин, узыны лэдзан он керкаад?

Мужик повзис, но век жѳ шуис:

— Пыр да узы!

Пырис локтысьыд керкаас, пѳрччысьѳ, кыйсьысьыд и
шуѳ сылы:

— Пуксьы, ужнайт мекѳд... Менам шыд пуѳма.

— Ог ѳткажитчы...

Пуксисны ужнайтны, кыйсьысьыд и юалѳ локтысь-
лысь:

— Кытысь босътчин, кыдз менам керкаѳдз воин?

— Вѳрас воши, — вочавидзѳ мѳдыс, — локті ѳтсѳгла тѳ
дорѳ, ѳдва-ѳдва керка дорѳдзыд вои.

Водзѳ сѳрнитѳны ѳттор-мѳдтор йылысь.

— Он-ѳ босът менѳ, — юалѳ локтысьыд, — вѳравны?
Тѳныд ѳтсасьны кута.

— Вай! Вай! — нимкодѳ шуѳ вѳралысьыд, меным
ѳтнамлы гажтѳм лои ѳрттѳг.

Тадз сѳрнитісны, водісны узыны да узисны асылѳдзыс.
Асывнас рок пуисны, сѳйисны, мѳдѳдчисны ордымѳясѳд
сиасьны. Сэсся мунісны бара ордымѳяс кузя лѳчѳяс вид-
лавны: вѳралысьлы уна сюрѳма, а локтысьлы — кык пѳв
унджык. Чуймис весиг вѳралысьыд:

— Кыдз та мындасѳ кыйны сяммин?!

— Лѳчкѳ шедіс, — шуѳ локтысьыд.

Тадз вежон кымын прѳмышляйтісны найѳ, и быд лун
локтысьыд кык пѳв унджык пѳткатѳ кыйѳ вѳралысь до-
рысь. Зѳв ѳна чуймалѳ та вылѳ вѳралысьыд и думыштіс
сэсся: «Час, виччысьлы! Сувтѳда ме сійѳс прѳмышляйтны
медся лѳк лѳч туй вылас». Сувтѳдіс, а ачыс думайтѳ: «ѳні
видзѳдлам, мый сылѳн артмас?» А локтысьыд, воддза моз,
вайѳ кык пѳв унджык пѳткасѳ вѳралысь дорысь.

Гѳгѳрвоис сэки вѳралысь, мый сы водзын абѳ морт, а

Чукля, вӧр олысь. Казытыштӓ, мый коркӧ ужын водзын корис ёртӧс, со ягысь Чукля и воис мужикӧ пӧртсьӧмӧн, и ӧнӓ вӧралысьлы бурӧн не мынны Чукляысь. И кутӓ вӧралысь думайтны — кыз эськӧ вӧрысь пышйыны ӧдйӧджык? Нинӧм нин абу жаль, сӧмын мед ӧдйӧджык мынтӧдчыны ковтӧм да лӅк ёртысь. Сидз и шуис — пышйыны.

Ӧтчӧд асывнас чеччисны, пуисны завтрак, сёйисны. Чукляӧс вӧралысь ыштӓ кыйсьыны, медся кузь туйсӧ кытшовтны, а ачыс босьтӓ нянь шӧрӧм и айда гортас! Котӧртӓ-котӧртӓ, пуксис мыр вылӧ сёйыштны. Видзӧдӧ — Чукля локтӧ. Повзис вӧралысь, кутӓ отсӧг корны, а ёртыс ветлӧдлӧ да шуалӧ:

— Но мый? Пышйынытӧ пышйин, да эн куж! Ӧнӓ ме тӅнӧ и помала!

А сӅк костӓ матыстчис ещӧ кодкӧ, пӧльӧ кутшӧмкӧ, кералӧ сӧс пу палич да шӧпкӧ вӧралысьлы, мед сійӧ пищальсӧ зарадитас, но пуля пыддиыс стволас сюяс нянь пыриг да лыяс Чуклялы бӧрвыв, кок костӧдыс пищальсӧ чургӧдӧмӧн. Мужикыд кывзыяс да лыяс. Чукляыд тӓмбыльтчас муӧ да уськӧдчас пышйыны вӧралысьысь. А пӧльӧыд вӧтӧдас сійӧс, кутас пӧвсавны сӧс пу паличнад, веськыд кинас кикимльӧс нӧйтӧ и шуалӧ:

— Кутан водзӧ вӧралысьясӧс дзерӧдны? Кутан дзерӧдны?

Чукля мездыны корӧ, а пӧльӧ сӧмын нӧйтӧ:

— Кыв сетан, мый некор сӅсся вӧралысьясӧс дзерӧдны он кут, лӅза, он сет кывсӧ — кувмӧныд нӧйта...

Кӧсйысис Чукля некор не вӧрӧдны вӧралысьясӧс да ӧдва ловъя мунӓ пӧльӧ дорысь. Вӧралысь аттьӧалис пӧльӧӧс, юалӧ сылысь — кодӓ лоӧ? А мӧдыс шуӧ:

— Ме тӅнад видзысьыд, Вӧршуд. Мун, вӧрав. Некор сӅсся Чукля оз лысьт тӅнад угӧддӧясӧ волыны...

Косӓ вӧралысь пывсянас да зӅв уна пӧтка кыйис тулысӧдыс.

Охотник и Кривой

Жили-были некогда муж с женой. Пошёл однажды мужик на свои угодья лесовать. А угодья были далеко, запасов поэтому он взял с собой порядочно. Шёл-шёл, пришёл, наконец, к своей баньке. И принялся для начала ловить рябчиков: по всем тропам поставил силки, ходит, собирает дичь. Поживы в лесу было очень много: рябчики, глухари, тетерева, белки. И добыча оказалась отличная.

Раз как-то вечером приходит он в свою баньку на ночлег. Очень он в тот день устал. Сел да и говорит про себя:

— Эх, если б у меня был товарищ, сколько б я дичи да зверья наловил!

Потом наколот дров, принёс воды и принялся готовить себе ужин. Не успел ещё поужинать, подошёл кто-то к баньке и окликнул:

— Эй, хозяин, непустишь ли переночевать к себе в избушку?

Мужик испугался, однако сказал:

— Заходи, ночуй!

Зашёл гость в баньку, раздевается, охотник ему и говорит:

— Садись, поужинай со мной... У меня суп сварен.

— Не откажусь...

Сели ужинать, охотник и спрашивает гостя:

— Откуда взялся, как к моей баньке попал?

— Заблудился в лесу, — отвечал тот, — пришёл к тебе за помощью, едва-едва до твоей баньки добрался.

И пошёл разговор о том о сём.

— Не возьмёшь ли, — спрашивает гость, — меня с собой на охоту? Буду тебе помогать.

— Давай! Давай! — с радостью согласился охотник. — Мне одному скучно стало без товарища...

Поговорив так, легли спать и проспали до утра. Утром сварили кашу, поели, пошли по тропам ставить силки. Потом вернулись силки проверять: охотнику много попало, а пришедшему — вдвое больше. Даже удивился охотник:

— Как ты сумел наловить столько дичи?!

— В силки попало, — отвечает тот.

Промышляли они так что-то около недели, и каждый день пришедший ловил дичи вдвое больше охотника. Очень удивлялся этому охотник и наконец подумал: «Вот, погоди! Поставлю-ка я тебя промышлять на самые плохие тропы». Поставил, а про себя думает: «Теперь увидим, что у него получится». А пришедший, как и прежде, несёт дичи вдвое больше охотника. Догадался тогда охотник, что перед ним не человек, а Кривой, лесной житель. Вспомнил, как он однажды перед ужином пожелал иметь товарища, вот Кривой из бора и пришёл к нему под видом мужика, и теперь охотнику добром от Кривого не отвязаться. И стал охотник думать, как бы ему удрать из леса поскорее. Ничего уж ему не жалко, лишь бы поскорее отделаться от опасного товарища. Так и решил — убежать.

Однажды утром встали, приготовили завтрак, поели. Кривого охотник послал обойти самые длинные тропы, а сам захватил кусок хлеба и айда домой! Бежал-бежал, присел на пенёк поесть. Глядь — идет Кривой. Испугался охотник, стал звать на помощь, а товарищ его ходит вокруг и говорит:

— Ну что ж? Убежать-то убежал, да уйти не сумел! Теперь я с тобой расправлюсь!

А в это время подошел старик какой-то, рубит рябиновую дубинку и шепчет охотнику, чтобы тот зарядил ружьё, но вместо пули положил в ствол крошку хлеба и

выстрелил в Кривого, повернувшись спиной и заложив ружьё промеж ног. Мужик послушался совета и выстрелил. Кривой кувырком скатился на землю и бросился бежать от охотника. А старик нагнал его, принялся колотить рябиновой дубинкой, бьёт правой рукой наотмашь и приговаривает:

— Будешь впредь охотников обижать? Будешь обижать?

Взмолился Кривой о пощаде, а старик знай себе бьёт:

— Дашь обещание, что никогда впредь охотников обижать не будешь, — тогда отпущу, не дашь — забью на смерть...

Обещал Кривой никогда охотников не обижать и еле живой ушёл от старика. Охотник поблагодарил старика, спрашивает его — кто он будет? А тот и отвечает:

— Я твоё Лесное Счастье. Иди, промышляй. Никогда больше не посмеет Кривой ходить по твоим лесным уголкам...

Вернулся охотник в свою баньку и до весны успел очень много наловить.

Гёна пеля

Гёна пеля вёралысьясёс вежджык шулё «куш пеляён». Радейтё сійё «куш пеляяс» дорё волены да беддён кыскасны-бертчыны. Сійё и ас йывсьыс тёдмавны кёсйё — ён абу?

Отчыл оти «куш пеля», вёравны мунігөн босьтас зэв ён гез. Оти гез помсё көрталас ён мыр бердё, а мёд помас зумыд бедь. И локтас сійё «куш пеля» дорад Гёна пеля. Пуксисны, босьтчисны беддё. Кыскисны-кыскисны, зэвтё став вынсё Гёна пеля, некыдз кыскыны оз вермы «куш пеляёс». Чуймалё Гёна пеля — кутшом вына лоёма «куш пеля».

Но эз век татшõм бõб да прõст пõльõн вõв Гõна пеля. Òти кыйсьысь лэптис вõрын аслыс вõралан пывсян. Олис вõрын, кыйис тар да ур. И эз тõд сийõ кыйсьысьыс, мый пывсянсõ лэптис самõй вõр олысь Гõна пелялõн чõс туй вылõ. И быд ногыс кутис дõзмõдчыны сийõ вõралысьыслы Гõна пеля, мед вõрысь вõтлыны. Дыр эз гõгõрво вõралысь, кодi кыйдõссõ гусявлõ, чайтис — суседъяс, но коркõ гõгõрвоис жõ, мыйын делõыс. Вõли кыйсьысьлõн нель синма пон. А став нель синма понйыс Гõна пелятõ аддзõ. Матыстчас сийõ пывсян дорõ — понлõн тшõтьыс сувтõ, лёкысь увтны заводитõ. И виччысьõ вõралысь, мый лõ водзõ. Гõна пеля йõtкыштис тшын петанысь пõдансõ, тотшкысис-усис сийõ джоджõ.

— А-а! — гõгõрвоис кыйсьысь. — Тайõ Гõна пеля вõрас дурõ.

Чеччис кыйсьысь да котõрõн петис пывсянысь. Тõдис сийõ, кыдзи колõ Гõна пеляõс повзьõдны: бергõдчыны сылань мышкõн, кок косттыд чургõдны пищальтõ да лыйны Гõна пелялы. Зарядитис кыйсьысь пищальсõ да лыйис веськыда Гõна пелялы.

— Кужин асьтõ посйыны, — шуис Гõна пеля. Сэссия некор нин эз матыстчывлы тайõ кыйсьысьыслõн пывсян дорõ, да весиг ассьыс чõс туйсõ эновтис.

Мохнатоухий

Мохнатоухий обычно называет охотников «голоухими». И любит он приходить к «голоухим» и померяться с ними силой на палках. Он хочет сам про себя узнать — силен или нет?

Однажды один «голоухий», идя на лесованье, захватил с собой очень крепкую верёвку. Один конец той верёвки прикрепил он к здоровенному пню, а к другому её

концу крепкую палку привязал. И вот приходит к тому «голоухому» Мохнатоухий. Сели, взялись за палку. Тянули-тянули, напрягает Мохнатоухий все свои силы, никак не может перетянуть «голоухого». Удивляется Мохнатоухий — каким сильным стал «голоухий»!

Но не всегда был Мохнатоухий таким добродушным и придурковатым стариком. Один охотник выстроил себе как-то баньку для лесованья. Жил он в лесу, ловил тетёрок и белок. И не знал тот охотник, что баньку-то свою выстроил он как раз на дороге, на которой охотится житель лесов — Мохнатоухий. И всячески начал досаждать тому охотнику Мохнатоухий, чтобы выгнать его из леса. Долго не догадывался охотник, кто ворует у него дичь, думал на соседей, но, наконец, понял, в чем дело. Была у того охотника четырёхглазая собака. А все четырёхглазые собаки могут видеть Мохнатоухого. Подошёл он к баньке — у собаки шерсть встала дыбом, начала она сердито лаять. И ждёт охотник, что будет дальше. Мохнатоухий толкнул дымовую задвижку, она с треском свалилась на пол.

— Ага! — догадался охотник. — Это Мохнатоухий забавляется.

Встал охотник и выбежал из бани. Он знал, как нужно спугнуть Мохнатоухого: повернуться к нему спиной, заложить меж ног ружьё и выстрелить. Зарядил охотник ружьё и выстрелил прямо в Мохнатоухого.

— Сумел ты себя отстоять, — сказал Мохнатоухий. И никогда уж больше не приходил к баньке этого охотника и даже свою тропу для лесованья покинул.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ СКАЗОК

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Лёк сар. (Злой царь)

Волшебная сказка опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). По сказке герою предсказано, что он будет царём. Он противостоит «злому царю». Исполняет задание царя — привозит три золотых волоса с бороды людоеда-богатыря. Герою помогает старуха (за помощь, оказанную братьям), которая также представлена в сказке как дарительница волшебного кольца, исполняющего желания.

По указателю сказочных сюжетов: СУС 461 (Марко Богатый). Ср.: АА 930 (От судьбы не уйдёшь); СУС 930 (Новеллистическая сказка).

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс / Чукöртис П.Доронин. Сыктывкар: Коми государственной издательство, 1938. С.118-122.

Буйныр

Сказка записана П.Дорониным в 1923 г. в дер. Проньдор. Опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборниках тридцатых годов: «В парме» (Москва, 1936), «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Герой сказки Михайло — сын медведя и женщины, уведённой в берлогу. Вместе с персонажами по имени Горынь и Усынь он противостоит злому Буйныру (антагонист — «старик с двухаршинной бородой, а сам ростом с аршин»).

По указателю имеются некоторые сходные детали и сказочные эпизоды русских сказок: АА 301 (Три царства); СУС 301 А,В; к примеру, подъём на ремне после спасения трёх красавиц (Горынь и Усынь поднимают всех четверых) и пр.

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки / Под ред. И.Н.Новикова. Архангельск: Архоблгиз, 1938. С.109-111.

Ёма да кык чой. (Ёма и две сестры)

Волшебная сказка, записана П.Дорониным в 1934 году в Сыктывкаре; опубликована в переводе на русский язык и в обработке в сборниках тридцатых годов: «В парме» (Москва, 1936), «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Позже опубликована П.Дорониным в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). По сказке гонимая падчерица отправляется к Ёме за мотком ниток, упавшим в воду; благодаря добрым делам, а также советам благодарных животных она получила от Ёмы подарок; мачеха посылает к Ёме свою дочь, из-за злости та получила шкатулку, которая их погубила.

А.А.Цембером в сборнике «Коми мойдан кывъяс» (Усть-Сысольск, 1913) была опубликована сказка «Мамтõм ныв да мама ныв», повествующая о падчерице и дочке мачехи, с соответствующим сюжетом.

По указателю сказок ср.: АА 480 А (Мачеха и падчерица); СУС -480*.

Текст (вариант сказки на коми языке) приводится по изданию: Важ коми мойдъяс / Лосьёдіс П.Доронин. Сыктывкар: Коми государственной издательство, 1950. С.102-104.

Чõрс кузя ныв. (Девушка ростом с веретено)

Волшебная сказка, записана П.Дорониным в 1935 году в Сыктывкаре, опубликована (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

Отмечены варианты сказки; по некоторым из них уйти (скрыться) от преследующей Ёмы героине помогают, в частности, различные бытовые предметы; по мнению исследователей, они имеют «этнографический интерес» (Фольклор народа коми... С.310). По сказочному указателю: АА * 313.1.

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми... С.121-124.

Арсень да чõртъяс. (Арсений и черти)

Сказка записана П.Дорониным в 1934 г. в Сыктывкаре; опубликована (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Герой сказки противостоит «нечистой силе».

По указателю ср. эпизоды русских сказок: АА 1162 (Железный человек и чёрт: солдат бьёт чёрта с помощью железного человека), АА 1060* (Кто сильнее пожмёт руку: у человека железные перчатки), АА *1162; СУС 1162.

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми... С.127-131.

Окма. (Охма)

П.Доронин знал сказку с детства; записана в 1934 г.; опубликована (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Сказка «Окма» (на коми языке) позже опубликована в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). Герой сказки обучается превращениям, затем противостоит обучившему его «колдуну» по имени Охма.

По сказочному указателю ср.: АА 325 (Хитрая наука); СУС 325.

Текст (вариант сказки на коми языке) приводится по изданию: Важ коми мойдъяс... С.142-147.

Пипиристи-сөкӧл. (Пипиристи-сокол; сокол Пипилисти)

П.Доронин знал сказку с детства, записана им в 1934 г.; опубликована (в переводе на русский язык и в обработке) в сборниках тридцатых годов: «В парме» (Москва, 1936), «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

Известны варианты сказки, записанные в начале XX столетия И.Вихманом, А.Цембером. Вариант сказки А.Цембера также имеется в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

По сказке жена ищет супруга (Пипиристи-сөкӧла) и противостоит ведьминой дочери. В комментариях к сборнику «Фольклор народа коми» указывалось: «Сокол Пипиристи» — один из самых популярных образов в волшебных сказках у коми народа»; приведены версии (А.Грена и др.) об эволюции образа; в сказке, записанной П.Дорониным, «сама птица... наделена человеческими чертами» (Фольклор народа коми... С.311). Ю.Г.Рочев приводил вариант имени персонажа — «Пипилисти сӧкӧл» (Челядь сыланкывъяс да мойдкывъяс. Сост. Ю.Г.Рочев. Сыктывкар, 1969. С.65). Возможно, имя «Пипилисти сӧкӧл» заимствовано из русской сказки; ср. пример из соответствующей вятской сказки — «перо филистово» и пр. (Кировский обл. краеведческий музей, №2581).

По указателю сказочных сюжетов ср.: АА 432 (Финист — ясный сокол); СУС 432.

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми... С.155-158.

Повтӧм салдат. (Храбрый солдат)

Сказка опубликована П.Г.Дорониным в журнале «Ударник» (1935, № 3), в сборнике «Коми фольклор. Важ мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в книге «Фольклорной сбор-

ник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). П.Доронин относил фольклорное произведение к «солдатским сказкам» («салдатской мойдкывъяс»). Имеются черты авантюрной сказки. Упоминаются «чудесные дары» (которые герой получает за доброту). Солдат получает «чудесную сумку», с помощью которой исполняются его желания. В сказке фигурируют сказочно-мифологические персонажи и пр. На русском языке с литературной обработкой (под названием «Как солдат в раю и в аду побывал») сказка была опубликована в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

По указателю сказок ср. АА 564 (Чудесные дары); АА 330; СУС 564, 330 В. Ср. сказку «Иван-салдат да смерть», зап. от А.А.Волкова в с.Турья и опубликованную в сб. «Юргö парма». Литературно-художественной альманах. Сыктывкар, 1946. С.25-30.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.65-75.

«Йитссы-клеитссы!» («Срастись-приклейся!»)

Сказка записана П.Г.Дорониным в 1936 году. Опубликована в журнале «Ударник» (1936, № 11-12), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), а также в переводе на русский язык и в обработке в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Волшебное слово («срастись-приклейся») герою подсказывает чудесное дерево (береза). Произведение имеет известные черты кумуляции. Вариант сказки (с названием «Йитчы-клеитчы»), записанный Г.Федоровым, опубликован Ф.В.Плещовским в сборнике «Коми мойдъяс, сыланкывъяс да пословицяс» (Сыктывкар, 1956).

Ср. по указателю: АА 571 (Диво-дивное, чудо-чудное); СУС 571.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.33-36.

Поп, казак да чөрт пöлян. (Поп, батрак и чёртова дудка)

Сказка опубликована в журнале «Ударник» (1935, № 1), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938); сказка «Чөрт пöлян» опубликована в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). Имеет черты авантюрной сказки.

По указателю ср. сказочные эпизоды: АА 850; СУС 850 (Приемы царевны). Ср. сказку, опубликованную в журнале «Ударник» (1937, № 5).

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.10-14.

Шыр да пышкай. (Мышь и воробей)

Фольклорное произведение, повествующее о ссоре персонажей из-за зёрнышка, записано П.Дорониным в 1929 г. в Сыктывкаре; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Подобное произведение представлено (в виде зачина) в том же сборнике, ср. сказку, записанную А.Н.Зубовым (Фольклор народа коми... С.88-103). Соответствующая волшебная сказка «Шыр да чивкан» (имеющая в зачине краткий сюжет «Война птиц и зверей») опубликована в сборнике Ф.В.Плесовского «Коми мойдъяс, сыланкывъяс да пословицаяс» (Сыктывкар, 1956), удорский вариант «Воробэй да шыр» был включён В.И.Лыткиным в его «Диалектологическую хрестоматию по пермским языкам» (Ч.1, Москва, 1955).

По указателю сюжетов: АА 222 * В; СУС 222 В* (Мышь и воробей).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми... С.87.

АВАНТЮРНО-НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Зёлётитчысь мужик. (Мужик-позолотчик)

Сказка-новелла опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). Она также близка к сказкам-анекдотам. Герой «позолотил членов царской семьи», при этом использовал вместо позолоты смолу; удалось перехитрить и царя, пустившегося в погоню.

Подобный мотив, связанный с хитрецом, персонажем-позолотчиком встречается в русских сказках.

По указателю: АА 1138; СУС -1138* (Золочение знати).

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.122-124.

Кыйтõм вõр. (Непойманный вор)

Бытовая сказка, опубликована в журнале «Ударник» (1937, № 8), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). Имеются некоторые черты авантюрных сказок о хитрецах.

В произведении также фигурируют фантастические персонажи (васа, водяные), с которыми происходит состязание героя в силе, и пр.

По сказочному указателю ср.: АА 1525; СУС 1525 А (Ловкий вор).

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится на изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.107-118.

Мужик Иван да сар Петрован. (Мужик Иван и царь Петрован)

Сказка новеллистического характера. Опубликовано в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). В сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938) опубликована сказка «Царь Петрован и мужик»; в примечаниях указывается, что сказка «записана в 1901 году И.Вихманом»; отмечая версию, связанную с появлением произведения, исследователи указывают, что в данном случае «народная фантазия обработала ... исторический факт» (Фольклор народа коми... С.315).

По указателю сюжетов: АА* 921.1 А (Куда тратятся деньги); СУС 921 А. Ср. сказку, опубликованную в журнале «Ударник» (1937, № 9-10).

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.105-107.

Салдат да кык генерал. (Солдат и два генерала)

Сказка опубликована в журнале «Ударник» (1935, № 3), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). П.Доронин относил фольклорное произведение к «солдатским сказкам» («салдатской мойдкывъяс»). Имеет черты авантюрной сказки. Упоминаются фантастические персонажи (трёхголовый гундыр, шестиголовый гундыр), которым якобы противостояли сказочные герои (генералы), сватающиеся к царской дочери.

Ср. по указателю эпизоды сказок: АА 330; АА * 1538. I; АА *855; СУС -855* (Солдат и царевна, трактирщица).

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.75-85.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Поп да кык салдат. (Поп и два солдата)

Сказка опубликована в журнале «Ударник» (1936, № 11-12), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). П.Г.Доронин относил фольклорное произведение к «солдатским сказкам» («салдатской мойдкывъяс»). Произведение имеет черты сказок-анекдотов. Имеет место заимствованная лексика — *крам праздник* (храмовый праздник), *аркирей* (архиерей), *служивой* (служивый), *трактиршик* (трактирщик), *кабащик* (кабатчик) и др.

По указателю сказочных сюжетов - АА * 1537, I; СУС 1537 *.

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.63-65.

Курөг пöжысь мужик. (Как мужик цыплят высиживал)

Сказка опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). Вариант сказки о хитрецах. Имеет черты сказки-анекдота.

По указателю ср.: АА 1750; СУС 1750 (Глупая жена священника); ср. также СУС 1218 (Высиживание куриных яиц). Ср. сказку «Чипан пöжысь мужик», опубликованную в журнале «Ударник» (1937, №9-10).

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.94-96.

Кык вок. (Два брата)

Бытовая сказка, опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). Вариант сказки о богатом и бедном братьях. Имеет черты авантюрной сказки.

По сказочному указателю ср.: АА 1535; СУС 1535.

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.58-62.

Озыр да голь вок. (Богатый брат и бедный брат)

Сказка опубликована в журнале «Ударник» (1936, № 11-12), в сборнике «Коми фольклор. Важ мойдкывъяс да сьыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). В переводе на русский язык и в обработке сказка опубликована в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

По сказочному указателю ср.: АА 1536; СУС 1536 А.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс... С.51-54.

Поп-скупердяй да Иван-казак. (Поп-скупердяй и Иван-батрак)

Бытовая сказка, опубликована в журнале «Ударник» (1935, № 1), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). Имеются черты, присущие сказкам-анекдотам.

По указателю сказочных сюжетов ср.: АА 1775; СУС 1775 (Голодный поп, барин на ночлеге).

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс... С.5-10.

Гуляйтись попададя. (Гулящая попададя)

Сказка опубликована в журнале «Ударник» (1936, № 11-12), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). Крестьянский сын идет к попу в работники (или «казачить»); поп говорит, что о зарплате договорятся тогда, когда попададя заговорит по-немецки. По сказочному указателю ср.: АА * 1730. IV. (Попададя по-немецки заговорила); СУС 1358 С. Ср. сказку «Поп казак», опубликованную в сб. «Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс» / Сост. Осипов И.А. Сыктывкар, 1986.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс... С.36-39.

Поп-дяк да Катерина. (Священники и Катерина)

Бытовая сказка, опубликована в журнале «Ударник» (1935, № 1), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). Близка к сказкам-анекдотам. В коми сказке фигурируют поп, дякон, псаломщик, которым приглянулась красивая жена крестьянина.

По сказочному указателю: АА 1730 (Поп, дьякон и дьячок); СУС 1730. Ср. сказку, опубликованную в журнале «Ударник» (1934, № 3-4), а также сказку «Поп, дьякон, псаломщик и Катерина» // «Красное знамя», 1966, 30 авг.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.14-16.

Поп да сылӧн казак Мӧмӧт. (Поп и его батрак Момет)

П.Доронин знал бытовую сказку с детства. Опубликована в журнале «Ударник» (1935, № 1), в сборнике «Коми фольклор. Важ мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). В переводе на русский язык сказка опубликована в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Имеет черты сказки-анекдота. В последнем издании сообщается, что фольклорное произведение «по формальному признаку» относится к фантастическим сказкам, но также подчёркивается его социальный, «идейный смысл» (Фольклор народа коми... с.313).

В разных коми диалектах мӧмӧт — ротозей, разиня; йӧй мӧмӧт — бестолковый человек (Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И.Жилина, М.А.Сахарова, В.А.Сорвачева. Сыктывкар, 1961. С.225). В некоторых русских (переведенных с коми) текстах — «Мӧмэт», «Момэт», «Мэмэт». В примечаниях к сборнику «Фольклор народа коми» отмечено: «Мӧмэт — нарицательное имя человека туповатого, но с хитрецей и себе на уме» (Фольклор народа коми... с.316).

В сказке имеются элементы несказочной прозы (среди персонажей — вӧрса; васа — леший; водяной); ср. по указателю сюжет о попе и работнике в русском фольклоре, в котором имеются сходные эпизоды и пр.: АА 1045; 1063; 1071; 1072; 1084; 1146; СУС 1000; 1045; 1063; 1072.

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.16-28.

Мужик да барин. (Мужик и барин)

Сказка опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). По сказке мужик хитростью одолевает барина. Имеются черты авантюрной сказки.

По сказочному указателю ср.: АА 1538 (Мужик мстит барину); СУС 1538.

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс... С.96-98.

Барин да кузнеч. (Барин и кузнец)

Сказка опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). В сказке фигурирует барин в роли незадачливого кузнеца.

По сказочному указателю ср.: АА* 1695.1 (Барин-кузнец); СУС -1695*. Ср. также сказку, опубликованную в журнале «Ударник» (1937, № 9-10).

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс... С.98-100.

Иван-дурак

Бытовая сказка, опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). По сказке дурак кидает хлеб своей тени (чтобы накормить её), оставляет на пнях чугуны (вместо шапок), и пр. В конце сказки герой выступает также в качестве традиционного в сказочном репертуаре хитреца (в эпизоде с купцом, который желает стать царём).

По указателю ср. сказочные эпизоды в русской сказке: АА* 1681. I; 1681. II; СУС 1681 А; ср. также СУС 1006*.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс... С.54-58.

Мужик да нель поп. (Мужик и четыре попа)

Сказка опубликована в журнале «Ударник» (1936, № 11-12), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сьыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). Близка к авантурным сказкам.

Ср. по сказочному указателю: АА * 1730. I; СУС 1536 В.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной

менной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.28-33.

Горш поп. (Жадный поп)

Бытовая сказка, записана П.Дорониным в Сыктывкаре в 1934 году, опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в переводе на русский язык и в обработке — в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). В русском переводе называется (приводится) имя сказочного героя, противостоящего жадному попу, а также дьякону и псаломщику — «Миш Вась» (в тексте: Миш-Вась).

По указателю ср. сказочные эпизоды русской сказки: АА 1539; СУС 1539. Ср. сказку, опубликованную в журнале «Ударник» (1937, №9-10).

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.40-44.

Кыдзи поп чань пöжис. (Как поп жеребёнка высидел)

Сказка опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). Близка к сказкам-анекдотам.

По сказочному указателю ср.: АА 1676 *; СУС 1319 (Кобылье яйцо).

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.40.

Макар да сизим вок. (Макар и семеро братьев)

Бытовая сказка опубликована в журнале «Ударник» (1935, № 10-11), в сборнике «Коми фольклор. Важ мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938). В переводе на русский язык (А.А.Попова) и в обработке (Г.В.Алексеева) сказка опубликована в сборнике «В парме» (Москва, 1936). Сказка также была опубликована (в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

Произведение при этом определялось как «сказка-новелла» (Фольклор народа коми... — С.34-35); имеет определённые

черты авантюрной сказки; ср. сходные эпизоды в произведениях русского фольклора по указателю: АА * 1538.1; 1535 * В; СУС 1538*; 1535.

Текст на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.45-51.

Мужик да поп кӧза. (Мужик и поповская коза)

Сказка опубликована в журнале «Ударник» (1937, № 9), в сборниках «Коми фольклор. Важ мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). Имеет черты авантюрной сказки. В произведении сохранены старые термины «уездной судья» (уездный судья), «губернской судья» (губернский судья) и др.

По сказочному указателю ср.: АА 1585 (Обманутый адвокат), 1660; СУС 1585, 1534. Ср. сказку, опубликованную в журнале «Ударник» (1937, №9-10).

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.90-93.

Мужик да судьяс. (Мужик и судьи)

Сказка опубликована в журнале «Ударник» (1935, № 4), в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938); в переводе на русский язык и в обработке сказка опубликована в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938), составители которого указывают на русский вариант произведения — «Повесть о Шемякином суде».

По указателю сказок; АА 1660; СУС 1534.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.86-90.

Нёрымӧ-дядьӧ. (Дядя Нёрымэ)

Бытовая сказка, записана П.Дорониным (помнил сказку с детства). Опубликована в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). Сказка «Нерымэ» опубликована, в переводе на русский язык и в обработке, в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

В коми-зырянских диалектах зафиксировано слово *нёрым*:

нёрыма кодь дядьö — глубокий старик; нёрымö койг — медлительный, непроворный (Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И.Жилина, М.А.Сахарова, В.А.Сорвачева. Сыктывкар, 1961. С.241). В текстах на русском языке — Нерымэ. В примечаниях к сборнику (на русском языке) отмечается: «Нерымэ (точно: нёримö) — нарицательное имя малоповоротливого, недалёкого человека» (Фольклор народа коми ... С.316). Фольклорное произведение отнесено к «популярнейшим сказкам детского фольклора коми» (Фольклор народа коми... С.315).

Ср. по указателю: АА 170 (За скалочку — гусочку: сказка о животных); СУС 170; см. также СУС 158 (Звери в саях); 1415 (Мена: сказка-анекдот).

Текст на коми языке приводится по изданию: Важ коми мойдъяс... С.99-101.

Коді медйöй? (Кто самый глупый?)

Сказка опубликована в книге «Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс» (Сыктывкар, 1938), в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). Вариант сказки на русском языке опубликован в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

В поисках людей, которые были бы глупее его жены, герой коми сказки даёт советы одним (учит веять и пр.) и с хитростью проверяет других (барыню и барина). В сказке упоминается «Пипиристи-сöкöl» (или «сöкöl-птица»), которого будто бы остается стеречь барин, и пр.

По сказочному указателю ср.: АА 1384 (Муж ищет людей глупее жены); ср. также: АА * 1541.1 (Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости: кланяется свинье и зовёт её в гости, на свадьбу и т.п.; глупая барыня даёт ему свинью, а также лошадей и карету, чтобы везти её); СУС 1384, 1540 А*.

Текст сказки на коми языке (с учётом требований современной орфографии) приводится по изданию: Фольклорной сборник. Важ коми мойдкывъяс да сыланкывъяс... С.100-104.

Небылича. (Небылица)

Сказка записана П.Дорониным в 1923 году в д.Проньдор; текст опубликован (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Сказка «Небылича» опубликована позже в сборнике «Важ коми мойдъяс» (Сыктывкар, 1950). В произведении о добывании героями

огня подчёркиваются фантастические черты хранителя огня (Фольклор народа коми... — С.309). В центре повествования — рассказывание героем небылицы.

По указателю сказок ср.: АА 1920 * D; СУС 1920 Н* (Огонь в обмен на небылицы).

Вариант сказки (также с названием «Небылица») опубликован Ф.В.Плесовским в сборнике «Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицаяс» (Сыктывкар, 1956).

Текст на коми языке приводится по изданию: Важ коми мойдъяс... С.106-108.

Баринлӧн пон. (Барский пёс)

Сказка-анекдот; первая публикация сказки с соответствующим сюжетом «Помещик да кресстьянин» осуществлена в книге «XV во. Художественной литература альманах». (Сыктывкар, Коми госиздательство, 1936 г.), а также в сб. «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938), под названием «Помещик и мужик».

По СУС: -1538***: (Барская «собака»).

Текст на коми языке приводится по изданию: Важ коми мойдъяс... С.62-64.

КОММЕНТАРИИ К ПРИЛОЖЕНИЮ

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Му пуксьӧм йылысь. (Как была сотворена земля)

Фольклорное произведение (мифологический рассказ) записано П.Дорониным в 1927 г. в Сыктывкаре; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

Мифологический рассказ о Ене и Омӧле связывается с воззрениями древних коми. При этом имеются замечания фольклориста Ф.В.Плесовского, касающиеся записи «мифа» (Плесовский Ф.В. История собирания и изучения фольклора народа коми // Архив КНЦ УрО РАН, ф.1, оп.11, д.163, л.22-23).

Подобные произведения упоминаются Н.П.Андреевым, исследователем русской фольклорной традиции и др. (см.: Андреев Н.П. Схема указателя преданий и т.п. рассказов // Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С.117).

Текст приводится по рукописи, хранящейся в Национальном архиве Республики Коми (Личный фонд П.Г.Дорониной, ф.1346, оп.1, д.143).

Юрка

Фольклорное произведение (предание) записано П.Дорониным в 1934 г. в Сыктывкаре; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Коми предание о Юрке и его перевод на русский язык имеются в сборнике Ю.Г.Рочева «Коми легенды и предания» (Сыктывкар, 1984).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.66-67.

Тёдысь зонка. (Мальчик-колдун)

Фольклорное произведение (близкое к бывальщинам) записано П.Дорониным в 1934 г. в Сыктывкаре; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). В произведении упоминается о колдунах, передающих колдовские способности, а также наводящих «порчу» на скот, «крадущих» месяц и солнце, и пр.; см. также фольклорное произведение «Еретникъяс» (Еретники), повествующее о колдунах, в сборнике Ю.Г.Рочева «Коми легенды и предания» (Сыктывкар, 1984).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.145.

Тёдысь да сылён гётыр. (Колдун и его жена)

Фольклорное произведение (близкое к бывальщинам) записано П.Дорониным в 1934 г. в Сыктывкаре; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). По произведению героине, спасающейся от персонажа из иного мира, помогает святой Николай.

Соответствующие произведения о колдунах, знахарях, о состязании знахарей имеются в сборнике Ю.Г.Рочева «Коми легенды и предания» (Сыктывкар, 1984).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.143-144.

Салдат да кулõма. (Солдат и покойница)

Фольклорное произведение (близкое к бывальщине) записано П.Дорониным в Сыктывкаре в 1934 г. Соответствующий сюжет был зафиксирован ранее А.А.Цембером (в 1912 г.) в с.Маджа («Колдун-мертвец и солдат»). Солдату в его противоборстве помогает старушка, которая выступает как добрая советчица, имеющая чудесные способности.

Подобные сюжеты также упоминаются Н.П.Андреевым, исследователем русской фольклорной традиции (Андреев Н.П. Схема указателя преданий и т.п. рассказов / Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С.116). По указателю сказочных сюжетов также ср. известный эпизод (очерчивание круга с целью оберега): АА 810; СУС 307, 326 Н* (Солдат и ведьма).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.202-204.

Водзõсыд кык пома. (Одолжение о двух концах)

Фольклорное произведение (близкое к бывальщинам) записано П.Дорониным в 1934 г. в Сыктывкаре; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Близкое к повествованиям о коновалах, знахарях, колдунах, имеющимся в сборнике Ю.Г.Рочева «Коми легенды и предания» (Сыктывкар, 1984).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.178.

Накажитõм теш. (Наказанная насмешка)

Фольклорное произведение (близкое к бывальщинам) записано П.Дорониным в 1934 г. в Сыктывкаре; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборниках тридцатых годов «В парме» (Москва, 1936), «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Повествуется о «знахаре», находившемся в охотничьей артели и наказавшем охотников за насмешку. Произведение, близкое к повествованиям о знахарях, колдунах, имеющимся в сб. Ю.Г.Рочева «Коми легенды и предания» (Сыктывкар, 1984).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.179-180.

Кыйсьысь да вӧрса. (Охотник и леший)

Фольклорное произведение (близкое к бывальщине) записано П.Дорониным в 1929 г. в Сыктывкаре; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938).

В своей избушке охотник неосторожно называет вслух лешего — вӧрса, и лесной хозяин появляется. В другой раз, «как из дымника протянулась рука толщиной с бревно» (подавая охотнику, по его желанию, ковш с водой), он её «крепко привязал к полу» и кликнул собаку; за освобождение вӧрса обещал охотнику удачу в лесовании.

«Дымник» упоминается в различных рассказах о злом духе, лешем (Коми легенды и предания... С.129-130).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.101-105.

Кыйсьысь да Чукля. (Охотник и Кривой)

Фольклорное произведение (близкое к бывальщине) записано П.Дорониным в с.Ертома; опубликовано (в переводе на русский язык и в обработке) в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938). Повествуется о встрече охотника с чуклей (чукля — «житель лесов», леший; в тексте «чукла»). Добрый совет охотнику (как избавиться от лешего) даёт старик «с рябиновой дубинкой» (назвавшийся «покровителем» охотника). Ср. название удмуртского покровителя рода «Воршуд».

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.106-107.

Гӧна пеля. (Мохнатоухий)

Фольклорное произведение (близкое к бывальщине) записано в 1920 г. в с.Онежье; опубликовано в сборнике «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938); по мнению составителей фольклорного сборника, «под Чуклей и Моخنатоухим... также подразумевается вӧрса, леший» (Фольклор народа коми... С.308). Имя «Гӧна пеля» (Мохнатоухий) в фольклористике трактуется неоднозначно: возм. «пеля», «пель», «перя» — арх. обозначение сильного человека, существа (Плосков И.А. Войпель: наименование и образ // *Linguistica Uralica*. 1990. — Т. XXVI.), связывается с божеством северного ветра и ночного стража — Вой-пель (Ночное ухо) (Энциклопедия уральских мифологий. Т.1. Мифология коми. Москва, ДиК. — 1998. С.111-112; Нали-

мов В.П. 1903. Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // Этнографическое обозрение. № 2.) и т.д.

В тексте соединяется ряд эпизодов, связанных с хозяином леса («Мохнатоухим»), с соперничеством охотника и лешего. Один из центральных эпизодов связан, к примеру, с запретом строить охотничью избушку на дороге (тропе) леших.

В сборнике «Коми легенды и предания» опубликовано соответствующее фольклорное произведение «Паличён кыскасьём» (Перетягивание на палках), в котором «охотник хитростью одерживает верх над своим извечным противником» (Рочев Ю.Г. Комментарии // Коми легенды и предания... С.171); см. также фольклорное произведение «Вöрсалён туй» (Дорога лешего) (Коми легенды и предания... С.118).

Подобные эпизоды имеются в рассказе «Вöрсалён да Куш-Пельлён вынён бертчём» (записанном Г.А.Федоровым), опубликованном в сборнике «Коми мойдъяс, сыланкывъяс да пословицаяс» (Сыктывкар, 1956), составленном Ф.В.Плесовским. Им же указаны приблизительно соответствующие сказочные сюжеты из русского фольклора, к прим. АА 1052; различные мотивы и сюжеты подобных произведений имеются в коми и русском устно-прозаическом материале (Ср.: СУС 1000 — 1199: «Сказки об одураченном чёрте»).

Текст приводится по изданию: Фольклор народа коми. Предания и сказки... С.108.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ П.Г.ДОРОНИНА

1904, 12(25) января — родился в д.Прокопьевская (Проньдор) Слудского сельского общества Палевицкой волости: Яренского уезда Вологодской губернии (по дореволюционному административному делению).

1910—1915 — учился в Прокопьевском земском начальном училище.

1915—1917 — продолжил учёбу в Гамской второклассной школе, но не закончил ввиду её реорганизации.

1917—1918 — поступил на учёбу в Усть-Сысольское городское училище.

1918—1920 — работал в д.Проньдорской секретарём волостного комитета бедноты, делопроизводителем волостного земельного отдела и волостного военного комиссариата.

1919 — поступил в Палевицкое высшее начальное училище в 3-й класс, проучился один год.

1920 — учился в г.Яренске на педагогических курсах, но вынужден был их прервать в связи с переходом в другое учебное заведение.

1920, (25) декабрь — в г.Усть-Сысольске поступил на историческое отделение института народного образования.

1921—1922, (12) ноябрь — (1)март — работал учителем проньдорской школы 1-й ступени.

1921—1923 — 3 года обучался на социально-историческом факультете Усть-Сысольского института народного образования до его реорганизации в педтехникум повышенного типа.

1923—1925 — обучался в Сыктывкарском педтехникуме повышенного типа на историческом и внешкольном факультете.

1924 — вступил в Общество изучения Коми края, начал заниматься сбором фольклорного и этнографического материала, изучением истории края.

1925, январь — закончил исторический и внешкольный факультет Сыктывкарского педтехникума повышенного типа и

был направлен учителем в среднюю школу по социально-историческим предметам, языку и литературе.

1925, (17) январь — (1) сентябрь — преподавал в Гловской семилетней школе обществоведение, коми язык и литературу.

1925 — 1930, с 1 сентября по 1 сентября — преподавал в усть-вымской школе 2-й ступени обществоведение, коми язык и литературу.

1926 — поступает на 2-й курс историко-этиологического факультета Московского государственного университета, но оставляет учёбу и возвращается в Усть-Вымь на преподавательскую работу.

1926 — 1928 — председатель ревизионной комиссии усть-вымского уездного отделения профсоюза работников просвещения.

1926 — 1930 — студент-заочник института повышения квалификации педагогов, проходит 4-годовой курс, но не едет сдавать госэкзамены в Москву.

1928 — 1930 — секретарь уездного отделения усть-вымского профсоюза работников просвещения.

1929 — поступает в Ленинградский педагогический институт им. А. Герцена на коми отделение, но бросает учёбу и возвращается домой.

1930 — 1931 с 1 сентября по 1 сентября — директор, преподаватель обществоведения, коми языка и литературы в Коквицкой ШНМ.

1931 — 1932, с 1 сентября по 12 января — преподаватель истории и географии в Сыктывкарском индустриальном техникуме и на курсах десятников.

1932 — 1940, с 12 января по 13 декабря — редактор учебной и детской художественной литературы при Коми госиздате.

1934 — возглавляет «фольклорную бригаду», организованную при коми отделении Союза писателей.

1935 — составляет проект программы по истории коми литературы для средней школы.

1937 — 1941 — уполномоченный Литературного фонда СССР по Коми АССР.

1938 — 1940 — член правления обкома профсоюза работников печати.

1939 — член Союза писателей.

1940, декабрь — присвоено воинское звание техника-интенданта 2-го ранга.

1941, со 2 января по 11 июля — научный сотрудник исто-

рического отдела Коми республиканского краеведческого музея, зав. историческим отделом.

1941 – 1946, с 11 июля по 18 июня — находится в рядах Советской Армии, защищает Отечество от немецких захватчиков.

1941, с 15 июля по 10 октября — в резерве начкомсостава в 32-м запасном полку в Архангельском военном округе.

1941, с 10 октября по 15 декабря — командир взвода при эстонском рабочем батальоне на ст. Кушуба.

1941, с 15 декабря по 4 февраля — зав. делопроизводством 4-й части 32-й стрелковой дивизии.

1942, с 4 февраля по 25 мая — начальник хозяйственной части 9-й рабочей колонны.

1942, 25 июля — присвоено звание лейтенанта.

1942 — слушатель двухмесячных краткосрочных курсов при архангельском филиале «Выстрел».

1942, с 28 июля по 1 декабря — помощник командира стрелковой роты 1259-го стрелкового полка 183-й СД Калининского фронта.

1942 – 1943, с 1 декабря по 18 февраля — лечился в эвакогоспитале в г. Иванове, затем в г. Комсомольске.

1943, с 18 февраля по 17 августа — командир заградительного взвода и начальник полевой заставы 33 армейского заградительного отряда, 3-я Ударная армия, Калининский фронт.

1943, 12 августа — присвоено звание старшего лейтенанта приказом командующего Калининским фронтом.

1943, с 18 августа по 25 октября — командир взвода и начальник полевой заставы 30-го армейского заградительного отряда, 3-я Ударная армия, Калининский фронт.

1943 – 1944, с 25 октября по 10 октября — командир стрелковой роты 257-го стрелкового полка 185-й Панкратовско-Православной стрелковой дивизии 47-й армии 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов.

1944, 2 февраля — присвоено звание капитана командованием 2-го Прибалтийского фронта.

1944, с 10 октября по 27 ноября — на излечении в г. Ромбертув (под Варшавой), 47-я армия, 1-й Белорусский фронт.

1944, с 11 ноября по 28 декабря — находился в резерве 27-го полка офицерского состава 1-го Белорусского фронта.

1944 – 1945, с 28 декабря по 13 февраля — военный комендант волости Хотча Липецко-Илжевского уезда (Польша). 1-й Белорусский фронт.

1945, с 13 февраля по 23 апреля — военный комендант в г.Арнольдсвальде и помощник военного коменданта Арнольдсвальдского района по оперативно-стрелковой части (провинция Померания в Германии), 1-й Белорусский фронт.

1945, с 23 апреля по 10 октября — офицер-экономист при районной военной комендатуре Берлин-Митте.

1945—1946, с 10 октября по 2 февраля — помощник начальника продовольственного отдела при центральной военной комендатуре г.Берлина.

1946, со 2 февраля по 30 апреля — офицер-экономист при военной комендатуре района Берлин-Митте.

1946, 19 апреля — демобилизован из армии.

1946, 18 июня — прибыл на родину.

1946—1949, с 13 сентября по 2 июля — младший научный сотрудник отдела языка и литературы Коми филиала АН СССР.

1947 — член ученого совета Коми республиканского музея.

1947 — начинает работать над большой темой зарождения и развития феодализма в Коми крае.

1949—1957, с 1 ноября по 12 августа — литературный сотрудник журнала «Войвыв кодзув».

1955 — уполномоченный Литературного фонда СССР по Коми АССР.

1955—1962 — народный заседатель 3-го участка Сыктывкарского народного суда.

1962 — член библиотечного совета Коми республиканской центральной библиотеки.

1962—1966, с 16 сентября по 1 июня — младший научный сотрудник отдела языка и литературы Коми филиала АН СССР.

1966, 1 июня — уволился с работы в связи с тяжелой болезнью супруги.

1966 — вновь принят на работу в отдел языка и литературы КФАН.

1967, 12 января — П.Г.Доронин скоропостижно скончался. Похоронен в г.Сыктывкаре.

ПУБЛИКАЦИИ П.Г.ДОРОНИНА

1924

Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости // Коми му. № 1-2. С.91-99.

1930

Среди дезертиров // Ордым. № 3-4. С.3-7.

1931

Силас // Ударник. № 14. С.13-15.

Вотчина юклѳм // Ударник. № 19-20. С.22-25.

Рѳзѳреннѳ // Ударник. № 21-22. С.21-24.

Литературная хрестоматия для 1 класса ШКМ. «Социалистический Север». Вып.1. (Соавтор И.Изъюров. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Литературная хрестоматия для 1 класса ШКМ. «Проклятое прошлое». Вып.2. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Литературная хрестоматия для 2 класса ШКМ. «Гражданская война». Вып.1. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Олѳм // Ударник. № 11-12. С.6.

Вьльмѳ // Ударник. № 10. С.9.

Ветла, швучка вѳрваті // Ударник. № 17-18. С.6.

Колхоз му дорті // Ударник. № 17-18. С.12.

1932

Кык патрон // Ударник. № 11. С.11-14.

Литературная хрестоматия для 2 класса ШКМ. «Красная Армия». Вып.2. (Соавтор А.Куштова). Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Обществоведение. Учебник истории для 2 класса ШКМ. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 352 с.

Йѳзкост оланног (история). Сыктывкар: Коми ГИЗ. 273 с.

Оланног // Ударник. № 3-4. С.11.

1933

Книга для чтения для 4 класса начальной школы (хрестоматия). Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Коми язык. Учебник для 1 класса начальной школы. Часть 1. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Коми язык. Учебник для 2 класса начальной школы. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Литературная хрестоматия для 4 класса начальной школы. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Коми язык. Грамматика и правописание. Учебник для начальной школы. 2 год обучения. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 46 с.

1934

М.Н.Лебедевлөн творчество. (Соавтор И.Тарабукин) // Ударник. № 11-12. С.29-34.

1935

Литературной коми кыв да переводяс йылысь (Сёрнитом выль) // Ударник. № 1. С.32-37.

Антипоповской мойдкывъяс (Вступ. ст.): Поп скупердяй да Иван-казак Поп да сылön казак Мёмот // Ударник. № 1. С.38-47.

Солдатской мойдкывъяс (Вступ. ст.). Повтом салдат. Салдат да кык генерал // Ударник. № 3. С.26-35.

Царской судьяс йылысь мойдъяс (Вступ. ст.). Мужик да судьяс // Ударник. № 4. С.44-48.

Макар да сизим вок // Ударник. № 10-11. С.69-74.

1936

Коми язык. Учебник для 1 класса начальной школы. Часть 1. (Соавтор И.Тарабукин). Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Коми язык. Учебник для 2 класса начальной школы. Часть 2. (Соавтор И.Тарабукин). Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Коми язык. Учебник для 4 класса начальной школы. Часть 4. (Соавтор И.Тарабукин). Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Педь Генълön бөръя гижöd йылысь // Вөрлэдзысь. Март 30 лун.

Пармалön сьолöмын (В сердце пармы) // Ударник. № 3. С.21-45; № 4. С.29-38; № 5. С.5-26; № 7. С.4-25; № 8. С.20-40; № 9. С.32-49; № 10. С.20-44; № 11. С.56-72.

Коми эпосысь: Мужик да нель поп. «Йитсы-клеитсы». Поп да кык салдат. Озыр да голь вок. Гуляйтись попаддя // Ударник. № 11-12. С.88-99.

Литературная хрестоматия для 6-7 годов обучения. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

1937

Кыйтõм вõр // Ударник. № 8. С.49-55.

А.Пушкин. Сказка о попе и его работнике Балде / Пер. с рус. Сыктывкар: Коми ГИЗ. Переизд. в 1956.

А.Пушкин. Сказка о царе Салтане / Пер. с рус. Сыктывкар: Коми ГИЗ. Переизд. в 1957.

Коми эпосысь: Поп да кык салдат // Вõрлэдзысь. Март 21 лун.

Коми эпосысь: Макар да сизим вок // Вõрлэдзысь. Апрель 12 лун.

Из коми фольклора. Свадебный плач невесты // Ударник. № 4. С.59-71.

Из коми фольклора. Народные песни // Ударник. № 5. С.52-63.

Из коми фольклора. Народные песни // Ударник. № 6. С.60-70.

Из коми фольклора. Мужик да поп кõза. Барин да кузнеч. Чипан пõжысь мужик. Иван да цар Петрõван. Горш поп // Ударник. № 9-10. С.50-59.

Коми эпосысь: Озыр да гõль вок // Вõрлэдзысь. Март 16 лун.

Коми эпосысь: Мужик да нель поп. Йитчы-клеитчы // Вõрлэдзысь. Март 12 лун.

А.Некрасов. Генерал Топтыгин / Пер. с рус. Сыктывкар: Коми ГИЗ. Переизд. 1947.

А.Некрасов. Дедушка Мазай и зайцы / Пер. с рус. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

А.Некрасов. Крестьянские дети. Наум и др. / Пер. с рус. Сыктывкар: Коми ГИЗ. Переизд. 1956 г.

Коми фольклорный сборник. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 48 с.

Коми сказки и народные песни. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 48 с.

1938

Коми фольклор. Важ мойдъяс да сьланкывъяс. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 46 с.

Фольклор народа коми. Архангельск: Архоблгиз. 324 с. [Над формированием сборника и комментариями работал совместно с Г.В.Алексеевым].

Литературная хрестоматия для 6-7 года обучения. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Н.Некрасов. Железная дорога. Размышления у парадного подъезда. Забытая деревня. Катерина / Пер. с рус. // Ударник. № 1.

Коми сказки и народные песни. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 48 с.

Фольклорной сборник. Важ коми мойдъяс да сьланкывъяс. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 167 с.

1939

Интернациональной мотивъяс И.А.Куратовлӧн творчество-
ын // Ударник. № 7-8. С.9-18.

То же // За новый Север. 4 сентября.

Антирелигиозные и антипоповские мотивы в творчестве
И.Куратова // За новый Север. 2 октября.

То же // Вӧрлэдзысь. Август 29 лун.

Существовал ли поэт А.И.Гутов? // За Новый Север. 11
ноября.

По следам поэта И.А.Куратова // За новый Север. 26 де-
кабря.

И.А.Куратовлӧн удж да творчество // Ударник. № 9. С.10-35.

То же // За Новый Север. 28 ноября; 10, 11 декабря.

Вступительная статья и примечания // Куратов И.А. Со-
брание сочинений. Т.1. Сыктывкар: Коми ГИЗ. С.3-53, 267-298,
308-324.

Творчество И.А.Куратова. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 78 с.

И.А.Куратовлӧн творчество. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 90 л.б.

Руководитель крестьянских волнений первой половины 19
века Дмитрий Балин // За Новый Север. 16 июня.

История зарубежного отряда // За Новый Север.

Коми поэт А.И.Гутов йылысь // Ударник. № 10. С.39-43.

1940

Фольклорные мотивы в творчестве М.Н.Лебедева // За
Новый Север. 27 октября.

То же // Вӧрлэдзысь. Октябр 27 лун.

Новые документы об Иване Куратове. Некролог // За Но-
вый Север. 29 января.

М.Н.Лебедев и коми детская литература // Вӧрлэдзысь.
Июнь 26 лун.

Шуда челядьлӧн праздник // Вӧрлэдзысь. Июнь 26 лун.

Гражданской война Коми крайын // Ударник. № 3. С.3-22;
№ 4. С.21-34; № 5. С.3-20.

Выступления устькуломских крестьян против местных вла-
стей в 1836-1843 гг. // Ударник. № 10. С.48-63; № 11. С.53-63.

Сотчемской обществоса крестьяналӧн выступление 1844—
1845-ӧд воясын // Ударник. № 5. С.17-26.

1941

Отважный разведчик // За Новый Север. 23 марта.

Об историческом расселении коми племен // Вӧрлэдзысь.

Завоевание Коми края Московским государством // За
Новый Север. 20 июня.

1947

И.Пыстинлөн безидейнӧй повесть йылысь // Вӧрлэдзысь. Январ 24 лун.

Художественнӧй очеркъяс йылысь // Войвыв кодзув. № 8. С.52-63.

К.Туркинлөн висӥт «Том вӧралысьяс» // Войвыв кодзув. № 9. С.52-58.

М.Н.Лебедевлӧн творчество // Вӧрлэдзысь. Октябр 10 лун.

1948

Г.Федоровлӧн «Ылын, Сьӧд ю йылын» пьеса йылысь // Войвыв кодзув. № 5. С.57-64.

В.Юхнинлӧн драматическӧй произведенийяс // Войвыв кодзув. № 1. С.47-64.

К.Туркинлӧн висӥт «Тимкалӧн секрет» // Войвыв кодзув. № 11. С.59-63.

1949

Пушкин да коми литература // Войвыв кодзув. № 6. С.61-63. То же // Вӧрлэдзысь. Июнь 5 лун.

Одиннадцатая «академическая среда» (О присоединении коми народа к Московскому государству) // За Новый Север. 18 февраля.

1950

Важ коми мойдъяс. Сыктывкар: Коми ГИЗ. 148 с.

Комияслысь происхождение вопросъяс грубӧя фальсифицируйтӧм. Вӧрлэдзысь. Май 21 лун.

1951

Вступительная статья и примечания // Куратов И.А. Избранные произведения. Сыктывкар: Коми ГИЗ. С.3-17; с.153-167.

Неудачнӧй историческӧй драмаяс // Войвыв кодзув. № 10. С.55-64.

1952

Коми орфография кузя ӧткымын вопросъяс // Войвыв кодзув. № 1. С.55-64.

1953

К.Туркинлӧн «Зверъяс бӧрся» повесть йылысь // Войвыв кодзув. № 2. С.61-64.

Художественной переводяс йылысь ӧткымын замечание-яс // Войвыв кодзув. № 9. С.61-64.

Дона зять // Войвыв кодзув. № 10. С.36-45.

Шестопаловлӧн фокусъяс // Войвыв кодзув. № 12. С.22-29.

1954

Важ Ухта // Войвыв кодзув. № 12. С.44-55.

1955

Учительница Ф.И.Забоевалӧн Иван Куратов да сылӧн современникъяс йылысь казтылӧмъяс // Войвыв кодзув. № 12. С.57-63.

А.Пушкин. Сказка о золотом петушке. Пер. с рус. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Историческое прошлое Ухты // Ухта. 21 января.

Волнения вымских крестьян в 30-50 годах XIX в. // Войвыв кодзув. № 6. С.48-59.

Керасские волнения в 1841-1843 годах // Войвыв кодзув. № 10. С.50-58.

Комын вит во сайын // Войвыв кодзув. № 4. С.49-59.

1956

А.Пушкин. Сказка о попе и его работнике Балде / Пер. с рус. Сыктывкар: Коми ГИЗ.

Лыддысысылӧн пасйӧдъяс // Войвыв кодзув. № 6. С.54-64.

Извайльса партизанъяс // Войвыв кодзув. № 10. С.46-58; № 11. С.54-58.

1957

А.Пушкин. Сказка о царе Салтане / Пер. с рус. Сыктывкар: Коми кн. изд-во.

Гражданская война в Коми крае. Вступительная статья // Сквозь огненные годы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.3-29.

Изваильские партизаны. Исторический очерк. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 59 с.

Гражданской война Коми крайын // Коми колхозник. Август 25 лун.

Сыктывкар важӧн // Коми колхозник. Ноябрь 13 лун.

Сӧветъяс вӧсна тыш // Войвыв кодзув. № 10-11. С.102-109.

1958

Стихотворения И.А.Куратова (Школьная серия). Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 56 с.

Ухталон важъя история йылысь роман // Войвыв кодзув. № 12. С.58-60.

Новые документы по истории Коми // Ист.-фил. сборник КФАН СССР. Вып.4. С.241-271.

Висьгъяслон форма да композиция // Войвыв кодзув. № 8. С.59-62.

Небдинса Витторлон йозодлытом пьесаяс // Войвыв кодзув. № 1. С.63.

Миян медводдза поэт // Коми колхозник. Июль 18 лун.

1959

Рецензия на русский сборник стихотворений И.Куратова / Красное знамя. 7 марта.

О новом романе А.Знаменского «Ухтинская прорва» // Красное знамя. 25 марта.

И.Куратовлон «Борйом гижодъяс» роч кыв вылын // Войвыв кодзув. № 4. С.62-64.

1960

Войвывса белогвардейщиналон боръя лунъяс // Войвыв кодзув. № 3. С.45-52.

Крах белогвардейской авантюры // Красное знамя. 4 марта.

Коми литературной кыв да сылон совман туйяс // Войвыв кодзув. № 5. С.55-61.

Оти пьеса йылысь думъяс // Войвыв кодзув. № 8. С.60-63.

Иван Куратов йылысь выль материалъяс // Войвыв кодзув. № 11. С.54-58.

1961

Сылон нимыс оз вун // Югид туй. Март 16 лун.

Коми поэт Петр Клочков йылысь // Войвыв кодзув. № 6. С.59-61.

Урал сайо поход // Югид туй. Апрель 4 лун.

Коми крайын советской власть всна тыш. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 106 с.

Салдат-большевик // Югид туй. Июнь 20 лун.

Медводдза коми музей // Югид туй. Апрель 25 лун.

Героическая биография. Памяти Павла Покровского // Красное знамя. 25 мая.

Салдат-коммунист // Югьд туй. Апрель 1 лун.

Мнимое и действительное. Критические замечания по пьесе Г.Литинского «Иван Куратов» // Красное знамя. 19 февраля.

Чужан му сылысь // Югьд туй. Март 7 лун.

М.Н.Лебедевльон творчество // Войвыв кодзув. № 4. С.59-62.

1962

Сыктыварк сё во сайын // Войвыв кодзув. № 4. С.62-64.

Коми крестьяналон нырщик Дмитрий Балин // Войвыв кодзув. № 6. С.51-55.

Порфирий Войнаральский устьысольскöй ссылкаын // Войвыв кодзув. № 7. С.49-51.

Комиын медводдза библиотекаяс // Войвыв кодзув. № 10. С.51-57.

Друг коми народа. К 50-летию со дня смерти писателя П.В.Засодимского // Красное знамя. — 16 мая.

Том гижысьлон медводдза повесть // Войвыв кодзув. № 1. С.57-60.

Кьдзи сөвмис И.Куратовльон мировоззрение // Войвыв кодзув. № 5. С.55-59.

А.К.Гастев устьысольскöй ссылкаын // Югьд туй. Сентябрь 27 лун.

1963

Тані овлісны политссылнöйяс // Югьд туй. Август 27 лун.

Солдат, коммунист, писатель. Воспоминания о А.А.Маегове // Югьд туй. Июнь 30 лун.

М.Н.Лебедевльон революцияодзса гижöдъяс // Войвыв кодзув. № 8. С.63-64.

Писатель Иона Чисталев (Жан Морöс) // Войвыв кодзув. № 9. С.51-56.

Колана справочник // Войвыв кодзув. № 11. С.62-63.

1964

Рассказывают те, кто знал И.А.Куратова // Красное знамя. 15 июля.

Коми йöзлön друг // Войвыв кодзув. № 1. С.61-64.

Политссылнöйяс да Иван Куратов // Войвыв кодзув. № 7. С.43-48.

Творчество писателя М.Н.Лебедева. (Соавтор И.Тарабукин) // Ударник. № 11-12. С.29-34.

1968

Парма сьёлöмын (Вотчина юклöм. Рöзöреннö. Кык патрон). Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 255 с.

Литературной хроника (1932-1933 вояс) // Войвыв кодзув. № 4. С.64.

1974

Коми литература. Хроника литературной жизни (1917-1967 гг.). (Соавтор В.Н.Демин). // История советской многонациональной литературы. Т.6. М.: Наука. С.647-656.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

1. Плесовский Ф.В. 60 лет со дня рождения // Югыд туй, 1964, 25 янв.
2. Войвыв кодзув, 1964, № 2, с.56-57.
3. Войвыв кодзув, 1969, № 1, с.51-55.
4. Войвыв кодзув, 1974, № 1, с.27-36.
5. Морозов С. Паметын и син водзын. Сыктывкар, 1983, с.64-74.
6. Войвыв кодзув, 1983, № 10, с.32-39. ЦГА Респ. Коми: Путеводитель, С. 1992, с.247-249.
7. Войвыв кодзув, 1992, № 8, л.1.
8. Войвыв кодзув, 1961, № 5, с.58-59.
9. Красное знамя, 1957 г., 10 авг.
10. Красное знамя, 19 марта 1961 г.

ЮРИНДАЛЫСЬ. СОДЕРЖАНИЕ

О.И. Уляшев	
ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	5
В.М. Кудряшова	
ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ДОРОНИН	12

ВОЛШЕБНОЙ МОЙДЬЯС
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Лёк сар. Злой царь	22/27
Буйныр. Буйныр	32/35
Ёма да кык чой. Ёма и две сестры	39/41
Чёрс кузя ныв. Девочка ростом с веретено	43/47
Арсень да чортгьяс. Арсений и черти	52/58
Окма. Охма	66/76
Пипиристи-сёкол. Пипиристи-сокол	84/90
Повтём салдат. Храбрый солдат	94/105
«Йитсьы-клеитсьы!» «Срастись-приклейся!»	117/120
Поп, казак да чорт полян. Поп, батрак и чёртова дудка	123/127
Шыр да пышкай. Мышь и воробей	131/132

АВАНТЮРНО-НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОЙ МОЙДЬЯС
АВАНТЮРНО-НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Зёлөтитчьсы мужик. Мужик-позолотчик	134/136
Кыйтём вөр. Непойманный вор	138/152
Мужик Иван да сар Петрован. Мужик Иван и царь Петрован	164/167
Салдат да кык генерал. Солдат и два генерала	170/183

БЫТОВОЙ МОЙДЬЯС
БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Поп да кык салдат. Поп и два солдата	198/201
Курөг пöжысь мужик. Как мужик цыплят высиживал	204/207
Кык вок. Два брата	210/214

Озыр да голь вок. Богатый брат и бедный брат	219/223
Поп скупердяй да Иван казак. Поп-скупердяй и Иван-батрак	228/235
Гуляйтись попадья. Гулящая попадья	241/245
Поп-дяк да Катерина. Священники и Катерина	249/253
Поп да сылӧн казак Мӧмӧт. Поп и его батрак Момет	256/269
Мужик да барин. Мужик и барин	284/288
Барин да кузнеч. Барин и кузнец	291/293
Иван-дурак. Иван-дурак	295/302
Мужик да нель поп. Мужик и четыре попа	307/312
Горш поп. Жадный поп	318/324
Кыдзи поп чань пӧжис. Как поп жеребѣнка высидел	328/329
Макар да сизим вок. Макар и семеро братьев	330/337
Мужик да поп кӧза. Мужик и поповская коза	345/349
Мужик да судьяс. Мужик и судьи	353/358
Нѣрымӧ-дядьӧ. Дядя Нѣрымэ	363/366
Коді медйӧй? Кто самый глупый?	369/374
Небылица. Небылица	378/379
Баринлӧн пон. Барский пѣс	381/383

СОДТӦД. ПРИЛОЖЕНИЕ

МОЙДТӦМ ВИСЬТЪЯС НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Му пуксьӧм йылысь. Как была сотворена земля	386/392
Юрка. Юрка	396/399
Тӧдысь зонка. Мальчик-колдун	401/402
Тӧдысь да сылӧн гӧтыр. Колдун и его жена	403/405
Салдат да кулӧма. Солдат и покойница	407/410
Водзӧсыд кык пома. Одолжение о двух концах	414/415
Накажитӧм теш. Наказанная насмешка	416/417
Кыйсьысь да вӧрса. Охотник и леший	419/420
Кыйсьысь да Чукля. Охотник и Кривой	421/425
Гӧна пеля. Мохнатоухий	427/428

И.А.Плосков

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ СКАЗОК	430
КОММЕНТАРИИ К ПРИЛОЖЕНИЮ	443

В.М.Кудряшова

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ П.Г.ДОРОНИНА	448
ПУБЛИКАЦИИ П.Г.ДОРОНИНА	452
ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ	461

Литературно-художественное издание

КНИГА СКАЗОК ПАВЛА ДОРОНИНА

*к 100-летию со дня рождения
П.Г.Доронина*

На коми и русском языках

Составители:

*Олег Иванович Уляшев,
Вера Михайловна Кудряшова,
Иван Александрович Плосков*

Реда́кторы *А.В.Тентюков, Е.В.Лужикова*
Художественный редактор *В.Б.Осипов*
Корректоры *Т.И.Форофонтова, Л.Н.Кочанова*
Компьютерная верстка — *З.А.Поздеева*

Подписано в печать 22.11.2004

Формат 60×84¹/₁₆

Гарнитура «Балтика»

Бумага офсетная

Печать офсетная

Усл. печ. л. 26,97

Уч.-изд. л. 30,5

Тираж 1000 экз.

Заказ № 5961

Коми книжное издательство
167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»,
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 5-7555-0797-X

КОМИ НЕБӖГ
ЛЭДЗАНІН
2004